ГАСТОН МАСПЕРО

СКАЗКИ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

ГАСТОН МАСПЕРО

СКАЗКИ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

Народные сказки и повести фараоновского Египта

Об этой книге

Гастон Масперо — французский египтолог, глава Службы древностей Египта, один из самых знаменитых ученых своего времени. Его собрание египетских сказок выдержало при жизни автора четыре издания; здесь оно переведено по английскому изданию 1915 года.

В большом Введении Масперо рассказывает, как были найдены и прочитаны папирусы, чем жила египетская словесность и кто были ее слушатели. Затем идут сами сказки — «История двух братьев», «Царь Хуфуи и волшебники», «Жалобы крестьянина», «Записки Синухета», «Потерпевший кораблекрушение», повести о Сатни-Хамуасе, «Обреченный царевич», «История Рампсинита», «Путешествие Ун-Амуна» и отрывки поздних сказок, — каждая с вводной заметкой и примечаниями автора.

Содержание

Предисловие к английскому изданию	5
Введение	6
История двух братьев	90
Царь Хуфуи и волшебники	111
Жалобы крестьянина	135
Записки Синухета	163
Потерпевший кораблекрушение	197
Цикл Сатни-Хамуаса	208
Цикл Рамсеса II	264
Обреченный царевич	273
История Рампсинита	285
Путешествие Ун-Амуна к берегам Сирии	291
Отрывки	308

ПРЕДИСЛОВИЕ К АНГЛИЙСКОМУ ИЗДАНИЮ

✦

Эта книга — не просто точный перевод вышедшего французского издания. Сэр Гастон Масперо пересмотрел весь труд, местами дал новые переводы египетских текстов и новые чтения египетских имен и титулов. Добавлены указатель собственных имен и предметный указатель.

А. С. Джонс
Кембридж, 1915

ВВЕДЕНИЕ

✦

Когда в 1852 году господин де Руже открыл повесть фараоновских времен, похожую на сказки «Тысячи и одной ночи», она немало удивила даже тех ученых, кто, как считалось, лучше всех знал Древний Египет. Величавая важность высоких особ, чьи мумии покоятся в наших музеях, была так прочно утверждена молвой, что никто и не подозревал, будто они могли развлекаться подобными пустяками в ту пору, когда были мумиями лишь в ожидании. И все же повесть существовала: рукопись принадлежала царевичу, царскому сыну, который и сам потом стал царем Сети II, сыном Мернептаха, внуком Сесостриса. Англичанка, госпожа Элизабет д'Орбини, купила ее в Италии, и, когда она возвращалась домой через Париж, господин де Руже объяснил ей ее содержание. Речь в ней шла о двух братьях; младший, ложно обвиненный женой старшего, был вынужден бежать, превратился в быка, затем в дерево и наконец снова родился в облике царя. Господин де Руже дал скорее пересказ текста, чем перевод: [1] многие места он лишь изложил вкратце, другие то и дело прерывались множеством пропусков — то из-за плохой сохранности папируса, то из-за трудности разобрать некоторые сочетания знаков или распутать тонкости синтаксиса; даже имя героя было передано неверно. [2] С тех пор ни один памятник египетской словесности не изучали так подробно и с такой пользой. Неустанный труд ученых исправил ошибки и заполнил пробелы. Сегодня «Историю двух братьев» можно прочесть подряд, за исключением немногих слов. [3]

[1] В *Revue archéologique*, 1852, т. VIII, с. 30 и след., и в *Athenæum français*, т. I, 1852, с. 280–284; ср. *Œuvres diverses*, т. II, с. 303–319.

[2] *Camy* вместо Бата. Позже эту ошибку исправил сам господин де Руже.

[3] Это первая сказка настоящего сборника.

Двенадцать лет она оставалась единственной в своем роде. На свет вышли тысячи памятников прошлого — списки покоренных областей, перечни царских имен, погребальные надписи, победные песни, частные письма, счетные книги, формулы магических заклинаний и судебные документы, а также трактаты по медицине и геометрии, — но ничего похожего на повесть. В 1864 году близ Дейр-эль-Медины, в гробнице коптского монаха, тайные раскопки извлекли деревянный ларец, в котором, кроме грамот соседнего монастыря, лежали рукописи, не имевшие ничего общего с монашеской жизнью: нравственные наставления писца сыну, [4] молитвы на двенадцать часов ночи и повесть еще более странная, чем история двух братьев. Герой ее зовется Сатни-Хамуас, и он ведет споры с целой толпой говорящих мумий, колдунов и магов — существ загадочных, о которых не скажешь наверняка, живы они или мертвы. Нелегко понять, как языческая повесть оказалась рядом с телом монаха. Можно предположить, что владелец папирусов был одним из последних египтян, еще что-то знавших о древнем письме, и что после его смерти благочестивые собратья положили к нему в могилу магические книги, в которых сами ничего не понимали и которые считали какой-то непостижимой западней лукавого. Как бы то ни было, повесть дошла без начала, но дальше сохранилась достаточно полно, чтобы ученый, привычный к демотике, мог разобрать ее без труда. [5] До той поры изучение демотического письма не пользовалось у египтологов особой любовью: тонкость и

неотчетливость его знаков, новизна грамматических форм, скудость и бледность тех предметов, о которых в нем писали, пугали или отталкивали их. То, что Эммануэль де Руже сделал для папируса д'Орбини, для булакского папируса был тогда в силах попытаться сделать один Бругш; перевод, напечатанный им в 1867 году в *Revue archéologique*, так точен, что и поныне в него внесено лишь немного изменений. [6]

---

[4] Разобраны Масперо в *The Academy* (август 1871) и Бругшем: *Altägyptische Lebensregeln in einem hieratischen Papyrus des vicekoniglichen Museums zu Bulaq*, в *Zeitschrift*, 1872, с. 49–51; полностью переведены Э. де Руже: *Étude sur le Papyrus du Musée de Boulaq, lue à la séance du 25 août 1872*, 8°, 12 с. (Извлечение из *Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, 2-я серия, т. VII, с. 340–351), Шаба: *L'Égyptologie*, т. I–II, *Les maximes du scribe Ani*, 4°, 1876–1877, и Амелино: *La Morale égyptienne*, 8°, 1890.

---

[5] Письмо, которым пользовались в гражданской и религиозной жизни в начале XXVI династии, называлось демотическим. Оно произошло от древнего скорописного письма, известного как иератическое.

---

[6] Это «Приключение Сатни-Хамуаса с мумиями» в настоящем сборнике.

С тех пор одно открытие следовало за другим. В 1874 году Гудвин, наугад роясь в собрании Гарриса, только что приобретенном Британским музеем, наткнулся на «Приключения обреченного царевича» [7] и на конец сказки, которой он приписывал историческую ценность, несмотря на некоторое сходство с историей Али-Бабы. [8] Несколькими неделями позже Шаба заметил в Турине то, что принял за разрозненные куски какой-то вольной рапсодии, [9] а в Булаке — остатки любовной повести. [10] Сразу вслед за тем, в Петрограде, Голенищев разобрал три повести, тексты которых еще не изданы полностью. [11] Затем Эрман издал длинную сказку о Хеопсе и волшебниках; ее рукопись некогда принадлежала Лепсиусу, а теперь хранится в Берлинском музее. [12] Краль отыскал в прекрасном собрании эрцгерцога

Райнера и терпеливо сложил заново обрывки «Подвига ради панциря». [13] Из запасников Британского музея Гриффит извлек второй эпизод цикла о Сатни-Хамуасе, [14] а Шпигельберг приобрел для Страсбургского университета фиванский извод «Хроники царя Петубаста». [15] Наконец, в одном из берлинских папирусов нашлось начало фантастической повести, настолько поврежденное, что трудно уверенно определить ее предмет, [16] а на ряде остраконов, рассеянных по европейским музеям, — обрывки сказки о призраке. [17] Добавим, что некоторые сочинения, которые поначалу принимали за серьезные документы, — «Записки Синухета», [18] «Жалобы крестьянина», [19] переговоры царя Апопи с царем Секененрой, [20] стела о бахтанской царевне, [21] «Путешествие Ун-Амуна» [22] — на самом деле чистый вымысел. Даже после двадцати веков разрушения и забвения у Древнего Египта сказок почти столько же, сколько лирических стихов или гимнов, обращенных к божеству.

---

[7] *Transactions of the Society of Biblical Archaeology*, т. III, с. 349–356; сообщено господином Шаба в Академии надписей и изящной словесности на заседании 17 апреля 1874 года; ср. *Comptes rendus*, 1874, с. 92, 117–120, а также «Обреченного царевича» в этом сборнике.

---

[8] *Transactions of the Society of Biblical Archaeology*, т. III, с. 340–348. В этом сборнике она напечатана под названием «Как Джехути взял город Яффу».

---

[9] Сообщено господином Шаба в Академии надписей и изящной словесности на заседании 17 апреля 1875 года и напечатано под названием *L'Épisode du Jardin des Fleurs* в *Comptes rendus*, 1875, с. 92, 120–124. Внимательно изучив подлинник, я убедился, что обрывки сложены неправильно и что их следует расположить совсем иначе, чем полагал господин Шаба. В них не вольная повесть, а любовные песни, похожие на песни папируса Гарриса № 500 (Maspero, *Études égyptiennes*, т. I, с. 219–220).

---

[10] *Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, 1874, с. 124. Эти обрывки еще не переведены и даже не изучены.

[11] *Zeitschrift für Ägyptische Sprache und Altertumskunde*, 1876, с. 107–111, под названием *Le Papyrus No. 1 de Saint-Pétersbourg*, и *Sur un ancien conte égyptien. Notice lue au Congrès des Orientalistes à Berlin*, 1881, 8°, 21 с.; ср. «Потерпевшего кораблекрушение» в настоящем сборнике.

[12] Библиографию и саму сказку см. в «Царе Хуфуи и волшебниках» в настоящем сборнике.

[13] Об открытии было объявлено на Конгрессе ориенталистов в Женеве в 1894 году; библиографию см. в «Подвиге ради панциря» в настоящем сборнике.

[14] Это «Подлинная история Сатни-Хамуаса и его сына Си-Осири» в настоящем сборнике.

[15] Саму повесть см. в «Подвиге ради престола Амона» в настоящем сборнике.

[16] Lepsius, *Denkmäler*, ч. VI, табл. 112, и «Отрывок фантастической сказки» в этом сборнике.

[17] Два во Флорентийском музее (Golenischeff, *Notice sur un ostracon hiératique*, в *Recueil*, т. III, с. 3–7), один в Лувре (*Recueil*, т. III, с. 7), один в Венском музее (Bergmann, *Hieratische und Hieratisch-demotische Texte der Sammlung Ägyptischer Altertümer des Allerhöchsten Kaiserhauses*, табл. IV, с. VI); ср. «Отрывки сказки о призраке» в этом сборнике.

[18] Lepsius, *Denkmäler*, ч. VI, табл. 104–106, и «Записки Синухета» в этом сборнике.

[19] Там же, табл. 108–110, 113–114; библиографию см. в «Жалобах феллаха» в этом сборнике.

[20] Папирус Салье I, табл. 1–3; табл. 2, оборот; см. «Ссору Апопи и Секененры» в этом сборнике.

[21] См. «Дочь князя Бахтана и одержимость духом» в этом сборнике.

[22] Напечатано в этом сборнике.

Изучение этих сказок поднимает множество трудных вопросов. Как они слагались? Целиком ли выдумывал их автор, или он брал основу у прежних сочинений и переставлял или переделывал ее, чтобы получилась новая повесть? Некоторые из них, несомненно, вышли из одного источника и представляют собой

самостоятельное произведение: «Записки Синухета», «Потерпевший кораблекрушение», хитрость Джехути против Яффы, «Обреченный царевич». Единое действие проходит в них от первой строки до последней, а если и вставлены эпизоды, то лишь как необходимое развитие главного замысла, звенья, без которых оно не дошло бы благополучно до развязки. Другие, напротив, почти сами распадаются на две, три или больше частей, некогда независимых, между которыми автор часто устанавливал произвольную связь, чтобы вместить их в одну повесть. Так, каждая из повестей о Сатни-Хамуасе содержит материал двух повестей: в первой — повести о Ненеферкаптахе и о Табубу, во второй — о нисхождении в преисподнюю и об эфиопских магах. Но самый наглядный пример искусственного построения, какой у нас есть до сих пор, дает сказка о Хуфуи и волшебниках. [23]

[23] См. «Царь Хуфуи и волшебники» в настоящем сборнике.

С первого взгляда она распадается на две части: прославление нескольких магов, живых или умерших, и чудесный рассказ о событиях, приведших к падению IV и возвышению V династии. Возможно, мы лучше поняли бы, что побудило автора их соединить, если бы у нас были первые страницы рукописи; в нынешнем ее виде догадки опасны. Похоже, однако, что составлена она была не сразу, а как бы в два приема. В какую-то пору, которую мы теперь не можем определить, в Мемфисе или в его окрестностях ходило, быть может, с полдюжины рассказов, героями которых были колдуны давно минувших времен. Безвестный сказитель решил собрать их вместе в порядке времени и, чтобы сделать это удачно, прибег к приему, одному из самых почитаемых в восточной словесности. Он рассказал, как Хеопсу, одному из любимых народом фараонов, однажды пришло

на ум потребовать чего-нибудь от своих сыновей, чтобы развеять одолевшую его скуку. Сыновья один за другим вставали перед ним и по очереди восхваляли искусство разных колдунов былых времен; лишь Джедефхор, последний из них, избрал предметом хвалы живого человека. Присмотревшись к этой части внимательнее, мы видим, что все прежние мудрецы были *начальниками книги*, или *свитка, при фараоне*, то есть людьми с официальным положением, занимавшими свое место в иерархии, тогда как их современник Деди не носил никакого титула. Он был простой провинциал, доживший до глубокой старости, не изведав придворных милостей; царевич знал его потому, что и сам был посвященным и объездил весь Египет в поисках древних писаний или ученых людей, способных их истолковать. [24] И вот он отправился к дому своего подопечного и привел его к отцу, чтобы тот совершил какое-нибудь чудо, еще удивительнее чудес его предшественников; Деди отказался трогать человека, но вернул к жизни гуся и быка, а затем, осыпанный почестями, возвратился домой. На этом первый сборник рассказов, без сомнения, кончался и составлял законченное целое. Но в то же время и в тех же местах ходил рассказ о трех детях, тройне, сыновьях Солнца и жрицы Ра. Впоследствии они становятся первыми царями V династии. Играл ли здесь изначально какую-то роль Деди? Во всяком случае, автор, которому мы обязаны нынешней редакцией, избрал его звеном перехода между двумя повествованиями. Он рассказал, что Хеопс, увидев воскрешение гуся и быка, затем попросил Деди добыть ему книги Тота. Деди не отрицал, что знает их, но заявил, что есть только один человек, способный передать их царю, — старший из трех мальчиков, которые тогда были еще во чреве жрицы Ра и которым суждено было царствовать по прошествии четырех поколений. Хеопс, как и следовало ожидать, встревожился от

этого откровения и спросил, когда родятся дети. Деди сказал ему и вернулся в свою деревню. Здесь автор его оставил и сразу перешел к судьбе жрицы и ее семьи.

[24] Ср. примечания к «Царю Хуфуи и волшебникам» и к «Приключению Сатни-Хамуаса с мумиями», а также «Подлинную историю Сатни-Хамуаса и его сына Си-Осири» в настоящем сборнике.

Автор недолго ломал голову над тем, как устроить этот переход, и был прав: его слушатели или читатели были нетребовательны к построению повести. Они хотели, чтобы их развлекали, а лишь бы это удавалось, их не заботило, какими средствами. Поэтому египетские сочинители без стеснения брали сказки, ходившие в их краях, и устраивали их как вздумается: то усложняли, когда нужно, эпизодами, которых не было в первой редакции, то низводили до побочных эпизодов в ином цикле, чем тот, к которому они принадлежали изначально. Многие из соединяемых ими элементов — чисто египетские, но они пользовались и другими, которые находили в словесности соседних народов и которые, быть может, были заимствованы извне. Вспомним в Евангелии от Луки богача, который одевался в порфиру и виссон и каждый день пиршествовал блистательно, тогда как у ворот его лежал в струпьях Лазарь и тщетно желал напитаться крошками, падающими со стола богача. «Умер нищий и отнесен был Ангелами на лоно Авраамово. Умер и богач, и похоронили его. И в аде, будучи в муках, он поднял глаза свои, увидел вдали Авраама и Лазаря на лоне его». [25] Во второй повести о Сатни-Хамуасе мы читаем египетский извод этой евангельской притчи, но там она разыграна в лицах и слита с другим народным представлением — о нисхождении живого человека в преисподнюю. [26] Не задерживаясь пока на этом предмете, замечу, что многие мотивы, которые развивают египетские писатели, общи у них со

сказочниками других народов, и древних и новых. Если вы разберете «Историю двух братьев» и постараетесь определить ее внутреннее строение, вас поразит, до какой степени она походит и в общем ходе, и в подробностях на некоторые сказки, бытующие у других народов.

[25] Евангелие от Луки, XVI, 19–23.

[26] Maspero, *Contes relatifs aux grands-prêtres de Memphis*, в *Journal des Savants*, 1901, с. 496.

С первого взгляда видно, что она двойная: сказочник, не пожелав или не сумев сочинить сказку сам, выбрал две из тех, что дошли до него от предшественников, и более или менее неловко поставил их одну за другой, ограничившись тем, что ввел разные мелкие случаи, отчасти облегчившие их стык. Правдивая история Сатни-Хамуаса точно так же есть соединение двух повестей — о нисхождении в преисподнюю и о приключении царя Сиамуна. Составитель связал их, предположив, что Си-Осири из первой перевоплотился в Гора, героя второй части. [27] «История двух братьев» сначала выводит на сцену двух братьев, женатого и холостого, которые жили вместе и занимались одним делом. Жена старшего брата влюбилась в младшего, заметив его необычайную силу, и, воспользовавшись отсутствием мужа, поддалась внезапному порыву неукротимой страсти. Бата с гневом отверг ее; она обвинила его в насилии и сделала это так искусно, что муж решил предательски убить брата. Скот, который младший пригонял в хлев, предупредил его об опасности; он бежал и ушел от погони благодаря защите Солнца; он изувечил себя и оправдался, но отказался вернуться в общий дом и удалился в изгнание, в Долину Акации. Анупу вернулся домой в глубокой

печали; он предал смерти клеветницу-жену, а затем «пребывал в скорби по младшему брату». [28]

[27] Первая повесть, вторая и переход между ними — в «Подлинной истории Сатни-Хамуаса и его сына Си-Осири» в этом сборнике.

[28] Эта первая повесть занимает первую половину «Истории двух братьев» в настоящем сборнике.

До сих пор чудесному отведено не слишком много места: кроме нескольких слов, сказанных коровами, да водоема, полного крокодилов, который вдруг возник между братьями, рассказчик берет случаи из обыденной жизни. Остальное — сплошные чудеса от начала до конца. [29] Бата вернулся в Долину, чтобы жить в уединении, и положил свое сердце на цветок Акации. Это самая естественная предосторожность — заколдовать свое сердце и поместить его в надежное место, скажем на вершину дерева: пока оно там, никакая сила не одолеет тела, которое оно оживляет даже на таком расстоянии. [30] Но боги, сойдя навестить землю, жалеют Бату в его одиночестве и творят ему жену. [31] Он любит ее до безумия, открывает ей свою тайну и велит не выходить из дому, потому что Нил, орошающий долину, влюблен в ее красоту и непременно захочет ее похитить. Доверив ей это, он уходит на охоту, а она тотчас его ослушивается. Нил гонится за ней и овладел бы ею, если бы Акация, которая каким-то не вполне объясненным образом играет роль покровителя, не спасла ее, бросив в воду прядь ее волос. Прядь, унесенная течением в Египет, попала к фараону, и он по совету магов послал искать дочь богов. Сила в первый раз не помогла, но со второй попытки удалось предательство: Акацию срубили, и, едва она упала, Бата умер. Три года он оставался бездыханным; на четвертый ожил с помощью Анупу и решил отомстить за преступление, жертвой которого стал. Отныне между обиженным мужем и неверной женой идет

борьба магической силы и злобной мстительности. Бата превращается в быка; дочь богов добивается, чтобы быку перерезали горло. Там, где кровь коснулась земли, вырастают два дерева персеи, и они находят слова, чтобы обличить коварную; дочь богов добивается, чтобы деревья срубили и сделали из них утварь, и, желая вкусить радость мщения, сама присутствует при этом. Щепка, отлетевшая из-под тесла плотника, попадает ей в рот, она зачинает и рождает сына, который наследует фараону и который есть перевоплотившийся Бата. Едва взойдя на престол, он собирает государственных советников и излагает свои обиды. Затем он посылает на казнь женщину, которая, побывав его женой, сама того не желая, стала его матерью. Итак, в этой сказке есть материал для двух отдельных повестей: первая рисует слугу, обвиненного госпожой, которую он отверг, вторая — превращения мужа, преданного женой. Народное воображение соединило их третьим мотивом — о человеке или демоне, который прячет свое сердце и умирает, когда враг его находит. Прежде чем покинуть родину, Бата предсказал, что вскоре его постигнет беда, и описал чудеса, которые возвестят брату дурную весть. Они случились в тот миг, когда упала Акация, и Анупу поспешно отправился искать сердце. Помощь, оказанная им тогда, искупает прежнюю попытку убить брата и служит связью между двумя повестями.

[29] Она занимает вторую половину «Истории двух братьев» в настоящем сборнике.

[30] Это представление о теле без души, которое часто встречается в народной словесности. Ле Пейдж Ренуф собрал ряд таких примеров в *Zeitschrift* (1871, с. 136 и след.) и в *Proceedings of the Society of Biblical Archaeology* (т. XI, с. 177 и след.; перепечатано в *Le Page Renouf's Life-Work*, т. I, с. 442 и след., и т. II, с. 311 и след.).

[31] Гиацинт Юссон, довольно внимательно изучивший «Историю двух братьев» (*La Chaîne traditionnelle, Contes et Légendes au point de vue mythique*, Париж, 1874, с.

91), удачно сравнил сотворение этой женщины Хнумом с сотворением Пандоры, которую Гефест создал по повелению Зевса. «Обе эти женщины наделены всеми дарами красоты; и все же обе несут гибель: одна — своему мужу, другая — всему человеческому роду». В роли, которую играет река, видится намек на обычай давать Нилу невесту.

Греческое предание тоже знало рассказы о героях, убитых или обреченных на смерть за то, что они отвергли любовь неверных жен, — об Ипполите, Пелее и Финее. Беллерофонт, сын Главка, «которому боги дали красоту и милую мужественность», отверг любовь божественной Антеи, и та в ярости так сказала царю Прету: «Умри, Прет, или убей Беллерофонта: он хотел соединиться со мною в любви против моей воли». Прет отослал героя в Ликию, надеясь, что Химера избавит его от него. [32] Библия подробно рассказывает о случае, похожем на тот, что в египетской сказке. Иосиф жил в доме Потифара, как Бата в доме Анупу. «Иосиф же был красив станом и красив лицом. И после сего жена господина его обратила взор на Иосифа и сказала: спи со мною. Но он отказался и сказал жене господина своего: вот, господин мой не знает при мне ничего в доме, и все, что имеет, отдал в мои руки; нет больше меня в доме сем; и он не запретил мне ничего, кроме тебя, потому что ты жена ему; как же сделаю я сие великое зло и согрешу пред Богом? Когда так она ежедневно говорила Иосифу, а он не слушался ее, чтобы спать с нею и быть с нею, случилось в один день, что он вошел в дом делать дело свое, а из домашних никого тут в доме не было; она схватила его за одежду его и сказала: ложись со мной. Но он, оставив одежду свою в руках ее, побежал и выбежал вон. Она же, увидев, что он оставил одежду свою в руках ее и побежал вон, кликнула домашних своих и сказала им так: посмотрите, он привел к нам Еврея ругаться над нами. Он пришел ко мне, чтобы лечь со мною, но я закричала громким голосом, и он, услышав, что я подняла вопль и закричала,

оставил у меня одежду свою, а сам побежал и выбежал вон. И оставила одежду его у себя до прихода господина его в дом свой. И пересказала ему те же слова, говоря: раб Еврей, которого ты привел к нам, приходил ко мне ругаться надо мною, но, когда я подняла вопль и закричала, он оставил у меня одежду свою и убежал вон. Когда господин его услышал слова жены своей, которые она сказала ему, говоря: так поступил со мною раб твой, то воспылал гневом; и взял Иосифа господин его и отдал его в темницу, где заключены узники царя. И был он там в темнице». [33] Сравнение с «Историей двух братьев» напрашивается так естественно, что господин де Руже сделал его еще в 1852 году. [34] Но попытка соблазна, преступные страхи соблазнительницы, ее стыд, задуманная месть — мысли простые, которые могли одновременно и независимо прийти в голову сказителям во многих краях земли. [35] Нам нет нужды считать приключение Иосифа вариантом рассказа, чей извод, ходивший в Фивах к концу XIX династии, сохранил папирус д'Орбини.

[32] «Илиада», VI, 155–210. Гиацинт Юссон уже проводил это сравнение (*La Chaîne traditionnelle*, с. 87).

[33] Бытие, XXXIX, 6–20.

[34] *Notice sur un manuscrit égyptien*, с. 7, примеч. 5 (ср. *Œuvres diverses*, т. II, с. 308, примеч. 2), но без настойчивого указания на черты сходства.

[35] Ebers, *Ägypten und die Bücher Mose's*, 1868, т. I, с. 316.

Пожалуй, с той же осторожностью стоит отнестись к одной сказке «Тысячи и одной ночи», в чем-то сходной с «Двумя братьями». Исходная тема здесь удвоена и на особый лад усилена: вместо невестки, которая предлагает себя деверю, тут две мачехи, которые пытаются соблазнить сыновей общего мужа. У царевича Камар-аз-Замана от царевны Будур был сын Амджад, а от царевны

Хайят-ан-Нуфус — сын Асад. Амджад и Асад были так прекрасны, что с младенчества внушали царицам непостижимую нежность. С годами то, что казалось материнской любовью, переросло в бурную страсть; вместо того чтобы бороться со своими преступными желаниями, Будур и Хайят-ан-Нуфус сговорились и объяснились в любви письмами весьма недвусмысленного слога. Отвергнутые с ужасом, они испугались разоблачения и, подобно жене Анупу, заявили, что над ними пытались учинить насилие. Они плакали, кричали, вместе бросились на одно ложе, словно силы их иссякли в сопротивлении. Наутро Камар-аз-Заман, вернувшись с охоты, нашел их в слезах и спросил о причине их горя. Ответ угадать нетрудно. «Господин наш, горе, что нас удручает, таково, что мы не в силах больше видеть дневной свет после оскорбления, которое нанесли нам двое царевичей, твои сыновья. В твое отсутствие они дерзнули посягнуть на нашу честь». Дальше следуют гнев отца и смертный приговор сыновьям; старый эмир, которому поручили их казнить, их не казнил, иначе сказке пришел бы конец. Вскоре Камар-аз-Заман убедился в невиновности Амджада и Асада, но, вместо того чтобы убить обеих жен, удовольствовался тем, что заточил их до конца дней. [36] Это сюжет «Истории двух братьев», но приспособленный к требованиям мусульманского многоженства. Изменившись таким образом, он ничего не выиграл ни в занимательности, ни в нравственности. [37]

[36] «Тысяча и одна ночь»: «История царевича Амджада и царевича Асада».

[37] Пехлевийский вариант первой из двух повестей, соединенных в папирусе д'Орбини, отметил Нельдеке: *Geschichte des Artachšîr i Pâpakân*, в *Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen*, т. IV, 1879.

Изводы второй повести многочисленнее и необычнее. [38] Они встречаются повсюду — во Франции, [39] в Италии, [40] в разных

частях Германии, [41] в Трансильвании, [42] в Венгрии, [43] в России и в славянских землях, [44] у румын, [45] в Пелопоннесе, [46] в Малой Азии, [47] в Абиссинии [48] и в Индии. [49]

---

[38] Их собрал и разобрал господин Эммануэль Коскен в статье *Un problème historique à propos du conte égyptien des deux Frères* (извлечение из *Revue des Questions historiques*, октябрь 1877, отдельный оттиск, 8°, 15 с.); я самым тщательным образом указываю каждый раз ссылки, заимствованные мною из этого прекрасного труда. Ле Пейдж Ренуф включил большую часть этих сказок в статью *Proceedings*, указанную мною выше.

---

[39] *Cabinet des Fées*, т. XXXI, с. 233 и след., по Э. Коскену.

---

[40] Giambattista Basile, *Il Pentamerone*, № 49, по Э. Коскену.

---

[41] В Гессене: J. W. Wolf, *Deutsche Hausmärchen*, Геттинген, 1851, с. 494 и след.

---

[42] В Трансильвании: J. Haltrich, *Deutsche Volksmärchen aus dem Sachsenlande in Siebenbürgen*, Берлин, 1856, № 1, по Э. Коскену; ср. Le Page Renouf, *Life-Work*, т. III, с. 319–321.

---

[43] O. L. B. Wolff, *Die schönsten Märchen und Sagen aller Zeiten und Völker*, Лейпциг, 1850, т. I, с. 229 и след.; Gaal und Stier, *Ungarische Volksmärchen*, Пешт, 1857, № 7, по Э. Коскену; Majláth, *Magyarische Sagen*, т. II, с. 195; ср. Le Page Renouf, *Life-Work*, т. III, с. 321.

---

[44] В Литве: Alex. Chodzko, Париж, 1864, с. 368, по Э. Коскену; в России — труд Альфреда Рамбо *La Russie épique*, Париж, 1876, с. 377–380.

---

[45] Franz Obert, *Romänische Märchen und Sagen aus Siebenbürgen*, в *Ausland*, 1858, с. 118; Arthur und Albert Schott, *Walachische Märchen*, Штутгарт, 1845, № 8, с. 322, по Э. Коскену; ср. Le Page Renouf, *Life-Work*, т. III, с. 319.

---

[46] P. d'Estournelles de Constant, *La vie de province en Grèce*, Париж, 1878, с. 260–292, и *Bulletin de l'Association pour l'encouragement des Études grecques en France*, 1878, с. 118–123.

---

[47] J. G. von Hahn, *Griechische und Albanesische Märchen*, Лейпциг, 1864, № 49, по Э. Коскену.

---

[48] Leo Reinisch, *Das Volk der Saho*, в *Österreichische Monatsschrift für den Orient*, 1877, № 5.

[49] M. Frere, *Old Deccan Days, or Hindoo Fairy Legends*, Лондон, 1868, № 6, по Э. Коскену.

В Германии Бата — пастух, владелец непобедимого меча. Царевна лишает его этого талисмана; он побежден, убит, изрублен на куски, а затем возвращен к жизни волшебниками, которые даруют ему власть «принимать любые обличья, какие ему угодно». Он превращается в коня. Проданный царю, своему врагу, и узнанный царевной, которая требует отрубить ему голову, он заручается помощью замковой кухарки. «Когда мне отрубят голову, три капли моей крови упадут тебе на передник; зарой их в землю из любви ко мне». На другой день на том самом месте, где зарыли три капли, выросла пышная вишня. Царевна срубает вишню; кухарка подбирает три щепки и бросает их в пруд, где они превращаются в трех золотых селезней. Двух царевна убивает стрелами, третьего ловит и запирает у себя в покоях; ночью селезень вновь завладевает мечом и исчезает. [50] В России Бату зовут Иваном, сыном пономаря Германа. Он находит в кусте волшебный меч, идет сражаться с турками, вторгшимися в страну Аринар, и убивает их восемьдесят тысяч; в награду за подвиги ему отдают руку Клеопатры, царской дочери. Тесть умирает, и Иван в свой черед становится царем, но жена предает его и отдает меч туркам; когда обезоруженный Иван гибнет в бою, она отдается султану, как дочь богов — фараону. Однако пономарь Герман, предупрежденный струей крови, которая брызнула посреди конюшни, отправляется в путь и находит тело. «Если хочешь вернуть его к жизни, — говорит конь, — вскрой мне брюхо, вынь внутренности, натри мертвого моей кровью, а потом, когда слетятся вороны клевать мое тело, поймай одного из них и заставь принести тебе чудесной живой воды». Иван оживает и отпускает отца: «Возвращайся домой; с врагом я сам сведу счеты».

По дороге он видит крестьянина: «Я обернусь для тебя чудесным конем с золотой гривой; ты проведешь его перед дворцом султана». Султан видит коня, запирает его в конюшне и то и дело ходит им любоваться. «Отчего, господин мой, — говорит Клеопатра, — вы все время на конюшне?» — «Я купил коня с золотой гривой». — «Это не конь, это Иван, сын пономаря: прикажи его убить». Из крови коня рождается бык с золотой шерстью; Клеопатра велит перерезать ему горло. Из головы быка вырастает яблоня с золотыми яблоками; Клеопатра велит ее срубить. Первая щепка, отлетевшая от ствола под топором, превращается в великолепного селезня. Султан приказывает его изловить и сам прыгает в воду, чтобы его поймать, но селезень уплывает на другой берег. Там он вновь принимает облик Ивана, в одеждах султана; он бросает Клеопатру и ее любовника на костер и царствует вместо них. [51]

[50] J. W. Wolf, *Deutsche Hausmärchen*, Геттинген, 1851, 8°, с. 394, по Э. Коскену.

[51] Rambaud, *La Russie épique*, с. 377–380. Венгерское предание, приведенное Коскеном (с. 5), лишь немного отличается от немецкой и русской сказок.

Вот, спустя более трех тысяч лет, несомненно, главные очертания египетского извода. Если взять на себя труд рассмотреть подробности, повсюду найдутся столь же разительные сходства. Прядь волос опьяняет фараона своим благоуханием; в бретонской сказке светящаяся прядь волос царевны Тременеазур заставляет влюбиться Парижского короля. [52] Бата кладет сердце на цветок Акации; в «Панчатантре» обезьяна говорит, что никогда не выходит из своего леса, не спрятав сердце в дупле дерева. [53] Анупу узнает о смерти Баты по условленному заранее знаку — по волнению вина и пива; в нескольких европейских сказках брат, отправляясь в путь, предупреждает брата, что в тот день, когда

замутится вода в некоем пузырьке, они узнают, что он умер. [54] И не только народная словесность знает подобные случаи: в религиях Греции и Передней Азии есть предания, которые можно сопоставить с ними почти во всем. Достаточно привести фригийский миф: Аттис пренебрег любовью богини Кибелы, как Бата — любовью жены Анупу, и, подобно Бате, изувечил себя; [55] и как Бата через ряд превращений обратился в дерево персею, так Аттис стал сосной. [56] Однако ни Анупу, ни Бата, какими они предстают в этой сказке, не безвестные герои или боги. Первый тесно связан с божеством египтян в образе пса, а второй носит имя одного из древнейших божеств архаического Египта — того Баты с двойной бычьей грудью и головой, [57] культ которого очень рано утвердился в Среднем Египте, в Саке Кинопольского нома, [58] рядом с культом Анубиса; [59] позднее его считали одним из царей, правивших до Менеса, [60] а его облик и мифическую роль смешали с обликом и ролью Осириса. [61] Другие сделали или сделают эти необходимые сопоставления лучше, чем я. Я сказал достаточно, чтобы показать, что обе главные составные части существовали и вне Египта, и в иные времена, чем фараоновские.

---

[52] F. M. Luzel, *Troisième rapport sur une mission en Bretagne*, в *Archives des Missions scientifiques*, 2-я серия, т. VII, с. 192 и след.

---

[53] Benfey, *Pantschatantra*, I, с. 426; ср. Hyacinthe Husson, *La Chaîne traditionnelle*, с. 88–90.

---

[54] См. примеры одинаковых или сходных знаков, собранные Коскеном на с. 10–12 его труда и Ле Пейджем Ренуфом, *Life-Work*, т. III, с. 321–323.

---

[55] Ср. в *De Dea Syria*, с. 19–27, историю Комбаба, где тема увечья развита разумнее, чем в «Истории двух братьев». Бата изувечивает себя после обвинения, что ничего не доказывает; Комбаб изувечивает себя заранее, что позволяет ему доказать свою невиновность.

[56] Мифологическую сторону вопроса выдвинул на первый план, с некоторым преувеличением, Фр. Ленорман в *Les Premières Civilisations*, т. I (издание in-8°), с. 375–401; ср. H. de Charencey, *Les Traditions relatives au fils de la Vierge* (извлечение из *Annales de Philosophie chrétienne*), 8°, Париж, 1881, с. 12 и след.

[57] Этого Бату впервые отметил Навиль, собравший места, где его имя встречается в Текстах пирамид (Пепи II, стр. 1246; Меренра, стр. 480 = Пепи I, стр. 267; Унас, стр. 538 = Пепи I, стр. 229), а также изображения бога с двойной бычьей головой на тинитских памятниках (Petrie, *Royal Tombs*, т. I, табл. XI, стр. 13, и т. II, табл. X).

[58] Эту связь установил Алан Гардинер (*The Hero of the Papyrus d'Orbiney*, в *Proceedings of the Society of Biblical Archaeology*, 1905, т. XXVII, с. 185–186) по остракону из Эдинбурга.

[59] Dümichen, *Recueil de Monuments*, т. III, табл. 2, стр. 57; ср. Brugsch, *Dictionnaire géographique*, с. 863. Шпигельберг пришел к выводу, что братья Анупу и Бата — два бога Кинополя и что, следовательно, сказка принадлежит к циклу кинопольских преданий (*Der Gott Bata*, в *Zeitschrift*, т. XLIV, 1907, с. 98, 99). Ср. Reitzenstein, *Hellenistische Wundererzählungen*, с. 13 и след.

[60] Лаут первым установил тождество имени Бата с именем Бутес, или Битис (*Aegyptische Chronologie*, 1877, с. 30–31).

[61] Вирей в статье в *Revue des Questions historiques*, 1893, с. 337–343, и в *La Religion de l'Ancienne Égypte*, 1910, с. 193 и след., истолковал «Историю двух братьев» через миф об Осирисе.

Достаточно ли всего этого, чтобы утверждать, что они самобытны или что нет? Лишь одно кажется мне несомненным: египетский извод — безусловно, самый древний из всех, какие у нас есть. Он дошел до нас в рукописи XIII века до н. э., за много лет до той поры, с которой мы начинаем находить следы других. Если египтяне заимствовали эти мысли или если они передали их чужим странам, то сделали это в эпоху еще более отдаленную, чем та, к которой нас возвращает эта редакция. Кто скажет сегодня, как и кем это было сделано?

II

Была ли основа чужой или нет, форма всегда местная; если сюжет случайно и был заимствован, то во всяком случае усвоен он полностью. Прежде всего надо рассмотреть имена. Некоторые из них, Бата и Анупу, принадлежат либо религии, либо преданию: Анупу, [62] как я сказал, связан с Анубисом, а брат его Бата — с Батой, двойным быком.

[62] У меня есть веские основания считать, что личное имя, обычно читаемое Анупу, должно звучать Анупуи, «принадлежащий Анубису». Однако, поскольку я еще нигде их не изложил, я пока сохраняю прежнее чтение.

Другие взяты из истории и напоминают о некоторых самых прославленных фараонах. Чутье, которое побуждает сказочников всех стран и всех времен избирать героем царя или вельможу, соединяется в Египте с очень живым чувством родины. Житель Мемфиса, рожденный у подножия храма Птаха, выросший, можно сказать, в тени пирамид, был хорошо знаком с Хуфуи и его преемниками: рельефы показывали ему их подлинные портреты, надписи перечисляли их титулы и возвещали их славу. Фивы уходят в прошлое не так далеко, как Мемфис, но памятниками они были не беднее: на правом берегу Нила, как и на левом, в Карнаке и в Луксоре, как и в Гурне и в Мединет-Абу, стены рассказывали их детям о победах над народами Азии и Африки и о дальних походах за моря. Когда сказочник выводил на сцену царя, перед ним вставал не просто человечек, разряженный в пышные одежды: и слушатели, и он сам вспоминали тех неизменно победоносных владык, чей облик и память жили среди них как живые. Недостаточно было сказать, что герой был государем и звался фараоном: следовало уточнить, о каком славном фараоне идет речь — о фараоне ли Рамсесе или о фараоне Хуфуи, о строителе

пирамид или о завоевателе из воинственных династий. Истина от этого нередко страдала. Как бы хорошо ни знали египтяне памятники, те из них, кто не изучал прилежно свою летопись, склонны были коверкать имена и путать эпохи. Уже при XII династии Синухет рассказывает о своих приключениях некоему Хеперкаре Аменемхету, который соединяет с личным именем Аменемхет тронное имя первого Сенусерта и которого напрасно стали бы искать в официальных списках. [63] В повести, что ныне в Петрограде, Снофру из IV династии выведен вместе с Амени из XI; [64] Хуфуи, Хафра и первые три фараона V династии играют важные роли в сказках папируса Весткар; [65] Небкаура из IX появляется в одном из берлинских папирусов; [66] Усермаатра и Минибптах из XIX [67] и Сиамун из XXI с тронным именем Менхеперра, напоминающим имя Тутмоса III, [68] — в двух повестях о Сатни; Петубаст из XXVI [69] — в своих повестях; Рахотеп и Манхапурийя — в отрывке сказки о призраке, [70] и безымянный царь Египта — в сказке об обреченном царевиче. Имена былых времен придавали повести видимость правды, какой иначе у нее не было бы: чудесный случай, приписанный какому-нибудь Рамсесу, казался правдоподобнее, чем если бы его приписали достойному, но ничем не прославленному простолюдину.

[63] Возможно, это ошибка переписчика, как полагает Борхардт (в *Zeitschrift*, 1890, т. XXVIII, с. 102), а возможно, и сочетание, подсказанное автору каким-то воспоминанием о совместном правлении Сенусерта I и Аменемхета II. Ср. в этом сборнике «Записки Синухета».

[64] W. Golénischeff, в *Zeitschrift*, 1876, с. 109–111.

[65] Ср. «Царь Хуфуи и волшебники» в этом сборнике.

[66] Это царь, которому феллах жалуется на кражу своего добра Джехутинахтом; ср. «Жалобы крестьянина» в этом сборнике.

[67] См. «Приключение Сатни-Хамуаса с мумиями» и «Подлинную историю Сатни-Хамуаса и его сына Си-Осири» в этом сборнике.

[68] См. «Подлинную историю Сатни-Хамуаса и его сына Си-Осири» в этом сборнике. Господин Легрен во время наших работ 1904–1905 годов нашел в Карнаке памятник некоего Тутмоса Менхеперра, который, по-моему, и есть Тутмос III; памятник относится к позднему саисскому времени или к началу птолемеевского.

[69] Ср. в этом сборнике повести, озаглавленные «Подвиг ради панциря» и «Подвиг ради престола Амона».

[70] Ср. «Отрывки сказки о призраке» в настоящем сборнике.

Так, помимо официальных летописей, возникла народная хроника, порой смешная и всегда занимательная. Характеры фараонов и даже их слава от нее пострадали. Как в Европе в Средние века существовал цикл о Карле Великом, где нрав и деяния Карла были совершенно искажены, так в Египте были циклы о Сесострисе и об Осимандии, циклы о Тутмосе II, о Тутмосе III, о Хеопсе, настолько измененные, что их зачастую не узнать. Целые эпохи представали в обличье романтических эпопей, а век великих ассирийских и эфиопских нашествий доставил сказителям неисчерпаемый материал: следуя моде или согласно с родными местами, они собирали случаи, которые та воинственная пора доставляла с такой щедростью, вокруг саисских государей Бокхориса и Псамметиха, [71] вокруг танисца Петубаста или вокруг бедуина Пакруру, великого вождя Востока. [72] И все же Хуфуи — пожалуй, самый яркий пример такого искажения, какой у нас есть. Памятники рисуют его в самом выгодном свете. Он был воином и сумел обуздать кочевников, грозивших рудникам Синая. Он был строителем и в короткий срок, не повредив благосостоянию страны, воздвиг самую высокую и самую массивную из пирамид. Он был благочестив и одарил богов статуями из золота и других

драгоценных веществ; он восстановил древние храмы и построил новые. Словом, он принадлежал к лучшему типу мемфисского фараона. Таково свидетельство современных ему документов; но, обратившись к свидетельству поздних поколений, как его собрали греческие историки, мы узнаем, что Хеопс был нечестивым тираном, угнетал свой народ и продал собственную дочь, чтобы достроить свою пирамиду. Он изгнал жрецов, ограбил храмы и держал их закрытыми пятьдесят лет. Переход от Хуфуи к Хеопсу не мог совершиться в один день, и, будь у нас больше египетской словесности, мы могли бы проследить его ступени через века, как можем проследить ступени между Карлом Великим летописцев и Карлом Великим трубадуров. В сказке папируса Весткар [73] мы застаем один миг этого превращения. Там Хуфуи уже не фараон, благоговейно покорный воле богов. Когда Ра выступает против него и держит сторону трех царевичей, которые свергли его род, Хуфуи вступает в сговор с магом, чтобы расстроить замыслы бога или отсрочить их исполнение; видно, что он не задумался бы обойтись с храмами Сахебу так же дурно, как Хеопс Геродота обошелся со всеми храмами Египта.

[71] См. Геродот, II, CXLVII–CLII, XXX — часть повести о Псамметихе: двенадцать царей, прибытие медных людей, бегство воинов. Геродот следовал осведомителю, который глубоко чтил оракул Буто и пересказывал повествования или толкования событий, данные этим оракулом. Другие его соотечественники держались оракула Юпитера Аммона и отстаивали изводы тех же событий, исходившие оттуда; в рассказе о Тамфиде и карийских петухах мы имеем одно из аммонийских преданий о двенадцати царях.

[72] См. в настоящем сборнике «Подвиг ради панциря» и «Подвиг ради престола Амона» и то преобладающее место, какое занимает в них Пакруру рядом с фараоном и едва ли не выше его.

[73] См. «Царь Хуфуи и волшебники» в этом сборнике.

Здесь по крайней мере повесть не идет за историческим свидетельством; на стеле о бахтанской царевне [74] повесть окружена именами и датами, сочетанными так искусно, что приобрела вид действительности. В основной теме нет ничего собственно египетского: это всеобщий сюжет о царевне, одержимой призраком или демоном и избавленной магом, богом или святым. Египетский вариант, усвоив его, ввел в действие неизбежного Рамсеса II и воспользовался его браком, заключенным на XXXIV году царствования со старшей дочерью Хаттусили II, царя хеттов, чтобы перенести главное действие в Азию. Он женит его на царевне почти за четверть века до настоящей свадьбы, и уже на XV году она посылает к нему посла сказать, что ее свояченицей Бентреш овладел дух, от которого ее могут избавить только искусные маги. Он посылает лучшего из своих, Джехутиемхеба, но тому не удаются заклинания, и он возвращается ни с чем. Проходит десять лет, в течение которых дух остается хозяином положения, но на XXVI году прибывает новый посол. На этот раз одно из изваяний, один из двойников Хонсу, соглашается потрудиться, с торжеством отправляется в чужую страну и изгоняет злого духа на глазах у жителей Бахтана. [75] Обрадованный князь замышляет удержать избавителя, но сон, за которым следует болезнь, быстро наказывает за этот неуместный замысел, и на XXXIII году Хонсу возвращается в Фивы, осыпанный почестями и дарами. У повести была причина облечься в видимость истории. Хонсу долго оставался в безвестности и мало почитался. Его слава, едва начавшаяся к концу XIX династии, быстро росла при поздних Рамессидах: во времена танисских и бубастийских царей она почти сравнялась со славой самого Амона. Это не могло не вызвать ревности древнего бога и его приверженцев; жрецы Хонсу и его почитатели,

естественно, должны были искать в прошлом предания, способные поднять их престиж. Я не думаю, что они выдумали весь наш рассказ. Он существовал до того, как им пришло в голову им воспользоваться, а азиатские завоевания Рамсеса и его чужеземный брак неизбежно делали его героем случая, в котором героиней была сирийская царевна. Это что касается имени царя; имя же бога-целителя было прежде всего делом моды или личного благочестия. Хонсу был в моде, когда записывалась эта история, и его статуе приписали славу этого чудесного исцеления. Жрецы ограничились тем, что подобрали эту повесть, столь выгодную для их бога, придали ей вид действительного события и огласили ее в храме. [76]

[74] См. «Дочь князя Бахтана и одержимость духом» в этом сборнике.

[75] Путешествие Ун-Амуна дает второй пример второстепенного облика божества, которому само божество поручает представлять себя в чужой стране: Амон Дороги там — божественный посол Амона, как Ун-Амун — его человеческий посол (ср. примечание к «Путешествию Ун-Амуна» в настоящем сборнике).

[76] Erman, *Die Bentreschstele*, в *Zeitschrift*, 1884, с. 59–60. Ряд подобных документов должен был существовать о Аменхотепе, сыне Хапу, обожествленном сановнике Аменхотепа III, оракул и заупокойный храм которого известны в Фивах. Лишь один дошел до нас в подлиннике — так называемая стела об основании заупокойного храма в Дейр-эль-Медине, впервые переведенная Бирчем (Chabas, *Mélanges égyptologiques*, 2-я серия, с. 324–343); другие дошли до нас в греческом облачении.

Понятно, что египтологи приняли всерьез факты, изложенные таким образом на памятнике со всеми признаками подлинности. Их ввела в заблуждение благочестивая подделка, как наших архивистов — подложные монастырские грамоты. Но менее понятно, как они позволили себя обмануть повестям об Апопи или о Джехути. В первой, сильно поврежденной, царь-пастух Апопи шлет фиванцу Секененре послание за посланием и требует,

чтобы тот перебил гиппопотамов на фиванском озере, которые мешают ему спать. Трудно было бы заподозрить, что это странное требование служило предлогом для религиозной проповеди, а между тем это так. Если бы князь Фив отказался повиноваться, ему пришлось бы оставить почитание Ра ради почитания Сутеха. [77] Ссора Апопи и Секененры тоже, по-видимому, есть лишь местный вариант темы, распространенной по всему Востоку. «Цари того времени посылали друг другу задачи о всевозможных предметах, с тем чтобы, смотря по тому, хорошо или плохо ответит другой, тот платил нечто вроде дани или получал награду». Так Хирам Тирский с помощью некоего Абдемона разгадал загадки, заданные ему Соломоном. [78] Не разбирая здесь разных вымыслов, основанных на этой мысли, приведу один, который сделает понятным уцелевшее от египетского рассказа. Фараон Нектанеб отправил посла к Ликеру, царю Вавилона, и к его советнику Эзопу: «У меня в Египте есть кобылицы, которые зачинают от ржания коней, что пасутся близ Вавилона: что вы на это ответите?» Фригиец обещал дать ответ на другой день и, придя к себе, велел детям взять кошку и сечь ее, гоняя по улицам. Египтяне, которые поклоняются этому животному, были крайне возмущены таким обращением; они отняли кошку у детей и пошли жаловаться царю. Фригийца привели к нему. «Разве ты не знаешь, — сказал ему царь, — что это животное — один из наших богов? Зачем же ты велел так с ним обращаться?» — «За преступление, совершенное им против Ликера: прошлой ночью оно задушило его петуха, очень усердного, который пел во всякий час». — «Ты лжешь, — ответил царь, — как может кошка проделать такой долгий путь за столь короткое время?» — «А как могут, — сказал Эзоп, — ваши кобылицы слышать ржание наших коней на таком расстоянии и зачинать, услышав его?» [79] Вызов,

который царь страны эфиопов принес фараону Усимаресу, ведет к развязке второй повести о Сатни, но там речь идет о запечатанном письме, содержание которого надо угадать, [80] а не о диковинных животных, которыми могли бы владеть два соперника. В «Ссоре» гиппопотамы Фиванского озера, которых царь Юга должен был перебить, чтобы царь Севера мог спокойно спать, приходятся родней коням, чье ржание долетало до Египта, и кошке, которая за одну ночь сходила в Ассирию и обратно. [81] Не сомневаюсь, что, получив второе послание Апопи, Секененра нашел среди своих советников мудреца, столь же прозорливого, как Эзоп, чье благоразумие вызволило его целым и невредимым. Шла ли повесть дальше, описывала ли она войну, вспыхнувшую между Севером и Югом, а затем избавление Египта от ига царей-пастухов? Рукопись не доводит нас настолько далеко, чтобы можно было угадать развязку, к которой пришел автор.

[77] Maspero, *Études égyptiennes*, т. I, с. 195–216; ср. полный перевод отрывков повести — «Ссору Апопи и Секененры» в этом сборнике.

[78] Aelius Dius, фрагм. 3, в Müller-Didot, *Fragmenta Historicorum Graecorum*, т. IV, с. 398; ср. Ménandre d'Éphèse, фрагм. 1, в Müller-Didot, указ. соч., т. IV, с. 446.

[79] *La vie d'Ésope le Phrygien*, перевод Лафонтена (*Fables de La Fontaine*, изд. Lemerre, т. I, с. 41–42, 45).

[80] См. «Подлинную историю Сатни-Хамуаса и его сына Си-Осири» в этом сборнике.

[81] См. «Ссору Апопи и Секененры» в этом сборнике.

Итак, главные действующие лица могут быть историческими людьми, но несут ли приписанные им дела печать исторических фактов или они принадлежат царству вымысла? Джехути, притворившись перебежчиком, втирается в доверие к главному врагу и затем убивает его. Он переодевается военнопленным, чтобы проникнуть в город. С собой он берет воинов, одетых

рабами, которые несут других воинов, спрятанных в глиняных кувшинах. У большинства классических авторов мы находим примеры, вполне оправдывающие первые две хитрости. Я охотно допускаю, что ими могли пользоваться египетские полководцы так же, как греческие и римские. Третья включает в себя элемент не только вероятный, но и действительный — ввод в крепость воинов, переодетых рабами или под видом военнопленных. Полиэн рассказывает, как критянин Неарх взял Тельмесс, сделав вид, будто вверяет правителю Антипатриду отряд рабынь. Женщин сопровождали дети в цепях, со снаряжением музыкантов, а всех охранял конвой вооруженных людей. Войдя в крепость, каждый открыл свой футляр для флейты, где вместо музыкального инструмента лежал кинжал; тогда они напали на гарнизон и захватили город. [82] Если бы Джехути ограничился тем, что нагрузил своих людей обычными кувшинами или ящиками с хорошо отточенными клинками, я не стал бы возражать против подлинности этого случая. Но он придавил их тяжестью огромных глиняных бочек, в каждой из которых сидел вооруженный воин или лежали цепи вместо оружия. Чтобы найти подобие этой хитрости, надо спуститься к правдивым историям «Тысячи и одной ночи». Атаман сорока разбойников, чтобы незаметно привести свою шайку к Али-Бабе, не придумал ничего лучше, как спрятать их в кувшины, по одному человеку в каждом, и выдать себя за торговца маслом, который по стечению обстоятельств хочет поместить свой товар в безопасное место. И здесь арабский сочинитель больше, чем египетский, позаботился о правдоподобии своего рассказа: он ставит кувшины на спины животных, а не людей. Обстановка рассказа историческая, основа — чистый вымысел.

[82] Полиэн, «Стратагемы», V, XI. Ср. сходные события, случившиеся в 1037 году в Эдессе (G. Schlumberger, *L'Épopée Byzantine*, т. III, с. 198–199), и у турок Малой Азии: Casanova, *Numismatique des Danichmendites*, с. 25.

Если новых египтологов это ввело в заблуждение, то древних подобные выдумки должны были вводить в заблуждение еще сильнее. Толмачи и жрецы низшего разряда, служившие проводниками у чужеземцев, неплохо знали, что за здание они показывают, кто его основал, кто восстановил или расширил и какая часть несет картуш какого государя; но, едва их начинали расспрашивать о подробностях, они умолкали или могли пересказать лишь предания. Греки имели с ними дело, и достаточно прочесть вторую книгу Геродота, чтобы увидеть, какие сведения о прошлом Египта он получал. Некоторые из принятых им преданий содержали собрание более или менее искаженных фактов — такова история XXVI династии или, из древних времен, история Сесостриса. Большая же часть рассказанных им историй о временах до восшествия Псамметиха I — чистые повести, в которых нет и тени правды. Сюжет о Рампсините и ловком воре существует не только в Египте. [83] Легендарная жизнь царей, построивших пирамиды, не имеет ничего общего с их настоящей жизнью. Глава о Фероне содержит сокращенный извод шутливой сатиры на женщин. [84] Встреча Протея с Еленой и Менелаем — египетское переложение греческого предания. [85] Прежде можно было бы задуматься, не черпали ли проводники из собственного воображения; открытие египетских повестей показало, что и там, как везде, они ничего не сочиняли сами. Они довольствовались тем, что повторяли предания, ходившие в народе, и задачу им облегчало то, что большинство героев носило подлинные имена и титулы. Поэтому династии у тех историков, что черпали знания у них, — смесь

подлинных имен: Менес, Сабакон, Хеопс, Хефрен, Микерин, — имен, искаженных добавлением лишней части, призванной отличить их от тезок: Рампсинит рядом с Рамсесом, Псаммените рядом с Псаммисом или Псамметихом, — тронных имен, измененных произношением: Осимандий вместо Усермаатры, [86] — народных прозвищ: Сесусра, Сесострис-Сесоосис, — титулов, ставших личными именами: Ферон, Пруити, — и, наконец, имен совершенно вымышленных, таких как Асихис, Ухорей, Анисис.

[83] Варианты собрал Шифнер в *Bulletin de l'Académie de Saint-Pétersbourg*, т. XIV, стлб. 299–316.

[84] Геродот, кн. II, гл. CXI.

[85] Там же, гл. CXVI.

[86] То же явление передачи египетского *r-l* сочетанием *nd* находим в имени Мандулис — греческой форме имени нубийского бога Маруру, Марули, Малули.

Страсть к историческим повестям не исчезла вместе с национальными династиями. Уже при Птолемеях Нектанеб, последний царь местного рода, стал средоточием значительного цикла. Его превратили в искусного мага, непревзойденного мастера талисманов; он выступал отцом Александра Македонского. Перейдя к римскому времени, мы находим, что выросшая из него византийская и коптская словесность знала и деяния Камбиса и Александра, причем последние списаны с сочинений Псевдо-Каллисфена; [87] и не нужно пристально вглядываться в арабские хроники, чтобы найти в них вымышленную историю Египта, заимствованную из коптских книг. [88] На латыни ли, по-гречески или по-арабски написаны сочинения об этой пестрой смеси, легко представить, как обходились с хронологией в этих созданиях народного воображения. Геродот, а по его примеру почти все писатели,

древние и новые, вплоть до нашего времени, ставили Мериса, Сесостриса и Рампсинита раньше фараонов, построивших пирамиды. Имена Сесостриса и Рампсинита — наследие XIX и XX династий; имена строителей пирамид — Хеопса, Хефрена, Микерина — уводят нас к IV династии. Это все равно как если бы французский историк поставил Карла Великого после Бонапарта; но вольность, с какой египетские сочинители обращаются с порядком царствований, показывает нам, как Геродот мог совершить ту же ошибку. Одна из повестей, подлинник которой у нас есть на папирусе, повесть о Сатни, выводит двух царей и наследного царевича. Цари зовутся Усермаатра и Минибптах, наследный царевич — Сатни-Хамуас. Усермаатра — одно из тронных имен Рамсеса II, которое он носил в юности, когда еще правил вместе с отцом. Минибптах — искажение, быть может намеренное, имени Мернептаха, сына и преемника Рамсеса II. Хамуас, тоже сын Рамсеса II, больше двадцати лет управлял державой вместо своего престарелого отца. Если и был в Древнем Египте государь, чью память сохранили феллахи, то это, несомненно, Рамсес II. Предание приписало ему все великие деяния, совершенные целым рядом фараонов на протяжении долгих веков. Поэтому можно было бы надеяться, что сочинитель уважит истину хотя бы в том, что касалось этого любимца народа, и не станет трогать его родословную:

Усермаатра Рамсес II	
Хамуас	Мернептах I

Однако он с ней не посчитался. Хамуас у него, как и в истории, сын Усермаатры, но Минибптах, другой сын, сдвинут со своего места. Он изображен настолько старше Усермаатры, что старик, к

которому Сатни-Хамуас обращается за сведениями о событиях времен Минибптаха, вынужден ссылаться на свидетельство далекого предка: «Отец отца моего отца говорил отцу моего отца так: „Отец отца моего отца сказал отцу моего отца: гробницы Ахури и Маихета — под северным углом дома жреца“». [89] Так что между Минибптахом повести и Усермаатрой оказывается по меньшей мере шесть поколений.

[89] См. «Приключение Сатни-Хамуаса с мумиями» в этом сборнике.

Минибптах	
Ненеферкаптах — Ахури	x^1
Маихет	x^2
	x^3
	x^4
	x^5
	x^6
	Усермаатра
	Сатни-Хамуас

Сын Минибптах стал предком и далеким предшественником Усермаатры, своего собственного отца, а чтобы путаница была полной, молочный брат Сатни носит имя персидской эпохи — Иернхарепу, Инарос. [90] Сатни же, напротив, став современником ассирийца Сеннахириба, [91] изображен живым и деятельным через шестьсот лет после своей смерти. В третьей повести [92] он вместе со своим отцом Рамсесом II помещен через полторы тысячи лет после фараона, который кажется двойником Тутмоса III.

[90] О тождестве имени Иернхарепу и греческой формы Инарос ср. Spiegelberg, *Demotische Miscellen*, в *Recueil de Travaux*, 1906, т. XXVIII, с. 19, 599.

[91] Геродот, кн. II, гл. CXLI; ср. «Как Сатни-Хамуас победил ассирийцев» в этом сборнике.

[92] «Подлинная история Сатни-Хамуаса и его сына Си-Осири».

Представим себе путешественника, столь же готового записать чудеса Сатни, как Геродот — поверить в богатство Рампсинита. Не впал бы он в ту же ошибку относительно Минибптаха и Рамсеса II, какую Геродот совершил относительно Рампсинита и Хеопса? Он переставил бы порядок царствований и поместил четвертого царя XIX династии задолго до третьего. Драгоман, показывавший посетителям храм Птаха и пирамиды Гизы, по-видимому, унаследовал какой-то рассказ, повествовавший, как, без сомнения, и многие другие, о том, что Рамсесу по прозванию Рампсинит, богатейшему из царей, наследовал Хеопс, нечестивейший из людей. Так он и рассказал Геродоту, а почтенный Геродот вставил это в свою книгу. Поскольку Хеопс, Хефрен и Микерин составляют четко очерченную группу и пирамиды их стоят вместе, у проводников не было повода нарушать порядок их преемства, и, сдвинув Хеопса, пришлось так же поступить с Хефреном, Микерином и царевичем по имени Асихис, *богатым*. [93] Сегодня, когда мы можем проверить слова греческого путешественника по свидетельству надписей, неважно, что он ошибся: он не писал истории Египта. Будь он даже лучше осведомлен, он не стал бы подробнее развивать ту часть своих писаний, что касается Египта. Все династии втиснулись бы в несколько страниц, и он не научил бы нас ничему, чего мы не узнаем сегодня из самих памятников. Зато мы потеряли бы большую часть странных и нередко смешных историй, которые он так восхитительно рассказал со слов своих проводников. Мы не знали бы ни Ферона, ни Протея, ни Сетоса, ни Рампсинита, и я считаю, что это было бы большой потерей. Иероглифы рассказывают нам — или однажды

расскажут, — что делали Хеопс, Рамсес и Тутмос действительного мира; Геродот рассказывает, что о них говорили на улицах Мемфиса. Та часть его второй книги, что наполнена их делами, для нашей цели куда лучше курса истории. Это глава истории словесности, и повести, которые мы там читаем, так же вполне египетские, как повести, найденные нами в папирусах. Конечно, лучше было бы иметь их на подлинном языке, но греческое платье, в которое они облачены, не настолько плотно, чтобы их скрыть; измененные в подробностях, они сохранили достаточно своего первоначального облика, чтобы без особого несоответствия стоять рядом с «Историей двух братьев» или «Записками Синухета».

[93] Асухис, Асихис — эллинизированная форма имени Ашахет, которое означает «богатый» и не встречается раньше саисской и греческой эпох.

III

Это что касается имен; обстановка же чисто египетская и столь точная, что по одним повестям можно было бы нарисовать полную картину нравов и общества. Фараон изображен здесь менее божественным, чем мы склонны были бы считать, если бы судили о нем только по горделивой осанке, которую придают ему ваятели в триумфальных и религиозных сценах. Сочинитель порой не стесняется выставить его смешным и поставить в положения, противоречащие сверхчеловеческому величию его облика. Жена обманывает его, как простого смертного, [94] воры обкрадывают и затем на каждом шагу дурачат его, [95] маг похищает его из самого дворца и велит жестоко высечь перед безвестным царем Эфиопии. [96] Это была месть обобранного и битого простого народа тирану, который его угнетал. Феллах,

которого только что наказали палками за отказ платить подати, утешался в пустых карманах и кровоточащих ранах, слушая, как Менхеперра Сиамун получил за одну ночь триста ударов и как жалобно показывал придворным свои синяки. Но это были лишь мимолетные случаи, и обычно его верховная власть оставалась нетронутой в вымысле, как и в истории. Между ним и подданными строго соблюдался этикет, но, когда церемониалу было отдано должное, а человек ему нравился, как в случае с Синухетом, [97] он снисходил до человечности, и добрый бог оказывался добрым малым; [98] он даже весел и подшучивает над деревенским видом героя — царские шутки, вызывающие смех окружающих, но соль их, должно быть, выдохлась за века, потому что мы не можем их оценить. [99] С приближенными он идет еще дальше и без стыда напивается при них и им наперекор. [100] Он также подвержен той гнетущей скуке, которую во все времена знали восточные владыки и которую не могут развеять обычные удовольствия. [101] Подобно Гаруну аль-Рашиду из «Тысячи и одной ночи», Хуфуи и Снофру пытались найти облегчение, слушая чудесные рассказы или присутствуя при магических действах, но лишь с умеренным успехом. Порой, однако, какой-нибудь сановник, расторопнее прочих, придумывал забаву, которая своей новизной позволяла владыке провести день-другой почти весело. Снофру, должно быть, почти так же пресытился утехами своего гарема, как Гарун; его маг все же нашел способ пробудить его любопытство: заставил грести перед ним ватагу молодых девушек, едва прикрытых сетками с крупными ячеями. [102] Цивилизации исчезли и религии сменились, но дух Востока остается прежним под всеми масками, и Мухаммед Али в нашем столетии не придумал ничего лучше того, что придумал Снофру в своем. В Шубре и сейчас можно осмотреть бани, построенные по

особому замыслу. «Там, — говорит Жерар де Нерваль, — есть бассейн из белого мрамора, окруженный колоннами в византийском стиле, с фонтаном посередине, из которого вода вытекает через пасти крокодилов. Вся ограда освещена газом, и летними ночами женщины гарема катали пашу по бассейну на позолоченной лодке. Эти прекрасные дамы купались и на глазах своего господина, но в купальных халатах из шелкового крепа, потому что Коран запрещает наготу». Без сомнения! Но креп Мухаммеда Али был едва ли менее прозрачен, чем сеть Снофру.

[94] Таков Ферон у Геродота, II, CXI.

[95] Ср. «Историю Рампсинита» в этом сборнике.

[96] Менхеперра Сиамун в «Подлинной истории Сатни-Хамуаса и его сына Си-Осири» в настоящем сборнике.

[97] См. «Записки Синухета» в этом сборнике.

[98] Бог благой, Добрый бог — одна из формул, которыми открывается титулатура фараонов, и один из титулов, чаще всего даваемых им в текстах.

[99] См. «Записки Синухета» в этом сборнике.

[100] См. «Историю моряка» в этом сборнике.

[101] См. «Царь Хуфуи и волшебники» в этом сборнике.

[102] См. «Царь Хуфуи и волшебники» в этом сборнике.

Снофру был фараоном одной из могучих династий, бесспорно властвовавшим над всем Египтом, при котором знать была лишь подданными, немного выше прочих по званию. Но после веков неограниченной власти царская власть ослабла и перестала внушать почтение феодальным владетелям. Те взяли верх, приобретая новые черты сообразно разным эпохам, и самые могущественные вожди добились независимости, или почти

независимости, каждый в своем наследственном уделе. Фараон стал тогда лишь верховным сюзереном, едва ли богаче или сильнее других, которому повиновались по обычаю и с которым крупные владетели вступали в союз против своих соперников, чтобы не дать тем захватить престол и заменить чисто номинальную верховную власть действительным господством. Таков Петубаст в «Подвиге ради панциря» и «Подвиге ради престола Амона». [103] Это уже не властный правитель, каким другие повести изображают Хеопса, Тутмоса или Рамсеса II. Он по-прежнему, по божественному праву, считается владыкой обоих Египтов; он один носит двойной венец, он один — сын Ра, он один вправе заключать свои имена в картуши, и по годам его царствования ведется официальный счет событиям, случившимся при его жизни. Он прежде всего миролюбив, благочестив, покорен всем требованиям религии — прообраз того существа без свободной воли и без почина, которое греки македонской эпохи изображают идеальным государем. [104] Власть не в его руках. От древнего фараоновского владения у него остается лишь малая часть: номы Таниса и Мемфиса и, быть может, еще два-три по соседству. Роды, большей частью родственные его собственному, присвоили себе большую часть земель и теснят его: Пакруру на востоке, в Вади-Тумилат, великий владыка Амона в Диосполе, на севере — в Мендесе и Бусирисе, Петехонсу и Пему на юге, один в Атрибисе, другой в Гелиополе, не говоря о владетелях Себеннита, Саиса, Мейдума, далекой Элефантины и о дюжине или больше менее значительных. В теории все они обязаны ему присягой, данью, беспрекословным повиновением, службой при дворе и ополчением, но выполняют свои обязательства не всегда охотно, и мир между ними царит очень редко. У каждого свое войско и свой флот, где при случае широко использовались наемники —

ливийцы, сирийцы, эфиопы и даже азиаты. У них были свои вассалы, свой двор, своя казна, свои боги, которыми они клялись, свои коллегии жрецов или магов; они заключали союзы, ссорились, воевали, гоняли друг друга с одного берега Нила на другой, объединялись против фараона, чтобы отнять у него куски его владений, а затем, когда кто-нибудь из них поднимался слишком высоко и брал верх, на время сплачивались против него или звали извне эфиопов, чтобы заставить его вернуться в строй. Это был феодальный строй, почти подобный французскому, и одинаковые условия порождали положение, сходное с тем, что было во Франции в Средние века.

[103] См. эти повести в настоящем сборнике.

[104] Ср. Диодор Сицилийский (I, LXX–LXXII), который заимствовал описание жизни царей из сочинения Гекатея Абдерского о Египте.

Деяния фараонов порой излагались по-разному, смотря по тому, сочиняли их мемфисцы или фиванцы. Северные и южные области Египта сильно различались не только языком, но и характером и политическими склонностями. Между ними часто возникали размолвки, которые легко перерастали во вражду и междоусобную войну. Цари, любимые одной стороной, мало нравились другой или были известны ей не под тем же именем. В мемфисском храме Птаха Рамсес II упоминался на памятниках под именем Сесу или Сесусра, откуда и возникло сказание о Сесострисе. [105] В Фивах преобладало его тронное имя Усермаатра, и из него он стал Усимаресом повести о Сатни и тем Осимандием, чьи победы прославляли и чей дворец описывали писатели, у которых списывал Диодор Сицилийский. Открытие Шпигельбергом новой повести показывает, что такая же участь постигла Петубаста. Некоторые лица, окружавшие его в повести

Краля, снова появляются в другой, но предмет ссоры иной. Это престол, или кафедра, и я подозреваю, что речь здесь идет о форме божества, часто встречавшейся в греко-римскую эпоху в Фиванском номе, — неопределенной эмблеме природы, быть может изображении священного камня, поставленного на парадное седалище. Вероятно, именно так Амон явился своему сыну Александру Македонскому, когда тот пришел вопросить его в его оазисе. [106] Законным наследником, как в «Подвиге ради панциря», был ребенок первого владельца, пророк Гора Бутоского, но престол достался сыну царя Анххору, и отказ вернуть его стал началом распри. В другом месте [107] мы проследим превратности боев, которые бойцы обеих сторон вели в Фивах на глазах государя; здесь же надо отметить, что пророку Гора в его требованиях помогают тринадцать дюжих пастухов, чья доблесть сначала обеспечивает ему победу над египетским войском. Роды — наполовину рыбаки, наполовину пастухи, — населявшие болотистые равнины северной Дельты, буколы, очень неохотно подчинялись игу законно устроенной власти, будь то греческой или римской. Они пользовались малейшим поводом, чтобы объявить ей войну, и обычно их усмиряли лишь ценой долгих и дорогих усилий. Самое кровопролитное их восстание пришлось на 172 год н. э., [108] но были и другие, при Птолемеях, память о которых долго жила в долине Нила. Если Гелиодор, греческий сочинитель поздней империи, охотно описывал их набеги, [109] не удивительно, что местный автор избрал их образцом неистовой отваги.

[105] Э. де Руже доказал, что Сесострис — не кто иной, как Рамсес II (*Le Véritable Sésostris*, в *Œuvres diverses*, т. III, с. 11–14). Зете пытался доказать, что это Сенусерт III (*Sesostris*, 1900, с. 24). Я пытался показать, что прав был де Руже и что Манефон ошибся, отождествив Сесостриса Геродота с фараоном XII династии (*La Geste de Sésostris*, в *Journal des Savants*, 1901, с. 599–609, 665–683).

[106] Ср. об этом Daressy, в *Annales du Service des Antiquités*, т. IX, с. 66–69.

[107] См. «Подвиг ради престола Амона» в настоящем сборнике.

[108] Краткий рассказ о нем дошел до нас от Диона Кассия, LXXI, 4.

[109] Гелиодор, «Эфиопика», I.

В противоположность «Деяниям фараонов», полным движения и шума битв, первые страницы «Истории двух братьев» [110] дают превосходную картину жизни и обычных занятий простого феллаха. У Анупу, старшего, есть дом и жена; у Баты, младшего, нет ничего, и он живет у брата, но не как родственник у родственника и не как гость у хозяина. Он ходит за скотом, выгоняет его в поле и пригоняет в хлев, водит плуг, косит, вяжет сено, молотит зерно и свозит сено. Каждый вечер перед сном он сажает в печь хлеб для всего дома и рано встает, чтобы вынуть его испеченным. В пору полевых работ это он бегает на ферму за семенами и несет на спине груз, который впору нескольким людям. Он прядет лен или шерсть, пока гонит животных на хорошие пастбища, а когда разлив запирает людей и скот в домах, садится за станок и ткет. Словом, он слуга — слуга, связанный со своим хозяином кровным родством, но все же слуга. Отсюда не следует заключать ни о существовании в Египте права первородства, ни о том, что обычай за отсутствием закона ставил младшего во власть старшего. Все дети одного отца наследовали его имущество поровну, каков бы ни был порядок их рождения. Закон высказывался на этот счет ясно, и это право распространялось не только на законных детей, но и на рожденных вне брака: сыновья и дочери наложницы наследовали на том же основании и в той же доле, что сыновья и дочери законной жены. [111] Анупу и Бата, будь они детьми разных матерей, были бы равны и по закону, и по обычаю. Тем более

когда, как особо говорит сказка, они были детьми одного отца и одной матери. Значит, явное неравенство их положения происходило не от закона, и нам надо искать иную причину.

[110] Начало «Истории двух братьев» в этом сборнике.

[111] Wilkinson, *Manners and Customs of the Ancient Egyptians*, первая серия, т. III, с. 320.

Предположим, что после смерти родителей Бата, вместо того чтобы остаться с Анупу, взял бы свою половину наследства и пошел искать счастья по свету, — каким вымогательствам и притеснениям он бы подвергся! Феллах, история которого рассказана в Берлинском папирусе № II и который торговал между Египтом и Соляной равниной, [112] был ограблен человеком, служившим одному большому вельможе, через чьи земли он проходил. [113] Он подал жалобу, и расследование доказало справедливость его требования; можно было бы подумать, что ему тотчас вернут положенное. Ничуть не бывало! Человек, ограбивший его, принадлежал важному лицу, и у него были друзья, родня и господин. Крестьянин же был просто человеком без господина. Автор старательно это подчеркивает, а не иметь господина было непростительной оплошностью в феодальном Египте. Одиночка был беззащитен перед великими владетелями, делившими между собой страну, и перед чиновниками, извлекавшими из нее доход для фараона. Бедняга плакал, умолял и снова и снова повторял свою жалобную просьбу. Поскольку в конце концов он был прав, фараон велел позаботиться о его жене и не дать ему самому умереть с голоду; а рассматривать ли дело и выносить ли приговор — это предстояло решить позже. Теперь мы знаем, что в конце концов он добился правосудия, но лишь после того, как произнес красноречивые речи на потеху фараону. Невзгоды и проволочки, которым он подвергся, по-видимому,

достаточно объясняют, почему Бата остался с братом. Старший брат, ставший хозяином ради предосторожности, был покровителем младшему, а тот охранял его самого и его имущество — до той поры, пока богатая женитьба, прихоть государя, внезапное возвышение, неожиданное наследство или просто принятие в число писцов не обеспечат младшему более сильного покровителя, и тогда, быть может, он сам в свой черед стал бы покровителем кому-нибудь, кто нуждается в такой помощи.

---

[112] Так называлась область оазиса, окружающего натровые озера, — *Scythiaca regio* классической географии (Dümichen, *Die Oasen der Libyschen Wüste*, с. 29 и след.; Brugsch, *Reise nach der Grossen Oase*, с. 74 и след.).

---

[113] Ср. «Жалобы крестьянина» в этом сборнике. Стела Хоремхеба, к сожалению поврежденная, показывает, каким бедам подвергались крестьяне, покидавшие дом, даже те, кто лишь отправлялся в путь, чтобы уплатить подати фараону.

Так, разбирая каждую сказку в подробностях, мы видим, что с вещественной стороны жизнь, которую она описывает, чисто египетская. Сцены начала «Истории двух братьев» легко было бы пояснить картинами из росписей скальных гробниц Фив; выражения, которыми пользуется автор, почти слово в слово встречаются в надписях, поясняющих эти картины.[1] Даже в самых сокровенных событиях частной жизни, например при родах, нет ничего, что нельзя было бы объяснить и пояснить сценами из храмов. В Луксоре[2], в Дейр-эль-Бахри[3] или в Эрманте[4], идет ли речь о Мутемуе, о Яхмес или о Клеопатре, перед нашими глазами картины, по которым можно в точности представить, что происходило, когда Руджедет рождала трех сыновей Ра.[5] Роженица сидит на корточках на своем кресле или на ложе, одна из повитух обхватывает ее сзади, а другая, присев перед ней, принимает появляющегося на свет младенца. Она передает его кормилицам,

и те его моют, держат на руках, ласкают и дают ему грудь. Изучение памятников показывает, что то же самое верно и для тех сказок, которые дошли до нас в иератическом подлиннике; и я доказал это также для большей части тех, что сохранились лишь на чужом языке. Так обстоит дело с Рампсинитом. Я не стану повторять текст слово за словом, чтобы показать, что по существу он египетский, несмотря на греческое платье, в которое облек его Геродот; ограничусь разбором двух мест, которые выдвигали как признаки чужеземного происхождения.

[1] Maspero, *Notes sur quelques points de Grammaire et d'Histoire*, в *Zeitschrift*, 1879, с. 58–63 (ср. *Mélanges de Mythologie*, т. IV, с. 66–73).

[2] Gayet, *Le Temple de Louxor*, табл. LXIII–LXVII.

[3] E. Naville, *Deir el Bahari*, т. II, табл. XLII–LI.

[4] Сцены храма в Эрманте, ныне разрушенного, сохранили Шампольон, *Monuments de l'Égypte*, табл. CXLV, 6, 7; CXLVIII *ter*; Розеллини, *Monumenti del Culto*, табл. LII–LIII; и Лепсиус, *Denkm.* IV, табл. 59a, 60a.

[5] См. «Царь Хуфуи и волшебники» в этом сборнике.

Зодчий, которому поручили выстроить для фараона сокровищницу, обтесал и уложил один камень так искусно, что двое людей, да что там — даже один мог сдвинуть его с места.[6] Говорили, будто подвижный камень — изобретение не египетское. В Египте общественные здания возводили из камней огромной величины, и никакое искусство в мире не позволило бы зодчему распорядиться глыбой так, как описывает Геродот. Однако Страбон знал, что в Великую пирамиду входили по ходу, устье которого было скрыто подвижным камнем[7]; а кроме пирамиды, как мы доказали, тот же способ применялся для тайников, которыми изобиловали храмы. В Дендере, например, есть десяток крипт, скрытых в основании или в толще стен. Они

сообщаются с храмом узкими ходами, которые выходят в покои отверстиями, ныне открытыми и пустыми. Но прежде их закрывал нарочно подогнанный камень, лицевая сторона которого была покрыта резьбой, как и вся стена.[8] Одно место сказки о Хуфуи, по-видимому, говорит, что крипту в Гелиополе, где бог Тот спрятал свою библиотеку, закрывала глыба, подобная тем, что нашел Мариет.[9] Надписи показывают также, что, устраивая тайный покой, принимали все возможные меры, чтобы о нем не узнали не только посетители, но и низшие жрецы. «Дверь неведома непосвященным; если станут искать ее, никто не найдет ее, кроме пророков богини».[10] Подобно зодчему Рампсинита и его сыновьям, пророки Дендеры знали вход в тайный покой, полный металлов и драгоценностей, и только они одни владели этим знанием. Подняв камень, о котором простой народ ничего не знал, они открывали устье хода; по нему пробирались ползком и через несколько мгновений оказывались в сокровищнице. Когда глыбу ставили на место, самый опытный глаз не мог различить, где именно открывается ход.[11]

---

[6] Геродот, II, CXXI; ср. «Историю Рампсинита» в этом сборнике. Ср. *Nouveau fragment d'un commentaire sur le second livre d'Hérodote*, в Maspero, *Mélanges de Mythologie et d'Archéologie*, т. III, с. 415–416.

---

[7] Страбон, XVII, с. 808; ср. L. Borchardt, *Der λίθος ἐξαιρέσιμος*, в *Zeitschrift*, т. XXXV, с. 87–89. Флиндерс Питри также показал, что большая пирамида в Дахшуре закрывалась поворотным камнем (*The Pyramids and Temples of Gizeh*, с. 145, 167–169, табл. XI).

---

[8] Mariette, *Dendérah*, текст, с. 227–228. Жомар уже отмечал подвижный камень такого рода в храме Дейр-эль-Медине (*Description spéciale de Memphis et des Pyramides* в *Description de l'Égypte*, 2-е изд., т. V, с. 444).

---

[9] См. сказку под названием «Царь Хуфуи и волшебники» в этом сборнике.

---

[10] Mariette, *Dendérah*, таблицы, т. III, табл. 30, с.

[11] См. Mariette, *Dendérah*, т. V, Дополнение, — таблицу, где показаны план и способ открывания.

Позже сын зодчего, избежавший смерти, ухитрился напоить стражей, стороживших тело его брата, и обрил им правую щеку.[12] Уилкинсон, кажется, первым заметил, что в Египте воины изображаются без бород, что люди всех сословий обычно брились и что бородатыми могли быть только чужеземцы.[13] С тех пор его утверждение без конца повторяют как довод в пользу чужеземного происхождения сказки. Но здесь, как и во многих других местах его труда, утверждение — плод слишком поспешного изучения памятников. Коренные египтяне могли носить бороду, и кто хотел, носил ее, как вполне доказывают памятники всех эпох. К тому же стражники были не все местные уроженцы: их набирали главным образом из племени ливийского происхождения, мазаиу, а поскольку, как замечает сам Уилкинсон, на чужеземцев общий обычай не распространялся, почему бы стражам, которых Рампсинит приставил к телу, не носить волос на подбородке или на щеках? Воины египетского войска, каким оно было при саисских царях и при персах, то есть каким его застал Геродот, были отчасти ливийцами, отчасти наемниками-семитами, карийцами или греками, иные же входили в персидский гарнизон, и все они, как правило, носили бороды.[14] Стало быть, надо признать, что для египтян того времени не было ничего необычного в бородатых стражниках, уроженцах ли страны или пришлых; эпизод с обритой бородой ничего не доказывает против местного происхождения сказки.

[12] Геродот, II, CXXI; ср. «Историю Рампсинита» в этом сборнике.

[13] Ср. *Herodotus* Роулинсона, т. II, с. 165, примеч. 4.

[14] Стела XVIII династии сохранила нам изображение азиатского наемника, умершего в Египте; у него окладистая борода (Spiegelberg, в *Zeitschrift*, т. XXXVI, с. 126–127).

Оставим теперь вещественные подробности. Нравственная сторона жизни передана в наших повестях не менее точно. Конечно, надо остерегаться принимать за безусловную истину все, что они как будто рассказывают нам о частной жизни египтян. Как и нынешние писатели, сочинители тех времен старались развернуть чувства и характеры, которые в общей массе народа были исключением. Если бы нам пришлось судить о египтянках по портретам, которые мы находим в этих сказках, мы были бы весьма невысокого мнения об их целомудрии. Дочь Рампсинита отворяет свой покой и отдается всякому, кто заплатит; быть может, она жертва государственных соображений, но жертва покорная.[15] Табубу приветствует Сатни и при первой же встрече объявляет, что готова разделить с ним ложе. Если в решительную минуту она как будто колеблется и несколько раз оттягивает дело, то медлит она вовсе не от стыда, а лишь из желания заставить его заплатить как можно дороже за то, что она намерена продать, и не уступить ему, пока цена не уплачена.[16] Вид Бата, молодого и сильного, зажигает неодолимое желание в груди жены Анупу[17], и жена Убаанера столь же чувствительна к прелестям молодого человека.[18] Божественная жена Бата соглашается предать мужа за несколько украшений и стать любимицей царя.[19] Царевны, девушки из жреческого сословия, из среднего сословия и из крестьян — все одинаковы по части добродетели. Я не нахожу среди них достойных уважения, кроме Ахури[20], Мехитуасхет[21] и одной чужеземки, дочери князя Нахарины; да и та страсть, с какой эта последняя бросается в

объятия человека, которого случай сделал ее мужем, дает пищу для размышлений.[22]

[15] Геродот, II, CXXI; ср. «Историю Рампсинита» в этом сборнике.

[16] См. весь этот эпизод в «Приключении Сатни-Хамуаса с мумиями» в этом сборнике.

[17] См. «Историю двух братьев» в этом сборнике.

[18] См. «Царь Хуфуи и волшебники» в этом сборнике.

[19] См. «Историю двух братьев» в настоящем сборнике.

[20] В «Приключении Сатни-Хамуаса с мумиями» в этом сборнике.

[21] В «Подлинной истории Сатни-Хамуаса и его сына Си-Осири» в этом сборнике.

[22] В «Обреченном царевиче» в этом сборнике.

Сатира на женские нравы в сочинениях присяжного моралиста мало что значит для истории. Это общее место, которое меняется смотря по эпохе и стране, но ничего решающего не доказывает ни против эпохи, ни против страны. Неважно, что Птаххотеп определяет порочную женщину как связку всяческого зла, мешок, полный всяческого коварства[23], или что Ани, подхватив ту же тему спустя три тысячи лет, описывает ее как глубокую воду, извивов которой никто не знает.[24] Все женщины их времени могли быть добродетельны, а они могли выдумать им пороки, чтобы дать простор своему красноречию. Но сказочники не брались проповедовать благопристойность и не брались осмеивать женщин; они описывали их для своих современников такими, какими те были, — быть может, такими, какими сами их узнали. Сомневаюсь, чтобы им когда-нибудь на жизненном пути встретилась царевна из царского гарема, но Табубу каждый день ходила по улицам Мемфиса, храмовые служительницы не берегли

своих милостей исключительно для царевичей крови, подруга Бата была не единственной любительницей украшений, и не один деверь без всяких угрызений совести знал дорогу к жилищу жены Анупу. В Египте нравы были вольные. Рано созревая, египтянка жила в мире, где законы и обычаи словно сговорились разжигать ее природный пыл. Ребенком она играла нагой с нагими братьями; взрослой женщиной она по моде ходила с открытой грудью, одевалась в прозрачные ткани и оставалась открытой взглядам мужчин. В городах слуги, окружавшие ее и сновавшие вокруг ее мужа и его гостей, носили лишь пояс, туго стянутый на бедрах; в деревне крестьяне ее поместья сбрасывали набедренную повязку, чтобы работать в поле. И религия, и обряды культа обращали ее взор к откровенным изображениям божества, и само письмо ставило перед ее глазами нескромные знаки. Когда говорили о любви, она думала не о той возвышенной любви, о которой мечтает нынешняя девушка, а прямо и точно о любви телесной. При всем этом неудивительно, что вид крепкого мужчины так взволновал жену Анупу, что она потеряла всякую власть над собой. Египтянке стоило лишь помыслить о неверности, и она почти тотчас пыталась исполнить свое желание. Но было ли в Египте больше, чем в других местах, женщин, которые допускали такую мысль?

[23] В нравоучительном трактате папируса Присса, табл. X, стк. 1–4. Ср. Virey, *Études sur le Papyrus Prisse*, с. 64–66.

[24] В философской беседе Ани с его сыном Хонсухотепом (Mariette, *Papyrus de Boulaq*, т. I, табл. XVI, стк. 13–17. Ср. Chabas, *L'Égyptologie*, т. I, с. 65 и след.).

Геродоту рассказали проводники, а он в свой черед со всей серьезностью историка рассказывает нам, что некоего фараона, ослепшего за свое нечестие, боги в веселую минуту приговорили не прозреть, пока... Геродота порой невозможно перевести! Короче

говоря, нужно было найти женщину, которая хранила верность мужу. Испытали царицу, затем придворных дам, затем горожанок, жительниц провинции, поселянок и, наконец, рабынь. Ничто не помогло, и достойный царь оставался слепым. После долгих поисков нашлась женщина, способная доставить исцеление, и он на ней женился. Что до остальных, он запер их в одном городе и сжег. Так поступали в те времена.[25] Эта побасенка, рассказанная сказочником на каком-нибудь перекрестке или прочитанная на досуге после выпивки, наверняка имела бы тот успех, каким у мужчин всегда пользуется скандальная история; но, даже подшучивая над соседом, каждый египтянин думал про себя, что в подобном случае его добрая жена сумела бы исцелить его, и ничуть не тревожился. Эти вольные мемфисские истории значат не больше, чем истории других народов; они рождаются из того общего недоброжелательства, которым люди отличались всегда, и особенно по отношению к женщинам. Распущенные женщины наших средних веков и необузданные египтянки мемфисских сказок равно не служат образцом, но то, что о них рассказывают сказки, ничего не доказывает против нравов их времени.

---

[25] Геродот, II, CXI.

С этими оговорками подробности событий — египетские. Перечитайте место, где Сатни встречает Табубу и без обиняков признается ей в своем желании. Переменив имена, мы получим точную картину того, что происходило в подобном случае в Фивах или в Мемфисе. Предварительный сговор, устроенный слугой и служанкой, свидание, пиршество и изысканный ужин, а затем торг перед окончательной уступкой. Влюбленные «Тысячи и одной ночи» вели себя так же; даже неизбежного кади, которого зовут сочетать браком Зобеиду с Ахмедом или Нур ад-Дином той

или иной сказки, уже предвещает писец Школы, составляющий договоры о передаче имущества Сатни-Хамуаса Табубу.[26] Что же до событий, которые ускоряют или задерживают развязку, то чаще всего это случаи из жизни той эпохи.

[26] См. «Приключение Сатни-Хамуаса с мумиями» в этом сборнике.

IV

Я говорю — все случаи без исключения, даже те, что кажутся нам самыми невероятными, потому что нельзя судить об условиях египетской жизни по условиям нашей. Сочиняя роман, мы обычно не прибегаем к явлениям божеств, снам, людям, обращенным в животных, говорящим зверям, волшебным ладьям или носилкам; те, кто верит в подобные чудеса, считают их чрезвычайно редкими, и в обычном романе ими не пользуются.

В Египте было иначе, и то, что мы называем сверхъестественным, случалось там каждый день. Сны играли решающую роль в жизни государя и знатных особ, посылал ли их по доброй воле какой-нибудь бог или их искали, проводя ночь в определенных храмах.[27] Вера в знамения царила повсюду безраздельно, и не только в романе вскипание кувшина пива или осадок в бутылке вина предупреждали человека о смерти брата.[28] Столько людей получали эти таинственные предупреждения, что никто не склонен был оспаривать их правдоподобие, встречая их в романе. Волшебство занимало в обыденной жизни признанное место, как война, торговля, словесность, дела, развлечения и удовольствия; не каждый видел его силу своими глазами, но каждый знал кого-нибудь, кто видел его действие и выиграл или потерял от него. Его, по сути, почитали наукой, и наукой весьма высокого порядка. Если вдуматься, мы поймем, что жрец был

магом: обряды, которые он совершал, молитвы, которые он читал, были всего лишь способами принудить богов действовать в его пользу так, как он желал, и даровать ему ту или иную милость в этом мире или в ином. Жрецы — «носители свитка», или «книги» (*khri-habi*), владевшие тайнами божества на небе, на земле и в преисподней, могли сотворить любое чудо, какого от них требовали; фараон держал при себе нескольких, которых называл старшими *khri-habi* и которые были его придворными волшебниками. Он советовался с ними, поощрял их изыскания, а когда они изобретали для него какое-нибудь новое чудо, осыпал их дарами и почестями. Один из них умел приставить к телу отрубленную голову, другой сделал крокодила, который пожрал его врагов, третий рассек воду, поднял ее и сложил стопой по своей воле.[29] Сами вельможи, Сатни-Хамуас и его молочный брат, были убежденными посвященными и жадно читали собрания тайных формул; Сатни даже стяжал такую славу в занятиях этого рода, что вокруг его имени сложился целый цикл сказок.[30] Царевич-маг в наши дни снискал бы весьма умеренное уважение; в Египте магия не была несовместима с царским саном, и у магов фараона нередко бывал учеником сам фараон.[31]

---

[27] Ср. храмовый сон Мехитуасхет и Гора, сына Панеши, в «Подлинной истории Сатни-Хамуаса и его сына Си-Осири» в этом сборнике.

---

[28] Так случается с братом Бата в «Истории двух братьев» в настоящем сборнике. Ср. подобные знамения в «Подлинной истории Сатни-Хамуаса и его сына Си-Осири» и в «Обреченном царевиче».

---

[29] См. сказку под названием «Царь Хуфуи и волшебники» в этом сборнике. Иудейское и арабское предание сохранили память об этих могущественных магах, как показывает история Моисея и описание встречи египетских мудрецов, которое дает, например, Макризи (Malan, *A Short History of the Copts and of their Church*, с. 13–15).

---

[30] См. три повести или пересказы повестей о Сатни в этом сборнике.

[31] Еще в эпоху Возрождения государя ценили выше за то, что он был чародеем. Так, в «Белом короле» (*Weisskunig*) юного Максимилиана Австрийского его духовные наставники посвящают в тайны не только белой магии, но и черной.

Многие из наших героев, стало быть, были волшебниками — любителями или знатоками своего дела: Табубу[32], Ненеферкаптах[33], Убаанер и Джаджаеманх[34], Деди[35], Си-Осири[36] и Гор, сын эфиопки.[37] Бата «зачаровывает свое сердце», вынимает его из груди, не переставая жить, и превращается сначала в быка, а потом в дерево.[38] Хамуас и его молочный брат случайно узнают о существовании книги, написанной Тотом собственноручно и наделенной чудесными свойствами. В ней, как полагали, содержались две формулы, всего две, — но какие! «Если прочтешь первую, зачаруешь небо, землю, ночную луну, горы, воды; поймешь, что говорят птицы и гады, сколько их ни есть; увидишь рыб глубочайших глубин, ибо божественная сила поднимет их на поверхность воды. Если прочтешь вторую формулу, то, даже когда будешь в гробнице, вновь обретешь тот облик, что имел на земле; увидишь солнце, восходящее на небе, и его сонм богов, луну и тот облик, какой у нее бывает, когда она появляется».[39] Сатни-Хамуас решил добыть себе, помимо неоценимой радости вызывать по своей воле восход луны, уверенность, что никогда не утратит того облика, какой имел на земле; желание завладеть чудесной книгой — главная пружина романа. Впрочем, наука, которой он себя посвящает, требовательна и налагает на своих приверженцев воздержание, целомудрие и иные добродетели, которые им не всегда удавалось сохранить до конца.[40] И все же занятие это так их влечет, что они уходят в него с головой и забывают ради него обо всем. Они больше не видят, не пьют, не едят; они позволяют себе лишь одно занятие — без передышки читать свою книгу магии и пользоваться обретенной через нее властью над людьми и

вещами.[41] Такая поглощенность не лишена опасности: боги и мертвые, у которых волшебник отнял их талисманы, пытаются вернуть их себе и считают для этого дозволенными любые средства. Они кружат возле таких людей и пользуются их страстями или слабостями, чтобы забрать их в свою власть; любовь — их великая союзница, и чаще всего именно через женщину им удается вернуть утраченное сокровище.[42]

---

[32] Героиня второй части «Приключения Сатни-Хамуаса с мумиями» в этом сборнике.

---

[33] См. в этом сборнике, что говорит автор «Приключения» о магических занятиях Ненеферкаптаха.

---

[34] Их подвиги подробно изложены в начале сохранившейся части сказки «Царь Хуфуи и волшебники» в этом сборнике.

---

[35] См. в сказке «Царь Хуфуи и волшебники» описание этого лица и сотворенных им чудес.

---

[36] Он — герой «Подлинной истории Сатни-Хамуаса и его сына Си-Осири» в этом сборнике.

---

[37] Это эфиоп, которого мудрости Египта обучил Гор, сын Панеши, а мудрости Судана — его мать, эфиопка Тнахсит. Ср. «Подлинную историю Сатни-Хамуаса и его сына Си-Осири» в этом сборнике.

---

[38] См. «Историю двух братьев» в этом сборнике.

---

[39] Ср. «Приключение Сатни-Хамуаса с мумиями» в этом сборнике.

---

[40] Ср. примечания к «Приключению Сатни-Хамуаса с мумиями» в этом сборнике.

---

[41] Так поступает Сатни-Хамуас; ср. «Приключение Сатни-Хамуаса с мумиями» в этом сборнике.

---

[42] См. в «Приключении Сатни-Хамуаса с мумиями» борьбу Ненеферкаптаха с Сатни и победу, которую Ненеферкаптах одержал благодаря вмешательству Табубу.

Сила магического искусства не прекращалась вместе с жизнью. Хотел он того или нет, всякий египтянин после смерти был так же неизбежно подвластен чарам и заклинаниям, как и при жизни. Ведь верили, что существование людей неразрывными узами связано с существованием вселенной и богов. Боги не всегда выказывали к человечеству то высокомерное равнодушие, какое, казалось, питали со времен Менеса. Поначалу они нисходили в только что сотворенный мир, запросто общались с новорожденными народами и, облекшись в плотское тело, были подвержены плотским страстям и слабостям. Люди тех времен видели, как они попеременно любят и сражаются, царствуют и наследуют друг другу, побеждают и терпят поражение. Ревность, гнев и ненависть волновали тогда их божественную грудь, словно грудь простых смертных. Исида, вдова и страдалица, проливала беспомощные слезы жены над убитым мужем[43], и божественная природа не избавила ее от родовых мук. Ра едва не погиб от укуса змеи[44] и в приступе ярости истребил этих пресмыкающихся; он состарился и в дряхлости испытал все невзгоды второго детства: голова его тряслась, и у него текла слюна, как у обычного старика.[45] Гор-дитя завоевал престол Египта силой оружия.[46] Но позднее боги удалились на небо, и как прежде они радовались, являясь среди людей внизу, так теперь усердно скрывались в тайнах своей вечности. Кто из живых мог похвалиться, что видел их лицо?

---

[43] Книгу *Les Lamentations d'Isis et de Nephthys* издал де Оррак, *Œuvres diverses*, с. 33–53.

---

[44] E. Lefébure, *Un Chapitre de la Chronique solaire*, в *Zeitschrift*, 1883, с. 27–33; ср. *Œuvres diverses*, т. I, с. 203–213.

---

[45] E. Naville, *La Destruction des Hommes par les Dieux*, в *Transactions of the Society of Biblical Archaeology*, т. IV, с. 1–19; т. VIII, с. 412–420.

[46] E. Naville, *Le Mythe d'Horus*, in-folio, Женева, 1870; Brugsch, *Die Sage von der geflügelten Sonnenscheibe*, in-4°, 1871, Геттинген.

Более того, события их телесной жизни, счастливые или несчастные, издалека предопределяли счастье или беду каждого поколения, а в каждом поколении — каждого человека. В 17-й день месяца атир, в некий год, настолько затерянный в глубокой древности, что никто не знал, сколько веков прошло с тех пор, Сет заманил своего брата Осириса в ловушку и вероломно убил его на пиру.[47] Каждый год в соответствующий день трагедия, разыгравшаяся в земном дворце бога, словно возобновлялась в глубинах небосвода; как в пору смерти бога, сила добра слабела, владычество зла брало верх, и вся природа, отданная во власть сил тьмы, обрушивалась на людей. Благочестивый человек остерегался что-либо начинать в этот день; от всякого дела, какое бы ему ни хотелось совершить, надлежало воздержаться. Спустись он к берегу реки — на него напал бы крокодил, как крокодил, посланный Сетом, напал на Осириса. Отправься он в путь — мог бы навеки проститься с женой и домочадцами: он наверняка не вернулся бы. Лучше было сидеть взаперти дома и ждать, трепеща и бездействуя, пока часы опасности не пройдут один за другим и солнце следующего дня не рассеет силы зла. В 9-й день месяца хойак Тот встретился с Сетом и одержал над ним блистательную победу. Каждый год 9 хойака на земле среди людей был праздник, праздник на небе среди богов, и всякое дело можно было начинать безопасно.[48]

[47] *De Iside et Osiride*, гл. 13. Подтверждение слов Плутарха находим в нескольких местах магических и религиозных текстов (*Papyrus magique Harris*, изд. Chabas, табл. IX, стк. 2 и след.) и др.

[48] Папирус Салье IV, табл. X, стк. 8–10.

Дни были счастливыми или несчастливыми смотря по тому, что случилось в них во времена божественных династий.

4 тиби. — Хорошо, хорошо, хорошо.[49] — Что ни увидишь в этот день, предвещает тебе удачу. Кто родится в этот день, умрет в самом преклонном возрасте из всех людей своего дома; будет иметь долгую жизнь, наследуя отцу.

5 тиби. — Худо, худо, худо. — Это день, когда вожди были сожжены богиней Сехмет, что обитает в Белой обители, когда они неистовствуют, превращаются и приходят.[50] Приношения хлебов Шу, Птаху, Тоту; ладан на огне для Ра и богов, что при нем, для Птаха, Тота, Ху-Сау в этот день. Что увидишь в этот день, будет к удаче.[51]

7 тиби. — Худо, худо, худо. — Не сходись с женщинами пред оком Гора.[52] Огонь, что горит в твоем доме, — остерегайся подвергать себя его пагубному действию.

8 тиби. — Хорошо, хорошо, хорошо. — То, что увидишь в этот день оком своим, божественный круг дарует тебе. Соединение частей.[53]

9 тиби. — Хорошо, хорошо, хорошо. — Боги славят в этот день богиню Юга. Подноси праздничные хлебы и свежие караваи, что радуют сердца богов и усопших.

10 тиби. — Худо, худо, худо. — Не разводи в этот день огня из тростника. В этот день огонь от бога Соп-хо вышел в Дельте, в этот день.[54]

14 тиби. — Худо, худо, худо. — Не приближайся в этот день к пламени: Ра, жизнь, здоровье, сила, направил его истребить всех своих врагов, и кто приблизится к нему в этот день, тот не будет здоров во все дни своей жизни.

---

[49] Египтяне делили двенадцать часов дня, от восхода до заката, на три части, или, как они говорили, на три поры, *tori*, по четыре часа каждая. Каждое из трех слов, стоящих после каждой даты в календаре Салье, относится к одной из этих частей.

Обычно предзнаменование одно на весь день, и тогда записано: хорошо, хорошо, хорошо, или враждебно, враждебно, враждебно. Но порой случалось, что одна часть была несчастливой, а две другие благоприятными, и тогда находим помету: хорошо, хорошо, враждебно — или сходную запись, отвечающую свойству предзнаменования. Заметим, что в этом любопытном сочинении нет предсказаний, относящихся к ночным часам. Это объясняется само собой, если вспомнить сходные поверья, существующие или существовавшие у других народов, древних и новых. У всех у них ночь недобрая: это время, когда духи, призраки и демоны всякого рода, в зверином и в человеческом облике, входят в полную силу и, не боясь света, выходят из своих убежищ. Поэтому незачем указывать для ночи те же деления, что и для дня.

[50] Не могу сказать, на какой эпизод войн Осириса намекает это место.

[51] Папирус Салье IV, табл. XIII, стк. 6–7.

[52] Здесь подразумевается солнце или, вернее, огонь.

[53] Последняя часть фразы относится к восстановлению Исидой изувеченного тела Осириса. Предание и вправду рассказывает, что Осирис, растерзанный Сетом, собранный по частям Исидой и Нефтидой и положенный на погребальное ложе, был на время восстановлен и зачал Гора.

[54] Не знаю, кто такой бог Соп-хо и почему он поджег Дельту.

Высокий сановник, который 13 тиби с полной уверенностью и гордостью храбреца выходил на льва или бросался в бой, не страшась сирийских стрел[55], 12-го пугался при виде крысы и, дрожа, отводил глаза.[56]

[55] Это был счастливый день (*Papier Sallier IV*, табл. XVI, стк. 4).

[56] Для 12 тиби есть такая запись (*Papier Sallier IV*, табл. XIV, стк. 3): «12 тиби. — Худо, худо, худо. — Старайся не видеть крысы; не приближайся к ней в доме твоем».

Каждый день имел свои влияния, и сумма влияний составляла судьбу. Судьба рождалась вместе с человеком, росла с ним, вела его в юности и в зрелые годы и, можно сказать, отливала всю его жизнь в неизменную форму, которую деяния богов приготовили

от начала времен. Фараон и его вельможи покорялись судьбе, как и правители чужих народов.[57] Судьба следовала за человеком и после смерти; вместе с удачей она присутствовала на суде над душой[58], чтобы либо дать загробным судьям точный отчет о его добродетелях или преступлениях, либо, наконец, устроить условия его новой жизни. В облике, в каком ее изображали, не было ничего отталкивающего. Это была богиня Хатхор или, лучше сказать, семь юных и прекрасных богинь[59], Хатхоры с розовым лицом и ушами телки, всегда приветливые, всегда улыбающиеся, которые возвещали удачу или предрекали беду. Подобно феям-крестным средних веков, они собирались вокруг роженицы и ждали появления младенца, чтобы обогатить или погубить его своими дарами. Ваятели храмов в Луксоре[60], в Эрманте[61] и в Дейр-эль-Бахри[62] показывают нам, как они повивают Мутемую, жену Тутмоса IV, царицу Яхмес и знаменитую Клеопатру. Одни нежно поддерживают молодую мать и помогают ей своими заклинаниями, другие оказывают первые услуги новорожденному и пророчат ребенку всяческое счастье. Когда Хнум создал жену для Бата, они приходят взглянуть на нее, мгновение рассматривают ее и восклицают в один голос: «Она умрет от меча!»[63] Они являются к колыбели обреченного царевича и возвещают, что он погибнет от змеи, крокодила или собаки.[64] В сказке о Хуфуи и волшебниках четыре из них — Исида, Нефтида, Месхенет и Хекет — с помощью Хнума переодеваются плясуньями-алмеями, чтобы избавить жену жреца Ра от трех младенцев, бившихся в ее чреве. От наших фей-крестных они отличаются застарелой любовью к каламбурам. Каждое имя, которое они дают детям, — игра слов, трудная для понимания нынешнего человека и еще более трудная для перевода.[65] Они не одиноки в этом пристрастии: Восток всегда неодолимо тянулся к

такому роду остроумия, и Аравия и Иудея ничуть не уступали Египту в странных толкованиях имен своих святых и героев.

[57] Об одном из князей Хети сказано, что «его судьба» дала ему в преемники брата (Договор Рамсеса II с князем Хети, стк. 10–11).

[58] См. изображение суда над душой в главе 125 «Книги мертвых».

[59] Это число названо в «Истории двух братьев», табл. IX, стк. 8 (ср. этот сборник), и подтверждается изображениями в Дейр-эль-Медине. В других памятниках, например в «Обреченном царевиче» (ср. этот сборник), число их не ограничено.

[60] Champollion, *Monuments de l'Égypte et de la Nubie*, табл. CCCXL–CCCXLI. Текст, воспроизведенный Шампольоном, не называет имени богини. Хатхор, изображенных рядом с царицей в сцене рождения, девять.

[61] Champollion, *Monuments de l'Égypte et de la Nubie*, табл. CLXV, 12.

[62] Naville, *Deir el Bahari*, т. II, табл. XLII–LI.

[63] Папирус д'Орбиней, табл. IX, стк. 5; ср. «Историю двух братьев» в этом сборнике.

[64] Ср. «Обреченного царевича» в этом сборнике.

[65] Ср. «Царь Хуфуи и волшебники» в этом сборнике.

Видеть и слышать Хатхор в ту минуту, когда они произносят свои приговоры, было уделом великих мира сего. Простой народ обычно не был посвящен в их тайны; он знал лишь по опыту многих поколений, что они назначают верную смерть тем, кто родился в определенные дни.

> 4 паофи. — Враждебно, хорошо, хорошо. — Ни в коем случае не выходи в этот день из дому. Кто родится в этот день, умрет от заразы в этот день.
>
> 5 паофи. — Плохо, плохо, плохо. — Ни в коем случае не выходи в этот день из дому; не приближайся к женщинам; это день

принесения приношений пред богом, и Монту[66] отдыхает в этот день. Кто родится в этот день, умрет от любви.

6 паофи. — Хорошо, хорошо, хорошо. — Радостный день на небе. Боги отдыхают пред лицом бога, и божественный круг совершает обряды пред лицом...[67] Кто родится в этот день, умрет от опьянения.

7 паофи. — Худо, худо, худо. — Не делай в этот день совсем ничего. Кто родится в этот день, умрет на камне.[68]

9 паофи. — Веселье среди богов. — Люди празднуют, ибо враг Ра повержен. Кто родится в этот день, умрет от старости.

23 паофи. — Хорошо, хорошо, худо. — Кто родится в этот день, умрет от крокодила.

27 паофи. — Враждебно, враждебно, враждебно. — Не выходи в этот день; не берись ни за какую работу руками. Ра отдыхает. Кто родится в этот день, умрет от змеи.

29 паофи. — Хорошо, хорошо, хорошо. — Кто родится в этот день, умрет, почитаемый всеми людьми.

---

[66] Монту, бог Фив и Гермонтиса, — один из главных богов войны.

---

[67] Здесь недостает имени божества.

---

[68] Быть может: «Кто родится в этот день, умрет на чужой земле».

Не все месяцы были одинаково благоприятны для такого рода предсказаний. Родившиеся в месяце паофи имели восемь шансов из тридцати узнать по дате рождения, какой смертью умрут. В атире, который следует сразу за паофи, всего три роковых дня.[69] Египтянину, родившемуся 9 или 29 паофи, оставалось только жить: удача не могла ему изменить. Египтянину, родившемуся 7 или 27 того же месяца, незачем было чрезмерно тревожиться: род его смерти был уже определен, но не время; он был приговорен,

но мог отсрочить исполнение приговора почти по своей воле. Если ему, как обреченному царевичу, грозила смерть от крокодила или от змеи, он прожил бы недолго, не будь он осторожен или не позаботься о нем в детстве родители: первая же змея или первый крокодил, которые встретились бы ему, привели бы приговор в исполнение. Но он мог оградить себя от своей судьбы: держаться подальше от каналов и от реки, никогда не плавать под парусом в те дни, когда крокодилы были хозяевами воды[70], а в другие дни обезопасить свои плавания, нанимая гребцов, искусных в отвращении опасности заговорами.[71] Верили, что при малейшем прикосновении пера ибиса самый могучий крокодил с самыми острыми зубами становится неподвижным и безвредным.[72] Сам я не стал бы на это полагаться; но египтянин, веривший в тайные свойства разных предметов, ни за что не забыл бы держать под рукой несколько перьев ибиса и полагал, что они его охраняют.

[69] 14, 20 и 23-е. Родившийся 14-го умрет от удара режущего оружия (Пап. Салье IV, с. 8, стк. 3). Родившийся 20-го умрет от ежегодной заразы (там же, с. 8, стк. 9). Родившийся 23-го умрет на реке (там же, с. 9, стк. 12).

[70] В Папирусе Салье IV после даты 22 паофи стоит такая запись: «Не омывайся в этот день никакой водой; кто поплывет по реке, это день быть растерзанным языком Себека (крокодила)».

[71] См. ниже, в этом сборнике, что говорится о заговорах, которыми пастухи не давали крокодилам нападать на стада; заговоры, полезные для животных, были столь же полезны для людей, и заклинания магического папируса Харриса одинаково действовали на тех и на других.

[72] Гораполлон, «Иероглифика», II, LXXXI. Иероглиф, о котором говорит греческий автор, часто встречается в поздние эпохи.

К этим человеческим предосторожностям нужно было прибавить и божественные — заклинания, амулеты и обряды ритуальной магии. Правда, религиозные гимны повторяли величавыми звучными строфами, что «бог не изваян в камне — ни в статуях,

на которые возлагают двойной венец; его не видно — никакое служение, никакое приношение не достигает его; — к нему не приблизиться в таинственных обрядах; место, где он, неведомо — священные книги не обретаются силой».[73] Это было верно о богах, если рассматривать каждого как существо идеальное, совершенное и абсолютное; но в обычном течении жизни Ра, Осирис, Шу и Амон не были недоступны. Их царствование на земле оставило в них некоторые следы слабости и несовершенства, которые постоянно низводили их на землю. Их высекали в камне, их достигали служения и приношения, к ним приближались в святилищах и в расписных божницах. Если их смертное прошлое влияло на дела людей, то человек в свой черед влиял на их божественное настоящее. Были слова, которые, будучи произнесены с определенной интонацией, проникали в глубины неведомого; формулы, звук которых неотразимо действовал на сверхъестественные разумы; и амулеты, которые через магическое освящение вобрали частицу небесной силы. Их властью человек повелевал богами: он брал к себе на службу Анубиса, Тота, Бастет или самого Сета, попеременно тревожил и успокаивал их, посылал и отзывал, заставлял трудиться или сражаться за себя. Этой грозной властью, которой, как они верили, они обладали, иные пользовались, чтобы устроить свою судьбу или дать волю своему дурному нраву и страстям. Не только в романе Гор, сын эфиопки, вооружался заклинаниями, чтобы преследовать фараона и унизить Египет в глазах Эфиопии.[74] Во время заговора против Рамсеса III заговорщики были вооружены книгами заклинаний, с помощью которых надеялись проникнуть в гарем фараона.[75] Закон карал смертью тех, кто так преступал его, но их преступление не мешало закону пользоваться услугами

менее беспокойных собратьев по ремеслу и покровительствовать тем, кто применял свое искусство безвредно или во благо.

[73] Папирус Салье II, с. 12, стк. 6–8, и Папирус Анастази VII, с. 9, стк. 13.

[74] См. «Подлинную историю Сатни-Хамуаса и его сына Си-Осири» в этом сборнике.

[75] Chabas, *Le Papyrus magique Harris*, с. 170–174; Devéria, *Le Papyrus judiciaire de Turin*, с. 124–137.

Отныне человеку, над которым нависла угроза, не приходилось бодрствовать в одиночку. Боги бодрствовали вместе с ним и восполняли его слабые усилия своей неусыпной бдительностью. Возьмите амулет, изображающий «фигуру Амона о четырех бараньих головах, написанную на глине, попирающую ногами крокодила, и восемь богов, поклоняющихся ему, расположенных справа и слева».[76] Произнесите над ним такое заклятие: «Назад, крокодил, сын Сета! Не плыви хвостом своим; — не хватай двумя руками своими. Не раскрывай пасти своей; — да станет вода пред тобою огненной пеленой! — Чары тридцати семи богов в оке твоем; — ты привязан к великому посоху Ра. — Ты привязан к четырем медным столбам юга — пред ладьей Ра. — Стой, крокодил, сын Сета! — Защити меня, Амон, супруг матери своей». Место это темно. Иначе и быть не могло, чтобы оно действовало. Боги понимают с полуслова, что им говорят; намеков на события их жизни, которыми их заклинают, довольно, чтобы их тронуть, и нет нужды припоминать эти события в подробностях. Родись вы 22 или 23 паофи, Амон обязан был бы защищать вас от крокодила и от опасностей воды. Другие заклинания и другие амулеты охраняли от огня, от скорпионов и от болезней[77]; в каком бы обличье ни таилась судьба, она находила богов, засевших в засаде для защиты. Конечно, ничто сделанное не могло изменить приговора, и сами боги были бессильны перед исходом борьбы.

Должен был прийти день, когда предосторожности, магия и божественная защита равно отказывали: судьба была сильнее. Но, во всяком случае, человеку удавалось продержаться, быть может, до старости, а быть может, даже до того возраста в сто десять лет — крайнего предела жизни, которого мудрецы порой надеялись достичь и которого не мог превзойти ни один смертный, рожденный смертной матерью.[78]

[76] Магический папирус Харриса, табл. 6, стк. 8–9.

[77] Лейденский папирус I, изданный Плейте (*Études égyptologiques*, т. I, Лейден, 1866), — собрание формул против разных недугов.

[78] О возрасте в сто десять лет см. любопытную записку Гудвина в Chabas, *Mélanges égyptologiques*, 2-я серия, с. 231–237.

После смерти магия сопровождала человека за гробом и продолжала владеть им. Наша земля, какой ее представляли простая вера народа и ученость жрецов, была подобна театру с двумя отделениями. В одном, при свете дня, раскинулся Египет живых: южный ветер навевал свое сладостное дыхание, Нил катил свои обильные воды, богатая черная земля приносила урожаи цветов, хлебов и плодов. Фараон, сын Солнца, владыка венцов, владыка обеих земель, царствовал в Мемфисе или в Фивах, а его полководцы одерживали победы в далеких краях, и его ваятели трудились, высекая в граните памятники его благочестия. Там, в его царстве или в зависимых от него чужих странах, разворачивается действие большинства сказок. Действие романа о Сатни отчасти происходит во втором отделении нашей вселенной — в краю гробниц и ночи. Вечные воды, протекши за день вдоль стен мира с востока на юг и с юга на запад, каждый вечер достигали Устья Расселины[79] и низвергались в горы, окаймляющие землю с запада, унося с собой ладью солнца и его

свиту светозарных богов.[80] Двенадцать часов божественный поезд шел по длинным темным переходам, где духи, одни враждебные, другие дружественные, то пытались преградить ему путь, то помогали одолеть опасности странствия. Время от времени дверь, охраняемая исполинским змеем, отворялась перед ним и впускала его в огромный зал, полный чудовищ; затем снова начинались узкие темные ходы, слепой путь во мраке, схватки с враждебными духами и радостная встреча с дружественными богами. Утром солнце достигало крайнего предела страны тьмы и выходило из восточной горы, чтобы осветить новый день.[81] Порой случалось, что живые люди магической силой проникали в эти таинственные области и выходили оттуда целыми и невредимыми. Фараон Рампсинит унес оттуда дары богини Нут[82], а Сатни под водительством своего сына Си-Осири присутствовал на суде над душами.[83] Но это были исключения; чтобы попасть туда обычным путем, надо было сперва изведать общий удел смертных.

[79] Ро-Пегаит, или Ро-Пегарит, находилось в У-Пегаит, или У-Пегарит, а та лежала к западу от Абидоса, позади той части тинисского некрополя, которую арабы ныне называют Умм-эль-Гааб. Название буквально значит «устье дерева» и относится к дереву, отмечавшему расселину, или щель, через которую солнце входило в мир ночи.

[80] Описание ночного пути солнца содержится в «Книге о том, что в нижнем полушарии»; ее текст, записанный на папирусах, на саркофагах и на стенах некоторых гробниц, можно восстановить почти полностью. Она час за часом, с пояснительными рисунками, излагает события пути солнца, называет залы, через которые оно проходило, духов и богов, которых оно встречало, изображает наказания осужденных и приводит речи таинственных существ, приветствующих солнце. Полный перевод и толкование найдутся в записке Масперо *Les Hypogées royaux de Thèbes*, перепечатанной в т. II *Mélanges de Mythologie et d'Archéologie égyptiennes*, с. 1–181.

[81] В стране Бокаит, «Рождения».

[82] Геродот, II, CXXII; ср. «Историю Рампсинита» в этом сборнике.

[83] См. вторую сказку о Сатни в этом сборнике. Жюль Байе, пересмотрев эти представления, пришел к выводу, что они повлияли на нисхождение в преисподнюю, как его описывали греческие и римские поэты (*Descentes aux Enfers classiques et égyptiennes*, в *Revue Universitaire* от 15 марта 1902 года, отдельный оттиск, in-8°, 7 с.).

Гробницы царей, царевичей и знатных людей нередко строились по образцу подземного мира. У них тоже были свои колодцы, по которым мертвых опускали в погребальный покой, свои переходы, высеченные далеко в толще живой скалы, свои большие залы с разноцветными столпами и сводчатыми потолками[84], а стены были расписаны демонами и богами преисподней.[85] Все обитатели этих «вечных домов»[86] были облачены в наряд египетской смерти, в необычное великолепие ее переменчивых мод: пелены из тонких бинтов, раскрашенные и позолоченные картонажи и маска с большими, вечно открытыми вставными глазами. Но остерегитесь думать, будто они были совсем мертвы. Вообще говоря, можно сказать, что египтяне умирали не так, как умираем мы. Дыхание жизни, которым ткани напитывались в миг рождения, не исчезало внезапно с последними ударами сердца — оно держалось, пока разложение не завершалось. Как ни слаба и смутна была эта жизнь тела, нужно было не дать ей угаснуть. Древний обычай высушивать тело, а позднее мумификация закрепляли его облик и, можно сказать, обращали его в камень. Обряды магии и религии поддерживали в нем некую скрытую человечность, способную когда-нибудь развиться и проявить себя. Потому бальзамировщик был не только хирургом, но и магом, и жрецом. Вымачивая плоть и накручивая бинты, он читал молитвы, совершал таинственные обряды и освящал могущественные амулеты. Каждый член по

очереди получал от него масло, делавшее его нетленным, и молитвы, поддерживавшие искру жизни[87]; а к концу фараоновской эпохи магия завладела самим телом, и его с головы до ног вооружали амулетами. Диск из позолоченного картонажа, покрытый таинственными надписями и подложенный под голову, сохранял ему частицу животного тепла.[88] Каменный скарабей в золотой оправе, положенный на грудь у основания горла, заменял сердце, остановившееся оттого, что кровь перестала течь и дыхания не стало, и устанавливал искусственное дыхание.[89] Травинки, сухие цветы, свитки папируса, крохотные фигурки из глазурованной глины, спрятанные в толще пелен, браслеты, кольца, пластинки, усеянные иероглифами, — тысячи мелких вещиц, которые ныне переполняют витрины наших музеев, покрывали туловище, руки и ноги, словно части волшебного доспеха. Душа тоже не пускалась беззащитной в загробную жизнь. Главы «Книги мертвых» и другие богословские сочинения, список которых клали в гроб, были заклинаниями, которые открывали душе дороги подземного мира и охраняли ее от опасности. Если она, пока жила в теле, потрудилась выучить эти заклинания, все было хорошо; но если бедность, неученость, лень или неверие помешали ей получить нужное наставление, то и после смерти наставником ей мог стать сердобольный родственник или друг. Довольно было прочесть каждую молитву возле мумии или над амулетами, и знание передавалось развоплощенной душе каким-то тонким путем, объяснить который я не могу.

[84] В текстах они называются *Kerirt*, «печи», — залы с круглыми сводами.

[85] Так расписаны гробницы Сети I, Мернептаха, Рамсеса IV и V.

[86] Выражение, употребляемое со времен самых ранних династий.

[87] Ср. *Le Rituel de l'embaumement* в Maspero, *Mémoire sur quelques papyrus du Louvre*, с. 14 и след.

[88] Это так называемый гипокефал. «Священная книга» мормонов — гипокефал, вывезенный в Америку и купленный пророком Джозефом Смитом (Devéria, *Mémoires et fragments*, т. I, с. 195–201).

[89] «Книга мертвых», главы XXX, LXXII.

Таков был общий удел. Немногие избегали его силой чар и магического искусства, и для них возвращение в этот мир совершалось через подлинное новое рождение из чрева женщины. Так случилось с Бата в «Истории двух братьев»[90] и с волшебником Гором, сыном Панеши. Последний, узнав, что Египту грозит набег эфиопского завоевателя, проник в тело царевны Мехитуасхет и вновь родился на свет под именем Си-Осири, сыном Сатни-Хамуаса. Он заново прошел все ступени человеческого существования, но сохранил знания и сознание прежней жизни и вернулся в преисподнюю лишь после того, как победно исполнил долг перед родиной, который сам на себя возложил.[91] Другие же, напротив, желавшие произвести лишь мгновенное действие, обходились без столь долгой процедуры. Они вторгались в наш мир внезапно и в том облике, который казался им самым подходящим для их замыслов, и оставались внизу лишь столько часов, сколько было совершенно необходимо. Таковы были лица, которых Сатни застал собравшимися в гробнице Ненеферкаптаха и которые были мертвы лишь с виду и по одеянию. Это были мумии: кровь уже не текла в их жилах, члены их окоченели в погребальных пеленах, плоть пропиталась и затвердела от благовоний бальзамирования, черепа были пусты. И все же они думали, говорили, двигались; они вели себя как живые; я почти готов сказать, что они жили. В них была Книга Тота, и она их поддерживала. Госпожа де Севинье писала о трактате господина

Николя, что ей «очень хотелось бы сварить из него бульон и выпить». Ненеферкаптах переписал формулы волшебной книги на новый папирус, растворил их в воде, а затем выпил это питье.[92] Отныне он был неуничтожим: смерть могла изменить условия его существования, но не могла коснуться самого существования. В гробнице он требует к себе двойников жены и сына; он наделяет их силой книги и возобновляет с ними привычный уклад семейной жизни, на время прерванный хлопотами бальзамирования. Он может входить и выходить когда захочет, появляться днем, принимать любой облик и общаться с живыми. Он позволяет своей силе дремать, но когда Сатни обирает его, он без колебаний пробуждает ее и решительно пускает в ход. Он посылает свою жену Ахури в Мемфис; в сопровождении шашек с игральной доски, которые на время стали ее слугами[93], она переодевается храмовой служительницей, чтобы обольстить похитителя. Когда она довершает свое губительное дело и он оказывается беспомощно в ее власти, является в свой черед Ненеферкаптах — сперва в образе царя, затем в образе старика — и принуждает его вернуть драгоценную рукопись. Он мог бы, если бы захотел, обрушить месть на нечестивца, нарушившего тайну его гробницы; но он довольствуется тем, что заставляет его исполнить те свои желания, которые может исполнить лишь живой человек. Он принуждает его перевезти мумии Ахури и Маихета, пребывавшие в изгнании в Коптосе, в Мемфис и соединить в одной гробнице тех, кого разлучила вражда Тота.

[90] См. «Историю двух братьев» в этом сборнике.

[91] См. вторую сказку о Сатни в этом сборнике.

[92] «Самый признанный способ заговорить болезнь — написать некоторые места Корана на внутренней стороне глиняной чашки или миски, затем налить воды и размешивать, пока написанное совсем не смоется; тогда воду, напитанную таким

образом священными словами, должен выпить больной» (Lane, *Modern Egyptians*, Лондон, 1871, т. I, с. 320–321).

[93] См. примечание к «Приключению Сатни-Хамуаса с мумиями» в этом сборнике.

Все это — египетское, и чисто египетское. Если упорно думать, что первоначальный замысел чужеземный, то придется по крайней мере признать, что Египет усвоил его настолько, что сделал вполне своим. В других краях мы находим упоминания о семьях призраков или о собраниях мертвецов, вышедших из гробов, но семья мумий возможна лишь в подземных гробницах долины Нила. После этого никого не удивит появление призрака в отрывке — к несчастью, слишком коротком, — который хранится во Флорентийском музее.[94] Этот призрак, или, назовем его египетским именем, этот *ху*, этот «светлый», верный обычаю своих собратьев, рассказывал свою историю: как он родился при царе Рахотепе XVII династии и какова была его жизнь. Слушатели, по-видимому, ничуть не удивлялись, находя его столь словоохотливым: они знали, что скоро придет и их время, когда они станут такими же, как он, и понимали, какая это радость для бедного духа, веками обреченного беседовать лишь с духами, снова поболтать с живыми.

[94] Издан Голенищевым в *Recueil de Travaux relatifs à l'Archéologie égyptienne et assyrienne*, 1881, т. III, с. 1 и след.; ср. «Отрывки сказки о призраке» в этом сборнике.

Этого довольно, чтобы показать, с какой верностью народные повествования изображают обычаи и верования египтянина в Египте; любопытно извлечь из других сказок впечатления, вынесенные египтянином из путешествий. Многих я удивлю, утверждая, что, по зрелом размышлении, египтяне были в целом народом путешественников. Их привыкли считать домоседами, живущими по заведенному порядку, настолько уверенными в

превосходстве своего племени, что они не желали смешиваться ни с каким другим, и настолько преданными своей стране, что никогда не покидали ее, разве что по принуждению. Может быть, так и было в греко-римскую эпоху, хотя присутствие странствующих жрецов, заклинателей мертвых, фокусников и египетских моряков в разных частях империи цезарей, вплоть до самой Британии, показывает, что они ничуть не противились переселению на чужбину, когда находили это выгодным. Но то, что могло быть верно для Египта на склоне его долгой истории, не обязательно было верно для Египта фараонов.

Войска фараона, выступая в поход, вели за собой обоз — купцов, меновщиков, всякий люд; походы предпринимались почти каждый год, и почти каждый год тысячи египтян покидали свою долину, чтобы следовать за завоевателем, а по окончании похода большей частью возвращались.[95] Благодаря этому периодическому исходу мысль о путешествии стала так привычна народному духу, что писцы без колебаний включили эту тему в свои упражнения в слоге. Один из них посвятил двадцать страниц мелкого письма тому, чтобы с немалой точностью проследить маршрут кружного путешествия по сирийским областям державы.[96] Обычные происшествия обозначены кратко: герой пробирался через леса, полные разбойников и диких зверей, встречал плохие дороги, враждебные племена и горные края, где ломалась его колесница. Большинство городов, которые он посетил, лишь названы в географическом порядке, но то тут, то там живописные подробности прерывают однообразие перечня: вот Тир, остров, где рыбы больше, чем песку морского, и куда воду возят на лодках с материка; вот Библ и его великая богиня, Яффа и ее многочисленные сады любовных соблазнов. «Я дам тебе узнать дорогу, что идет мимо Магиди, ибо ты герой, искусный в

делах отваги: найдется ли герой, что бросается, как ты, во главе своих воинов, господин, что мечет стрелу, как ты? Вот ты на краю пропасти в две тысячи локтей глубиной, полной скал и валунов; ты идешь, неся свой лук и потрясая мечом в левой руке; ты показываешь его доблестным вождям и заставляешь их опускать глаза перед твоей рукой. „Ты сокрушитель, подобный богу Элю, возлюбленный герой.[97] Ты создаешь себе имя, герой, начальник колесничих Египта. Да станет имя твое подобно имени Казарати, вождя страны Асару, когда гиены встретили его посреди зарослей, на дороге в лощине, свирепые, как бедуины, что прячутся в подлеске, иные длиной в четыре или пять локтей, с телом массивным, как у гиппопотама, свирепые видом, безжалостные, глухие к мольбам“. И все же ты один, без проводника, без отряда за тобой, и не найдешь горца, что указал бы тебе путь, по которому идти; и вот тоска охватит тебя, волосы встанут дыбом на голове твоей, душа твоя вся уйдет в руку твою, ибо дорога полна скал и валунов, без проложенного пути, загромождена остролистом, терновником, алоэ, „собачьей обувью“[98], с одной стороны пропасть, с другой — крутая гора. Пока ты едешь там, колесница твоя непрестанно подскакивает, и кони твои пугаются каждого толчка; они шарахаются в сторону, тянут дышло, вожжи с силой вырываются, и ты падаешь. Если, пока ты пробиваешься прямо вперед, конь вырвет дышло на самом узком месте тропы, нет способа снова закрепить его, и так как нет способа поправить его, ярмо остается на месте, и коню тяжело его нести. Сердце твое наконец сдается; ты пускаешься вскачь, но на небе нет облаков, тебя мучит жажда, враг позади тебя, тебе страшно, и когда ветка акации пересекает твой путь, ты бросаешься в сторону, конь твой тотчас ранен, ты сброшен на землю и разбит, и тебе очень больно. Войдя в Яффу, ты находишь сад в самую цветущую пору,

проделываешь дыру в изгороди, чтобы войти и поесть; там ты находишь хорошенькую девушку, что стережет сады, она дружится с тобой и отдает тебе цвет своего тела. Тебя видят, ты говоришь, кто ты, и тебя признают героем».[99] Все это вполне могло бы стать географической канвой для какого-нибудь римского сочинителя, подобной канве некоторых византийских романов, «Эфиопики» Гелиодора или «Левкиппы и Клитофонта».

[95] Начиная с XII династии встречаются намеки на опасности дальних путешествий (Maspero, *Du genre épistolaire*, с. 59–60).

[96] Текст находится в Папирусе Анастази № 1, табл. XVIII, стк. 3 — табл. XXVIII, стк. 6. Его разобрал Хинкс, перевел и прокомментировал Шаба (*Le Voyage d'un Égyptien*, Париж, Maisonneuve, in-4°, 1866), а заново издал А. Х. Гардинер (*The Papyrus Anastasi I and the Papyrus Koller*, Лейпциг, in-4°, 1911). Шаба считал, что путешествие действительно было совершено. Бругш в статье в *Revue Critique* 1866 года показал, что этот рассказ — лишь упражнение в риторике.

[97] Здесь иноземный вождь начинает обращаться к герою, и в тексте на это указывают лишь перемены в строе речи.

[98] Быть может, это одно из колючих растений, которые арабы Египта и Сирии и поныне называют *Kelbiah* или *Omm-el-Kelb*.

[99] Папирус Анастази № 1, табл. XXII, стк. 1; табл. XXV, стк. 5.

Поэтому нам нечего удивляться, что герои наших сказок странствуют далеко. Рамсес II женится на дочери князя Бахтана во время похода, а Хонсу без колебаний ставит свой ковчег на колесницу и отправляется на помощь Бентреш.[100] В «Обреченном царевиче» сын фараона, наскучив домом, отправляется искать приключений в Нахарину, на севере Сирии.[101] Изгнание заносит Синухета в Верхний Тону.[102] Описания нравов и обычаев обычно почти совсем нет, и никакие подробности не показывают, что автор знал о стране, куда приводил своих героев, больше, чем одно ее название. Однако тот, кто сложил записки Синухета, либо

сам исходил края, которые описывает, либо расспрашивал тех, кто там бывал. Он, должно быть, сам отважился на пустыню и изведал ее ужасы, чтобы так писать о страданиях своего героя. «Тогда поднялась во мне жажда. Я упал. Горло мое хрипело, и я уже говорил себе: „Вот вкус смерти“, — как вдруг я ободрился и собрал свои члены. Я услышал громкий голос стад». Обычаи бедуинов изображены как живые, а необычный поединок Синухета с силачом Тону передан с такой верностью, что его почти можно принять за рассказ о схватке Антара или Рабиа.

[100] См. «Дочь князя Бахтана и одержимость духом» в этом сборнике.

[101] См. «Обреченного царевича» в этом сборнике.

[102] См. «Записки Синухета» в этом сборнике.

Для полноты ряда оставалось лишь найти морской роман, и два таких романа нашел в Петрограде Голенищев.[103] Греческие и латинские авторы не раз утверждали, что египтяне считали море нечистым и что никто из них по доброй воле не отваживался выходить в него. Опираясь на авторитет древних, новые ученые долго считали, что у Египта никогда не было ни моряков, ни флота; поход царицы Хатшепсут и морские победы Рамсеса III приписывали финикийцам, сражавшимся или плававшим под египетским знаменем. Петроградские романы вынуждают нас отказаться от этой догадки. Один из них, роман об Ун-Амуне, — плавание чиновника, которого верховный жрец Херихор послал покупать лес на сирийском побережье в двенадцатом веке до н. э.[104] Происшествия в нем такие, какие ежедневно случались в жизни купцов и послов, и весь документ дает нам такое же представление о морских плаваниях, какое Папирус Анастази дает о сухопутных путешествиях.[105] Злоключения того же рода, о каких читаешь в описаниях Леванта XVI и XVII веков: грабеж на берегу,

недоброжелательство начальников гаваней, угрозы мелких местных правителей, споры и бесконечные переговоры о позволении отплыть и даже о самой жизни. Второй роман переносит нас в эпоху более чем на двадцать веков раньше, когда о завоевании Египтом Сирии не было и речи. По памятникам нам уже знакомы морские походы в страну Пунт при царях VI и XI династий.[106] Петроградский роман показывает, что мореходы, которым государи XII династии поручали дальние плавания за благовониями и товарами Аравии, были египтяне хорошего положения и образования.

[103] *Sur un ancien conte égyptien* — доклад В. Голенищева на Конгрессе ориенталистов в Берлине, 1881; полную библиографию см. в этом сборнике при «Потерпевшем кораблекрушение». Второй роман впервые издан под заглавием *Papyrus hiératique de la collection W. Golénischeff, contenant le voyage de l'Égyptien Ounou-Amon en Phénicie*, в *Recueil de Travaux*, т. XXI, с. 74–104; ср. «Путешествие Ун-Амуна» в этом сборнике.

[104] См. «Путешествие Ун-Амуна» в этом сборнике.

[105] См. выше, в этом введении.

[106] При Пиупи II VI династии (J. de Morgan, *De la frontière d'Égypte à Kom-Ombo*, с. 175–176) и при Санкхкара Монтухотепе XI династии (Lepsius, *Denkm.* II, табл. CLX).

Нет ничего страннее начала этой повести. Некто, посланный с поручением, вернулся после неудачного плавания, в котором, по-видимому, потерял свой корабль. Один из его спутников, быть может, капитан корабля, подобравшего его, ободряет его смело предстать перед государем и самому защищать свое дело; чтобы успокоить его насчет последствий беды, он рассказывает, что случилось с ним самим при подобных обстоятельствах. Рассказ построен по образцу жизнеописаний, которые знатные вельможи велели высекать на стенах своих скальных гробниц, или донесений, которые они посылали государям по исполнении

каждого поручения. Обороты в нем точно те же, какими пользовались писцы, когда им приходилось докладывать о государственном деле. «Я отправился к рудникам государя и вышел в море на корабле длиной в сто пятьдесят локтей и шириной в сорок, на котором было сто пятьдесят моряков из лучших в земле Египетской, видевших небо, видевших землю и отважных сердцем больше львов».[107] Номарх Амени-Аменемхет, живший приблизительно в то время, когда было сложено это сочинение, говорит тем же слогом в оставленной им записке о своей службе: «Я поднялся по Нилу, чтобы искать всяческих товаров, золота, для величества царя Хеперкара; я поднялся по нему с наследным князем, старшим законным сыном царя, Амени, жизнь, здоровье, сила; я поднялся по нему с числом в четыреста человек из всех лучших его воинов».[108]

[107] Ср. «Потерпевшего кораблекрушение» в этом сборнике.

[108] *La Grande Inscription de Beni-Hassan*, в *Recueil de Travaux relatifs à l'archéologie égyptienne et assyrienne*, т. I, с. 172; ср. *Mélanges de Mythologie*, т. III, с. 149–185; см. Newberry, *Beni Hasan*, Egypt Exploration Fund, 1893, ч. I, с. 25, табл. VIII.

Если бы случилось так, что конец рукописи здесь был оторван и утерян, — несчастье, к которому египтологи вполне привыкли, — мы почти вправе были бы заключить, что в ней содержится кусок подлинной истории, какой долго считали Папирус Салье № 1.[109] К счастью, однако, рукопись цела, и мы ясно видим, как герой без всяких промежуточных ступеней переходит из области действительности в область вымысла. Буря топит его корабль, и его выбрасывает на остров. В самом этом событии нет ничего необычного, но остров, куда он один из всех товарищей попадает, — не обычный остров. Там живет со своей семьей исполинский змей, змей, который приветливо встречает потерпевшего кораблекрушение, угощает и кормит его, предсказывает ему

счастливое возвращение на родину и при отъезде осыпает его дарами. Голенищев упомянул по этому поводу приключения Синдбада-морехода[110], и сравнение, которое он провел, сразу напрашивается и у читателя. Только змеи Синдбада не так любезны нравом, как змей его египетского предшественника. Они не стараются развлечь чужестранца прелестями дружеской беседы; они с удовольствием его проглатывают, и если он в конце концов запасается алмазами, рубинами и другими драгоценными камнями, то лишь сильно против их воли и только потому, что при всем их разнообразии им не удалось одолеть искателя сокровищ.

[109] Ср. «Ссору Апопи и Секененры» в этом сборнике.

[110] *Sur un ancien conte égyptien*, с. 14–18.

Я, однако, не заключаю из этого сходства, что перед нами египетская версия истории Синдбада. Рассказы о чудесных плаваниях легко слетают с уст моряков, и в них, естественно, немало общих происшествий: буря, потерпевший кораблекрушение, единственный уцелевший из всей команды, остров, населенный говорящими чудовищами, и нежданное возвращение с богатым грузом. Человек, совершивший, подобно Улиссу, долгое плавание, мало склонен к строгой проверке и наделен живым воображением; едва выйдя за пределы обыденной жизни, знакомой его слушателям, он на всех парусах устремляется в область чудес. «Книга чудес Индии»[111], «Сказания арабских купцов»[112], «Золотые луга» Масуди рассказывают любопытным, что видели добросовестные путешественники на Яве, в Китае, в Индии и на западном побережье Африки всего несколько веков назад. Многие из описанных в этих сочинениях дел вставлены так же, как в приключения Синдбада или в удивительные странствия царевича Сейф-уль-Мулука; «Тысяча и

одна ночь» в этом отношении ничуть не менее правдива, чем серьезные повествования мусульманского средневековья, и каирцу, написавшему семь путешествий Синдбада, не было нужды заимствовать мысли из более ранней повести. Ему стоило лишь почитать самых серьезных авторов или послушать рассказы моряков и купцов, вернувшихся из дальних стран, чтобы собрать материала с избытком.

---

[111] *Les Merveilles de l'Inde*, неизданное арабское сочинение X века, впервые переведенное, с введением, примечаниями, предметным и географическим указателем, Л. Марселем Девиком: Париж, A. Lemerre, MDCCCLXXVIII, in-12.

---

[112] *Relation des voyages faits par les Arabes et les Persans dans l'Inde et à la Chine, dans le IXe siècle de l'ère chrétienne*. Арабский текст, напечатанный в 1811 году стараниями покойного г-на Лангле, издан г-ном Рено, членом Института, Париж, Королевская типография, 1845, 2 т., in-18.

Древний египтянин был в этом отношении не беднее нынешнего. У писца, которому мы обязаны петроградской повестью, были бывалые капитаны его времени, готовые поручиться за удивительные небылицы, которые он излагал. Во времена V династии и даже раньше по Красному морю плавали до Страны благовоний, а по Средиземному — до островов у азиатского побережья. Скудные географические названия в повествовании показывают, что герой держал путь на юг. Он прибыл к рудникам фараона, а вполне подлинное жизнеописание Амени-Аменемхета доказывает, что они находились в Эфиопии, в области нынешнего Этбая, и что добирались до них по Нилу. Потерпевший кораблекрушение моряк также старается сообщить нам, что, достигнув дальнего конца страны Уауат, на юге Нубии, он миновал Сенмут, то есть остров Бигу у первого порога. Он поднялся по Нилу, достиг моря, где долгое плавание привело его как раз в окрестности Пунта, и затем вернулся в Фиваиду тем же путем.[113]

Нынешний читатель ничего не поймет в таком способе передвижения, но стоит заглянуть в какую-нибудь карту XVI или XVII века, чтобы понять, что хотел сказать египетский писец. Середину Африки там занимает большое озеро, из которого с одной стороны вытекают Конго и Замбези, а с другой — Нил.[114] Александрийские географы ничуть не сомневались, что Астап и Астабора, Голубой Нил и Такказе, выпускают на восток рукава, сообщающиеся с Красным морем.[115] Арабские купцы средних веков верили, что, поднимаясь по Нилу, достигнешь страны зинджей (динка), а затем выйдешь в Индийский океан.[116] Геродот и его современники выводили Нил из реки Океана.[117] Ни арабы, ни греки не выдумали этого представления — они повторяли египетское предание. А оно, в свою очередь, могло иметь более прочные основания, чем кажется на первый взгляд. Низменная болотистая равнина, где ныне Бахр-эль-Абьяд сливается с Собатом и Бахр-эль-Газалем, была некогда озером больше нынешней Ньянцы-Керове. Наносы постепенно заполнили его, кроме одной котловины, более глубокой, чем остальные, которая ныне зовется Биркет-Ну и с каждым днем мелеет[118]; но в XVI или XVII веке до н. э. оно, должно быть, было достаточно обширным, чтобы египетские воины и речные лодочники принимали его за настоящее море, открывающееся в Индийский океан.

---

[113] Эрман (*Aegypten und aegyptisches Leben*, с. 668) и Шефер (*Kriegerauswanderung unter Psammetich und Söldneraufstand unter Apries*, в *Beiträge zur Alten Geschichte*, т. IV, с. 162 и примеч. 1) полагают, что по Нилу шел только обратный путь, а отправился герой через Красное море.

---

[114] Ср. карту Одоардо Лопеса, воспроизведенную Масперо в его *Histoire ancienne des peuples de l'Orient classique*, т. I, с. 21.

---

[115] Артемидор у Страбона, XVI, с. 770. Ср. Vivien de Saint-Martin, *Le Nord de l'Afrique dans l'Antiquité*, с. 226–268, 318.

[116] Étienne Quatremère, *Mémoires géographiques et historiques sur l'Égypte et sur quelques contrées voisines*, т. II, с. 181–182, по Масуди.

[117] Геродот, II, XXI.

[118] Élisée Reclus, *Nouvelle Géographie universelle*, т. IX, с. 67 и след.

Имел ли остров, на который высадился наш герой, право на место в серьезной географии египетского мира? Он описан как волшебная обитель, путь к которой дано найти не всякому. Покинувший его не мог вернуться: остров рассыпался волнами и погрузился в пучину. Это далекий прообраз тех заколдованных земель — например, острова святого Брендана, — которые мореходы средних веков часто видели в дымке на горизонте и которые исчезали, когда они пытались к ним приблизиться. Имя, которое носит остров, весьма знаменательно: он называется Островом Двойника.[119] Я так часто объяснял, что такое двойник[120], что не решаюсь снова к этому возвращаться. Двойник (*ка*) был частью человеческого существа, переживавшей тело, и его надо было одевать, давать ему жилище и кормить в ином мире; остров двойника должен быть островом, населенным мертвыми, своего рода раем, подобным Островам блаженных классической древности. Географы александрийской эпохи знали о нем, и, следуя им, Плиний[121] указывает в Красном море Остров Мертвых неподалеку от острова Топазос, который скрыт туманами[122], точно так же, как Остров Двойника теряется из виду среди волн. Это был остаток большей страны, Земли Двойников, которую египтяне Мемфисского царства помещали по соседству с Пунтом и с областью Страны благовоний.[123] Змей, царивший там, мог и сам быть двойником или же надзирателем обители двойников. Я больше склоняюсь ко второму объяснению, потому что во всех священных книгах, в «Книге мертвых» и в «Книге о

том, что в мире ночи», охрана мест, где обитают души, чаще всего поручена змеям разного рода. Двойники были слишком тонки, чтобы их мог увидеть глаз обычного человека, и потому в петроградской повести они не появляются. Страж был отлит из более плотного вещества, и потому потерпевший кораблекрушение мог вступить с ним в сношения. Лукиан в своей «Правдивой истории» не так церемонится. Едва высадившись на Елисейских полях, он завязал дружбу с тенями умерших и водил компанию с гомеровскими героями. Это было сделано, чтобы полнее высмеять морские романы того времени; египетский же писец, веривший в существование островов, где обитают блаженные, согласовал приключения своего героя с подробностями своей религии.

---

[119] Эрман называет его Островом Припасов (*Zeitschrift*, 1906, т. XLIII, с. 14–15), а Голенищев — Островом Духов, волшебным островом (*Recueil de Travaux*, т. XXVIII, с. 98).

---

[120] Maspero, *Études égyptiennes*, т. I, с. 191–194.

---

[121] Плиний, «Естественная история», кн. XXXVII, 9: *«Insula Rubri maris ante Arabiam sita quae Necron vocetur, et in ea quae juxta gemmam topazion ferat»*. Ср. «Естественная история», VI, — упоминание острова Топазос, тождественного Офиодесу Артемидора (у Страбона, кн. XVI, с. 770) и Агатархида (у Диодора Сицилийского, III, XXXIX). Плиний, вероятно, заимствовал упоминание об этом Острове Мертвых у Юбы.

---

[122] Ср. Chassinat, *Çà et là*, § III, в *Recueil de Travaux*, т. XVII, с. 53, и Maspero, *Notes sur quelques points de grammaire et d'histoire*, в *Recueil de Travaux*, т. XVII, с. 76–78.

---

[123] Она упоминается в надписи Хирхуфа (Schiaparelli, *Una tomba egiziana*, с. 21, 33, 34; Maspero, *Histoire ancienne*, т. I, с. 19–20).

Это путешествие простого моряка на Остров Двойника, по сути, переносится в область богословия. Согласно одному из самых распространенных учений, умерший египтянин мог достичь

иного мира лишь долгим плаванием. В день погребения он садился в ладью на Ниле и прибывал к западу от Абидоса, где Осирисов канал уносил его из этого мира.[124] Памятники показывают, как он правит своей ладьей и на всех парусах идет по таинственному морю запада, но не говорят нам, какова была цель его плавания. В общем, хорошо понимали, что оно завершалось высадкой в стране, «смешивающей людей»[125], и что там он будет вести жизнь, подобную земной. Но о том, где лежит эта земля, мнения расходились. Была ли вера в западное море лишь мифологическим представлением или же смутным воспоминанием о далекой эпохе, когда воды Ливийской пустыни — того, что ныне зовется Бахр-бела-ма, «реки без воды», — еще не высохли и образовывали перед долиной преграду из озер и болот? Что бы мы ни думали об этих вопросах, мне кажется несомненным, что между путешествием потерпевшего кораблекрушение моряка на Остров Двойника и плаванием мертвого по морю запада есть бесспорная связь. Петербургская повесть — немногим более чем богословская мысль, превращенная в роман. Это самое раннее по времени из тех повествований, где народное воображение любило изображать живых, безнаказанно допущенных к мертвым; и потому она очень далекий предок «Божественной комедии». Мы не можем сказать, была ли первоначальная мысль египетской. Если же случайно она была не египетской, то надо по крайней мере признать, что разработана она так, что во всем согласуется с нравами и представлениями египтян.

[124] Maspero, *Études égyptiennes*, т. I, с. 121 и след.

[125] Это точное выражение египетских текстов (Maspero, *Études égyptiennes*, т. I, с. 135).

Будущее, без сомнения, принесет нам другие обрывки этой повествовательной словесности. Несколько из них вышли из земли со времени первого издания этой книги, и я знаю о других, скрытых в иностранных музеях или в частных собраниях, куда меня не допустили. Новые издания и открытия могут заставить нас пересмотреть выводы, к которым мы пришли, изучая уже доступные нам отрывки. Египтолога, выступающего в пользу Египта, всегда подозревают в том, что он отстаивает собственное дело, и все же есть несколько положений, которые, думаю, я могу смело выдвинуть, не навлекая на себя упрека в пристрастии. Первое, которого никто не станет оспаривать, — это то, что некоторые египетские версии гораздо древнее версий других народов. Рукописи, содержащие «Историю двух братьев» и «Ссору Апопи и Секененры», относятся к XIV или XIII веку до н. э. «Потерпевший кораблекрушение», «Отрывок фантастической сказки» из Берлина и «Записки Синухета» записаны на несколько веков раньше. И эти даты — лишь наименьшие, ибо папирусы, которыми мы располагаем, — списки с более древних. У Индии нет ничего столь же древнего, а Халдея, которая одна среди стран классического мира обладает памятниками, современными египетским, не дала ни одного романа. Во-вторых, краткое рассмотрение предмета, которое я здесь дал, будет, надеюсь, достаточно, чтобы убедить читателя, с какой верностью эти сказки изображают нравы и обычаи Египта. Все в них египетское от начала до конца, и даже подробности, на которые указывали как на чужеземные по происхождению, при ближайшем рассмотрении кажутся нам вполне местными. Не только живые, но и мертвые наделены своеобразными чертами народа Нила и никак не могут быть приняты за живых или мертвых другого народа. Исходя из этого, я считаю, что Египет следует признать

если не изначальной родиной народных сказок, то по крайней мере одной из тех стран, где они раньше всего прижились и раньше всего приняли форму настоящей литературы. Я убежден, что те, кто вправе говорить об этом с наибольшим авторитетом, согласятся с этим выводом.

ИСТОРИЯ ДВУХ БРАТЬЕВ

✦

(X I X д и н а с т и я)

Рукопись этой сказки, купленная в Италии госпожой Элизабет д'Орбиней, была продана ею Британскому музею в 1857 году и вскоре после того воспроизведена Сэмюэлом Бирчем в *Select Papyri*, т. II, табл. IX–XIX (1860), in-folio. Скорописное издание этого факсимиле занимает с. 22–40 в *Aegyptische Chrestomathie* Лео Рейниша (Вена, 1875, малое in-folio), а весьма тщательную копию дал Г. Меллер в *Hieratische Lesestücke* (Лейпциг, 1910, малое in-folio), т. II, с. 1–20. Ф. Л. Гриффит тщательно сверил текст с подлинником и опубликовал свою сверку под заглавием *Notes on the Text of the d'Orbiney Papyrus* в *Proceedings of the Society of Biblical Archaeology*, т. VII, 1888–1889, с. 161–172 и 414–416.

Впервые текст перевел и разобрал Э. де Руже: *Notice sur un manuscrit égyptien, en écriture hiératique, écrit sous le règne de Merienphtah, fils du grand Ramsès, vers le XVe siècle avant l'ère chrétienne*, в *Athenæum français*, суббота, 30 октября 1852 года, с. 280–284 (отдельный оттиск — Thunot, 1852, in-12, 24 с.), и в *Revue archéologique*, 1-я серия, т. VIII, с. 30 и след. (отдельный оттиск — Leleu, 1852, in-8°, 15 с. и 1 табл.); этот очерк переиздан в *Œuvres diverses*, т. II, с. 303–319.

Впоследствии многочисленные разборы, транскрипции и переводы дали:

C. W. Goodwin, *Hieratic Papyri*, в *Cambridge Essays*, 1858, с. 232–239.

Mannhardt, *Das älteste Märchen*, в *Zeitschrift für Deutsche Mythologie und Sittenkunde*, 1859.

Birch, *Select Papyri*, ч. II, Лондон, 1860. Текст, с. 7–9.

Le Page Renouf, *On the Decypherment and Interpretation of Dead Languages*, Лондон, 1863, in-8°; перепечатано в *The Life Work of Sir Peter Le Page Renouf*, 1-я серия, т. I, с. 116–133.

Chabas, *Étude analytique d'un texte difficile*, в *Mélanges égyptologiques*, 2-я серия, 1864, с. 182–230.

Brugsch, *Aus dem Orient*, 1864, с. 7 и след.

Ebers, *Aegypten und die Bücher Mose's*, in-8°, 1-е изд., 1868, с. 311–316.

Владимир Стасов, «Древнейшая повесть в мире „Роман двух братьев“» (*Le plus ancien conte du Monde, le Roman des deux Frères*), в журнале «Вестник Европы» (*le Messager d'Europe*), 1868, т. V, с. 702–732.

Maspero, *Le Conte des deux Frères*, в *Revue des Cours littéraires*, 28 февраля 1871, с. 780 и след.

Le Page Renouf, *The Tale of the Two Brothers*, в *Records of the Past*, 1-я серия, т. II, с. 137–152; ср. его *Parallels in Folklore* в *Proceedings of the Society of Biblical Archaeology*, т. XI, с. 177–189, перепечатано в *The Life Work*, т. III, с. 311–327.

Maspero, *Conte des deux Frères*, в *Revue archéologique*, 2-я серия, XIX год (март 1878). Отдельный оттиск — Didier, Париж, in-8°, 16 с.; перепечатано в *Mélanges de Mythologie et d'Archéologie Égyptiennes*, т. III, с. 42–66.

Chabas, *Conte des deux Frères*, в *Choix de textes égyptiens*, изданном после его смерти г-ном де Горраком, Париж, 1883, in-8°, с. 5 и след.; перепечатано в *Œuvres diverses*, т. V, с. 424–435.

E. M. Coemans, *Manuel de la langue égyptienne*, 1887, т. I, с. 95–120.

W. N. Groff, *Étude sur le Papyrus d'Orbiney*, Париж, Leroux, in-4°, 84-III с., и *Quelques Observations sur mon Étude sur le Papyrus d'Orbiney*, Leroux, 1889, in-4°, VIII с.

Ch. E. Moldenke, *The Tale of the Two Brothers. A fairy tale of ancient Egypt, being the d'Orbiney Papyrus in hieratic character in the British Museum; to which is added the hieroglyphic transcription, a glossary, critical notes, etc.*, Нью-Йорк, 1888–1893, in-8°.

E. W. Budge, *Egyptian Reading Book*, 1-е изд., Лондон, Nutt, 1888, in-8°, с. XI и 1–25, — содержит лишь переложение текста иероглифами; с тех пор вышло несколько изданий.

W. Flinders Petrie, *Egyptian Tales*, 1895, т. II, с. 36–86.

Ch. E. Moldenke, *The Oldest Fairy Tale translated from the Papyrus d'Orbiney, with Notes*, в *Transactions of the Meriden Scientific Association*, Мериден, 1895, in-8°, т. VII, с. 33–81.

Karl Piehl, *En gammal Saga*, в *Bilder från Egypten*, 1896, in-8°.

F. Ll. Griffith, *Egyptian Literature*, в *Specimen Pages of the World's Best Literature*, Нью-Йорк, 1898, in-8°, с. 5253–5262.

Д. А. Сперанский, «Из литературы Древнего Египта. Выпуск I: Рассказ о двух братьях» (*Le Conte des deux Frères*), Санкт-Петербург, 1906, in-8°, 264 с.

A. Wiedemann, *Altaegyptische Sagen und Märchen*, Лейпциг, 1906, малое in-8°, с. 58–77.

Рукопись состоит из девятнадцати страниц по десять строк, из которых первые пять сильно повреждены. Несколько пробелов заполнил один из ее новых владельцев; на факсимиле они отмечены. В двух местах на книге стоит имя ее древнего владельца, Сети Мернептаха, который позже царствовал под именем Сети II. На обороте одного из листов какой-то его современник, быть может сам Сети, набросал следующую памятку (ср. W. Spiegelberg, *Rechnungen*, с. 41, прим. 8):

Хлебы большие	17
Хлебы второго сорта	50
Хлебы храмовые	68

Рукопись вышла из мастерской писца Эннаны, которой мы обязаны еще несколькими списками классических сочинений, среди прочих папирусом Анастаси IV, и которая вовсю трудилась в царствования Рамсеса II, Мернептаха и Сети II. Ей больше трех тысяч лет.

Жили когда-то два брата, рожденные одной матерью и одним отцом. [1] Анупу [2] звали старшего, а Бата [3] звали младшего. У Анупу был дом и была жена, а младший брат жил при нем совсем как младший домочадец. Это он изготовлял ткани, ходя за скотом в поле, [4] это он пахал, это он обмолачивал зерно, он делал всю работу в поле; ибо этот младший брат был отличный работник, и не было ему равного во Всей Земле, [5] но семя всякого бога было в нем. И много дней спустя, [6] когда младший брат ходил за своими коровами, по своему ежедневному обычаю, приходил он каждый вечер домой, нагруженный всякими травами полей, как бывает, когда возвращаются с полей. Он клал их перед старшим братом, который сидел со своей женой; он ел, он пил, он спал в хлеву со своими коровами каждый день. [7] И когда земля просветлела и настал второй день, едва испекли хлебы, он положил их перед старшим братом, а тот дал ему хлебов для поля. Он погнал коров пастись в поля, и, пока он шел позади своих коров, они говорили ему: «Трава хороша в таком-то месте», ибо он, он слышал все, что они говорили, и вел их на хорошее пастбище, какого они желали. И они, коровы, что были при нем, стали прекрасны, весьма, весьма, они умножили свой приплод, весьма, весьма. [8]

[1] Многоженство дозволялось, хотя частные лица не всегда его держались. Богатый человек, имев детей от законной жены или от наложницы, нередко выдавал ее замуж за кого-нибудь из подчиненных, и тот в свою очередь имел от нее детей. Поэтому, называя двух братьев, вовсе не лишним было сказать, что они «одной матери и одного отца». Первенство, отданное здесь матери перед отцом, было в Египте общим правилом: всякий, знатный или простолюдин, называл свое происхождение по матери охотнее, чем по отцу. Один называл себя «Сенусерт, рожденный госпожой Манхуит», другой — «Сесусрия, рожденный госпожой Та-Амон», и чаще всего вовсе не упоминал имени отца.

[2] Исконная форма божественного имени, которое греки и римляне передавали как Анубис.

[3] Баити (Бата), Бети, Бути — имя очень древнего бога с двойной бычьей головой (ср. Введение), которого местная летопись превратила в царя, правившего прежде Менеса. Греки знали этого мифического государя под именем Бутес, или Бутос, Битис.

[4] Феллахи и в наши дни прядут, гоня свои стада на пастбище; на какой-то подобный обычай и намекает это место.

[5] Египет делился на две половины (*pashûi*), на две Земли (*taûi*), и каждая считалась особой страной — северная (*to-mûri*) и южная (*to-risi* или *to-shamâît*). Соединение этих двух земель называли то *Qamaît*, Черная земля, то *Torzerûf*, Вся Земля.

[6] Этот переход не надо понимать буквально. «Много дней спустя» вовсе не обязательно означает большой срок: это формула неопределенного значения, которой показывали, что одно событие случилось после другого. Чтобы отметить переход от одного дня к следующему, говорили: «Когда земля просветлела и настал второй день»; а для промежутка больше одних суток говорили: «Много дней спустя».

[7] На изображениях полевых работ часто видишь пастуха, который гонит скот перед собой; отсюда выражение «идти, ходить позади скота» вместо «вести скот». На плечах у него нечто вроде вьючного седла, похожего на наплечный ремень французских водоносов, а на нем висят корзины с сеном или травой, как у Баты, или клетки, где сидит заяц, еж, детеныш газели, гусь или иная тварь, пойманная за день. Вернувшись домой, пастух складывал ношу перед хозяином, которого изображают то стоящим, то сидящим в кресле рядом с женой, как Анупу в нашей повести. Это выражение и некоторые другие, что встречаются по ходу сказки, слово в слово находятся в надписях к росписям Эль-Каба, где представлены

полевые работы (Lepsius, *Denkmäler*, III, табл. 10, и Maspero, *Notes sur différents points de Grammaire et d'Histoire*, в *Zeitschrift für Ägyptische Sprache*, 1879, с. 58–63).

[8] Все это место казалось египтянину не столь невероятным, как нам (ср. Введение). В отрывке волшебной сказки, который приводится ниже, мы увидим, что хорошему пастуху полагалось быть отчасти магом, чтобы оберегать свой скот; впрочем, автор «Истории двух братьев» позволил себе наделить Бату знанием несколько большим, чем было у обычного гуртовщика.

И однажды, в пору пахоты, старший брат сказал ему: «Приготовь нам упряжку быков, чтобы нам взяться за работу, ибо земля вышла из воды [9] и хороша для пахоты. А ты ступай в поле с семенами, ибо завтра утром мы начнем работать». Так он сказал ему, и младший брат сделал все, что велел ему старший брат, сколько бы того ни было. Когда земля просветлела и настал второй день, они пошли в поля со своей упряжкой, чтобы начать работу, и сердце их радовалось, весьма, весьма, своей работе, и они не бросали работы.

[9] Намек на спад разлива.

И много дней спустя, когда они были в полях и мотыжили, старший брат послал младшего брата, говоря: «Беги, принеси нам семян из деревни». Младший брат застал жену своего старшего брата за тем, что ей убирали волосы. [10] Он сказал ей: «Встань! Дай мне семян, чтобы мне бежать в поля, ибо старший брат ждет меня; не задерживай меня!» Она сказала ему: «Пойди, открой закром [11] и возьми, что тебе угодно, чтобы прическа моя не осталась недоделанной». Юноша вошел в хлев, взял большой кувшин, ибо намерен был взять много зерна, наполнил его пшеницей и ячменем и вышел под ношей. Она сказала ему: «Сколько это у тебя на плече?» Он сказал ей: «Ячменя три меры, пшеницы две меры, всего пять — вот что у меня на плече». Так он сказал ей, а она, она заговорила с ним и сказала: «Велика в тебе мощь, и я каждый день

вижу твою силу». [12] И сердце ее потянулось к нему, как желают юношу. [13] Она встала, она схватила его, она сказала ему: «Пойдем, ляжем вместе на часок. Если ты согласишься, право, я сошью тебе две прекрасные одежды». Юноша стал как южный гепард в лютой ярости из-за дурного предложения, что она ему сделала, и она испугалась, весьма, весьма. Он заговорил с ней и сказал: «Да ведь ты мне как мать, и муж твой мне как отец, и он, старший мой, он дает мне жить. Ах! Эту мерзость, что ты мне сказала, не говори мне больше, а я никому не скажу; не выпущу этого из уст своих ни для кого». Он поднял свою ношу и пошел в поля. Когда он пришел к старшему брату, они принялись за свою работу.

[10] Прическа египтянок обычно состояла из множества тончайших косичек; на ее укладку уходило несколько часов, и, раз сделанная, она держалась нетронутой несколько дней и даже несколько месяцев, как у нынешних нубиек.

[11] Речь идет, вероятно, о закромах из битой глины, которые изображены на древних жертвенных столах в виде крестьянских хижин и до сих пор в ходу по всему нынешнему Египту.

[12] Пять мер зерна составляют по объему 368 литров (647 пинт) и весят около 276 килограммов (608 фунтов). Рыночные носильщики во Франции носят в среднем 200 килограммов и редко берутся за 276 (Chabas, *Recherches sur les poids, mesures et monnaies des anciens Égyptiens*, с. 9, 11). Значит, Бата обладал необычайной силой, что и оправдывает восхищение женщины.

[13] Дословно: «Сердце ее узнало его узнаванием юноши».

А после того, в вечерний час, когда старший брат вернулся домой, а младший брат шел за своим скотом, неся все дары полей и гоня скот перед собой, чтобы тот шел на покой в хлева в деревне, [14] жена старшего брата, боясь за то, что она сказала, взяла жиру и тряпку и сделала себя похожей на ту, которую избил злодей, [15] чтобы сказать мужу: «Это твой младший брат избил меня». Когда же муж ее вернулся вечером по своему ежедневному обычаю, придя домой, он нашел жену лежащей, будто удрученной

насилием; она не полила ему воды на руки по своему ежедневному обычаю, не зажгла перед ним огня, но дом его был во тьме, а она лежала вся перепачканная. Муж сказал ей: «Кто же говорил с тобой?» Тогда она сказала: «Никто не говорил со мной, кроме твоего младшего брата. Когда он пришел взять для тебя семян и застал меня сидящей совсем одну, он сказал мне: „Пойдем, ляжем вместе на часок; надень свои красивые одежды“. Так он сказал мне, а я не послушала его. „Да разве я тебе не мать? Разве старший брат тебе не как отец?“ Так я сказала ему. Он испугался, он избил меня, чтобы я ничего тебе не рассказала. Так вот, если ты оставишь его в живых, я убью себя, ибо, смотри, когда он вернется сегодня вечером, раз я пожаловалась на его дурные слова, ясно, что он сделает».

[14] Старший брат, хозяин усадьбы, кончив работу, возвращался прямо домой. Младшему брату, простому работнику, приходилось еще нести траву и загонять скот в хлев; поэтому он шел медленнее и приходил домой много позже. У жены, таким образом, было вдоволь времени, чтобы рассказать неправду и разжечь гнев мужа против деверя.

[15] Она натерлась жиром, чтобы подделать блестящие следы и синяки, какие остаются на теле от ударов.

Старший брат стал как южный гепард; [16] он наточил свой нож, он взял его в руку. Старший брат встал за дверью своего хлева, чтобы убить младшего брата, когда тот придет вечером загонять скот в хлев. И когда солнце село и младший брат понес все травы полей по своему ежедневному обычаю и пришел, передняя корова у входа в хлев сказала своему пастуху: «Вот твой старший брат стоит перед тобой со своим ножом, чтобы убить тебя; беги от него». Когда он услышал, что сказала передняя корова, вторая, входя, сказала то же самое; он заглянул под дверь хлева, он увидел ноги старшего брата, который стоял за дверью с ножом в руке, [17]

он положил ношу на землю, он побежал изо всех сил, а старший брат пустился за ним в погоню со своим ножом. Младший брат воззвал к Фра-Хармахису, [18] говоря: «Благой владыка, это ты праведно судишь неправду!» И Фра услышал все его жалобы, и Фра сделал так, что между ним и старшим братом явилась большая вода; она была полна крокодилов, и один был по одну сторону, а другой — по другую, и старший брат дважды взмахнул рукой, чтобы ударить его, но не убил его; вот что он сделал. Младший брат окликнул его с берега, говоря: «Оставайся там, пока не просветлеет земля. Когда взойдет солнечный диск, я буду судиться с тобой перед ним, чтобы восстановить правду, ибо никогда больше не буду я с тобой, никогда больше не буду в тех местах, где будешь ты; я уйду в Долину Акации». [19]

---

[16] Это почти расхожее выражение для гнева мужчины или государя: Рамсес II или эфиопский царь Пианхи ведут себя как южный гепард (*guépard*) ничуть не меньше, чем Бата или Анупу.

---

[17] Низ египетской двери очень редко касается порога; на большинстве росписей, где изображена дверь, между нею и землей виден порядочный просвет.

---

[18] Египтяне называли солнце *Raiya*, *Riya*, откуда у нас Ра, а с мужским артиклем — *Prâ* или *Phrâ*. Хармахути — это Гор между двумя небосклонами, то есть солнце в его дневном пути от утреннего небосклона к вечернему. Два образа, Ра и Хармахути, различные по происхождению, смешались задолго до той поры, когда была написана «История двух братьев», и выражение Фра-Хармахути на языке того времени было просто вариантом имен Фра или Ра. Греки переделали Хармахути в Хармахиса; Хармахис олицетворялся в большом сфинксе в Гизе, близ пирамид.

---

[19] Слово, которое я перевожу как «акация», долгое время переводили «кедр». Лоре предлагал переводить «сосна», а Шпигельберг совсем недавно — «кипарис» (*Rechnungen*, с. 54 и след., и *Die Bauinschrift Amenophis III*, в *Recueil*, т. XX, с. 52). Долина акации, кедра, сосны или кипариса, по-видимому, соответствует погребальной долине, куда Амон, бог Фив, ежегодно ходил воздать почести своим отцу и матери, будто бы погребенным там; Вире, обобщив эту догадку (*La Religion de l'Ancienne Égypte*, с. 194–197), даже полагал, что это загробный мир, Аменти,

который и в самом деле сообщался с Египтом через Нил. Лефебюр, введенный в заблуждение ходячим переводом «Долина кедра», помещал ее в Финикии, стране кедров (*Œuvres diverses*, т. I, с. 163), что давало ему еще одну черту совпадения между историей Баты и греко-египетским сказанием об Осирисе. На деле Долина находилась, как мы увидим ниже, на берегу Нила (*iaûmâ*), без сомнения близ того места, где река спускалась с неба в наш мир.

Когда земля просветлела и настал второй день и взошел Фра-Хармахис, каждый увидел другого. Юноша обратился к старшему брату и сказал ему: «Зачем ты идешь за мной, чтобы убить меня хитростью, не выслушав, что скажут мои уста? Ведь я поистине твой младший брат, а ты, ты мне как отец, и жена твоя мне как мать, не так ли поистине? Однако, когда ты послал меня за зерном, жена твоя сказала мне: „Пойдем, проведем часок, ляг со мной“, и вот это тебе извратили в совсем иное». Он поведал ему все, что было у него с женщиной; он поклялся Фра-Хармахисом, говоря: «Ты — идти за мной, чтобы убить меня хитростью, с кинжалом в руке, изменой, — какой позор!» Он взял серп для резки тростника, отсек свой детородный член, бросил его в воду, где его пожрал электрический сом, [20] он поник, он лишился чувств. Старший брат проклял свое сердце, весьма, весьма, и остался там и плакал над ним. Он рвался, но не мог перебраться на берег, где был его младший брат, из-за крокодилов. Младший брат окликнул его, говоря: «Вот как: когда ты замыслил злое дело, ты не вспомнил ни одного доброго дела, ни даже одной вещи, что я сделал для тебя. Ах! Ступай домой и сам ходи за своим скотом, ибо я не стану больше жить там, где ты; я ухожу в Долину Акации. Но вот что ты сделаешь для меня, когда вернешься к своим делам, — знай же, что со мной случится. Я выну свое сердце волшебством и положу его на верхушку цветка Акации; и когда Акацию срубят и сердце мое упадет на землю, ты придешь искать его. Если ты проведешь в поисках семь лет, не падай духом, а когда наконец

найдешь его, положи его в сосуд со свежей водой, [21] и я непременно оживу и воздам за зло, что мне причинят. [22] А узнаешь ты, что со мной что-то случилось, когда тебе подадут в руку кувшин пива и оно вспенится; подадут тебе другой, с вином, и оно помутнеет. Не медли же, поистине, когда это с тобой случится». Он ушел в Долину Акации, а старший брат вернулся домой, держа руку на голове, вымазанный пылью. [23] Придя домой, он убил свою жену, бросил ее псам [24] и продолжал скорбеть о младшем брате.

---

[20] По сказанию, Осирис, разрубленный Тифоном на куски, был брошен в Нил; все рыбы пощадили останки бога, кроме оксиринха, который пожрал детородный член. Писец, записавший «Историю двух братьев», поставил вместо оксиринха другую рыбу, без сомнения из благоговения. Эту рыбу, не раз изображенную на стенах гробницы Ти, называли *narû*. Ее легко узнать по усикам вокруг рта и по выпуклой форме хвостового плавника. Сравнение древних рисунков с таблицами «Описания Египта» (*Poissons du Nil*, табл. XII, рис. 1–4) показывает, что это *Malapterurus electricus*, электрический сом (*Description*, т. XXIV, с. 299 и след.).

---

[21] Возлияние свежей воды необходимо умершим: без него они не могли бы ожить. Еще в птолемеевскую пору эллинизированные египтяне писали в своих греческих надгробиях, что Осирис «дал им свежей воды в преисподней».

---

[22] Дословно: «Я дам ответ на то, что преступлено».

---

[23] Один из самых частых знаков скорби в Египте, как и на всем Востоке: набирают комья пыли и грязи и мажут ими лицо и голову. Роспись фиванской гробницы, воспроизведенная Уилкинсоном (*Manners and Customs*, 2-е изд., т. III, табл. LXVIII), показывает родных и друзей покойного, которые мажут себя так перед мумией.

---

[24] Та же подробность встречается в «Истории Сатни-Хамуаса», где Табубу велит бросить детей героя «из окна псам и кошкам, и те съели их мясо» (см. ниже).

И много дней спустя младший брат, живя в Долине Акации совсем один, проводил день в охоте на зверей пустыни и приходил ночевать под акацию, на верхушке цветка которой лежало его сердце. И много дней спустя он построил своими руками в Долине Акации усадьбу, *эзбе*, полную всякого добра, чтобы устроить себе

дом. Выйдя из своей усадьбы, он встретил Девятку богов, [25] которые шли править делами Всей Земли. [26] Девятка богов заговорила вся разом и сказала ему: «О Бата, бык Девятки богов, [27] не один ли ты здесь оттого, что покинул свою страну из-за жены Анупу, своего старшего брата? Вот, жена его убита, и ты воздал ему за все зло, что было сделано тебе». Сердце их страдало за него, весьма, весьма, и Фра-Хармахис сказал Хнуму: [28] «О, сотвори жену Бате, чтобы тебе не быть одному». [29] Хнум сотворил ему подругу, чтобы жить с ним, прекрасную телом более всякой женщины во Всей Земле, ибо семя всех богов было в ней. Семь Хатхор [30] пришли посмотреть на нее и сказали в один голос: «Пусть она умрет от меча». Бата желал ее весьма, весьма; она жила в его доме, а он проводил день в охоте на зверей пустыни, чтобы класть их перед ней, и говорил ей: «Не выходи, чтобы тебя не схватила река: [31] ты не умеешь от нее спастись, ведь ты всего лишь женщина. А мое сердце лежит на верхушке цветка Акации, и, если кто другой найдет его, мне придется с ним биться». И он открыл ей все, что касалось его сердца. [32]

---

[25] Космические боги древнего Египта составляли умозрительную группу из девяти божественных лиц, которая называлась *psît* или *pauîtnutîru*, «эннеада, девятка богов», или, если взять слово менее точное, «круг богов». Эта Эннеада, каждый член которой мог распадаться на бесчисленное множество второстепенных образов, ведала сотворением и бытием вселенной, как ее представляли себе разные жреческие школы. Из других текстов мы узнаем, что боги временами спускались на землю погулять; например, 25-го числа месяца паофи можно было встретить их в образе быка (Chabas, *Le Calendrier des Jours fastes et néfastes*, с. 43).

---

[26] То есть Египта: см. выше, прим. 5.

---

[27] Прозвание «бык» по меньшей мере странно в применении к евнуху. Надо, однако, помнить, что Бата — народный образ бога с двойной бычьей головой (ср. Введение); его злоключение, лишив его мужской силы на земле, не мешало ему как богу сохранить свою плодоносную мощь. Так и Осирис в одном из вариантов

сказания, мертвый и изувеченный, ожил, чтобы оплодотворить Исиду и стать отцом Гора.

---

[28] Имя Хнум означает «ваятель»; говорили, что этот бог вылепил яйцо, или вещество мира, на гончарном круге. Хнум, прежде всего местный бог Элефантины и первого порога, был тем не менее богом космическим, и легко понять, почему божественная Эннеада выбирает его, чтобы сотворить жену для Баты: он замесил ее и вылепил из праха земного. Ниже, в «Истории Хуфуи», мы увидим, что он помогал при родах, а известные изображения в храмах Дейр-эль-Бахри и Луксора показывают, что после зачатия именно он лепил на своем гончарном круге тело и двойника младенца; он лепил его в утробе матери и давал ему окончательный облик после рождения.

---

[29] В этой фразе лицо внезапно меняется. В первой части Фра говорит Хнуму: «Сотвори жену Бате», во второй обращается к Бате: «чтобы тебе не быть одному».

---

[30] Семь Хатхор играют здесь ту же роль, что феи-крестные в наших сказках. Они появляются и в начале сказки «Обреченный царевич», как будет видно ниже.

---

[31] Здесь, кажется, намек на Невесту Нила и ее погружение в реку. Древние египтяне называли Нил морем (*iaûmâ*), как и нынешние (*bahr*); это выражение встретится еще в первой истории о Сатни-Хамуасе (см. ниже).

---

[32] Дословно: «он открыл ей свое сердце во всем его облике».

И много дней спустя, когда Бата ушел на охоту по своему ежедневному обычаю, а девушка вышла погулять под акацией, что была возле ее дома, вот! она увидела реку, которая гнала к ней свои волны, она побежала от нее, она вошла в свой дом. Река воззвала к Акации, говоря: «Дай мне завладеть ею», и Акация отдала прядь ее волос. Река унесла ее в Египет и положила у ручья прачек фараона, ж. з. с. [33] Запах пряди пропитал белье фараона, ж. з. с., и бранили прачек фараона, ж. з. с., говоря: «Запах притираний в белье фараона, ж. з. с.!» Их бранили каждый день, так что они не знали, что делают, и старший над прачками фараона, ж. з. с., пришел к ручью, ибо сердце его было раздосадовано, весьма, весьма, бранью, что он получал каждый день. Он остановился, он задержался у ручья прямо против пряди волос, что была в воде; он

велел кому-то спуститься, тот принес ее ему, и, найдя, что она пахнет сладко, весьма, весьма, он отнес ее фараону, ж. з. с. Привели писцов-чародеев фараона, ж. з. с. Они сказали фараону, ж. з. с.: «Эта прядь волос принадлежит дочери Фра-Хармахиса, в которой сущность всех богов. [34] О ты, кому поклоняются чужие страны, пошли гонцов во все чужие страны искать эту девицу; а с гонцом, который пойдет в Долину Акации, пошли много людей, чтобы привести ее». И вот Его Величество, ж. з. с., сказал: «Прекрасно, прекрасно то, что вы сказали», и отправили гонцов. И много дней спустя люди, ходившие в чужие страны, вернулись с донесением к Его Величеству, ж. з. с., а ходившие в Долину Акации не вернулись: Бата перебил их и оставил лишь одного, чтобы тот донес Его Величеству, ж. з. с. Его Величество, ж. з. с., послал множество воинов и лучников, а также колесничих, чтобы привести девицу; с ними была и женщина, которая дала ей в руки [35] все прекрасные женские украшения. Эта женщина пришла с ней в Египет, и ей радовались во Всей Земле. Его Величество, ж. з. с., полюбил ее весьма, весьма, так что Сам [36] провозгласил ее Первой Любимицей. Сам говорил с ней, чтобы она рассказала о своем муже, и она сказала Его Величеству, ж. з. с.: «Пусть срубят Акацию, и он погибнет». Сам послал воинов и лучников срубить Акацию; они срубили цветок, на котором было сердце Баты, и в тот злой час он упал мертвым.

---

[33] Фараон — форма титула *Para-âûi*, «двойной великий дом», которым обозначали всех царей; сначала ее переложили на еврейский лад, потом на греческий. Государь был двойным великим домом, а не просто великим домом потому, что Египет испокон веков делился на две страны (см. выше, прим. 5); и царь был царем двойным, царем Северного и Южного Египта, и дом его был двойным, соответственно двум лицам, из которых он состоял. Ж. з. с. — сокращение формулы «Жизнь, здоровье, сила», которая всегда следует за именем царя или царским титулом.

[34] По верованиям египтян, как и многих других народов, все части тела были так тесно связаны взаимным сочувствием, что продолжали влиять друг на друга, даже будучи разделены и унесены далеко. Чародей, завладевший частью тела, кусочками плоти, обрезками ногтей и особенно волосами, мог навязать свою волю человеку, которому они принадлежали. Поэтому нечего удивляться, что Нил попросил прядь волос Дочери богов, а маги, рассмотрев прядь, тотчас узнали природу той, кому она принадлежала.

[35] Пиль (*Zeitschrift*, 1886, с. 80–81) предпочитал переводить: «С ними была женщина, она дала ей все сладкие женские лепешки». Ср. Max Müller, *Ueber einige Hieroglyphenzeichen*, в *Recueil de Travaux*, т. IX, с. 170, и ответ Пиля, *Lettre à M. le Rédacteur du Recueil*, 1888, с. 1–3.

[36] «Сам» передает форму неопределенного местоимения *emtutu*, за которой следует определитель божества; она, по-видимому, часто обозначает фараона. «Сам провозгласил ее» равнозначно, таким образом, «фараон провозгласил ее».

И когда земля просветлела и настал второй день после того, как срубили Акацию, Анупу, старший брат Баты, войдя в свой дом, сел, вымыл руки, и ему подали кувшин пива, и оно вспенилось. Подали ему другой, с вином, и оно помутнело от накипи. Он схватил свой посох и сандалии, а также одежды и оружие и пустился в путь к Долине Акации; он вошел в усадьбу младшего брата и нашел младшего брата лежащим мертвым на ложе. [37] Он заплакал, увидев младшего брата лежащим как мертвый; он пошел искать сердце младшего брата под Акацией, в тени которой младший брат спал по ночам; он провел три года в поисках и не нашел его. И вступил он в четвертый год, и, когда сердце его пожелало вернуться в Египет, он сказал: «Пойду завтра»; так сказал он в сердце своем. И когда земля просветлела и настал второй день, он пошел под Акацию, провел день в поисках; возвращаясь вечером, он огляделся, чтобы поискать снова, и нашел семечко, вернулся с ним, и вот! это было сердце его младшего брата. Он принес чашу свежей воды, бросил его туда и сел по своему ежедневному обычаю. И когда настала ночь и сердце впитало воду, Бата

затрепетал всеми членами и пристально посмотрел на старшего брата, пока сердце его было в чаше. [38] Анупу, старший брат, схватил чашу свежей воды, в которой было сердце младшего брата, тот выпил, и сердце его стало на место, и он стал таким, как был прежде. Они обняли друг друга, они заговорили друг с другом, и тогда Бата сказал старшему брату: «Вот, я стану большим быком, у которого будут все нужные волоски и природы которого никто не будет знать. [39] Сядь мне на спину, когда взойдет солнце, и, когда мы будем там, где моя жена, я дам ответ. [40] А ты отведи меня туда, где пребывает Сам, и тебе сделают всякое добро, тебя нагрузят серебром и золотом за то, что ты привел меня к фараону, ж. з. с., ибо я буду великим чудом, и мне будут радоваться во Всей Земле, а потом ты уйдешь оттуда в свой город». И когда земля просветлела и настал второй день, Бата обратился в тот облик, о котором говорил старшему брату. Анупу, его старший брат, сел ему на спину на рассвете, и он прибыл туда, где пребывал Сам. [41] Дали знать Его Величеству, ж. з. с., он посмотрел на него, он обрадовался весьма, весьма, он устроил ему великое празднество, говоря: «Великое чудо свершилось», и ему радовались во Всей Земле. [42] Старшего брата нагрузили серебром и золотом, и он поселился в своем городе. Быку дали многочисленных слуг и многочисленные дары, ибо фараон, ж. з. с., любил его весьма, весьма, больше всех людей во Всей Земле.

---

[37] Это было низкое прямоугольное ложе, *ангареб* нынешних берберинов, рама которого обычно стоит на четырех львиных лапах.

---

[38] Ср. заметку Зете, *Zu d'Orbiney*, 14, 2–3, в *Zeitschrift*, т. XXIX, с. 57–59.

---

[39] Наш герой, будучи образом бога с двойной бычьей головой (ср. Введение), легко превращается в быка, и притом в Аписа, быка по преимуществу. А Апису полагалось иметь на теле определенное число таинственных отметин из шерсти разных цветов. Он был черный, с треугольным белым пятном на лбу, с

изображением коршуна или орла с распростертыми крыльями на спине и с изображением скарабея на языке; волосы его хвоста были двойные. «Скарабей, коршун и все прочие отметины, связанные с наличием и взаимным положением пятна на лбу, в действительности не существовали. Без сомнения, лишь жрецы, посвященные в таинства Аписа, знали их и умели распознать в божественном животном необходимые знаки, примерно так же, как астрономы узнают очертания дракона, льва или медведя в некоторых сочетаниях звезд» (Mariette, *Renseignements sur les Apis*, в *Bulletin archéologique de l'Athenæum français*, 1855, с. 54).

[40] Ср. то же выражение выше, прим. 22.

[41] Это пережиток очень древнего предания, по которому умерших доставлял во владения и дворец Осириса священный бык или корова Хатхор. На фиванских гробах XXI и следующих династий часто можно видеть на желтом фоне сцену, где владелец гроба в живом облике едет верхом на этом животном или лежит у него на спине в виде мумии.

[42] Все время между смертью одного Аписа и обретением нового Египет был в трауре; водворение нового Аписа клало конец трауру и праздновалось великими торжествами. Так сказка изображает здесь подлинные обычаи действительной жизни.

И много дней спустя бык вошел в гарем [43] и остановился там, где была любимица, и заговорил с ней, сказав: «Смотри, я все-таки жив». Она сказала ему: «Да кто же ты?» Он сказал ей: «Я Бата. Ты хорошо знала, когда велела фараону, ж. з. с., срубить Акацию, что это причинит мне такой вред, что я не смогу больше жить; но смотри, я все-таки живу. Я бык». Любимица испугалась, весьма, весьма, того, что сказал ей муж. Он вышел из гарема, а Его Величество, ж. з. с., пришел провести с ней счастливый день, и она была за столом Его Величества, и Сам был к ней милостив, весьма, весьма. Она сказала Его Величеству: «Поклянись мне богом, сказав: „Что ты мне скажешь, то я ради тебя исполню“». Он послушал все, что она сказала. «Пусть дадут мне съесть печень этого быка, ибо он ни на что путное не годен». Так она сказала ему. Сам опечалился тем, что она сказала, весьма, весьма, и сердце

фараона было больно, весьма, весьма. И когда земля просветлела и настал второй день, объявили великий праздник жертвоприношений в честь быка, и послали одного из главных мясников Его Величества, ж. з. с., перерезать быку горло. И вот, когда горло ему перерезали и он был на плечах у людей (которые несли его), он дернул шеей и уронил две капли крови у двойной лестницы Его Величества, ж. з. с. Одна упала по одну сторону великих ворот фараона, ж. з. с., другая по другую, и они выросли в две большие персеи, [44] каждая великой красоты. Пошли сказать Его Величеству, ж. з. с.: «Две большие персеи выросли за ночь великим чудом для Его Величества, ж. з. с., у великих ворот Его Величества, ж. з. с.», и им радовались во Всей Земле, и Сам принес им жертвы. [45]

[43] Священные животные имели свободный доступ во все части храма, где они жили. Известно, какой волей пользовался мендесский баран и какие странные выходки он порой себе позволял (Геродот II, 46; ср. Wiedemann, *Herodots Zweites Buch*, с. 216–218). Бата как священный бык мог беспрепятственно проникать в закрытые для народа части дворца и даже в самый гарем.

[44] Персея, по Швейнфурту *Mimusops Schimperi*, была посвящена Осирису. По персее стояло с каждой стороны входа в храм Дейр-эль-Бахри, и Навиль нашел высохшие стволы деревьев там, где Уилкинсон отметил на своем плане основания обелисков; Шпигельберг весьма остроумно связал этот факт с нашим местом сказки (Naville, *Un dernier mot sur la succession des Thoutmès*, в *Zeitschrift*, т. XXXVII, с. 48–52).

[45] Это следствие почитания деревьев в народе (Maspero, *Histoire Ancienne*, т. I, с. 121; ср. V. Scheil, *Cinq tombeaux thébains*, в *Mémoires de la Mission française*, т. IV, с. 578–579 и табл. IV), многочисленные следы которого сохраняются и поныне в мусульманском Египте (Maspero, *Mélanges de Mythologie*, т. II, с. 224–227).

И много дней спустя Его Величество, ж. з. с., украсил себя венцом из лазурита, шею его обвивали гирлянды всевозможных цветов, он взошел на свою киноварную колесницу, он выехал из царского дворца, ж. з. с., чтобы посмотреть на персеи. Любимица ехала на

колеснице парой коней в свите фараона, ж. з. с. И вот Его Величество, ж. з. с., сел под одной из персей, [46] а любимица села под другой персеей. Когда она села, персея заговорила со своей женой: «О вероломная! Я Бата, и я живу, хоть ты и обошлась со мной дурно. Ты хорошо знала, что велеть фараону, ж. з. с., срубить Акацию — значит причинить мне зло; я стал быком, и ты велела меня убить». И много дней спустя, когда любимица была за столом Его Величества, ж. з. с., и Сам был к ней благосклонен, она сказала Его Величеству, ж. з. с.: «Дай мне клятву богом, сказав: „Что скажет мне любимица, то я ради нее исполню. Говори!“» Он послушал все, что она говорила. Она сказала: «Вели срубить две персеи и сделать из них прекрасные сундуки». [47] Сам послушал все, что она сказала. И много дней спустя Его Величество, ж. з. с., послал искусных плотников, они срубили персеи фараона, ж. з. с., и стояла там, глядя, как это делают, царская супруга, любимица. Отлетела щепка, попала в рот любимице, и она почувствовала, что зачала. [48] Сундуки были сделаны, и Сам сделал с ними все, что она желала.

[46] Египетский писец пропустил здесь целую строку: «Его Величество сел под одной из персей, *любимица села под другой персеей. Когда она села, персея заговорила* со своей женой». Писец действительно сделал пропуск: в подлиннике у него две строки подряд кончались словом «персея», и вторую он пропустил.

[47] Ср. Chabas, *Œuvres diverses*, т. V, с. 434, и K. Sethe, *Zu d'Orbiney*, 18, 1, в *Zeitschrift*, 1907, с. 134–135.

[48] Это намек на мифологическое событие: каждый вечер солнце входило в уста богини Нут, которая от этого зачинала и наутро рождала новое солнце (Maspero, *Études de Mythologie et d'Archéologie égyptiennes*, т. II, с. 25–26).

И много дней спустя она родила младенца мужского пола, и пошли сказать Его Величеству, ж. з. с.: «У тебя родился сын». Его принесли, дали ему кормилиц и нянек, [49] ему радовались во Всей

Земле. Стали справлять праздник, стали жить во имя его. [50] Его Величество, ж. з. с., полюбил его весьма, весьма, тотчас же, и он был провозглашен царским сыном Куша, [51] а много дней спустя Его Величество, ж. з. с., сделал его наследным князем Всей Земли. И много дней спустя, когда он много лет пробыл наследным князем Всей Земли, Его Величество, ж. з. с., улетел на небо. [52] Сам сказал: «Пусть приведут ко мне великих сановников Его Величества, ж. з. с., чтобы я дал им знать все, что со мной случилось». Привели к нему его жену, он судил ее перед ними, и они утвердили его приговор. Привели к нему его старшего брата, и он сделал его наследным князем своей Всей Земли. Двадцать лет он был царем Египта, потом ушел из жизни, и старший брат стал на его место в день погребения. — Эта книга окончена в мире, для двойника писца-казначея Кагабу, из сокровищницы фараона, ж. з. с., писца Харауи, писца Маиаемапита; писец Эннана, хозяин этой книги, сделал ее. Кто станет говорить против этой книги, того Тот да вызовет на поединок. [53]

---

[49] Должность «младшей няньки», или «качальщицы колыбели», порой исполняли мужчины: ее носили несколько высших сановников XVIII династии. Слово *khnumu*, которым она обозначается, собственно значит «усыплять, укладывать спать»; *khnumu*, стало быть, — это тот, кто укладывает младенца спать, а *monâît* — та, что дает ему грудь.

---

[50] Эту темную фразу можно толковать по-разному. Она значит либо, что тогда пошел обычай давать имя юного царевича детям, родившимся после него, либо, как предполагает Лефебюр (*L'importance du nom*, в *Sphinx*, т. I, с. 97), что царевич, получив имя, начал вступать в полное обладание своей личностью: ведь человек и вправду был неполон, пока не получал имени.

---

[51] Один из титулов царевичей царского дома. Царский сын Куша, точнее говоря, был правителем земли Куш, то есть Эфиопии. Впрочем, титул мог быть и не только почетным: юный царевич сам правил и так проходил выучку для царского сана в областях Верхнего Нила.

[52] Одно из обычных иносказаний египетского официального слога для обозначения смерти царя. Равнозначное выражение встречается в начале «Записок Синухета» (см. ниже).

[53] Эта формула, по-видимому, была в ходу: ее находят на обороте папируса Салье IV, табл. 21, где ее вывел, упражняя руку, какой-то писец: «Сделано писцом Аманоа, хозяином этого поучения. Кто станет говорить против этого поучения писца Аманоа, того Тот да убьет в поединке». Хозяином книги, или поучения, был тот, кто имел исключительное право владеть ею, был ли он ее сочинителем или только издателем или назначенным чтецом. Дословно угроза, обращенная ко всякому, читателю или слушателю, кто стал бы ее порицать, звучит так: «да будет ему Тот сделан товарищем по бою». Выражение понятно, если вспомнить сцены в Саккаре или Бени-Хасане, где изображены гимнастические упражнения воинов: каждому подобран противник — «сделан товарищ», — как борцам Греции или гладиаторам Рима.

ЦАРЬ ХУФУИ И ВОЛШЕБНИКИ

✦

(X V I I I д и н а с т и я)

Папирус, сохранивший эту сказку, больше пятидесяти лет назад подарила Лепсиусу англичанка, мисс Весткар, привезшая его из Египта. Приобретенный Берлинским музеем в 1886 году, он впервые стал известен по краткому изложению, которое опубликовал А. Эрман: *Ein neuer Papyrus des Berliner Museums*, в берлинской *National-Zeitung* (14 мая 1886), — и был воспроизведен в книгах: A. Erman, *Aegypten und aegyptisches Leben im Altertum*, in-8°, Тюбинген, 1885–1887, с. 498–502; Ed. Meyer, *Geschichte des alten Aegyptens*, in-8°, Берлин, 1887, с. 129–131.

Перевод, помещенный мной во втором издании этих сказок, был не столько дословным переводом, сколько переложением, основанным отчасти на немецком переводе, отчасти на иероглифической транскрипции, которую сообщил мне Эрман. С тех пор английский пересказ поместил У. М. Флиндерс Питри в своих *Egyptian Tales*, 1895, Лондон, in-12, т. I, с. 97–142, а сам текст был издан факсимиле и в иероглифической транскрипции, а также переведен на немецкий А. Эрманом: *Die Märchen des Papyrus Westcar* (составляют т. V–VI *Mittheilungen aus den Orientalischen Sammlungen*), 1890, Берлин, in-4°; впоследствии он переиздал свой перевод с разными поправками в брошюре *Aus den Papyrus der Königlichen Museen*, 1899, Берлин, in-8°, с. 30–42, и ввел несколько отрывков своей иероглифической транскрипции в *Aegyptische Chrestomathie*, 1904, Берлин, in-12, с. 20–27.

Наконец, новый немецкий перевод сделал А. Видеман: *Altaegyptische Sagen und Märchen*, Лейпциг, 1906, малое in-8°, с. 1–24.

Сказка, вероятно, была бы одной из самых длинных известных нам, если бы дошла до нас целиком; к несчастью, начало ее пропало. Открывалась она несколькими рассказами о чудесах, которые сыновья царя Хеопса один за другим рассказывали своему отцу. Первый из тех, что сохранились в нашей рукописи, почти совсем разрушен; уцелела лишь заключительная формула, показывающая, что дело было во времена фараона Джосера, вероятно того Джосера, которого наши списки царских имен помещают в III династию. На следующих страницах — рассказ о чуде, совершенном чародеем Убаанером в царствование Небки из III династии. С того мгновения, как царевич Бауфра открывает рот, повествование идет без серьезных перерывов до конца рукописи. Обрывается оно на середине фразы, и мы не можем сколько-нибудь уверенно угадать, чего недостает до ее завершения. У египетских повестей есть обескураживающая привычка обрываться внезапно, когда меньше всего этого ждешь, и сжимать в несколько строк события, которые мы сочли бы нужным изложить пространно. Может быть, одной-двух страниц хватило бы, чтобы дать нам продолжение, а может быть, требовалось еще восемь или десять страниц и в них были случаи, о которых мы и не подозреваем.

Можно спросить, опирается ли на историческую основу та часть повести, где говорится о рождении первых трех царей V династии. Несомненно, что с Усеркафа начала царствовать новая семья: Туринский папирус ставит перед этим царем рубрику и тем отделяет его от предшествовавших фараонов. Памятники, по-видимому, не допускают никакого междуцарствия между

Шепсескафом и Усеркафом, что склоняет нас думать, будто смена династии произошла без потрясений. Если верить преданию, по которому Усеркаф был сыном Ра и жрицы, он не был царской крови и не имел никакого родства с государями, которым наследовал. Сходство с фиванскими теогамиями, какими мы знаем их по истории царицы Хатшепсут, Аменхотепа III и Клеопатры, все же оставляет некоторое сомнение, не были ли эти цари связаны с великим фараоновским родом через какого-нибудь предка. Мысль, что три государя родились в одно время, была, по-видимому, довольно широко распространена в Египте, ибо текст птолемеевской поры (Brugsch, *Dict. Hiér.*, т. VII, с. 1093), говоря о городе Па-Сахура, основанном одним из них, утверждает, что его называли также Городом Тройни (Piehl, *Quelques passages du Papyrus Westcar*, в *Sphinx*, т. I, с. 71–80); однако это еще не доказывает, что этому известию надо придавать историческую цену. В сущности, без дальнейших подтверждений вернее всего считать рассказ чистым вымыслом.

Эрман показал, что письмо папируса Весткар очень близко к письму папируса Эберса; поэтому изготовление рукописи можно отнести самое раннее к последним царствованиям владычества гиксосов, а самое позднее — к первым царствованиям XVIII династии. Однако редакция, вероятно, гораздо древнее самого списка: по особенностям слога Эрман полагает, что она восходит, быть может, к XII династии. Тогда сказка о Хеопсе и магах относилась бы почти к тому же времени, что «Записки Синухета» и «Жалобы феллаха»; это был бы образец народной повести той эпохи.

Начало сказки и ее общую раму можно с вполне сносной уверенностью восстановить по вступлению Петербургского папируса № 1. «Было это во времена, когда Снофру был

благодетельным царем над всей этой Землей. Однажды, когда тайные советники дворца, вошедшие в дом фараона, ж. з. с., чтобы держать с ним совет, уже удалились, посовещавшись с ним по своему ежедневному обычаю, Его Величество сказал канцлеру, бывшему при нем: „Беги, приведи ко мне тайных советников дворца, что вышли, чтобы уйти, и мы снова посовещаемся, без промедления“. Советники возвращаются, и царь признается им, что позвал их назад, чтобы спросить, не знают ли они человека, который мог бы позабавить его рассказами; и они рекомендуют ему жреца Бастет по имени Неферхо». [54] Очень вероятно, что Хеопс однажды, будучи в унынии и скуке, собрал своих сыновей и спросил их, не знают ли они каких-нибудь чудес, совершенных магами в прошлом или в нынешнее время. Первый рассказ утрачен, но в сохранившейся части рукописи уцелели остатки формулы, которой изумленный фараон выражал свое удовольствие.

[54] Golénischeff, *Papyrus № 1 de Saint-Pétersbourg*, в *Zeitschrift*, 1876, с. 109–110.

Его Величество Царь обоих Египтов Хуфуи, правогласный, сказал: «Пусть поднесут Его Величеству Царю Джосеру, правогласному, приношение — тысячу хлебов, сто кувшинов пива, быка, две чаши ладана, и пусть дадут лепешку, кружку пива, долю мяса, чашу ладана главному жрецу-чтецу…, ибо я видел доказательство его учености». И было сделано то, что повелел Его Величество. [55]

[55] Это формула, которой кончается первый рассказ; имя мага совсем стерлось; пропавшим главным жрецом-чтецом был, вероятно, Имхотеп, сын Хапуи.

Тогда царский сын Хафра встал говорить и сказал: «Я поведаю Твоему Величеству о чуде, что случилось во времена твоего отца, царя Небки, [56] правогласного, когда он отправился в храм Птаха, владыки Анх-тауи». [57]

[56] Царь Небка не был родным отцом Хуфуи, но, так как он принадлежал к более ранней династии, а всех фараонов считали одной-единой семьей, рассказчик, говоря об одном из них, называет его отцом Хуфуи, царствующего государя.

[57] Анх-тауи, как указал Бругш, — название одного из кварталов Мемфиса. У меня есть некоторые основания думать, что место это можно определить близ холма, который ныне зовется Ком-эль-Азиз.

Итак, в день, когда Его Величество отправился в храм Птаха, владыки Анх-тауи, и когда Его Величество посетил со своей свитой дом писца, главного жреца-чтеца [58] Убаанера, жена первого жреца-чтеца Убаанера увидела одного вассала [59] среди тех, что шли за царем: с того часа, как она увидела его, она перестала понимать, в какой части света находится. Она послала к нему свою служанку, бывшую при ней, сказать ему: «Приди, ляжем вместе на часок; надень свои праздничные одежды». Она велела отнести ему сундук, полный прекрасных одежд, [60] и он пришел со служанкой туда, где была она. И когда прошли после того дни, а у главного жреца-чтеца Убаанера была беседка у озера Убаанера, [61] вассал сказал жене Убаанера: «Вот беседка у озера Убаанера; если тебе угодно, побудем там немного». Тогда жена Убаанера послала сказать управителю, ведавшему озером: «Вели приготовить беседку, что у озера».

[58] Выражение «главный жрец-чтец» — более или менее близкий перевод титула *Khri-habi*. *Khri-habi* был дословно «человек свитка»: тот, кто на обряде распоряжался принадлежностями и действием, расставлял участников, подсказывал им слова формулы, которую им надлежало произнести, указывал жесты и действия, которые им надлежало совершить, при нужде читал за них молитвы и был в сущности настоящим распорядителем церемоний (ср. Maspero, *Études égyptiennes*, т. II, с. 51 и след.). *Khri-habi*, или чтец, которому по должности полагалось знать все формулы, должен был знать заклинания и магические формулы наравне с религиозными; вот почему все чародеи нашей сказки — главные жрецы-чтецы, первые жрецы-чтецы (ср. Введение). Титул, который они носят вместе с этим, — «писец книг» — показывает, что их ученость не

ограничивалась чтением заговоров: она простиралась на переписывание, а при нужде и на сочинение магических книг.

[59] В египетском тексте — *nozesu*, «маленький», человек скромного положения. Старинное слово «вассал», по-моему, в точности соответствует значению египетского слова.

[60] Ср. в «Истории двух братьев» (см. выше) две одежды, которые жена Анупу сулила Бате, чтобы соблазнить его.

[61] «Озеро Убаанера» — название имения, составленное из имени владельца и слова *she*, которое значит «пруд, бассейн для разлива», *birkeh* арабского Египта. Это способ образования, часто встречающийся в египетских географических названиях (см. ниже).

Сделали, как она сказала, и она осталась там, пируя с вассалом, пока не село солнце. А когда настал вечер, он спустился к озеру искупаться, и служанка была с ним, и управитель узнал, что происходит между вассалом и женой Убаанера.

И когда земля просветлела и настал второй день, управитель пошел к главному жрецу-чтецу Убаанеру и рассказал ему то, что вассал делал в беседке с его женой. Когда главный жрец-чтец Убаанер узнал то, что случилось в его беседке, он сказал управителю: «Принеси мне мой ларец черного дерева, украшенный электром, в котором моя книга магии». [62] Когда управитель принес его, он вылепил из воска крокодила длиной в семь дюймов, прочел над ним то, что прочел из своей книги магии, и сказал ему: «Когда этот вассал придет купаться в моем озере, утащи его на дно». [63] Он отдал крокодила управителю и сказал ему: «Как только вассал спустится в озеро, по своему ежедневному обычаю, брось за ним в воду этого воскового крокодила». Управитель ушел и унес с собой воскового крокодила. Жена Убаанера послала к управителю, ведавшему озером, и сказала ему: «Вели приготовить беседку, что на берегу озера, ибо вот, я приду туда побыть». Беседку снабдили всяким добром;

пришли и веселились с вассалом. Когда настало вечернее время, вассал пошел по своему ежедневному обычаю, и управитель бросил за ним в воду воскового крокодила: крокодил обратился в крокодила в семь локтей; он схватил вассала, он утащил его под воду. А первый жрец-чтец Убаанер провел семь дней у Его Величества Царя Верхнего и Нижнего Египта Небки, правогласного, пока вассал был в воде без дыхания. Но когда исполнились семь дней и Царь Верхнего и Нижнего Египта Небка, правогласный, вышел и отправился в храм, первый жрец-чтец Убаанер предстал перед ним и сказал ему: «Да соизволит Твое Величество прийти и посмотреть на чудо, что случилось во времена Твоего Величества с одним вассалом». Его Величество пошел с главным жрецом-чтецом Убаанером. Убаанер сказал крокодилу: «Вынеси вассала из воды». Крокодил вышел и вынес вассала из воды. Первый жрец-чтец Убаанер сказал: «Пусть он остановится», и заклял его, и заставил его остановиться перед царем. Тогда Его Величество Царь Верхнего и Нижнего Египта Небка, правогласный, сказал: «Прошу вас! Этот крокодил страшен». Убаанер нагнулся, схватил крокодила, и тот стал у него в руках всего лишь восковым крокодилом. Первый жрец-чтец Убаанер рассказал Его Величеству Царю Верхнего и Нижнего Египта Небке, правогласному, то, что вассал делал в доме с его женой. Его Величество сказал крокодилу: «Возьми то, что твое». Крокодил погрузился на дно озера, и неизвестно больше, что сталось с вассалом и с ним. Его Величество Царь Верхнего и Нижнего Египта Небка, правогласный, велел отвести жену Убаанера на северную сторону дворца; ее сожгли, а пепел бросили в реку. [64] Вот это чудо, что случилось во времена твоего отца, Царя Верхнего и Нижнего Египта Небки, правогласного, и что совершил первый жрец-чтец Убаанер».

[62] И в первой истории о Сатни-Хамуасе чудесная книга Тота тоже хранится в ларце (см. ниже).

[63] Все начало так повреждено, что ни одна фраза ныне не уцелела полностью. Восстановление основано на превосходном переводе Эрмана (*Die Märchen des Papyrus Westcar*, с. 22–26).

[64] То, как в тексте подана развязка, без всяких пояснений, кажется, доказывает, что огонь был наказанием, положенным неверным женам. Это предположение подтверждает рассказ о Фероне, где царь велел сжечь заживо всех женщин, которые, имев связь с мужчиной помимо мужа, не могли дать ему средства, нужного, чтобы вернуть ему зрение (Геродот II, CXI; ср. Введение). Мы уже знали, что такое наказание назначалось за разные преступления — отцеубийство, колдовство, ересь, по крайней мере в Эфиопии (G. Maspero, *La Stèle de l'Excommunication*, в *Revue archéologique*, 1871, т. II, с. 329 и след.), за грабеж или разрушение храмов или неотчуждаемого храмового имущества (Birch, *Inscriptions in the hieratic and demotic characters*, табл. 29, стк. 8; ср. G. Möller, *Das Dekret des Amenophis, des Sohnes des Hapu*, в *Sitzungsberichte* Берлинской академии, 1910, с. 936, прим. 1), за мятеж против фараона. Его, должно быть, особенно страшились потому, что, уничтожая тело, оно лишало душу и двойника опоры, в которой те нуждались на том свете. В конце «Истории двух братьев» (см. выше) автор не забывает отметить наказание дочери богов, не говоря, в чем оно состояло; вероятно, по обычаю, это было сожжение.

Его Величество Царь Хуфуи, правогласный, сказал тогда: «Пусть поднесут Его Величеству Царю Небке, правогласному, приношение — тысячу хлебов, сто кувшинов пива, быка, две чаши ладана, и пусть также дадут лепешку, кружку пива, чашу ладана первому жрецу-чтецу Убаанеру, ибо я видел доказательство его учености». И было сделано то, что повелел Его Величество.

Тогда царский сын Бауфра встал говорить и сказал: «Я поведаю Твоему Величеству о чуде, что случилось во времена твоего отца Снофру, правогласного, и что совершил первый жрец-чтец Джаджаеманх. Однажды, когда царь Снофру, правогласный, скучал, Его Величество собрал царский дом, ж. з. с., чтобы найти что-нибудь, что развеселило бы [65] его сердце. Так как ничего не нашли, он сказал: „Поспешите и приведите ко мне первого жреца-

чтеца Джаджаеманха“, и его тотчас привели к нему. Его Величество сказал ему: „Джаджаеманх, брат мой, я собрал царский дом, ж. з. с., чтобы поискать что-нибудь, что развеселило бы мое сердце, но ничего не нашел“. Джаджаеманх сказал ему: „Пусть Твое Величество соизволит пойти на Озеро фараона, ж. з. с., и велит снарядить ладью со всеми красавицами царского гарема. Сердце Твоего Величества развеселится, когда ты увидишь, как они плывут туда и сюда; и еще, когда ты будешь созерцать прекрасные заросли твоего озера, когда будешь глядеть на прекрасный край, что окаймляет его, и на прекрасные берега, тогда сердце Твоего Величества развеселится. А я вот как устрою это дело. Вели принести мне двадцать весел черного дерева, украшенных золотом, с лопастями из кленового дерева, украшенными электром; пусть приведут мне и двадцать женщин из тех, у кого прекрасное тело, прекрасная грудь, прекрасные волосы и кто еще не рожал; и пусть принесут двадцать сетей и дадут этим женщинам вместо одежды“. [66] Сделали то, что повелел Его Величество. Женщины плыли туда и сюда, и сердце Его Величества радовалось, глядя, как они гребут, но вот весло одной из них задело ее косы, и ее рыбка из нового малахита упала в воду. [67] Тут она замолчала, перестала грести, и ее подруги из того же ряда замолчали и больше не гребли, [68] и Его Величество сказал: „Вы больше не гребете?“ Они сказали: „Наша подруга молчит и больше не гребет“. Его Величество сказал ей: „Отчего ты не гребешь?“ Она сказала: „Моя рыбка из нового малахита упала в воду“. Его Величество сказал: „Только греби, я заменю ее тебе“. Она сказала: „Я хочу свою собственную, а не другую, похожую“. Тогда Его Величество сказал: „Хорошо, пусть приведут ко мне главного жреца-чтеца Джаджаеманха“. Его тотчас привели, и Его Величество сказал: „Джаджаеманх, брат мой, я сделал, как ты

сказал, и сердце Его Величества развеселилось, когда он увидел, как гребут женщины, но вот рыбка из нового малахита у одной из малышек упала в воду. Тут она замолчала, перестала грести и остановила подруг. Я сказал ей: ‚Отчего ты не гребешь?‘ Она сказала мне: ‚Рыбка из нового малахита упала в воду‘. Я сказал ей: ‚Только греби, и я заменю ее тебе‘. Она сказала: ‚Я хочу свою собственную, а не такую же‘“. Тогда главный жрец-чтец произнес то, что произнес из своей книги магии; он поднял целую часть воды и положил ее на другую; он нашел рыбку лежащей на комке земли, взял ее и отдал хозяйке. А вода была глубиной в двенадцать локтей посередине, а теперь, поставленная одна на другую, была целых двадцать четыре локтя. Он произнес то, что произнес из своей книги магии, и вода озера вернулась на свое место. Так Его Величество провел счастливый час со всем царским домом, ж. з. с., и наградил главного жреца-чтеца Джаджаеманха всяким добром. Вот это чудо, что случилось во времена твоего отца, царя Снофру, правогласного, и что сотворил главный жрец-чтец Джаджаеманх, маг».

---

[65] Египетский текст дает здесь, как и везде, где я употребил выражение «развеселить», глагол со значением «освежить». Дословный перевод был бы, стало быть, «что-нибудь, что освежило бы его сердце».

---

[66] Я полагал, что речь идет об одной из тонких сеток-накидок из бус фаянса или глазурованной глины, какие видишь нарисованными поверх одежды некоторых статуй мемфисской поры или XII династии, — например, на статуе A 102 в Лувре (ср. Perrot-Chipiez, *Histoire de l'Art*, т. I, с. 143, и J. Capart, *L'Art égyptien*, т. I, с. 42). Однако здесь у двадцати девушек не было одежды из какой-либо ткани, и под своими сетками они были нагие, как допускал Пиль (*Sphinx*, т. I, с. 73–74; т. IV, с. 118–119). Борхардт подтверждает данное мною значение примерами со статуй в Каире, но полагает, что девушки надевали сетки поверх одежды (*Zeitschrift*, т. XXXVII, с. 81). Питри считает, что речь идет просто об очень тонкой ткани (*Deshasheh*, с. 32).

[67] В тексте здесь слово *nikhau* с определителем рыбы, которого нет ни в одном из изданных доныне словарей; я перевел его в общем виде словом «рыбка». Здесь имеется в виду не настоящая рыба, а один из талисманов в виде рыбы, которым древние — римляне и греки, как и восточные народы, — приписывали всевозможные чудесные свойства (F. de Mély, *Le Poisson dans les Pierres gravées*, в *Revue Archéologique*, 3-я серия, т. XII, с. 319–332).

[68] Девушки, по египетскому обычаю, пели, гребя, чтобы держать ровный такт; та, что потеряла свой амулет, замолчала, другие тоже смолкли, и движение прекратилось.

Его Величество Царь Хуфуи, правогласный, сказал тогда: «Пусть поднесут Его Величеству Царю Снофру, правогласному, приношение — тысячу хлебов, сто кувшинов пива, быка, две чаши ладана, и пусть также дадут лепешку, кружку пива, чашу ладана главному жрецу-чтецу Джаджаеманху, магу, ибо я видел доказательство его учености». И было сделано, как повелел Его Величество.

Тогда царский сын Джедефхор [69] встал говорить и сказал: «До сих пор Твое Величество слушал рассказы о чудесах, известных лишь людям других времен, но за правдивость которых нельзя поручиться. Я же могу показать Твоему Величеству чародея, который живет в твое время и которого Твое Величество не знает». Его Величество сказал: «Кто это, Джедефхор?» Царский сын Джедефхор сказал: «Есть один вассал по имени Деди, и живет он в Джед-Снофру. [70] Это вассал ста десяти лет, [71] который и поныне съедает свои пятьсот хлебов с целой бычьей ногой и по сей день выпивает свои сто кувшинов пива. Он умеет приставить на место отрубленную голову; он умеет заставить льва идти за ним без привязи; [72] он знает число ларцов с книгами в тайнике Тота». [73] А Его Величество Царь Хуфуи, правогласный, долго искал эти ларцы с книгами тайника Тота, чтобы снять с них список для своей пирамиды. [74] Поэтому Его Величество сказал: «Джедефхор,

сын мой, приведи его ко мне сам». Снарядили суда для царского сына Джедефхора, и он поплыл в Джед-Снофру. Когда суда пристали к берегу, он сошел на землю и сел в носилки черного дерева, шесты которых были из дерева напека [75] и украшены золотом; [76] и когда он прибыл в Джед-Снофру, носилки поставили на землю, он встал, чтобы приветствовать мага, и нашел его лежащим на низком ложе [77] у порога его дома; одна рабыня была у его головы и почесывала ее, а другая щекотала ему ноги. Царский сын Джедефхор сказал ему: «Твое состояние — как у того, кто живет, укрытый от старости. Старость — обычно прибытие в гавань, [78] это надевание пелен, это возвращение в землю; а оставаться вот так, в преклонных летах, без немощи тела, без упадка мудрости и здравого суждения, — поистине быть счастливцем. [79] Я поспешил сюда, чтобы позвать тебя посланием от отца моего Хуфуи, правогласного; ты будешь есть лучшее из того, что дает царь, и из тех припасов, какие бывают у тех, кто ему служит, и благодаря ему ты дойдешь в добром здравии до твоих отцов, что в гробнице». Этот Деди сказал ему: «С миром, с миром, [80] Джедефхор, царский сын, любимый своим отцом! Да похвалит тебя отец твой Хуфуи, правогласный, и да утвердит тебе место впереди старцев! Да выиграет твой *двойник* тяжбу против врагов, и да узнает твоя душа трудные пути, что ведут к вратам Хобс-багаи, [81] ибо это ты, царский сын, благ разумением!» [82] Царский сын Джедефхор протянул ему обе руки; он поднял его и, идя с ним к пристани, держал его за руку. Деди сказал ему: «Пусть дадут мне каик, чтобы привезти мне детей моих и книги мои»; ему дали две лодки для домочадцев, а сам Деди поплыл на ладье, в которой был царский сын Джедефхор. И вот, когда они прибыли ко двору, едва царский сын Джедефхор вошел доложить Его Величеству Царю обоих Египтов Хуфуи, правогласному, царский сын Джедефхор

сказал: «Государь, ж. з. с., владыка мой, я привел Деди». Его Величество сказал: «Поспеши, приведи его ко мне», и, когда Его Величество вошел в приемный покой фараона, ж. з. с., Деди был представлен ему. Его Величество сказал: «Как это, Деди, я никогда еще тебя не видел?» Деди сказал ему: «Кого зовут, тот приходит; государь, ж. з. с., зовет меня — я здесь, я пришел». Его Величество сказал: «Правда ли то, что говорят, будто ты умеешь приставить на место отрубленную голову?» Деди сказал ему: «Да, я умею это, государь, ж. з. с., владыка мой». Его Величество сказал: «Пусть приведут мне узника из тех, что в темнице и осуждены». Деди сказал ему: «Нет, нет, не человека, государь, ж. з. с., владыка мой; пусть не будет повеления сделать такое с благородным скотом». [83] Принесли ему гуся; ему отрезали голову и положили гуся в правой стороне покоя, а голову гуся — в левой стороне покоя. Деди произнес то, что произнес из своей книги магии; гусь встал, он запрыгал, голова тоже, и, когда одно соединилось с другим, гусь загоготал. Он велел принести пеликана (?); с ним случилось то же самое. Его Величество велел привести ему быка, голову ему сбросили на землю, и Деди произнес то, что произнес из своей книги магии; бык встал позади него, а привязь его осталась на земле. [84] Царь Хуфуи, правогласный, сказал: «Что это говорят, будто ты знаешь число ларцов с книгами тайника Тота?» Деди сказал ему: «Прости, я не знаю числа, государь, ж. з. с., владыка мой, но я знаю место, где они». Его Величество сказал: «Это место — где оно?» Этот Деди сказал ему: «Есть глыба песчаника в том, что зовут покоем свитков в Оне, [85] и ларцы с книгами тайника Тота — в этой глыбе». Царь сказал: «Принеси мне ларцы, что в этой глыбе». [86] Деди сказал ему: «Государь, ж. з. с., владыка мой, смотри, не я принесу их тебе». Его Величество сказал: «Кто же принесет их мне?» Деди сказал ему: «Старший из трех детей, что

во чреве Рудджедет, он принесет их тебе». Его Величество сказал: «Вот как! Та, о ком ты говоришь, Рудджедет, кто она?» Деди сказал ему: «Она жена жреца Ра, владыки Сахебу. Она зачала трех младенцев от Ра, владыки Сахебу, и бог сказал ей, что они исполнят это благодетельное служение во Всей Земле [87] и что старший из них будет великим первосвященником в Оне». Сердце Его Величества смутилось, но Деди сказал ему: «Что это за мысли, государь, ж. з. с., владыка мой? Не из-за этих ли трех детей? Я говорю тебе: твой сын, его сын, и один из ее сыновей». [88] Его Величество сказал: «Когда она родит их, эта Рудджедет?» Он сказал: «Она родит их в пятнадцатый день месяца тиби». Его Величество сказал: «Если мели канала Двух Рыб не преградят путь, я пойду сам, чтобы увидеть храм Ра, владыки Сахебу». Деди сказал ему: «Тогда я сделаю, что на мелях канала Двух Рыб будет четыре локтя воды». [89] Когда царь вернулся в свои покои, Его Величество сказал: «Пусть Деди поручат дому царского сына Джедефхора, чтобы жить ему там с ним, и пусть дают ему содержание — тысячу хлебов, сто кувшинов пива, быка и сто пучков лука-шалота». И было сделано, как повелел Его Величество.

---

[69] Джедефхор назван здесь сыном Хуфуи. Другие документы делают его внуком Хуфуи и сыном Менкауры («Книга мертвых», гл. LXIV, стк. 30–32).

---

[70] Название этого места образовано от имени царя Снофру; где оно находилось, неизвестно. Из выражений нашего текста видно, что от места, где жил Хуфуи, до него добирались вверх по реке. Так как этим местом был, вероятно, Мемфис, естественно заключить, что Джед-Снофру лежал к югу от Мемфиса.

---

[71] Сто десять лет — крайний предел египетской жизни. Добрые пожелания любимым или почитаемым людям выражают желание, чтобы они дожили до ста десяти лет. Превзойти этот срок — значит перейти пределы человеческого долголетия: лишь некоторым избранным лицам, как Иосифу, мужу Девы, в христианском Египте выпало счастье дожить до ста одиннадцати лет (ср.

Goodwin в Chabas, *Mélanges égyptologiques*, 2-я серия, с. 231 и след.). Позже срок давали больше, и Масуди в «Золотых лугах» (пер. Barbier de Meynard, т. II, с. 372 и след.) говорит о коптском мудреце ста тридцати лет, за которым посылал Ахмед ибн Тулун, чтобы с ним посоветоваться.

---

[72] Дословно: «привязь на земле», то есть лев, спущенный с привязи, а привязь брошена на землю. Чтобы заставить зверя слушаться, магу не нужна была привязь, какая обычно требовалась укротителям: он управлял зверем взглядом и голосом.

---

[73] Египтяне хранили свои книги в деревянных или каменных ящиках; ящики с книгами тайника Тота составляли то, что мы назвали бы его библиотекой. Тот, писец богов, был мудрецом, а значит, и магом по преимуществу. Ему высшие божества — Птах, Гор, Амон, Ра и Осирис — поручили привести в порядок то, что они сотворили, и записать имена, иерархию, свойства вещей и существ и формулы, обязательные для людей и для богов. Обычный труд мага состоял в том, чтобы отыскивать, читать, понимать и переписывать книги этой библиотеки; тот, кто знал их все и владел ими, был могуществен, как Тот, и становился истинным владыкой вселенной.

---

[74] В Великой пирамиде нет ни строчки письма, но покои в пирамиде Унаса и четырех первых царей VI династии покрыты иероглифами: это молитвы и формулы, обеспечивающие двойнику и душе умершего царя счастливую жизнь на том свете. Автор нашей сказки, знавший, сколько трудов положили некоторые цари древности, чтобы высечь в своих гробницах выдержки из священных книг, без сомнения, вообразил, что Хуфуи хотел сделать то же, но не сумел добыть их, вероятно, из-за нечестия, которое приписывало ему предание. Это один из способов объяснить, почему в Великой пирамиде не было надписей.

---

[75] Напека (*nabq*) — вид зизифуса, *Zizyphus Spina Christi*; ствол и ветви у него очень прямые и крепкие и годились бы на отличные шесты для носилок; арабы делали из них копья и стрелы.

---

[76] См. Wilkinson, *Manners and Customs*, т. I, с. 287; также Lepsius, *Denkm.*, II, табл. 43a, табл. 121a и др. — изображения носилок, подобных тем, которыми пользовался Джедефхор в нашей сказке.

---

[77] Вероятно, ангареб, вроде тех, что находят в гробницах, и похожий на ангаребы нынешних египтян и берберинов; ср. выше, прим. 37.

---

[78] «Пристать к берегу, прибыть в гавань» — одно из многочисленных иносказаний, которыми египтяне выражали мысль о смерти. Его легко объяснить представлением о плавании на лодке, которое умершим приходилось

совершать, чтобы достичь того света, и перевозом мумии в ладье через реку в день погребения.

[79] Комплимент так запутан, что я боюсь, не вполне понял его; в своем переводе я опирался на замечания Пиля в *Sphinx*, т. I, с. 74, 75.

[80] На древнем языке это *me hatpu, me hatpu*, соответствие *bi-s-salamah*, приветствия, которое так часто слышишь сегодня в арабском Египте.

[81] Хобс-багаи — важное лицо, под чьей властью находилась часть входных врат на тот свет (Erman, *Die Märchen des Papyrus Westcar*, с. 49). Это двойник одного из образов Осириса — Осириса, неподвижного в своих мумийных пеленах.

[82] Эта фраза, совершенно ясная для древних читателей, менее ясна для нынешних. По требованиям церемонной учтивости того времени Деди должен был отвечать комплиментом на комплимент. Поэтому он утверждает, что Джедефхор, как ни молод, занимает положение, ставящее его выше старцев, и объясняет эту чрезмерную честь глубокой ученостью юноши. Джедефхор и в самом деле славился ученостью — то есть как чародей, — отчего «Книга мертвых» называет его составителем главы LXIV, одной из важнейших в собрании, а папирус Анастаси I (табл. X, стк. 8) — одним из самых признанных толкователей книг, наименее понятных непосвященным.

[83] Пиль показал, что в этом выражении автор имел в виду человечество (*Sphinx*, т. I, с. 75). И в самом деле, тексты о четырех человеческих расах называют людей стадами Ра.

[84] Ср. выше, прим. 72. Когда шею быка перерубили, привязь упала; голова и тело соединились, а привязь осталась там, где упала.

[85] Он — это Гелиополь, город Солнца. Каждый покой храма имел свое особое название, которое часто надписывали над главной дверью и которое происходило то от вида убранства — Золотой покой, то от рода хранившихся в нем предметов — Покой благовоний, Покой воды, то от свойства совершавшихся в нем обрядов. Упомянутая здесь глыба была, вероятно, подвижной, как камень в «Истории Рампсинита» (см. ниже), и скрывала вход в тайник, где Тот сложил свои книги.

[86] Писец пропустил здесь конец ответа Деди и начало нового вопроса царя (Erman, *Die Märchen des Papyrus Westcar*, с. 55); недостающее в рукописи я восстановил по смыслу.

[87] Иносказание для обозначения царской власти. О значении выражения «Вся Земля» см. выше, прим. 5.

[88] Фраза составлена в духе прорицания, как подобает ответу мага. По-видимому, она должна успокоить царя: восшествие трех детей не близко, сначала будет царствовать его сын, а затем сын его сына, прежде чем исполнится судьба. Царские списки ставят после Хуфуи сперва Джедефра, затем Хафра, затем Менкауру, затем Шепсескафа и лишь потом Усеркафа — первого из трех царей V династии, которым наша сказка возвещает это великое будущее. Автор нашей сказки опустил Джедефра и Шепсескафа, о которых народ уже ничего не помнил (Erman, *Die Märchen des Papyrus Westcar*, с. 19).

[89] Решения царя выражены словами, которые нам неясны, без сомнения, потому, что у нас нет конца сказки. После сказанного магом царь уже не думает убить детей, но не отказывается от намерения бороться с судьбой и для начала спрашивает, в какой день Рудджедет родит детей. Деди уже знает этот день, 15 тиби, благодаря тому удивительному прозрению, каким так часто наделены герои египетских сказок (ср. выше, где маги, по-видимому, сразу знают, что дочь богов живет в Долине Акации). Царь задал этот вопрос, без сомнения, чтобы получить гороскоп детей и узнать, подтверждают ли звезды предсказание чародея. Он подумывал было отправиться в Сахебу разведать, что происходит в храме Ра, но состояние канала не позволило ему исполнить замысел, хотя маг и обещал прибавить на мелях четыре локтя воды, чтобы его ладья прошла без труда. Канал Двух Рыб был главным каналом, пересекавшим Летопольский ном (Brugsch, *Dictionnaire Géographique*, с. 621).

И вот в один из тех дней случилось, что Рудджедет почувствовала родовые муки. Величество Ра, владыки Сахебу, сказал Исиде, Нефтиде, Месхенет, [90] Хекет, [91] Хнуму: «Ну же! Поспешите разрешить Рудджедет от трех детей, что у нее во чреве и что исполнят это благодетельное служение во Всей Земле, строя вам ваши храмы, снабжая ваши алтари приношениями, наполняя ваши столы для возлияний, умножая ваши неотчуждаемые владения». Тогда эти боги отправились; богини обратились в музыкантш, а Хнум пошел с ними носильщиком. [92] Они пришли к дому Раусера и застали его, хозяина дома, за тем, что он развертывал полотно. [93] Они прошли мимо него со своими

кастаньетами и систрами, [94] но он сказал им: «Госпожи, вот здесь женщина мучается родами». Они сказали: «Дай нам увидеть ее, ибо, смотри, мы искусны в повивальном деле». Он сказал им: «Входите же», и они вошли к Рудджедет и затворили дверь за ней и за собой. Тогда Исида стала перед ней, Нефтида — позади нее, Хекет ускорила роды. [95] Исида сказала: «О дитя, не будь могуч в ее чреве, во имя твое Усерраф, тот, чьи уста могучи!» [96] Тут дитя вышло к ней на руки, дитя длиной в локоть, [97] крепкое костью, с членами цвета золота и с волосами из истинного лазурита. [98] Богини омыли его, перерезали пуповину, положили его на кирпичное ложе, и тогда Месхенет подошла к нему и сказала ему: «Это царь, который будет царствовать во Всей Земле». Хнум вложил здоровье в его члены. [99] Исида тогда стала перед Рудджедет, Нефтида — позади нее, Хекет ускорила роды. Исида сказала: «Дитя, не странствуй больше в ее чреве, во имя твое Сахура, тот, кто есть Ра, странствующий по небу». [100] Тут дитя вышло к ней на руки, дитя длиной в локоть, крепкое костью, с членами цвета золота и с волосами из истинного лазурита. Богини омыли его, перерезали пуповину, отнесли его на кирпичное ложе, затем Месхенет подошла к нему и сказала: «Это царь, который будет царствовать во всей этой Земле». Хнум вложил здоровье в его члены. Исида тогда стала перед Рудджедет, Нефтида стала позади нее, Хекет ускорила роды. Исида сказала: «Дитя, не медли больше во тьме ее чрева, во имя твое Какауи, темный». [101] Тогда дитя вышло к ней на руки, дитя длиной в локоть, крепкое костью, с членами цвета золота и с волосами из истинного лазурита. Богини омыли его, перерезали пуповину, положили его на кирпичное ложе, затем Месхенет подошла к нему и сказала: «Это царь, который будет царствовать во всей этой Земле». Хнум вложил здоровье в его члены. [102] Когда божества вышли,

разрешив Рудджедет от трех детей, они сказали: «Радуйся, Раусер, ибо вот, у тебя родились трое детей». Он сказал им: «Госпожи, что я могу сделать для вас? Ах, отдайте это зерно, что здесь, вашему носильщику, чтобы вам унести его в житницы в уплату!» [103] И Хнум поднял зерно, и они пошли туда, откуда пришли. Но Исида сказала тем божествам: «О чем мы думаем, придя к Раусеру и не сотворив для этих детей никакого чуда, чтобы мы могли дать знать о случившемся их отцу, пославшему нас?» [104] Тогда они сделали три венца владыки-государя, ж. з. с., [105] и положили их в зерно, они пустили бурю и дождь с высоты неба, они вернулись к дому и сказали: «Положите это зерно в запечатанный покой, пока мы не вернемся с плясками на север». [106] И зерно положили в запечатанный покой.

---

[90] Месхенет — богиня *Maskhonu*, то есть колыбели, и в этом качестве она присутствует при родах: она соединяет в себе Шаи и Рененет — богиню, которая ведает судьбой, и богиню, которая кормит ребенка грудью (*ranunu*), дает ему имя (*rinu*) и тем самым его личность. Ср. Maspero, *Études égyptiennes*, т. I, с. 27.

---

[91] Хекет, которую вместе с Хнумом называют *одной из главных колыбелей Абидоса* (Лувр, С 3), то есть одним из божеств, присутствовавших при основании города, — богиня в образе лягушки или с лягушачьей головой, одно из космических божеств, действовавших при рождении мира. Поэтому ее присутствие при родах вполне естественно.

---

[92] В тексте сказано: «как носитель короба, мешка». Хнум принял на себя должность слуги, который сопровождает альмей, носит их поклажу и при нужде принимает участие в пении и игре. Одна из маленьких деревянных фигурок, найденных в Мейре и хранящихся в Каирском музее, несет короб и, как мне кажется, ясно показывает, чем мог быть *hri-qani* (Maspero, *Guide du Visiteur au musée du Caire*, 1910, 5-е английское издание, с. 500, № 155).

---

[93] Он развертывал полотно, предназначенное для родов.

---

[94] Ниже, в «Записках Синухета», мы увидим похожую домашнюю сцену, но там действующие лица — царевичи фараонова дома.

[95] Чтобы понять, как богини расположились относительно роженицы, надо помнить, что египтянки при родах не ложились, как у нас. Некоторые изображения показывают, что они либо сидели на корточках на ложе или циновке, подогнув под себя ноги, либо сидели на стуле, по-видимому ничем не отличавшемся от обычного. Женщины, собиравшиеся помочь, распределяли роли. Одна становилась позади роженицы и во время схваток обхватывала ее руками, давая ей твердую опору и помогая изгнанию плода; другая становилась перед ней на колени или на корточки, готовая принять младенца в руки и не дать ему жестко упасть на землю. Две богини, Исида и Нефтида, пришедшие помочь Рудджедет, поступали как обычные повитухи, а Хекет ускоряла роды, растирая чрево, как это делают и нынешние египетские повитухи.

[96] По обычаю, принятому не только в Египте, но и на всем Востоке, повитуха, давая младенцу имя, играет словами — более или менее понятно — на смысле слов, из которых имя составлено. Здесь ребенка называют *Usir-rof*, *Usir-raf*, что по смыслу есть вариант имени *Usir-kaf*, которое носил первый царь V династии. *Usir-rof* значит *тот, чьи уста могучи*, *Usirkaf — тот, чей двойник могуч*, и богиня употребляет глагол *usiru* и в первой части фразы: «Не будь могуч (*usiru*) в ее чреве» — вероятно, «не терзай чрева своей матери», — «во имя того, чьи уста могучи». Прием тот же, каким еврейские историки объясняли имена сыновей Иакова (Бытие XXIX, 32 — XXX, 24).

[97] Таков обычный рост новорожденных в египетских текстах (Erman, *Die Märchen des Papyrus Westcar*, с. 62).

[98] В тексте дословно: «цвет его членов был из золота, а парик его из истинного лазурита», иначе говоря, члены его были драгоценны, как золото, а парик синий, как лазурит. Нет ли здесь игры слов на *nubu* — золото и *nubu* — лепить, отливать, что часто употребляется в текстах для обозначения сотворения богами членов человека? Во всяком случае, нарисованные парики, украшающие гробы мумий, почти всегда окрашены в синий цвет, так что выражение нашего текста в точности отвечает подробности египетского искусства или ремесла. Наконец, ребенок, описанный нашим автором, — не живой младенец, а статуэтка божества с синим головным убором и золотыми инкрустациями на теле.

[99] Месхенет, будучи, как я сказал (см. выше, прим. 90), человеческой судьбой, призвана изречь ребенку приговор жизни. Хнум, ваятель, завершает труд богинь: он растирает тело новорожденного и вливает в него здоровье (ср. выше, прим. 28).

[100] Игра слов строится на слове *sâhu*, входящем в имя царя *Sâhurîya*. *Sâhu* значит «приближаться к..., странствовать к...». Богиня велит ребенку не блуждать

больше во чреве матери, раз его имя Сахура — тот, кто странствует к небу, подобно солнцу.

[101] Третий царь V династии, Нетерарикара, зовется также Какауи, и мы не знаем значения этого имени. Чтобы добиться игры слов на Какауи, писцу пришлось изменить привычное написание.

[102] В подлинной рукописи порядок действий здесь нарушен: я расположил каждое так, как это было принято при рождении двух первых детей.

[103] О значении последней части фразы ср. Bissing, *Zu Papyrus Westcar*, XI, 8, в *Zeitschrift*, 1905, т. XLIV, с. 90.

[104] «Их отец» здесь не Раусер, муж Рудджедет, не знавший о божественном происхождении трех детей, а бог Ра из Сахебу, их настоящий отец, который и послал богинь на помощь своей возлюбленной.

[105] Ср. об этом заметку Зете, *Zu Westcar*, 11, 13, в *Zeitschrift*, 1891, т. XXIX, с. 84.

[106] Не надо забывать, что богини переоделись бродячими музыкантшами. Поэтому они попросили домашних держать зерно под замком, пока они не закончат свой обход южной страны и не пойдут во второй раз на север.

Рудджедет очистилась очищением в четырнадцать дней и затем сказала своей служанке: «В порядке ли дом?» Служанка сказала ей: «Он снабжен всяким добром; только вот горшков для бузы не принесли». [107] Тогда Рудджедет сказала ей: «Почему не принесли горшков?» Служанка сказала: «Их бы тотчас приготовили для варки, если бы зерно тех певиц не было в покое, запечатанном их печатью». Тогда Рудджедет сказала ей: «Спустись, [108] принеси нам его; Раусер даст им другого взамен, когда они вернутся». Служанка пошла и открыла покой; она услышала голоса, музыку, пение и пляску, *загарит*, [109] все, что делают для царя, в покое. [110] Она вернулась, она пересказала Рудджедет все, что слышала. Рудджедет обыскала покой и не нашла места, откуда шел звук. Она приложила лоб к ларю и нашла, что звук был внутри него. Тогда она поставила ларь в деревянный сундук, наложила на него

другую печать, обтянула его кожей, поставила все это в покой, где были сосуды, и заперла его своей печатью. [111] Когда Раусер вернулся из сада, Рудджедет рассказала ему об этом, и он обрадовался чрезвычайно; они сели и провели счастливый день.

[107] В тексте сказано «кроме сосудов», и, как ясно различил Эрман (*Die Märchen des Papyrus Westcar*, с. 67), слово «сосуд» должно здесь означать напиток: «сосуд» принял тот же смысл, что у нас «чашка», «стакан», «кружка», «литр», когда именем посуды называют налитую в нее жидкость. Так как для приготовления этих «сосудов» требовалось зерно, отданное богиням, я думаю, что здесь подразумевается буза, сладкое пиво древних египтян, как и нынешних.

[108] Женские покои — на верхнем этаже. Служанке надо было спуститься вниз, чтобы принести зерно.

[109] Это арабское слово, которым обозначают пронзительный крик, издаваемый хором женщин на праздниках в знак радости. Его производят, приставив кончик языка к верхним зубам и быстро заставляя его дрожать.

[110] Один арабский писатель рассказывает, что в Великой пирамиде был запертый покой, из которого доносился гул невероятной силы (Carra de Vaux, *L'Abrégé des Merveilles*, с. 214); это был, очевидно, то, что мы зовем сердабом, где стояли статуи царя. Наш текст объясняет арабское предание и показывает, что корни его древние: посетители Великой пирамиды думали, будто слышат те же звуки царского празднества, что Рудджедет и ее служанка слышали в ларе, где лежали венцы трех детей.

[111] Текст здесь очень запутан. Я полагаю, что понимаю его так: Рудджедет взяла глиняный ларь, куда богини положили свою пшеницу, поставила его в деревянный ящик, обтянула кожей и запечатала, а затем заперла в своем погребе, чтобы никто не услышал таинственных звуков.

Но вот много дней спустя Рудджедет поссорилась со своей служанкой и велела ее побить. Служанка сказала людям, что были в доме: «Так-то она обходится со мной, она, родившая трех царей? Пойду и скажу это Величеству царя Хуфуи, правогласного». Она пошла и нашла своего старшего брата по матери, который связывал лен, вытрепанный на току. Он сказал ей: «Куда ты идешь, моя маленькая госпожа?» — и она рассказала ему об этом.

Брат сказал ей: «Лучше делать то, что должно делать, чем приходить ко мне; я научу тебя бунтовать». И он поднял на нее пучок льна и наказал ее. Служанка побежала зачерпнуть немного воды, и крокодил утащил ее. [112] Когда брат ее побежал к Рудджедет, чтобы рассказать ей об этом, он нашел Рудджедет сидящей, голова на коленях, а сердце печально больше всего на свете. Он сказал ей: «Госпожа, отчего такое сердце?» Она сказала: «Это из-за той девчонки, что была в доме; вот, она ушла, говоря: „Пойду и донесу“». Он простерся лицом к земле и сказал ей: «Госпожа моя, когда она пришла ко мне рассказать о том, что случилось, и пожаловалась мне, вот, я дал ей злые удары; тогда она пошла зачерпнуть себе немного воды, и крокодил утащил ее…»

---

[112] Крокодил или гиппопотам в Египте часто служит орудием божественного правосудия. Менеса уносит гиппопотам, а Ахтоя, первого царя IX династии, — крокодил (Манефон, изд. Unger, с. 78, 107). Служанка, избитая братом, бежит к ближайшему каналу набрать немного воды, чтобы умыться и освежиться; крокодил, посланный Ра, уносит ее и топит.

Конец повести мог содержать, среди прочих эпизодов, путешествие в Сахебу, о котором Хеопс упоминал под конец беседы с Деди. Царь был бессилен в своих начинаниях против божественных детей; его преемники, Хефрен и Микерин, были не удачливее его, и интрига завершилась восшествием Усеркафа. Быть может, последние страницы содержали намеки на некоторые предания, собранные греческими писателями. Хеопс и Хефрен отомстили за вражду, которую выказал к ним Ра, закрыв его храм в Сахебу и в других городах. Тем самым они дали основание одному из рассказов, в которых слывут нечестивцами. Во всяком случае, папирус Весткар — первый дошедший до нас

папирус с самостоятельной редакцией повестей, из которых складывается цикл о Хеопсе и царях — строителях пирамид.

ЖАЛОБЫ КРЕСТЬЯНИНА

✦

(X I I I д и н а с т и я)

Эта сказка, по-видимому, была очень любима на протяжении всей эпохи Фиванского царства: известны четыре рукописи, где она записана, — три в Берлине и одна в Лондоне. Три берлинские рукописи издал Лепсиус в *Denkmäler aus Ægypten und Æthiopien*, отдел VI, а затем Фогельзанг и Гардинер в *Die Klagen des Bauern* (это т. I *Literarische Texte des Mittleren Reiches* Эрмана), Лейпциг, 1908, ин-фолио.

1. *Берлинский папирус № 2* (Берлин 3023), табл. 108–110 *Denkmäler* (ср. табл. 5, 5а–17, 17а *Die Klagen*), содержит триста двадцать пять строк, написанных крупным почерком начала XIII династии; поначалу письмо тщательное, но к концу становится все небрежнее. Начала и конца повествования недостает.

2. *Берлинский папирус № 4* (Берлин 3025), табл. 113–114 *Denkmäler* (ср. табл. 18, 18а–24, 24а *Die Klagen*), насчитывает сто сорок две строки очень беглого письма той же поры, что и предыдущая рукопись. Видно, его долго держали в руках, и он пострадал: пробелы, оставленные этим долгим употреблением, вместе с неряшливостью почерка делают его трудным для чтения. Сохранившиеся части дают к концу еще пятьдесят строк, но и при этом конца истории нет. Отрывки обеих рукописей, ускользнувшие от Лепсиуса, приобрел покойный лорд Амхерст оф Хакни, и они вошли в его собрание в Дидлингтон-холле. Важнейшие из них содержат несколько недостающих кусков страниц *Берлинского папируса № 2*. Другие принадлежат

Берлинскому папирусу № 4; их издал Перси Э. Ньюберри: *The Amherst Papyri*, 1901, т. I, табл. I A–L и с. 9, 10.

3. *Папирус Рамессеума* (Берлин 10499) входил в партию папирусов, найденных зимой 1895–1896 года близ Рамессеума во время раскопок Квибелла; Питри передал его Алану Х. Гардинеру, а тот подарил его Берлинскому музею. На лицевой стороне его записано начало *Жалоб крестьянина*, во всем совпадающее с *папирусом Батлера* и со строками 1–87, 130–146 *Берлинского папируса № 2*. На его существование указал Алан Х. Гардинер: *Eine neue Handschrift des Sinuhegedichtes*, в *Sitzungsberichte* Берлинской академии наук, 1906, с. 142, 143, с. 1–2 отдельного оттиска.

Он издан факсимиле и в иероглифической транскрипции у Фогельзанга и Гардинера: *Die Klagen des Bauern*, табл. 1, 1a–4bis, 4bis-a.

4. *Папирус Батлера № 527* (Британский музей, 10274, оборот). Он написан крупным, довольно тщательным почерком, быть может, начала XVIII династии. Текст в нем развернут полнее, чем в двух древних берлинских рукописях, и, кроме того, в нем есть пятнадцать строк вступления, которые, однако, не дают нам начала истории. Часть его издал скорописным факсимиле Ф. Л. Гриффит: *Fragments of Old Egyptian Stories*, в *Proceedings of the Society of Biblical Archaeology*, 1891–1892, т. XIV, табл. I–IV. Сводя вместе то, что дают нам эти четыре рукописи, мы можем восстановить текст почти полностью. Борхардт показал (*Zeitschrift für Ägyptische Sprache*, т. XXVII, с. 12), что некоторые отрывки, помещенные Лепсиусом в начало *Берлинского папируса № 4*, следует перенести в конец того же папируса, и тогда они дают почти самый конец истории.

Содержание ее разобрали и обнародовали почти одновременно Шаба и Гудвин. Шаба дал перевод вместе с первыми несколькими

строками в своем мемуаре *Les Papyrus hiératiques de Berlin, récits d'il y a quatre mille ans*, Париж, 1863, in-8°, с. 5–36; ср. *Œuvres diverses*, т. II, с. 292 и след.

Гудвин лишь напечатал очень краткий разбор целого в статье *The Story of Saneha, An Egyptian Tale of Four Thousand Years Ago*, в *Frazer's Magazine* (15 февраля 1865, с. 185–202), с. 188. Шаба пользовался для своего текста только берлинскими папирусами; Гудвину же посчастливилось найти в Британском музее *папирус Батлера*, и он поместил свой разборный перевод в *Mélanges égyptologiques* Шаба, 2-я серия, Париж, 1864, Бенжамен Дюпра, in-8°, с. 249–266; это дало Шаба случай (с. 266–272) поправить некоторые подробности и своего перевода, и английского.

С тех пор текст изучали не раз. В 1877 году я переписал и перевел его в Коллеж де Франс, а в 1893–1894 годах — в Школе высших исследований; начало этого перевода и появилось в первых трех изданиях настоящих *Сказок*. Английский перевод тех частей текста, над которыми я уже поработал, позднее издал Ф. Л. Гриффит: *Fragments of Old Egyptian Stories*, в *Proceedings of the Society of Biblical Archaeology*, 1891–1892, т. XIV, с. 459–472.

Иероглифическую транскрипцию некоторых частей, а затем полный перевод целого дал по-немецки Эрман: *Ägyptische Grammatik*, 1-е изд., 1899, с. 28*–37*; Эрман, *Aus den Papyrus der Königlichen Museen*, Берлин, Шпеман, 1899, с. 46–53; Эрман, *Ägyptische Chrestomathie*, Берлин, Ройтер и Рихард, 1904, с. 11–19 и 6*–10*.

Несколько вольный перевод можно найти у Флиндерса Питри: *Egyptian Tales*, 1895, т. I, с. 61–80.

Наконец, транскрипцию и перевод целого издали по-немецки в 1907 году Фогельзанг и Гардинер: *Die Klagen des Bauern*, с. 8–15.

Имя и звание двух главных лиц этого повествования породили множество разысканий. Плейте прочел имя притеснителя как *Sâti*, охотник (*Sur quelques Groupes hiéroglyphiques*, в *Zeitschrift*, 1869, с. 82), и его чтение долго держалось. В 1891 году Гриффит с колебанием разобрал его как *Sûti* или *Sûtenti* (*Fragments of Old Egyptian Stories*, в *Proceedings*, 1891–1892, т. XIV, с. 468, примеч. 3), а вскоре Макс Мюллер передал его как *hamuîti* — плотник, ремесленник (*The Story of the Peasant*, в *Proceedings*, 1892–1893, т. XV, с. 343–344). Шефер доказал (*Eine kursive Form von Dhwti*, в *Zeitschrift*, 1902–1903, т. XL, с. 121–124), что это не название ремесла, а собственное имя — *Thotnakhuîti*, Джехутинахт. Слово, которым назван истец, *Sokhîti*, по общему согласию переводят как *крестьянин, земледелец, феллах*, и в обычных текстах оно, несомненно, значит именно это. Мне же кажется, что здесь по смыслу его следует понимать как обозначение родного края. *Sokhîti* сказки — человек из *Sokhît hamaît*, *Натрового оазиса*, и для краткости я передал это в предыдущем французском издании этих сказок словом *le Saunier*, «солевар». Чтобы не смущать читателей этим слишком буквальным переводом, я теперь возвращаюсь к старому переводу — *феллах*.

Как и предыдущая сказка, эта дает нам множество подробностей о быте, положении и горестях бедного люда. Сходство древних нравов и обычаев с нынешними проступает здесь в высшей степени поразительно: человек, у которого мелкий деревенский чиновник отнял осла или верблюда, его жалобы и напрасные упреки, его долгое ожидание у дверей полицейского начальника или знатного господина, чей долг, как считается, — восстановить справедливость, — все это повседневные картины для всякого, кто жил вне Каира или Александрии. Бесконечные речи древнего феллаха в точности те

же, и почти с теми же преувеличениями, что и речи нынешнего феллаха. Бедняк считает себя обязанным говорить красно, чтобы смягчить судью, и пускает в ход все прекрасные слова и сильные образы, какие только подскажет ему воображение, часто не задумываясь над их смыслом и не рассчитывая, какое они произведут впечатление. Трудности, которые представляют его речи, несомненно, происходят от той же причины, что мешает европейцу понять феллаха, когда тот приносит жалобу: мысли его теряли стройность, а речь — ясность от желания говорить красиво при малой привычке к высокому слогу. Мне кажется, автор этой сказки — даже слишком успешно для нашего понимания — передал эту забавную черту народного нрава, взглянув на нее с легкой усмешкой.

Имя фараона Небкаура и место действия показывают, что автор поместил своего героя во времена гераклеопольских династий, а точнее — при одном из Хети, вероятно при втором, носившем это имя. Поэтому я отнес бы сочинение к первому фиванскому периоду, как это делают со времен Шаба, и скорее к векам, последовавшим за XII династией, чем к самой XII династии; доказать это без долгого рассуждения нельзя.

Жил некогда человек по имени Хунануп; был он феллахом Соляного поля, [1] и была у него жена по имени Нофрит. [2] Сказал этот феллах этой своей жене: «Вот я иду вниз, в Египет, чтобы привезти оттуда хлеба [3] для наших детей. Пойди отмерь мне зерно, что есть в амбаре, остаток зерна [этого года]». И он отмерил ей [восемь] мер зерна. Сказал этот феллах этой своей жене: «Вот тебе две меры зерна для тебя и детей, а из этих шести мер зерна сделай мне хлеба и пива [4] на каждый день, что я буду в пути». И пошел этот феллах вниз, в Египет, нагрузив своих ослов тростником, [5] камышом, натром, солью, деревом из Уити, [6]

акацией из Страны Быков, [7] волчьими шкурами, шкурами шакалов, [8] шалфеем, ониксом, маисом, колоквинтом, кориандром, анисом, тальком, оллитом, дикой мятой, виноградом, голубями, куропатками, перепелами, анемонами, нарциссами, семенем солнца, *волосами земли* и душистым перцем — всеми добрыми плодами *Соляного поля*. [9]

---

[1] Соляное поле — это край Вади-Натрун, к западу от Дельты и к северо-востоку от Хнеса.

---

[2] Начало имени жены повреждено: если два уцелевших знака — *r* и *t*, есть некоторая вероятность, что его следует читать Нофрит или Нофрет.

---

[3] Этого не надо понимать буквально и воображать, будто человек собирался вернуться с грузом хлеба. Слово *aîku* древние египтяне употребляли так же, как нынешние египтяне употребляют *aish*, — для обозначения всякого рода припасов, нужных, чтобы прокормить дом.

---

[4] Это сочетание объясняется само собой, если знать, как египтяне варили пиво. Вместо закваски они брали мякиш черствого хлеба. Сцены, изображенные на рельефах или деревянными фигурками в гробницах первого Фиванского и Мемфисского царств, всегда соединяют выпечку хлеба с пивоварением. Поэтому естественно, что феллах велит жене сделать из зерна, которое он ей дал, и хлеб, и пиво.

---

[5] И ныне из Вади-Натрун вывозят два вида тростника — *somâr* и *birdî*, из которых плетут циновки. Лучший тростник привозят с другой стороны Вади-Натрун, из Вади-Магара, которую называют также Вади-эс-Сумара.

---

[6] Это название неполно: мне кажется, я узнаю в нем следы имени оазиса Уити, сохранившегося в имени селения Бауити, одного из селений Северного оазиса.

---

[7] Страна Быков — это оазис Фарафра.

---

[8] Шакальи шкуры, по-видимому, вывозили связками по три, как видно на иероглифическом знаке *mos*.

---

[9] Названия этих минералов и семян пока очень неуверенно отождествлены с нынешними. Даю перевод со всяческой оговоркой.

И вот, когда феллах прошел на юг, к Хининсуиту, [10] и пришел к месту под названием Пафифи, к северу от города Маденит, [11] он встретил человека, стоявшего на берегу; звали его Джехутинахт, был он сыном человека по имени Исери, и оба они были крепостными людьми Ренси, сына Меру, управителя дворца. Этот Джехутинахт, едва увидел ослов этого феллаха, восхитился сердцем и сказал: «Пусть всякий бог поможет мне завладеть добром этого феллаха!» А жилище этого Джехутинахта стояло у прибрежной тропы, узкой, не широкой, такой, что была она лишь в ширину полотнища: с одной стороны вода, с другой пшеница. Сказал этот Джехутинахт своему слуге: «Скорей принеси мне из дома кусок ткани». Ему принесли, и он расстелил ее на тропе так, что край касался воды, а бахрома касалась пшеницы. [12] И вот, когда феллах вышел на дорогу, что для всех, этот Джехутинахт сказал: «Будь добр, [13] феллах, не наступай на мое полотно». Сказал этот феллах: «Сделаю, как ты прикажешь, пути мои добрые». Когда же он повернул к верхней стороне, Джехутинахт сказал: «Неужто мое зерно будет тебе дорогой, феллах?» Сказал этот феллах: «Пути мои добрые, но берег высок, на дорогах пшеница, ты загородил путь своим полотном, — неужто ты не дашь мне пройти?» Пока он говорил эти слова, один из ослов ухватил ртом пучок стеблей пшеницы. Сказал этот Джехутинахт: «Вот, раз твой осел ест мою пшеницу, я возьму его в работу за его силу». Сказал этот феллах: «Пути мои добрые. Чтобы не сделать потравы, я отвел осла в сторону, а ты хватаешь его за то, что он ухватил пучок стеблей пшеницы. Но ведь я знаю хозяина этого владения — это великий домоправитель Ренси, сын Меру; это он, несомненно, гонит всякий грабеж из этой Всей Земли, [14] так неужто меня ограбят в его владении?» Сказал этот Джехутинахт: «Не правду ли говорит поговорка, что в ходу у людей: „Имя

бедняка поминают ради его господина“? Это я говорю с тобой, а ты думаешь об управителе дворца Ренси, сыне Меру». [15] Тут он схватил зеленую ветку тамариска, избил ею все его тело, а потом отнял его ослов и увел их в свое владение. Этот феллах громко заплакал от горя о том, что с ним сделали, а этот Джехутинахт сказал: «Не возвышай голоса, феллах, не то пойдешь в город бога, Владыки Безмолвия». [16] Сказал этот феллах: «Ты избил меня, ты украл мое добро, а теперь хочешь отнять у моих уст и жалобу! Божественный владыка безмолвия, верни мне мое добро, чтобы мне не кричать о том, как ты страшен». [17]

[10] Хахининсуит, или Хахининсуити, — это город, который ассирийцы называли Хининсу, евреи — Ханес, а копты — Хнес; нынешний *Хенассие*, или *Ахнас-эль-Медина*.

[11] Городки Пафифи и Маденит больше нигде нам не известны. Искать их надо между Вади-Натрун и Ахнасом, но гораздо ближе к этому городу, вероятно у входа в Файюм.

[12] Ход рассказа объясняет, зачем понадобились эти приготовления. Загородив тропу, Джехутинахт надеялся вынудить крестьянина пойти верхней стороной дороги, у самого поля. Проходя, осел мог ухватить несколько колосьев; тогда Джехутинахт мог обвинить провинившегося и отобрать животное. В наши дни хозяин поля довольствуется тем, что отрезает ослу ухо; но известен и случай, когда он, как человек из сказки, забрал животное себе.

[13] Слова *Iri haru*, переведенные «будь добр», — учтивый оборот, которым египтяне привлекали внимание товарищей или прохожих к какой-нибудь своей работе или к делу, касавшемуся всех. Это то же, что *âmel maarûf* или *amelni el-maarûf* нынешних египтян.

[14] Как мы уже говорили, *Вся Земля* — одно из имен, которыми египтяне обычно называли Египет (ср. выше, Введение).

[15] Приведенная поговорка в буквальном переводе звучит так: «Произносится имя бедняка ради его господина». По смыслу она, видимо, означает, что тот, кто считает себя обиженным подчиненным, не довольствуется тем, что клянет его, а тотчас пытается жаловаться его начальнику.

[16] Ответ Джехутинахта — прямая угроза смертью. *Владыка Безмолвия* — это Осирис, бог загробного мира; его город — гробница. В этой роли у Осириса было в Фивах подобие — богиня, носившая многозначительное имя Маритсакро, *любящая безмолвие*.

[17] Насколько я могу судить, это выражение, слишком сжатое для нас, следует, видимо, пересказать так: «чтобы мне не пришлось ходить повсюду и кричать, что ты человек страшный».

Целых четыре дня этот феллах плакался Джехутинахту, но тот не повернул к нему лица. Тогда этот феллах пошел в Хининсуит, чтобы пожаловаться управителю дворца Ренси, сыну Меру, и застал его, когда тот выходил из дверей своего дома, чтобы взойти на свою служебную канджу (нильскую ладью). Сказал этот феллах: «О, позволь мне освежить твое сердце моей речью! [18] Вот случай послать ко мне твоего слугу, близкого твоему сердцу, чтобы я отослал его к тебе сведущим в моем деле». Управитель дворца Ренси, сын Меру, послал своего слугу, близкого его сердцу, первого после него самого, и этот феллах отослал его назад, наставив во всем своем деле, каково оно было. Управитель дворца Ренси, сын Меру, рассказал об этом Джехутинахте советникам, [19] что были при нем, и они сказали своему господину: «Поистине, это его же крестьянин, который пошел к другому; вот что делают со своими крестьянами, когда те идут к другим, — вот так они и поступают. [20] Стоит ли преследовать этого Джехутинахта из-за горстки натра и горстки соли? Пусть ему велят вернуть, и он вернет». [21] Управитель дворца Ренси, сын Меру, хранил молчание: он не ответил этим советникам, не ответил и этому феллаху.

[18] Начало речи напоминает оборот, которым человек низшего звания начинает письма к вышестоящему (Гриффит, *Hieratic Papyri from Kahun*, с. 68).

[19] При знатных особах, царских чиновниках или правителях номов и селений состояло некоторое число советников, помогавших им исполнять свои обязанности, — по-видимому, подобие той *cohors* молодых людей, что

сопровождала римских наместников в провинциях. У этих должностных лиц, которых называли *sârû*, — нынешних *mesheikh*, советников, — бывали иногда и заместители, *nîti mâ sâru*, которые часто упоминаются на памятниках XII династии (ср. Масперо, *Mélanges de Mythologie*, т. IV, с. 446, 447).

[20] Строй этих фраз в подлиннике несколько недоговорен, и смысл неясен. Буквально следовало бы перевести: «Вот, это его феллах, который приходит к другому, помимо него; вот тебе то, что делают со своими феллахами, которые приходят к другим вместо них, вот тебе то, что делают». Советники, видимо, предполагают, что у феллаха были постоянные дела с Джехутинахтом, что он был феллахом этого человека, поставлял ему соль, натр и прочие товары и что феллах, вместо того чтобы по обычаю прийти прямо к своему покровителю, попытался предложить свой товар другим. Отсюда и вышло это происшествие — всего лишь обычная ссора между торговцем и покупателем.

[21] Буквально: «Преследуется (отвергается) этот Джехутинахт за немного натра, немного соли? Если ему прикажут возместить ему это, он возместит». Быть может, лучше перевести глагол *tuba* другим его значением: «Пусть ему прикажут вернуть, и он вернет».

Когда этот феллах пришел с жалобой в первый раз к великому домоправителю Ренси, сыну Меру, он сказал: «Управитель дворца, господин мой, великий из великих, вождь того, что есть, и того, чего нет! Когда ты спускаешься к Озеру Правды [22] и плывешь по нему с попутным ветром, да не сорвется полотнище твоего паруса, да не унесет твою лодку, да не случится беды с твоей мачтой, да не подрубят твоих досок, да не унесет тебя, когда ты пристаешь к земле; да не схватит тебя волна, да не вкусишь ты воплей реки, да не увидишь Страшного Ликом (крокодила); но пусть приходит к тебе самая непокорная рыба и да добудешь ты откормленных птиц. Ибо ты — отец слабому, муж вдове, брат разведенной, одежда того, у кого нет матери; дай же мне прославить твое имя в этой стране как главу всякого доброго закона. Вождь без прихоти, великий без мелочности, ты, кто уничтожает ложь и творит правду, приди на голос моих уст! Я говорю — выслушай, сотвори правду, хвалимый, кого хвалят самые хвалимые, уничтожь мои

беды; вот я обременен горем, вот я в отчаянии, рассуди меня, ибо вот я в великой нужде».

[22] Озеро Правды — так назывался один из каналов загробного мира и канал этого мира, протекавший мимо Хининсуита. Играя на двойном значении выражения, как заметил Гриффит (*Fragments of Old Egyptian Stories*, в *Proceedings*, т. XIV, с. 468), феллах желает Ренси счастливого плавания и по земным, и по небесным водам. Остальная часть этого первого обращения не развивает последовательно ни эту игру слов, ни метафору, на которой она построена.

Сказал же этот феллах эти слова во времена царя Верхнего и Нижнего Египта Небкаура, правогласного. Управитель дворца Ренси, сын Меру, пошел к его величеству и сказал: «Господин мой, я встретил одного из тех феллахов, что и вправду красно говорят; его добро украл у него человек, который зависит от меня; вот он приходит ко мне с жалобой». Сказал царь: «Меруитенси, если хочешь, чтобы я был доволен, затягивай его речи подольше; ничего не отвечай на то, что он скажет. Что ему угодно будет сказать тебе, доставь нам записанным, чтобы мы это услышали. Позаботься, чтобы жили его жена и дети, пошли кого-нибудь из этих феллахов прогнать нужду из его дома, и пусть сам этот крестьянин будет жив в своих членах, но, когда будешь давать ему хлеб, смотри, чтобы он не знал, что это ты ему даешь». Ему выдавали каждый день по четыре хлеба и по два кувшина пива; давал их управитель дворца Ренси, сын Меру, но передавал одному из своих приближенных, а уже тот отдавал их другому. И вот управитель дворца Ренси, сын Меру, послал к коменданту Соляного оазиса, чтобы для жены крестьянина пекли хлеб по три меры в день.

Этот феллах пришел с жалобой во второй раз и сказал: «Управитель дворца, господин мой, великий из великих, богатый из богатых, ты, кто больше своих великих и богаче своих богатых, кормило неба, опора земли, веревка, что держит тяжелые грузы!

Кормило, не сворачивай, [23] опора, не гнись, веревка, не обрывайся! Ведь великий господин берет у той, у кого нет господина, [24] он обирает того, кто одинок. Твое довольствие в твоем доме — кувшин пива и три хлеба [в день], а что ты даешь, чтобы кормить своих приближенных? Кто умирает — умирает ли он вместе со своими людьми? Разве сам ты вечен? [25] Поистине, это зло: весы, что кренятся, коромысло, что теряет устойчивость, прямая честность, что отклоняется. О ты! Если правда, что движется под тобою, сдвинется со своего места, если советник совершает ошибки, если тот, кто ведет счет речам [сказанным обеими сторонами], склоняется на одну сторону, — тогда слуги воруют. Тот, кому поручено хватать неверного, что не держится слова [судьи] со строгостью, сам далеко уходит от него [от слова]; тот, кто должен давать дыхание [жизни], сам лишен его на земле; спокойный задыхается [от гнева]; тот, кто делит на справедливые доли, — лишь самоуправец; тот, кто должен смирять притеснителя, велит ему терзать город, точно наводнение; тот, кто отражает зло, сам творит проступки».

[23] Буквально: «кормило, не уходи назад». Кормилом служило большое весло, ходившее от носа к корме. Если течение или ошибка кормчего смещали его так, что оно поворачивалось от кормы к носу, оно переставало управлять ходом судна; отсюда и образ в тексте. «Не сворачивай» — лишь более или менее вольный перевод.

[24] Вдова или отвергнутая жена, у которой нет мужчины-заступника.

[25] Это рассуждение, кажущееся нам несколько бессвязным, по-видимому, означает, что господин неправ, обирая беззащитных: потребности его так малы и он так мало тратит на прокорм своих людей, что ему незачем копить богатства за чужой счет. И когда он умрет, разве возьмет он заботливо с собой всех домочадцев, которых должен кормить? И разве почитает господин себя вечным, чтобы непрестанно думать, как умножить свое богатство?

Управитель дворца Ренси, сын Меру, сказал: «Неужто это для тебя такое важное дело и так близко твоему сердцу, чтобы схватили моего слугу?» [26]

[26] Слуга, о котором говорит Ренси, сын Меру, — Джехутинахт, наказания которого требует феллах.

Сказал этот феллах: «Когда мерщик зерна берет силой себе, он заставляет другого лишиться своего добра. Тот, кто направляет [к соблюдению] закона, если он велит грабить, — кто же тогда отразит преступление? Тот, кто должен сокрушать заблуждение, если сам он уклоняется от справедливости, — вправе ли другой поддаваться? Если другого одобряют за проступки, как найдешь ты средство смирить проступки [других]? Когда богатый человек возвращается на место, которое занимал вчера, это приказ поступать с другими так, как они велели поступать, чтить других за то, что они сделали, это значит распоряжаться богатством мудро, а не расточать его, это значит отдавать добро тем, кто уже владеет богатством. [27] О миг, что губит, когда все будет погублено в твоих виноградниках, когда погибнет твой птичий двор и поредеют твои водяные птицы, когда тот, кто видит, станет слепым, а тот, кто слышит, оглохнет, когда тот, кто ведет, станет тем, кто сбивает с пути!.. Здоров ли ты вправду? Действуй сам за себя, ведь ты очень могуществен; рука твоя доблестна, сердце твое отважно, снисхождение далеко от тебя, мольба несчастного — твоя погибель, ты кажешься посланцем бога-крокодила. Ты спутник *Владычицы Мора* в пути: если нет тебя, нет и ее; если нет ее, нет и тебя; чего не делает она, того не делаешь и ты. [28] Когда богатый и сильный человек с законными доходами стоит против нищего, тот, кто прочно владеет своей добычей, — против того, у кого нет ничего, — если нищего лишают его добра, это худое дело для того, кто не лишен всего: у него нет средства жаловаться, ибо

он сам того искал (своей участи). А ты — ты сыт своим хлебом, ты пьян своим пивом, ты богаче всех живущих. Когда лицо кормчего обращено назад, [29] ладья плывет, куда ей вздумается. Когда царь в гареме, а кормило (государства) в твоей руке и вокруг тебя творятся злоупотребления, — жалоб много, разорение тяжко. „Что за важность?“ — говорят они. Устрой убежища, ведь твоя плотина крепка, и вот твой город хорошо обнесен стенами; [30] ты, чей язык прям, не ошибайся, ибо червь, губитель человека, — это лишь его собственные члены! [31] Не говори лжи, остерегайся советников, вассалов и слуг: лгать — их сено (их доход) и обычай, очень близкий их сердцу. Ты, кто знает достояние всех людей, неужто ты не ведаешь моей участи? О ты, кто сводит на нет всякую беду на воде, — я здесь, где нет пристани! О ты, кто возвращает на землю всякого утопающего и спасает потерпевших крушение, — я притеснен по твоему же приказу!»

---

[27] Игра слов, с которой начинается эта фраза, означает лишь, что если богатого человека возвращают на место, которое он оставил, то затем, чтобы поощрить его и дальше поступать так же хорошо, как в прежнюю пору его службы. Ведь надеются, что, будучи уже богатым, он не станет грабить страну, чтобы обогатиться, и будет честно распоряжаться общественным достоянием. Итак, феллах полагает, что Ренси, сам честный, не умеет требовать честности от подчиненных и кончит тем, что станет их жертвой и придет к разорению, как говорится в следующей фразе.

---

[28] Бог-крокодил — это либо Совку, либо Сет-Тифон, а Владычица Мора — Сохит-Сехмет. Я понимаю так, что феллах указывает Ренси: он могуществен и должен сурово расправляться с теми, кто творит несправедливость под его покровительством, по примеру этих двух божеств.

---

[29] Вместо того чтобы следить за рекой, за направлением течения и ветра.

---

[30] Ренси, сын Меру, по справедливости хотел, чтобы бедные находили в нем убежище от насилия; плотина, которую он в переносном смысле воздвиг против потока несправедливости, в добром состоянии; но возможно ли, чтобы человек праведного суда в конце концов уклонился и стал притеснителем?

[31] Члены великого господина — это его вассалы и слуги, как члены Ра — меньшие боги; великий господин гибнет скорее от проступков своих членов, чем от своих собственных.

Этот феллах пришел с жалобой в третий раз и сказал: «Управитель дворца, господин мой, ты — Ра, владыка неба, со своим двором, и в этом благо всего мира. Ты как волна разлива, ты — Нил, что зеленит поля, что захватывает острова и возделанные земли. Пресеки грабеж, защити несчастного, не будь потопом для тех, кто жалуется [тебе], но берегись — вечность приближается; и пусть будет тебе угодно, чтобы [о тебе] было сказано: „Дыхание для носа — творить правду“. [32] Накажи того, кто наказал, и это не поставят тебе в счет. Разве гнется отвес, разве склоняются весы на одну сторону, разве снисходителен Тот? Если ты совершаешь ошибки, ты делаешь себя равным этим трем. [33] Если эти трое снисходительны, будь и ты снисходителен, и не воздавай за добро, как за зло, и не ставь последнего на место первого. Слово растет больше, чем живая трава, больше, чем запах; не отвечай на него, ибо, когда приходит вода, что одевает поля, пусть она делает это. [34] Когда правишь под парусом, иди по течению; а чтобы сделать это верно, берегись и хорошо работай рулем, когда ты обращен лицом к земле. [35] Не лги — ты величие; не будь легковесен — ты весомость; не лги — ты безмен, не теряй равновесия; ты — точный счет; о ты, ты заодно с коромыслом, так что, если оно подается, подаешься и ты. Не сворачивай, когда правишь, но хорошо работай веревкой. Ничего не бери, когда пойдешь против того, кто берет, ибо не велик тот великий, что жаден. Твой язык — отвес весов, твое сердце — гиря, а твои две губы — ее плечи. Если ты закрываешь лицо от того, чей лик жесток, [36] кто же тогда смирит зло? О ты, ты как злой и жадный прачечник, что сурово обходится с другом и отталкивает бедного заказчика, но почитает

братом того, кто приходит и приносит ему [должное]. О ты, ты перевозчик, что перевозит лишь того, у кого есть плата за перевоз, и для кого плата — разорение [других]. О ты, ты начальник житницы, что не отпускает того, кто пришел с пустыми руками. О ты, ты для людей хищная птица, что живет жалкими пташками. О ты, ты повар, чья радость — убивать и от кого нет спасения. О ты, ты пастух, что ничем себя не утруждает; ты не сосчитал, сколько [скота] ты теряешь от крокодила, этого нарушителя убежищ, что нападает на округ Всей Земли. [37] О слушатель, что не услышал, почему же ты не слушаешь, когда вот я отразил разъяренного, с которым крокодил? Когда же это свершится? Тот, кто скрывает правду, всегда бывает разоблачен, и ложь повергается наземь. Не полагайся на завтра, которое еще не пришло: неизвестно, какие беды в нем таятся».

[32] В переложении с египетского способа выражаться на нынешний эта фраза означает, что быть справедливым — значит обеспечить себе жизнь перед лицом царя и богов; поступить со злодеем так же, как поступил он сам, не ставится в вину тем, кто вершит наказание.

[33] Буквально: «Ты поставлен вторым из этих трех»; иными словами: «ты становишься отвесом с худым равновесием, неверными весами, Тотом, снисходительным тогда, когда не следует».

[34] Насколько я могу понять, слово, то есть приговор или справедливое повеление, данное начальником, действенно в той мере, в какой строги те, кто отвечает, то есть те, кто отвечает за его исполнение. Оно подобно воде, что придает свежесть одеждам справедливого слова, то есть делает их чистыми и нетронутыми все то время, пока она действует так, чтобы достичь этого.

[35] Этот образ заимствован из случаев плавания по Нилу. Когда ветер противный, кормчий ведет судно почти зигзагами, переходя от одного берега к другому и всякий раз немного продвигаясь. В этом маневре есть опасный миг, когда нос лодки оказывается у одного из берегов, *âqaît nîti taû*, «лицом к земле», как говорит текст, и направление надо менять. Если руль не переложить в нужный миг, лодка рискует разбиться о берег.

[36] Иными словами: «если ты благодушно устраиваешься так, чтобы не видеть, что сильные делают слабым».

[37] Феллах намекает здесь на сцену сельской жизни, которую часто изображали в гробницах мемфисской эпохи, — переправу стада через брод (ср. ниже в этом сборнике), которой грозят крокодилы; беспечный пастух, вместо того чтобы смотреть за скотиной, отпускает ее и, выйдя из воды, не трудится проверить, цело ли число голов или крокодилы его уменьшили.

Когда феллах обратился с этой речью к управителю дворца Ренси, сыну Меру, на площадке перед воротами, тот послал к нему двух своих людей с курбачами, и они избили все его тело.

Сказал этот феллах: «Сын Меру — он и вправду уклоняется: лицо его слепо к тому, что он видит, он глух к тому, что слышит, он проходит, не замечая того, о чем ему напоминают. О ты, ты как город, у которого нет начальника, как община без старшины, как ладья без капитана, как караван без вожака. О ты, ты как гафир, что ворует, как шейх-эль-белед, что берет, как начальник округа, поставленный карать разбой и сам ставший во главе тех, кто его творит».

Когда крестьянин пришел с жалобой в четвертый раз, он застал управителя дворца, когда тот выходил из ворот храма Харшафи, и сказал: «О благословенный, да будешь ты благословенным Харшафи, выходящим из своего храма, когда гибнет добро и нет никого, кто похвалился бы, что истребил ложь на земле. И правда, паром, на который тебя сажают и на котором ты переправляешься через реку, — когда же приходит пора низкой воды, переходить реку пешком, — разве это не хороший способ переправиться? И кто же спит средь бела дня? Он губит [этим] возможность идти [безопасно] ночью и путешествовать [без опасности] днем, и [возможность того, чтобы] человек поистине воспользовался своей удачей. О ты, нельзя переставать говорить тебе: если снисхождение отходит от тебя, мольба

несчастного — твоя погибель. [38] Ты как охотник, легкий сердцем, смелый делать то, что ему нравится: бить гарпуном гиппопотама, пронзать стрелами диких быков, бить рыбу [двузубой острогой], [39] ловить птиц сетью. О ты, у кого нет скорых уст и нет потока слов, ты, у кого нелегкое сердце, но грудь отягчена замыслами, обрати сердце свое к тому, чтобы познать правду, смири свою [дурную] склонность, пока не придет Безмолвный. [40] Не будь [неумелым] дознавателем, что губит совершенство, ни поспешным сердцем, [что изменяет], когда ему приносят правду, но сделай так, чтобы твои два глаза видели, чтобы сердце твое было довольно, и не тревожься, сомневаясь в своей силе, [41] чтобы не постигла тебя беда: кто проходит мимо своей удачи [не схватив ее], тот [всегда] будет во втором ряду. Человек, который ест, — вкушает; тот, кого спрашивают, — отвечает; тот, кто в постели, — видит сны; но не противься судье у ворот, [42] когда он стоит во главе злодеев; [ибо благодаря ему], если ты слабоумен, ты преуспеваешь, если ничего не знаешь, с тобой советуются, если ты как растекающийся поток воды, ты можешь войти. О кормчий, не сбивай с пути свою ладью; ты, кто дает жизнь, не дай умереть; ты, кто может погубить, не дай погибнуть. Светозарный, не будь как тень; убежище, не дай крокодилу уносить [своих жертв из-за тебя]. Вот четыре раза я плакался тебе: разве недостаточно времени потрачено на это?»

[38] См. то же замечание выше.

[39] Удочкой, вершей или сетью ловили рыбу лишь рыбаки по ремеслу и крестьяне; как видно по изображениям в фиванских и мемфисских гробницах, знатные люди били рыбу одно- или двузубым гарпуном. Такая ловля требовала немалой силы и ловкости и была сравнима с охотой на гиппопотама.

[40] Здесь, я думаю, Безмолвный — это Осирис, бог мертвых, или какое-нибудь другое божество (ср. выше, примеч. 16).

[41] Буквально: «Не тревожься из-за силы». Кто сомневается в своей силе и боится, что недостаточно силен, ничего не достигает.

[42] Не следует забывать, что в Египте, как и на всем древнем Востоке, князь и знатные люди вершили суд у ворот своего дома или города.

Этот феллах пошел с жалобой в пятый раз и сказал: «Управитель дворца Ренси, сын Меру, господин мой! Рыбак с вершей запирает свою рыбу, рыбак с ножом перерезает горло угрю, рыбак с трезубцем бьет байяд, рыбаки с неводами берут шал, [43] — словом, рыбаки опустошают реку. О ты, ты из их породы; не отнимай у бедняка его добра, ведь ты знаешь слабого. Его добро — живой воздух бедняка; отнять его — значит заткнуть ему нос. Тебе поручено слушать речи, судить между двумя сторонами, пресекать грабеж; а вот — злодей с тобою, тяжкое бремя грабежей несешь ты. Тебя сделали любимцем, [44] а ты стал преступником; тебя дали несчастному как плотину, чтобы он не утонул, а вот ты — человек, подобный пруду, что быстро наполняется». [45]

[43] Названия рыб здесь — все лишь неуверенные соответствия египетским названиям, точного значения которых мы не знаем; *bayyâd* и *châl* — две нильские рыбы, превосходные на вкус, особенно первая.

[44] Тот, кто сделал, — это фараон, у которого Ренси, сын Меру, служит управителем дворца.

[45] Вода в конце концов размывает плотину и губит поле, которое плотина должна была защищать.

Этот феллах пришел с жалобой в шестой раз и сказал: «Управитель дворца Ренси, сын Меру, господин мой, безмолвный владыка, [46] который карает ложь и творит правду, творит добро; уничтожает зло, как сытость, что кончает голод, как одежда, что кончает наготу, как небо проясняется после северного ветра и тепло его греет всех, кто озяб, как огонь варит сырое, как вода утоляет жажду. О ты, кто видит, не [отворачивай] своего лица; [47]

ты, кто распределяет справедливо, не будь жаден; [48] ты, кто утешает, не порождай злобы; ты, кто исцеляет, не порождай недугов; ибо преступник умаляет правду; тот, кто хорошо исполняет [свои обязанности], не вредит и не одолевает правды. Если у тебя есть доходы, дай из них твоему брату, чтобы он получил свою долю без тяжбы [против него], ибо тот, кто таит злобу, — вожатый к раздору, а тот, кто шепотом рассказывает о своих обидах, ведет к расколам, и никто не знает, что у него на сердце. [49] Поэтому не медли объявить свое намерение; ибо кто удержит излив воды? Вот шлюзы открыты, вода должна течь; если ладья войдет туда, ее подхватит [течение], груз ее погибнет на земле, [разметанный] по всем берегам. [50] Ты научен, ты хорошо поставлен, ты утвержден прочно, а не насилием; но, пока ты устанавливаешь порядки для всех людей, те, кто вокруг тебя, сбиваются с прямого пути. Справедливый [порой] и виновный перед Всей Землей, садовник беды, что поливает свою землю злодеяниями, чтобы его земля стала землей лжи, чтобы сеять преступления на почве».

---

[46] Ренси назван сыном Меру, «безмолвным владыкой», потому что он не отвечает на жалобы феллаха.

---

[47] Писец здесь пропустил слово из-за созвучия: *me haru haru-k*. Феллах умоляет Ренси, сына Меру, который, видя все, может все исправить, не отворачиваться от него и не оставлять его в беде.

---

[48] Ренси, будучи справедливым, делит добро своих подчиненных ровно на две половины и берет лишь причитающуюся ему долю. Феллах умоляет его не выказывать жадности и не оставлять себе все.

---

[49] Здесь сопоставлены прибыль, добытая незаконно, и прибыль законная — та, что приносят, *anu*, владельцу или что владелец добывает сам. Феллах советует Ренси давать «своему брату», то есть ближнему, то, что он получает со своих владений, часть своих законных доходов, потому что держать их для себя, проедать их — *uagaît*, как говорит текст, — неправильно, неуместно, неразумно;

бедняк, которому ничего не дают, озлобляется — *ahu* — и «ведет к разделению», толкает к раздору, а тот, кто шепотом рассказывает о своих бедах, «тот, кто дает знать», — *sarkhi*, — порождает расколы, и никто не подозревает о его чувствах.

---

[50] Ход мыслей проследить нелегко; вот как я его понимаю. Показав, как опасно человеку в положении Ренси возбуждать скрытую злобу, феллах возвращается к собственному делу и умоляет его пресечь несправедливость. Если бы тот захотел этого, кто посмел бы открыто ему противиться? Его действие было бы подобно потоку воды, хлынувшему из пролома в плотине в разгар разлива: лодки, подхваченные течением, разбиваются, и их команды разметывает по берегам.

Этот феллах пошел с жалобой в седьмой раз и сказал: «Управитель дворца, господин мой, ты кормило Всей Земли, что ведет мир по твоей воле; ты второй Тот, [51] который, когда судит, не склоняется на одну сторону. О господин мой, да будет тебе угодно позволить человеку обратиться [в суд] за правами, которые ему положены. Не стесняй своего сердца; не в твоей природе, чтобы из широты духа ты стал узок сердцем. [52] Не тревожься тем, что еще не случилось, и не радуйся тому, что еще не пришло. Так как беспристрастный человек щедр в дружбе, он почитает за ничто дело, сделанное тем, кто не знал, какое намерение таилось в глубине его сердца. [53] Тот, кто умаляет закон и разрушает счет [человеческих дел], — жалкий несчастный, что живет, награбив, и правда ему больше не отвечает. [54] Но грудь моя полна, сердце мое отягчено, и то, что исходит из моей груди, оттого подобно прорыву плотины, из которой течет вода; уста мои открываются для речи, я пытался [заделать] свой пролом, я выпустил свой поток, я извергнул то, что было у меня в груди, я выстирал свои лохмотья, речь моя вышла, и горе мое исчерпано перед тобою. Каково же твое последнее слово? Твоя бездеятельность повредит тебе, твоя жадность лишит тебя разума, твоя алчность наживет тебе врагов. Но где ты найдешь другого феллаха, как я? Разве не бездельником был бы тот, кто с жалобой стоял бы у дверей своего

дома? [55] Не будет безмолвного, которого ты заставил бы говорить, не будет спящего, которого ты разбудил бы, не будет робкого, которого ты сделал бы смелым, [56] не будет немого, чьи уста ты открыл бы, не будет невежды, которого ты превратил бы в ученого, не будет глупца, которого ты наставил бы. Вот кто истребители зла — знатные [что окружают тебя], вот кто владыки добра, вот кто мастера, что производят [все] сущее, *приставляющие отрубленные головы*». [57]

[51] Буквально: «Ты второй у Тота», или, быть может, «Ты брат Тота», — бога, который исполняет должность писца на суде над душами.

[52] Буквально: «Не тебе, чтобы стать широким лицом, узким сердцем».

[53] Буквально: «Будучи беспристрастным, он делает себя широким в дружбе, он уничтожает дело, которое совершено, не будучи известно то, что было в сердце».

[54] Добродетели, которые мы считаем отвлеченными понятиями, правда и справедливость, были у египтян богинями; поэтому неудивительно, что о них говорят словами, какими говорят о живых людях. Мы сказали бы здесь: «Правда ему больше не ведома».

[55] Вместо того чтобы каждый день приходить к воротам дворца, как это делает наш феллах.

[56] Буквально: «Не будет удерживания лица, которое ты снабдил бы [лицом]».

[57] Ср. выше сказку «Царь Хуфуи и волшебники», где волшебник Деди приставил на место несколько голов. Выражение *приставляющие отрубленные головы*, по-видимому, — ходячий оборот для обозначения ученейших из ученых.

Этот феллах пришел с жалобой в восьмой раз и сказал: «Управитель дворца, господин мой! Раз человек падает от насилия, раз у жадности нет удачи, [или, вернее], удача ее бесполезна, раз ты жесток, хотя не в твоей природе быть таким, и раз ты грабишь, когда тебе это ни к чему, — оставь людям их достояние. У тебя в доме есть все, что тебе нужно, чрево твое полно, но копна пшеницы переливается через край, [58] и то, что из

нее высыпается, гибнет на земле, ибо знатные грабят, похищая силой, — те, кто поставлен отражать преступление и кто служит защитой гонимым, — жестокие, поставленные отражать ложь. Страх перед тобой помешал мне умолять тебя [как следует], и ты не понял моего сердца. О безмолвный, [59] тот, кто возвращается, чтобы принести тебе свои укоры, не боится их представить, и не брат его приносит их тебе в твое жилище. У тебя есть участки земли в деревне, у тебя есть доходы в городе, у тебя есть твой хлеб в кладовых, [60] знатные приносят тебе дары, а ты берешь [еще?]. Разве ты не грабитель, раз, когда человек приходит к тебе со своей податью, с тобой грабители, что удерживают половину натуральной платы за земли? [61] Сотвори правду для владыки правды, чья правда — [истинная] правда. [62] Ты — тростниковое перо, свиток папируса, палетка, бог Тот, — берегись совершать ошибки [правосудия]; добрый, будь добр, поистине добр, будь добр! Ибо правда — для вечности, она нисходит в загробный мир с тем, кто ее творит. Когда его положат в гроб и опустят в землю, имя его не изгладится с земли, и его помнят за доброту по слову бога. [63] Поистине, коромысло не согнулось, весы не склонились на одну сторону. И все же, когда я прихожу к тебе, когда приходит другой, не отвечай так, будто отвечаешь безмолвному, не нападай на того, кто не нападает на тебя, ибо тебя не обидели, ты не страдал, ты не бежал, ты не пресек [зла], ты не показал ради меня поведения, что отвечает тому прекрасному изречению, что вышло из уст самого Ра: [64] „Говори правду, твори правду, делай то, что согласно с правдой, ибо правда могущественна, ибо она велика, ибо она долговечна, и, когда находят ее части, она ведет к блаженному бытию“. Если весы не склоняются, если чаши их несут предметы [на одном уровне], итоги верного счета не обратятся

[против меня]. Позор не пойдет за мною в городе и не пристанет к берегу».

[58] Буквально: «она пляшет». Употребленное здесь слово обозначает разные виды плясок, изображенные на стенах мемфисских мастаб.

[59] Здесь Ренси снова назван этим прозвищем по той же причине, что указана выше, в примеч. 46.

[60] Слово *faqaû* обозначает доходы, которые Ренси получает со своей городской собственности, домов, лавок или мастерских; *âqaû*, буквально «хлебы», включает натуральное жалованье, которое он получал из царских кладовых как государственный чиновник.

[61] Буквально: «за половины сданных земель». Видимо, по обычаю Древнего Египта, государство, города или богатые владельцы сдавали принадлежавшие им земли крестьянам за плату в половину урожая.

[62] Владыка правды, или справедливости, — это Тот; правда владыки правды — это истина и справедливость, как их вершит Тот, а *правду правды* и *справедливость справедливости* мы назвали бы *квинтэссенцией* истины и справедливости.

[63] Буквально: «счет речи бога». Тот, писец Осирисова суда (ср. выше, примеч. 51), записывал показания весов при взвешивании дел и объявлял итог в речи; по его отчету умершего либо допускали в рай, либо отвергали, и имя его оставалось на земле либо в доброй, либо в худой славе.

[64] Буквально: «Ты не дал мне соответствий этого изречения». Крестьянин хотел этим сказать, что Ренси поступил с ним не так, как поступил бы, если бы принял во внимание изречение, которое предание вложило в уста Ра.

Этот феллах пришел с жалобой в девятый раз и сказал: «Управитель дворца, господин мой! Весы людей — их язык, и весами проверяют счета. [65] Поэтому, когда ты наказываешь тех, кто сделал зло, счет сводится в твою пользу. [66] [Напротив, тот, кто вступает в союз с] ложью, — доля его [отныне] в том, что правда отворачивается от него, ибо тогда его добро — ложь, и правда о нем не заботится. [67] Но когда ложь выходит, она сбивается с пути;

она не переправляется через воду на пароме; ее не [принимают]. [68] Если он богат — у него нет детей; у него нет потомства на земле. [69] Если он путешествует — он не достигает земли, и ладья его не приходит в гавань его города. [70] Поэтому не делай себя тяжелым, ведь ты и так немалый груз; не спеши, ведь ты и так не легок на бегу; [71] не кричи громко, не будь себялюбцем, [72] не закрывай лица от того, что ты знаешь, не закрывай глаз на то, что ты видел, не отворачивайся от того, кто тебя просит. Если ты впадешь в бездеятельность, твое поведение обратят против тебя. [73] Поступай же против того, кто поступил против тебя. Не слушай всякого, но осуждай человека только за то дело, которое он поистине совершил. Нет вчера у бездеятельного; [74] нет друга у того, кто глух к правде; нет счастья у насильника. [С другой стороны], кто протестует, становится несчастным, а несчастный переходит в положение [вечного] жалобщика, [а жалобщика] убивают. О ты, я жаловался тебе, а ты не выслушал моей мольбы; я пойду жаловаться на тебя Анубису». [75]

---

[65] Ценность людей судят по их языку, и, с другой стороны, взвешивая их слова, удостоверяются, верно ли сложившееся о них суждение.

---

[66] Буквально: «счет уравнивается для тебя». Иными словами, на суде над мертвыми наказание, которому Ренси подверг преступника, не будет вменено ему в грех или, вернее, не окажется в списке дурных дел.

---

[67] Начало этой фразы буквально переводится: «его доля становится тем, что правда отворачивается перед ним». Конец трудно прочесть, и я ограничился тем, что передал общий смысл, как я его понимаю, не пытаясь дать точного перевода.

---

[68] Это, мне кажется, намек на паром, который перевозил двойников из этого мира во владения Осириса. Кто не творит справедливости и правды, того после смерти не допустят жить с богом.

---

[69] Если у него нет потомства, никто не позаботится совершать по нему заупокойный культ; душа его будет предана забвению и вследствие этого перестанет существовать.

[70] Слово *saqdudu*, употребленное здесь о плавании, прилагается к странствию Солнца вокруг мира днем и ночью; умершего не допустят следовать за богом, и его ладья погибнет, не достигнув небесной гавани, где он желает пристать.

[71] Буквально: «не будь тяжел — ты не легок; не ходи тяжело — ты не бегаешь». Если я правильно понимаю эту фразу, она означает, что крестьянин советует Ренси не обходиться с подчиненными грубо. Ему незачем давить на них или применять к ним силу; он и так уже давит на них, и личность его так весома, что ему незачем усугублять вред, который он невольно причиняет им самим естественным ходом своих действий.

[72] Буквально: «не слушай своего сердца». *Слушать сердце* и по-коптски, и на древнем языке значит *повиноваться*; здесь, думаю, этому надо придать несколько иной смысл — *слушать себя, слушать только себя, быть себялюбцем*.

[73] Буквально: «Если ты впадешь в бездеятельность, будет доложено о твоем замысле, о твоем поведении».

[74] По смыслу эта фраза, как мне кажется, означает, что бездеятельный — быть может, лучше было бы перевести «равнодушный» — человек не может ждать благодарности, потому что не сделал другим добра в прошлом, *вчера*, как говорит текст.

[75] Как верно заметил Фогельзанг, феллах в отчаянии думает теперь перенести свою жалобу в иной мир, к богам мертвых (*Die Klagen des Bauern*, с. 16, примеч. 2). Значит ли это, что он убьет себя? Слово *samamu*, употребленное выше, относится скорее к убийству или казни. Феллах, очевидно, боится, что Ренси, раздосадованный и утомленный его жалобами, избавится от него тем или иным из этих способов.

Управитель дворца Ренси, сын Меру, послал двух своих людей вернуть феллаха. И этот феллах испугался, что управитель делает так, чтобы наказать его за речь, которую он произнес, и этот феллах сказал: «Отогнать жаждущего от воды, отнять уста младенца от молока, преградить путь тому, кто хочет увидеть Его [бога], — все это заставляет смерть приходить к нему медленно…» [76] Управитель дворца Ренси, сын Меру, сказал: «Не бойся ничего, феллах. Я поступлю с тобой так, как ты поступаешь со мной». Сказал этот феллах: «О, если бы мне жить вечно, есть твой хлеб и

пить твое пиво!» Управитель дворца Ренси, сын Меру, сказал: «Подойди же, чтобы услышать свои жалобы». И он велел записать на листе нового папируса все жалобы феллаха до этого дня. Управитель дворца Ренси, сын Меру, послал их его величеству царю обоих Египтов Небкаура, правогласному, и это было ему приятнее всего, что есть в этой Всей Земле, и его величество сказал: «Суди сам, сын Меру». Управитель дворца Ренси, сын Меру, тотчас велел двум своим людям привести писца записей и послал весть в Натровый оазис, чтобы ему привели его людей числом шесть, сверх рабов [которые у него уже были], с южным зерном, дуррой, ослами, со [всякими добрыми вещами. Он приказал] Джехутинахту [вернуть] этому крестьянину [его ослов со] всем добром, которое тот у него отнял…

---

[76] Ответ феллаха так часто прерывается пробелами, что я не могу быть уверен в его смысле.

Конца недостает, и трудно сказать, не продолжались ли красные речи, к которым был так склонен феллах, еще довольно долго — на этот раз во славу фараона и в благодарность Ренси, сыну Меру, за его справедливость. Нынешний феллах тоже не перестает говорить, когда речь идет о его выгоде или когда желание его исполнено. Человек, с которым мы только что расстались, был ничуть не менее словоохотлив, и ему ничего не стоило бы сочинить еще столько же красивых речей, сколько он уже произнес. Боюсь, что мои читатели, если у них хватило терпения дочитать его речи до конца, испытали, читая их, не больше удовольствия, чем я, излагая перевод. Всегда ли им удавалось оценить подробности? Понятия египтян редко совпадают с нашими, и египтяне соединяли в одном выражении несколько таких понятий, которые мы не в силах распутать. У них было лишь одно слово для правды и для справедливости, для лжи и для

зла, для собственной лености и для равнодушия к делам и нуждам других; напротив, разнообразие телесных и душевных бед автор передает разнообразием слов, для которых мне не удалось найти соответствий. Мне пришлось решительно пересказывать те места, которых нынешний читатель, не сведущий в египтологии, не понял бы, если бы я передал их дословно. Общий смысл здесь есть; другим остается тщательно исследовать каждую фразу и извлечь из нее тонкие оттенки мысли и языка, которыми они пленяли египтян.

ЗАПИСКИ СИНУХЕТА

✦

Записки Синухета, по-видимому, высоко ценились в литературных кругах фараоновского Египта: их часто переписывали, целиком или частями, и у нас сохранились остатки трех рукописей, содержавших их полностью, — Берлинского папируса № 1, к которому относятся отрывки папируса Амхерста, папируса Голенищева и папируса Рамессеума № 1 в Берлине (Берлин 3022).

Берлинский папирус № 1, купленный Лепсиусом в Египте и помещенный им в *Denkmäler aus Aegypten und Aethiopien*, VI, табл. 104–107, лишен начала. Его издал фотографическим факсимиле с иероглифической транскрипцией Алан Х. Гардинер: *Die Erzählung des Sinuhe und die Hirtengeschichte*, в издании Эрмана *Hieratische Texte des Mittleren Reiches*, in-8°, Лейпциг, 1909, т. II, табл. 5–15. В нынешнем своем виде он содержит триста одиннадцать строк текста. Первые сто семьдесят девять строк идут вертикально; сразу за ними следуют девяносто шесть горизонтальных строк (180–276); но с двести семьдесят седьмой строки и до конца писец вернулся к вертикальным столбцам. Первые сорок строк уцелевшей части более или менее пострадали от времени и износа; в некоторых из них (строки 1, 13, 15, 38) есть пробелы, которые я не сумел бы восполнить, если бы мне не посчастливилось найти в Фивах другой список. Конец цел и завершается известной формулой: *Дошло от начала своего до конца своего, как было найдено в книге.* Почерк, очень хороший и смелый в вертикальных частях, в горизонтальных строках становится густым и путаным, полным лигатур и скорописных

форм, которые местами затрудняют чтение. Несколько клочков из недостающих в начале частей нашлись среди обрывков, принадлежавших собранию покойного лорда Амхерста оф Хакни. Их издал в иероглифической транскрипции Ф. Л. Гриффит, *Fragments of Old Egyptian Stories*, в *Proceedings of the Society of Biblical Archaeology*, 1891–1892, т. XIV, с. 452–454, а позднее в факсимиле — П. Ньюберри в *Amherst Papyri*, 1901, т. I, табл. I, M–Q, и с. 9, 10. По мнению Г. Меллера, *Hieratische Paläographie*, ч. I, с. 14, 15, а также Алана Х. Гардинера, *Die Klagen des Bauern*, с. 5, 6, и *Die Erzählung des Sinuhe*, с. 5, папирус написан во второй половине XII династии или в первой половине XIII; некоторые подробности, и среди прочих искажение царского имени, указывают, на мой взгляд, на несколько более позднюю пору XIII династии.

Папирус Голенищева состоит из сильно изувеченных остатков четырех страниц. Первые тринадцать строк с. 1 содержали начало текста, которого недостает в Берлинском папирусе № 1. Уцелевшие обрывки этой страницы и следующих относились к той части повествования, что простирается от строки 1 до строки 66 Берлинского папируса. Он не издан, но г-н Голенищев был так любезен, что прислал мне фотографии и иероглифическую транскрипцию, которые я опубликовал в книге G. Maspero, *Les Mémoires de Sinouhît* (т. I *Bibliothèque d'Étude*), 1906, с. 32, 33, и которые помогли мне восстановить текст. Почерк — хорошее иератическое письмо XIX и XX династий.

Берлинский папирус разобрал и перевел на французский Шаба, *Les Papyrus de Berlin, récits d'il y a quatre mille ans*, с. 37–51, и в *Bibliothèque Universelle*, 1870, т. II, с. 174, — лишь отчасти (ср. *Œuvres diverses*, т. IV, с. 254–255).

Г-н Гудвин дал английский перевод всего текста в *Fraser's Magazine*, 1865, под заглавием *The Story of Saneha*, с. 185–202, а

затем отдельной брошюрой: *The Story of Saneha, an Egyptian Tale of Four Thousand Years ago, translated from the Hieratic text by Charles Wycliffe Goodwin, M.A.* (перепечатано из *Fraser's Magazine*, Лондон, Williams & Norgate, 1866, in-8°, 46 с.). Этот перевод исправил сам автор в *Zeitschrift*, 1872, с. 10–24, и он целиком воспроизведен в *Records of the Past*, 1-я серия, т. VI, с. 131–150, с довольно произвольной разбивкой строк.

Второй французский перевод дан под заглавием *Le Papyrus de Berlin No. 1*, в транскрипции, с переводом и комментарием Г. Масперо (*Cours au Collège de France*, 1874–1876), в *Mélanges d'Archéologie égyptienne et assyrienne*, т. III, с. 68–82, 140 и след.; частично, с поправками, он воспроизведен в *Histoire ancienne des peuples de l'Orient*, 6-е изд., с. 115–116, 121–124.

Наконец, Генри Дэниел Хей рассмотрел историческое и географическое значение этого документа в особой статье в *Zeitschrift*, 1875, с. 78–107, а Эрман поместил его краткий немецкий разбор в своей книге *Aegypten und aegyptisches Leben im Altertum*, 1885–1888, с. 494–497. Папирус Рамессеума № 1 содержал на лицевой стороне полный список Записок Синухета, но у нас есть лишь около двадцати страниц, более или менее поврежденных. Первые из них составляют сто четыре горизонтальные строки, которые соответствуют полному тексту Каирского остракона 27419, о котором речь пойдет ниже, папирусу Голенищева, отрывкам папируса Амхерста и строкам 1–77 Берлинского папируса № 1. После этого начала остается лишь одна почти целая страница с концами строк, принадлежавших двум страницам справа и слева; там, со множеством пробелов, читается рассказ о поединке Синухета с силачом из Тону, строки 131–145 Берлинского папируса № 1. Об этой находке объявил Алан Х. Гардинер, *Eine neue Handschrift des Sinuhegedichtes*, в

Sitzungsberichte Берлинской академии наук, 1907, с. 142–150, отдельно — in-8°, девять страниц. Текст ее издал в факсимиле, с иероглифической транскрипцией, Алан Х. Гардинер, *Die Erzählung des Sinuhe und die Hirtengeschichte*, табл. 1–4.

Кроме списков на папирусе, у нас есть на остраконах копии двух значительных частей из начала и из конца повествования; два остракона недавно издал А. Х. Гардинер в *Recueil de Travaux*, 1892. Самый ранний из известных хранится в Британском музее под номером 5629. Впервые его упомянул Бирч в своем *Memoir on the Abbott Papyrus* (французский перевод Шаба в *Revue archéologique*, 1858, с. 264; ср. *Œuvres diverses*, т. I, с. 284); в факсимиле он издан в *Inscriptions in the Hieratic and Demotic Characters, from the Collections of the British Museum*, in-folio, Лондон, MDCCCLXVIII, табл. XXIII и с. 8.

Лаут перевел его в *Die zweitälteste Landkarte nebst Gräberplänen* (оттиск из *Sitzungsberichte* Мюнхенской академии, 1871, с. 233–236), но тождество его текста со строками 300–310 Берлинского папируса № 1 обнаружил Гудвин, *On a Hieratic Inscription upon a Stone in the British Museum*, в *Zeitschrift*, 1872, с. 20–24, где текст приведен полностью. Почерк — XIX и XX династий, тот же, что в папирусе Голенищева. Так как его редакция в некоторых подробностях отличается от Берлинского папируса, стоит привести здесь ее полный перевод.

> [*Пирамида была*] *построена* [*мне*] *из камня — в кругу пирамид. — Тесальщики камня обтесали гробницу — и задумали ее стены; — рисовальщики рисовали там, — начальник ваятелей резал там, — начальник работ, что ведутся в некрополе, обошел страну* [*ради*] *всей утвари, — которой я украсил гробницу. — Я приписал к ней крестьян, — и были у нее угодья и поля близ города, — как делается для Друзей первого ранга.* — [*Была*] *статуя золотая с*

повязкой из позолоченного серебра, — которую сделали мне царские сыновья, радуясь сделать это для меня, — ибо я был в милости у царя, — пока не пришел день, когда я пристал к другому берегу.

Окончено счастливо, в мире.

Другой остракон, хранящийся в Каирском музее, был найден 6 февраля 1886 года в гробнице Сеннеджема в Фивах. Это кусок известняка, расколотый надвое, длиной в один метр и высотой в среднем двадцать сантиметров, покрытый довольно крупными иератическими знаками с красными точками и разделенный на абзацы, как большинство рукописей рамессидской поры. На обороте две строки, к несчастью почти неразборчивые, содержат имя, которое мне не удалось прочесть, — вероятно, имя писца, написавшего текст. Скол не новый. Известняк раскололи, когда клали его в гробницу, и раскололи не без ущерба: несколько осколков камня пропали и унесли с собой части слов. Большинство пробелов легко восполнить. Текст очень неисправен, как большая часть сочинений, предназначенных для умерших. Многие его разночтения происходят от неверного прочтения подлинной рукописи: писец не мог точно разобрать архаическое письмо и переписывал наугад. Остракон впервые издал с иероглифической транскрипцией и французским переводом Г. Масперо: *Les premières lignes des Mémoires de Sinouhît, restituées d'après l'Ostracon 27419 du Musée de Boulaq*, с двумя таблицами факсимиле, в *Mémoires de l'Institut Égyptien*, in-4°, т. II, с. 1–23; отдельно, in-4°, с особым заглавием и пометой, Булак, 1886; перепечатано в *Études de Mythologie et d'Archéologie égyptiennes*, т. IV, с. 281–305.

С тех пор его описал и издал в факсимиле Ж. Даресси в *Catalogue Général du Musée du Caire*, *Ostraca*, in-4°, 1901, табл. XLI, с.

46, 47, где он носит новый номер 25218.

Полный текст Записок, впервые восстановленный двадцать лет назад во втором издании этих «Сказок», с тех пор переведен на английский. См.:

W. M. Flinders Petrie, *Egyptian Tales*, 1895, Лондон, in-12, т. I, с. 97–142.

F. Ll. Griffith, *Egyptian Literature*, в *Specimen Pages of a Library of the World's Best Literature*, 1898, Нью-Йорк, in-4°, с. 5238–5249.

На немецкий его перевели:

A. Erman, *Aus den Papyrus der Königlichen Museen*, 1899, Берлин, in-8°, с. 14–29; он же поместил иероглифическую транскрипцию нескольких мест в своей *Aegyptische Grammatik*, 1-е изд., 1894, с. 17, 18, и в своей *Aegyptische Chrestomathie*, 1904, с. 1–11.

A. Wiedemann, *Altägyptische Sagen und Märchen*, in-8°, Лейпциг, 1906, с. 34–57.

Alan H. Gardiner, *Die Erzählung des Sinuhe und die Hirtengeschichte*, in-folio, Лейпциг, 1909, с. 9–15.

Почти одновременно с выходом этой книги Гардинер выполнил перевод на английский с критическими примечаниями, сплошным комментарием и текстом новых остраконов, который он поместил в *Recueil de Travaux* (1910, т. XXXII, с. 1–28, 214–230; 1911, т. XXXIII, с. 67–94 и т. д.) под заглавием *Notes on the Story of Sinuhe* и издал отдельно у Шампьона, in-4°, Париж.

Наконец, критическое издание текста с введением и словарем попытался дать Г. Масперо, *Les Mémoires de Sinouhît* (т. I *Bibliothèque d'Étude*), 1908, in-4°, Каир, с. 51–184.

Находка первых строк позволила восстановить путь, которым шел Синухет в своем бегстве. Он покинул лагерь, разбитый в ливийской области, в стране тимиху, иначе говоря, вышел из какой-то точки западной пустыни, переправился через канал

Маати, канал двух Истин, то есть через ту часть Бахр-Юсуфа, что пересекает вход в Файюм и снова сливается с Нилом близ Терране, проходя у подножия горы. Он достиг долины близ местности под названием Нухет, *Сикомора*. По Бругшу (*Dictionnaire géographique*, с. 53), Нухет — это Панахо коптов, Атрибис греков и нынешняя Бенха-эль-Асаль. Это отождествление отпадает заранее, ибо Нухет упомянут в начале пути, то есть на западной стороне Нила, а Бенха лежит на восточном берегу. Сперва я считал *Сикомору* названием всего Египта, но давно уже известен Нухет, или Па-небет-нухет, который, по-видимому, сначала был селением в окрестностях Мемфиса, а потом его имя перешло на сам Мемфис (Brugsch, *Dictionnaire géographique*, с. 330–332). *Сикомора* — это, вероятно, тот *Квартал Сикоморы*, посвященный Хатхор, какой был во всех местах, где росла священная сикомора; возможно, что имя героя, *Синухет*, означало *сын богини Сикоморы*, подобно тому как *Сихатхор* — сын Хатхор. От Нухета рассказ о бегстве ведет его к Ши-Снофру, или Аи-Снофру. Озеро Снофру, или остров Снофру, больше нигде не встречается, но Бругш связывает его с номом Миекфорис у Геродота (III, CLXVI) на основании чтения *Муи-хик-Снофру*, которое, по его словам, имеют знаки, составляющие это имя (*Dict. géog.*, с. 54). Место, которое этот пункт занимает в маршруте, заставляет меня искать его между Ливийской пустыней, Мемфисом и Нилом, примерно в дне пути от города Нагау, может быть, в окрестностях пирамид Гизы или Абу-Роаша. Вечером Синухет переправился через Нил близ Нагау, вероятно у Имбабы, и продолжал путь, минуя на востоке округ Иауку. Это страна каменотесов, область каменоломен, что тянутся от Туры к пустыне вдоль Гебель-Ахмара, *Красной горы*, и можно, пожалуй, думать, что место под названием Харуит-небит-Дуу-дошир, «*богиня Твердь, владычица Красной горы*», — это собственно

оконечность Гебель-Гиюши. Оттуда Синухет пешком дошел до одного из укрепленных постов, охранявших Египет с этой стороны, между Абу-Забалем и Бильбейсом, но дальше он упоминает лишь Путени и Камуири. Бругш отождествляет Путени со страной Пит, которую он встретил на одном памятнике саисской поры и средоточием которой служит город Бильбейс (*Dict. géog.*, с. 54, 55). Большая птолемеевская стела, открытая г-ном Навилем в Телль-эль-Масхуте, дала несколько данных, помогающих точно определить положение Камуири. На ней встречается имя Камуир, которое г-н Навиль не без оснований отождествил с Камуири Записок Синухета (*The Store-City of Pithom and the Route of the Exodus*, с. 21, 22). Здесь Птолемей Филадельф построил город, который назвал Арсиноей по имени своей сестры и который стал одним из складочных городов египетской торговли с Красным морем. Г-н Навиль помещает Арсиною, а следовательно, и Камуири близ Эль-Магфара, у оконечности древнего Суэцкого залива. Это место хорошо согласуется с повествованием: покинув Путени, Синухет углубился бы в пустыню к северо-востоку и заблудился бы в песках, пытаясь добраться до Камуири.

Начиная отсюда, местности, которые он проходил и в которых жил, изучали Масперо (*Notes sur quelques points de Grammaire et d'Histoire*, в *Recueil*, т. XVII, с. 142) и Исидор Леви (*Lotanu-Lotân*, в *Sphinx*, т. IX, с. 76–86), и оба помещают их в Синайской пустыне. Прежде всего Синухет вступает в две страны, имена которых толковали по-разному и о которых было много споров. Первое, прочитанное мной с колебанием как *Суану*, Гардинер передал как *Капуна* (*Eine neue Handschrift des Sinuhegedichtes*, с. 7, 8, и *Notes on the Story of Sinuhe*, в *Recueil*, т. XXXII, с. 21–23) и затем отождествил с городом Библом; я изложил (*Mémoires de Sinouhît*, с. XLII–XLIV)

причины, мешающие мне принять это чтение и это отождествление. Второе имя, прочитанное Шаба как *Эдима*, *Эдума*, было отождествлено с Идумеей (*Les Papyrus de Berlin*, с. 39, 75–76). Ныне его читают *Кадима*, *Кедем*. Автор говорит, что это округ Верхнего Тону, а один писец, современник Тутмоса III, поместил его близ Мегиддо (Max Müller, *Egyptological Researches*, т. II, с. 81, 82). Тону должен был по меньшей мере охватывать пространство между Мертвым морем и Синайским полуостровом, но не пришлось бы искать дальше к северу Сирии, если чтение Тону — ошибка вместо Ратону-Латону; Латону, как первым заметил Макс Мюллер (*Asien und Europa*, с. 211; ср. Isidore Lévy, *Lotanu-Lotân*, с. 72 и след.) и как настойчиво утверждает Алан Гардинер (*Eine neue Handschrift des Sinuhegedichtes*, с. 8; *Die Erzählung des Sinuhe*, с. 10, прим. 4), мог первоначально быть округом, смежным с округом Хару, хорреев. Князь Тону, или Лотану, дает египетскому герою округ Ааа, или, вернее, Аиа, имя которого обозначает некое растение, по Лоре — *Arundo-Isiaca* (*Saccharum Aegyptiacum*, в *Sphinx*, т. VIII, с. 157–158). Макс Мюллер нашел его после Мегиддо и перед Кадимой в списке Тутмоса III (*Egyptological Researches*, т. II, с. 81, 82). Не тот ли это Аиа из Книги Бытия (XXXVI, 24), племянник Лотана, впоследствии область Синая (Maspero, *Notes sur quelques points*, в *Recueil*, т. XVII, с. 142)? Синухет прожил там несколько лет в дружбе с кочевыми лучниками, сатиу; на обратном пути его принял египетский гарнизон пограничной заставы Хариу-Хору, *Пути Гора*. Эрман (*Die Horuswege*, в *Zeitschrift*, т. XLIII, с. 72, 73) показал, что в птолемеевскую эпоху это имя давали восточной окраине Дельты, Хонт-абти, и что это было мифологическое обозначение местности, которая в политической географии называлась Джару. Оно заимствовано из мифа о Горе: Гор, преследуя Сета-Тифона, будто бы прошел через Вади-Тумилат и

оставил там свое имя. Итак, Синухет плыл на судне от окрестностей Исмаилии до окрестностей Дахшура или Лишта, где тогда пребывал двор.

Английский романист Гай Бутби сделал бегство Синухета завязкой романа теософского направления под заглавием *A Professor of Egyptology*.

Наследственный князь, царев человек, единственный друг, [1] шакал, управитель владений государя и его наместник среди бедуинов, тот, кого царь знает воистину и кто любит его, слуга Синухет [2] говорит:

[1] Друзья занимали высшие должности при дворе фараона; в папирусе Худа из Британского музея иерархия ставит их на седьмое место после царя. Они делились на несколько разрядов: *единственные друзья*, *друзья сераля*, *позлащенные друзья*, *младшие*, — чье положение невозможно точно определить. Этот титул сохранялся и при дворе Птолемеев и распространился по всему македонскому миру (ср. Maspero, *Études égyptiennes*, т. II, с. 20, 21).

[2] В перечне званий Синухета, кроме обычных египетских достоинств, есть титул, к несчастью поврежденный, какого мы не привыкли встречать на памятниках, но который связывает его с бедуинами Азии. Синухет и в самом деле был вождем одного из племен сатиу, и что-то от этого осталось при нем и после возвращения в Египет, ко двору фараона. Это новый факт, и он вполне заслуживает внимания египтологов.

Я — спутник, что следует за своим господином, слуга царского гарема наследственной княжны, высшей любимицы, царской супруги Сенусерта в Хнумисуиту, царской дочери Аменемхета в Канофере, Нофрет, госпожи верности. [3] В год XXX, в третий месяц Иахуит, [4] в седьмой день, бог вошел в свой двойной небосклон, царь Сехетепибра вознесся на небо, [5] соединившись с солнечным диском, и члены бога растворились в том, кто их сотворил. И вот дворец был в безмолвии, сердца в трауре, великие двойные врата запечатаны, придворные сидели, скорчившись, уронив голову на колени, и народ тоже оплакивал его. А Его Величество, ж. з. с.,

послал многочисленное войско в страну тимиху, [6] и старший сын его, благой бог Сенусерт, ж. з. с., был во главе его. Он был послан поражать чужие страны и обратить техену в рабство, и вот он возвращался, он вел живых пленников, взятых у тимиху, и всякий скот без числа. Друзья Сераля, ж. з. с., приказали людям западной стороны известить царского сына о делах, что случились во дворце, ж. з. с. [7] Гонцы нашли его в пути, они настигли его ночью; ни разу он не помедлил, сокол взлетел со своими слугами, [8] ничего не дав знать своему войску. Велели царским сыновьям, что были при войске, никому из бывших там ничего не говорить. Но я, я был там, [9] я слышал его голос, когда он говорил, и, когда я ушел, сердце мое растаяло, руки мои опустились, страх лег на все мои члены, я пробирался прочь, петляя и кружа, ища, где бы спрятаться; проползая между двумя кустами, чтобы сойти с торной дороги, [10] я шел на юг, но не думал возвращаться во дворец, ибо полагал, что уже вспыхнула война. [11] Не сказав тому дворцу пожелания жизни, я переправился через канал Маати у места, что зовется Сикомора. [12] Я достиг острова Снофру и провел там день в поле; потом пустился в путь на рассвете и шел. Человек, стоявший у дороги, просил у меня пощады, ибо он был испуган. К часу ужина я приблизился к городу Нагау; я переправился через воду на плоскодонке без руля, при западном ветре, и перешел на восток, мимо округа каменоломен, у места, что зовется Харуит-небит-Дуу-дошир; потом, держа путь пешком к северу, я дошел до Стены Владыки, что построена, чтобы отражать сатиу и давить номиу-шаиу; я сидел, скорчившись, в кустах, боясь, как бы меня не увидел страж, что дозорит на куртине стены в свой день. Я снова пустился в путь ночью, а наутро, на восходе солнца, я достиг Путени и отдохнул на острове Камуири. Тогда жажда спустилась и напала на меня; я изнемог,

горло мое хрипело, и я сказал себе: «Вот вкус смерти». Но я поднял свое сердце и собрал свои члены, ибо услышал громкое мычание стада. Бедуины заметили меня, и один из их шейхов, [13] живший прежде в Египте, узнал меня; и вот он дал мне воды и велел вскипятить для меня молока, потом я пошел с ним, с его племенем, и он оказал мне ту услугу, что передавал меня из страны в страну.

---

[3] Сенусерт и Аменемхет, женой и дочерью которых была царевна, обозначены здесь по именам пирамид, где они были погребены, — Хнумисуиту и Канофер. Каирский музей хранит две статуи царевны Нофрет, найденные Мариеттом в Сане, древнем Танисе (Maspero, *Guide to the Cairo Museum*, 5-е изд., 1910, с. 93, 94, № 200 и 201).

---

[4] Один из текстов, Каирский остракон, называет здесь второй месяц Иахуит.

---

[5] Иначе говоря, умер царь Аменемхет I. Другой пример этого иносказания мы уже встречали выше.

---

[6] Тимиху — берберские племена, населявшие Ливийскую пустыню, к западу от Египта.

---

[7] По смерти царя друзья Сераля, в отсутствие наследника, брали на себя регентство.

---

[8] *Сокол, что взлетает*, — по египетскому обыкновению новый царь, отождествляемый то с Харуэрисом, Гором Старшим, то с Харсиесе, Гором, сыном Исиды.

---

[9] Синухет не говорит нам, каким случаем он оказался в таком положении, что, когда все были удалены, подслушал вести, которые гонец принес новому царю. Мы не знаем, требовал ли египетский закон в подобном случае смерти несчастного, невольно совершившего такую нескромность. Нет сомнения, что Синухет боялся за свою жизнь и решил бежать.

---

[10] Синухет прятался в кустах, пока царское шествие тайно проходило мимо него. Затем он проложил себе путь через заросли, избегая дороги, по которой шел фараон.

---

[11] Это место едва ли может намекать на что-либо, кроме междоусобной войны. В Египте, как и во всех странах Востока, смена царствования нередко вела к

мятежу: царевичи, которых не избрали наследовать отцу, поднимали оружие против более удачливого брата.

[12] Об этом географическом имени и о следующих см. вводную заметку к этой сказке.

[13] Ср. L. Borchardt, *Zu Sinuhe 35 ff.*, в *Zeitschrift*, 1891, т. XXIX, с. 63.

Я отправился в Суану. Я прибыл в Кадимаи и пробыл там полтора года.

Аммуианаши, князь Верхнего Тону, [14] призвал меня и сказал мне: «Тебе хорошо у меня, ибо ты слышишь здесь речь Египта». Он сказал это потому, что знал, кто я, и слышал о моих способностях; несколько египтян, бывших в этой стране вместе со мной, засвидетельствовали ему обо мне. [15] И вот что он мне сказал: «По какой причине пришел ты сюда? Что это? Не случилось ли это из-за отшествия на небосклон во дворце царя обоих Египтов Сехетепибра, [16] так что неизвестно, что произошло при этом?»

[14] Папирус Рамессеума дает здесь разночтение: *Верхний Лотану*. Ср. вводную заметку к этой сказке, выше.

[15] Вероятно, беглецы, ушедшие из Египта при обстоятельствах, подобных тем, что вызвали бегство Синухета.

[16] Вопрос князя Тону, нарочно несколько темный, становится проще, когда мы знаем из других документов (*Папирус Салье II*, с. 1, последняя строка; с. 2, строки 1, 2), что против Аменемхета был заговор. Аммуианаши спрашивает, не был ли Синухет замешан в каком-нибудь покушении такого рода и не пришлось ли ему бежать вместе с убийцей царя.

Я ответил ему с хитростью: «Да, поистине, когда я возвращался из похода в страну тимиху, мне пересказали некое дело. Сердце мое всколыхнулось, сердце мое было уже не в груди моей, но увело меня на дороги пустыни. Меня не порицали, никто не плевал мне в лицо, я не слышал худого слова, и имени моего не слышали в устах глашатаев! Не знаю, что привело меня в эту страну; это было

словно замысел Бога!» — «Каково же будет теперь в той земле Египетской без благодетельного бога, ужас перед которым простирается по чужим народам, как перед Сехмет [17] в год мора?»

[17] Сехмет, или Сахмет, которую долго смешивали с Пахет, была одной из главных богинь египетского пантеона. Она входила в мемфисскую троицу и носила титул *Великая возлюбленная Птаха*. Это была львица или богиня с головой львицы; с головой кошки ее называли Бастет, или Убастет, и почитали в Бубастисе в Дельте.

Я сказал ему, что думал, и ответил ему: [18] «Боже, сохрани нас! Сын его вошел во дворец и принял наследие отца своего. Это бог, у которого поистине нет второго; никто не превзойдет его. Он владыка мудрости, осмотрительный в замыслах, благодетельный в повелениях, по слову которых приходят и уходят. Это он уже покорил чужие края, пока отец его оставался в своем дворце, и он доносил ему (отцу) о том, что тот решил ему поручить. Он силач, что поистине трудится мечом, храбрец, которому нет равного, когда видишь, как он бросается на варваров и вступает в бой. Он тот, кто бодает рогом и обессиливает руки своих врагов; враг не может навести порядок в своих рядах. Он каратель, что крушит головы; ничто не устоит перед ним. Он быстрый бегун, что истребляет беглеца; нет убежища для того, кто показал ему спину. Он тверд сердцем в миг нападения. Это он без устали возвращается в бой и никогда не показывал спины. Он крепкое сердце, которое, видя множества, не дает усталости войти в свое сердце. Он храбрец, что устремляется вперед, когда видит сопротивление. Это он радуется, когда налетает на варваров; он хватает свой щит, он повергает противника, он никогда не наносит второго удара, когда убивает, но нет никого, кто отвел бы его копье, никого, кто натянул бы его лук; варвары бегут, ибо две руки его сильны, как души великой богини. [19] В бою он не знает передышки, ни на что не оглядывается, ничего не оставляет. Он

возлюбленный, весьма отрадный, покоривший любовь, и город его любит его больше, чем самого себя; он радуется ему больше, чем своему собственному богу, и мужчины и женщины ликуют из-за него. Он царь, правивший от яйца, [20] и носил венцы от рождения; это он умножил своих современников, [21] и он тот, кого боги даровали нам и кем та земля радуется быть управляемой. Это он расширяет пределы; он возьмет земли Юга и не взглянет на земли Севера. Он создан, чтобы поражать сатиу и давить номиу-шаиу. [22] Если он пошлет сюда поход, пусть он знает твое имя к добру и пусть ни одно худое слово о тебе не дойдет до Его Величества. Ибо он не перестает делать добро земле, что покоряется ему».

[18] Синухет отвечает на вопрос вождя Тону, который спросил его, не вызвано ли его изгнание каким-нибудь соучастием в покушении на жизнь государя. Его бегство — воля Бога и как бы рок; и в самом деле, как мы видели выше, он узнал о смерти Аменемхета случайно, а не по своему желанию. Чтобы показать, что он никогда не участвовал ни в каком заговоре и никогда не станет участвовать, он пускается в пышные похвалы новому фараону, Сенусерту I; преувеличенные похвалы служат здесь доказательством верности и невиновности.

[19] Один из титулов Сехмет (см. выше, прим. 17) и ее воинственных обликов.

[20] Это египетская формула, означающая, что царская власть принадлежала существу с той минуты, как оно было зачато во чреве матери.

[21] По Гардинеру (*Notes on the Story of Sinuhe*, в *Recueil*, т. XXXII, с. 224), это место означает, что он оставил Египет многолюднее, чем тот был во время его рождения. В этой связи оно напоминает Горовы имена: *тот, кто обновляет рождения* — у Аменемхета I и *тот, кто есть жизнь рождений* — у Сенусерта I.

[22] Кочевое население пустыни к востоку от Египта. В других местах их называют *Харуиу-шаиу*, владыки песков; разночтение *Номиу-шаиу*, по-видимому, означает тех, кто правит песками.

Вождь Тону ответил: «Поистине, счастлив Египет, что знает силу своего князя! А ты, раз уж ты здесь, оставайся у меня, и я сделаю

тебе добро». Он поставил меня выше своих детей, он женил меня на своей старшей дочери и дал мне выбрать для себя в его стране лучшее из того, чем он владел на границе с соседней страной. Это превосходная земля, по имени Аиа. [23] Там есть смоквы и виноград; вина там больше, чем воды; меда там вдоволь; масла много, и всяких плодов на ее деревьях; ячменю и пшенице там нет предела, и всякой породы скот. И великие преимущества даны были мне, когда князь пришел ради меня, и он поставил меня князем одного из лучших племен своей страны. У меня был хлеб каждый день и вино каждый день, вареное мясо, птица для жаркого и дичь той страны, ибо на нее охотились для меня и подносили мне, не считая того, что приносили мои собственные охотничьи псы. Мне пекли много лепешек, [24] и молоко варили на всякий лад. Я провел много лет, дети мои стали сильными, каждый правил своим племенем. Гонец, что шел на север или возвращался на юг, в Египет, задерживался у меня в доме, ибо я принимал всякого; я давал воду жаждущему, выводил на дорогу путника, сбившегося с пути; я выручал ограбленного. Бедуинов, [25] что смели противиться князьям этой земли, я направлял их движения, ибо князь Тону дал мне на долгие годы быть военачальником своих воинов. Все страны, на которые я ходил, когда я бросался на них, трепетали предо мною на пастбищах у своих источников. Я брал их скот, уводил их подвластных и угонял их рабов. Я убивал их людей. [26] Мечом моим, луком моим, походами моими, хорошо продуманными замыслами моими я завоевал сердце моего князя, и он полюбил меня, когда узнал мою доблесть; он сделал меня старшим над своими детьми, когда увидел силу моих рук.

[23] Об отождествлении этой местности см. вводную заметку к этой сказке.

[24] Это слово оставлено пробелом в Берлинской рукописи. Весьма вероятно, оно было неразборчиво в подлинном папирусе, с которого снят имеющийся у нас

список повести о Синухете. Писец предпочел не писать ничего, чем заполнять пробел по собственному разумению.

[25] Дословно: *лучники*. Это общее имя, которое египтяне давали кочевому населению Сирии в отличие от *монатиу*, как называли земледельческие народы.

[26] Это выражения официальных донесений, описывающих опустошения в войнах, которые вели фараоны. Сенусерт III говорит то же самое: «Я взял их женщин. Я угнал их подвластных, выйдя к их колодцам, гоня их скот перед собой, разоряя их дома и предавая их огню». Lepsius, *Denkm.*, II, табл. 136, h, строки 14–16.

Пришел силач из Тону, он бросил мне вызов в моем шатре; это был герой, которому не было второго, ибо он одолел весь Тону. Он сказал, что будет биться со мной, он задумал ограбить меня, он объявил во всеуслышание, что возьмет мой скот, по наущению своего племени. Князь этот держал совет со мной, и я сказал: «Я не знаю его. Поистине, я не союзник его, что свободно входит в его шатер; разве я когда-нибудь открывал его дверь или входил в его загоны? Это чистая зависть, оттого что он видит во мне того, кто исправно делает свое дело. Боже, сохрани нас, я как бык среди своих коров, когда на него набрасывается молодой бык со стороны, чтобы завладеть ими. Разве мил проситель, когда становится господином? Нет кочевника, что охотно водился бы с феллахом из Дельты, ибо как пересадить заросли тростника на гору? Бык ли он, влюбленный в битву, лучший ли бык, которому любо давать удар за удар и который боится встретить равного себе? Тогда, если у него есть сердце биться, пусть выскажет намерение своего сердца. Разве не ведает Бог, что ему предназначено? А если так, то как это узнать?» [27] Я провел ночь, натягивая лук, пуская стрелы, упражняясь с кинжалом, начищая оружие. На рассвете страна Тону собралась; они созвали свои племена и сзывали все соседние страны, ибо предвидели поединок. Когда силач пришел, я встал, я стал против него; все сердца горели за меня, мужчины и женщины кричали, всякое

сердце тревожилось за меня, и говорили: «Неужели и вправду есть другой боец, достаточно сильный, чтобы биться с ним?» И вот он взял свой щит, свое копье, свою охапку дротиков. Когда я заставил его попусту расточить оружие и уклонился от его метательных копий, так что они вонзались в землю и ни одно не упало возле меня, он бросился на меня; тогда я выстрелил в него из лука, и, когда стрела моя вонзилась ему в шею, он вскрикнул и упал ничком. Я убил его его же боевым топором, я издал свой победный клич на спине его, и все азиаты закричали от радости; я вознес благодарение Монту, [28] а люди его оплакивали его, и князь Аммуианаши [29] заключил меня в объятия. И вот я завладел добром побежденного. Я взял его скот; что он хотел сделать мне, то я сделал ему; я взял, что было у него в шатре, я разграбил его стан и обогатился, я умножил свою казну и число своего скота.

[27] Все это место трудно истолковать. В целом я принял последний перевод Гардинера (*Notes on the Story of Sinuhe*, в *Recueil*, т. XXXIII, с. 68–72). Синухет, по-видимому, думает, что причина вызова, побуждений которого он иначе понять не может, — его чужеземное происхождение. Тем не менее он принимает вызов и отдает дело на суд Бога.

[28] Бог войны в Фивах. Его почитали в Гермонтисе, в непосредственной близости от великого города. Греки отождествляли его с Аполлоном; он и в самом деле был солнечным божеством, и памятники часто смешивают его с Ра, солнцем.

[29] Огласовку с *и* рукопись дает в этом имени здесь, а раньше не дает; или же следует читать *Аму-и-Анаши*, Анаши, сын Аму? Египтяне с их несовершенной системой письма с превеликим трудом передавали чужие гласные, отсюда и разнобой в написании.

Так бог явил милость тому, кого упрекали в бегстве в чужую землю и кто ныне был радостен сердцем. Беглец бежал в свое время, а ныне добрая молва обо мне дошла до египетского двора. Скиталец скитался в муках, умирая с голоду, а ныне я давал хлеб своему соседу. Бедняк покинул свою страну нагим, а я блистал в

одеждах из тонкого полотна. Был человек, что сам бегал по своим делам, не имея кого послать, а у меня было много крепостных. Дом мой был прекрасен, владения мои обширны, обо мне вспоминали в царском дворце. «О все вы, боги, предназначившие мне бежать, будьте милостивы ко мне, верните меня во дворец, быть может, дайте мне снова увидеть место, где пребывает мое сердце. [30] Какое счастье, если тело мое когда-нибудь упокоится в стране, где я родился! О, пусть отныне счастье мое пребудет, пусть бог дарует мне мир, пусть поступит так, как подобает с человеком, которого он опечалил, пусть сжалится над тем, кого заставил жить в чужой земле. Разве он еще не умилостивлен? О, пусть он услышит того, кто молится издалека, и обратится к человеку, которого он поверг, и к месту, откуда он его взял; [31] пусть царь Египта будет милостив ко мне, и пусть я буду жить его дарами, и пусть я буду управлять имуществом Владычицы Земли, [32] что в своем дворце, и пусть буду слышать вести ее детей. О, пусть помолодеют мои члены, ибо ныне, когда близится старость, слабость овладела мною, оба глаза мои отяжелели, руки повисли, члены отказываются служить, сердце останавливается. Смерть подходит ко мне, и скоро я отправлюсь в вечные города, [33] чтобы следовать за Владычицей Всего. [34] О, пусть она расскажет мне о красоте своих детей и проведет вечность рядом со мной!» [35]

[30] Ср. то же пожелание, высказанное потерпевшему кораблекрушение змеем, принявшим его на своем острове (см. ниже).

[31] Насколько я могу понять, Синухет молит царя принять во внимание немилость, которой он подвергся, и землю, из которой он изгнан, а затем, рассудив, как несоразмерна кара проступку, призвать его, Синухета, обратно в Египет.

[32] Это один из титулов царицы. Как мы видели выше, Синухет был управителем гарема, а стало быть, и имущества царицы. Он просит восстановить его в прежней должности.

[33] *Вечные города*, или *вечный дом*, — так египтяне называли гробницу.

[34] Владычица Всего, как и Владыка Всего, — божество мертвых. Эрман (*Aus den Papyrus der Königlichen Museen*, с. 22, прим. 2) и Гардинер (*Notes on the Story of Sinuhe*, в *Recueil*, т. XXXIII, с. 85, 86) думают скорее, что речь идет о царице: Синухет будто бы надеется служить ей вечно в ином мире, как служил в этом.

[35] Известно, как страшились египтяне умереть, а еще больше — быть погребенными в чужой стране. Они верили, что могут наслаждаться жизнью за гробом, лишь если их мумия положена в земле Египта. Именно чтобы избежать позора и злосчастья гробницы в Сирии, Синухет, состарившись, просит позволения вернуться домой. Он так настаивает на своих погребальных мыслях потому, что они больше любого другого довода могли пробудить жалость фараона.

Когда же Его Величеству царю Хеперкара, [36] правогласному, [37] доложили о делах, что касались меня, Его Величество соизволил прислать мне гонца с дарами от царя, чтобы обрадовать слугу, что говорит с вами, [38] такими, какие дают князьям всех чужих стран, и Царские Дети, [39] что во дворце, прислали мне свои послания.

[36] Тронное имя царя Сенусерта I, сына и преемника Аменемхета I, с разночтением в слове *ка*.

[37] Египтяне, как и все восточные народы, придавали большое значение не только словам своих религиозных формул, но и напеву, с каким произносилась каждая из них. Чтобы молитва подействовала и возымела полную силу у богов, ее надо было читать с преданным по обычаю распевом. Поэтому высшей похвалой тому, кто должен был читать молитвы, было назвать его *Mâ-khrôu*, *правогласным*, то есть сказать, что у него верный голос и он знает, какое ударение надо придать каждой фразе. Царь или жрец, исполнявший при жертвоприношениях обязанность чтеца (*khri-habi*, см. выше, в сказке «Царь Хуфуи и волшебники»), назывался *mâ-khrôu*. Боги торжествовали над злом *верностью своего голоса*, когда произносили слова, призванные обессилить злых духов. Умерший, проводивший все время своего загробного бытия в произнесении заклинаний, был прежде всего *mâ-khrôu*. Употреблявшееся так выражение в конце концов стало настоящим похвальным эпитетом, который прилагали ко всем умершим и к лицам минувших времен, когда о них говорили с добрым чувством.

[38] L. Borchardt, *Der Ausdruck Bk'im*, в *Zeitschrift*, 1889, т. XXVII, с. 122–124.

[39] Царские Дети — это либо дети царствующего царя, либо дети кого-нибудь из прежних царей; в египетской иерархии они стоят сразу после царствующего царя, царицы и царицы-матери (ср. Maspero, *Études égyptiennes*, т. II, с. 14, 16).

Список с указа, доставленного здесь присутствующему слуге о возвращении его в Египет

«Гор, жизнь рождений, владыка венцов Севера и Юга, жизнь рождений, царь Верхнего и Нижнего Египта Хеперкара, сын Солнца Аменемхет, [40] живущий во веки веков.

[40] Титул этого царя составлен из тронного имени *Хеперкара* Сенусерта I и из имени Аменемхета II. О значении такого сочетания см. Введение.

Указ царя слуге Синухету. Вот, этот указ царя доставлен тебе, чтобы известить тебя о его воле. [41]

[41] Это ответ на косвенную мольбу, с которой Синухет обратился к царице (см. выше, прим. 32), одним из главных служителей которой он был, как мы знаем (см. выше), — а также к детям фараона от этой царевны. Из этого места видно, что их заступничество подействовало и что Синухет был обязан своим помилованием заступничеству Нофрет и Царских Детей.

Ты обошел чужие земли, ходя из Кадимы в Тону, и из каждой земли переходил в другую, и только по совету собственного сердца. Что же ты там обрел, что сделано для тебя? Ты не можешь больше проклинать, [42] ибо словам твоим не придают цены; ты не можешь больше говорить в совете знатных, ибо речь твою отвергают. И, однако, такое положение, какое избрало твое сердце, не от моей недоброжелательности к тебе. Ибо та царица, небо твое, что во дворце, она по-прежнему цветет, голова ее вознесена среди царственных особ земли, и дети ее в сокровенной части дворца. [43] Ты будешь вкушать богатства, которые они тебе дадут, и будешь жить их щедротами.

[42] Гардинер весьма остроумно определил общий смысл этой фразы, но, по-моему, упустил значение подробности (*Notes on the Story of Sinuhe*, в *Recueil*, т. XXXIII, с. 87–89). Проклинать, иначе говоря, произносить против человека или вещи заклятия, обязывавшие призванных богов их погубить, было правом, принадлежавшим лишь людям, вполне владевшим своими гражданскими правами, например тем, кто числился среди знатных; добровольно отправившись в изгнание, Синухет отказался от этих прав, его проклятие не имело больше никакого веса и с ним не считались. Если бы он хотел предотвратить кражу и произнес обычные в таких случаях заклятия, никто бы их не убоялся и всякий мог бы безнаказанно его обокрасть. Это лишь один пример, показывающий, какой смысл я придаю этому месту; приводить другие было бы слишком долго.

[43] Надо помнить (см. выше, прим. 32), что Синухет состоял при гареме царицы. Пока он был в изгнании, она взяла на себя его защиту и снискала ему благоволение фараона.

Когда ты придешь в Египет и увидишь столицу, где ты жил, простирайся ниц, лицом к земле, перед Высокими Вратами и присоединись к Друзьям. [44] Ибо ныне, вот, ты начинаешь стареть, ты утратил мужскую силу и подумал о дне погребения, о переходе в вечное блаженство. Ночи среди бальзамических масел и пелен назначены тебе рукою богини Таит. [45] Шествие твое в день погребения устроено: золотая оболочка, голова, расписанная синим, [46] балдахин над тобою; [47] положенного на погребальные сани, тебя повезут быки, певцы пойдут перед тобой, плясуны исполнят для тебя пляски [48] под звуки твоей свирели; прочтут для тебя призывания у жертвенных столов, [49] заколют для тебя жертвы у твоих погребальных стел, и пирамиду твою выстроят из белого камня в кругу Царских Детей. [50] Ты не умрешь в чужой земле, и азиаты не понесут тебя к гробнице, и тебя не положат в овчину, когда будут строить твой склеп, [51] но, когда ты придешь сюда, будет возмещение за тягости, каким подвергалось твое тело». [52]

[44] О Царских Друзьях см. выше, прим. 1.

[45] Имя богини Таит означает буквально *полотно, пелены*; это богиня, ведающая пеленанием новорожденных или новопреставленных. Обряды, на которые намекает это место, изложены в особой книге, которую мне довелось перевести и издать под заглавием *Rituel de l'embaumement* (Maspero, *Mémoire sur quelques papyrus du Louvre*).

[46] Гробы для мумий XI династии и последующих эпох, такие, например, какие есть у нас в Лувре, целиком позолочены, кроме человеческого лица, которое расписано красным, и головного убора, который расписан синим.

[47] Во время погребальных обрядов мумию клали на погребальное ложе под деревянным балдахином. Один такой балдахин нашел Ринд в Фивах (Rhind, *Thebes, its Tombs and their Tenants*, с. 88–90); ныне он в Эдинбургском музее. С тех пор я нашел три: первый в Фивах, XIII династии; второй тоже в Фивах, XX; третий в Ахмиме, птолемеевской поры. Все они в Каирском музее (Maspero, *Manual of Egyptian Archaeology*, Grevel, 1914, с. 328, и *Guide to the Cairo Museum*, 5-е изд., с. 496, 511, 512). Каирский музей хранит также двое саней с балдахинами, можно сказать, два погребальных катафалка, XX династии (Maspero, *op. cit.*, с. 327–329, и *Guide to the Cairo Museum*, 5-е изд., с. 487, 488), извлеченные в Фивах в 1886 году из гробницы Сеннеджема. Это сани того рода, в какие запрягали быков, чтобы везти мумию к последнему жилищу.

[48] В гробницах фиванской поры, особенно XVIII династии, в известных мне местах видишь двух или трех мужчин в короткой набедренной повязке и в высоком головном уборе, вероятно в парике из длинных волос или в собственных отпущенных волосах, поднятых сахарной головой и подвязанных над макушкой. Это плясуны, исполнявшие погребальные пляски во время похорон и развлекавшие толпу своими фокусами и кривляньями в промежутках между плачем и слезами.

[49] При похоронах и при всех последующих службах в честь умершего человек со свитком (ср. выше, прим. 37, и Введение) вызывал (*naîs*) один за другим предметы, нужные для благополучия и пропитания человека, и ставил их на жертвенный стол. Оттуда силою формул они тотчас переходили на стол умершего.

[50] Это точное описание египетских похорон, как их подробности показывают нам памятники (ср. Maspero, *Études égyptiennes*, т. I, с. 81–194).

[51] Мы знаем от Геродота, что египтяне не любили класть шерсть вместе с умершими; знаем мы и то, что, несмотря на эту нелюбовь, овчину все же иногда употребляли при погребении: одна из мумий Дейр-эль-Бахри (№ 5289) была

обернута в белую шкуру с руном (Maspero, *Les Momies royales*, в *Mémoires présentés par les membres de la Mission permanente*, т. I, с. 548). Так как эта мумия принадлежит безымянному царевичу, который, по-видимому, умер от яда, можно спросить, не предназначалась ли овчина для людей определенного разряда, узников или казненных преступников, осужденных быть нечистыми даже в гробнице. Если это так, то понятно, почему упоминание овчины стоит именно здесь, в царском рескрипте. Фараон, обещая Синухету, что его понесут к гробнице с торжественным почетом, как князей или богатых людей, и что мумию его не обернут в овчину осужденных, ручался ему за полное прощение даже в будущей жизни.

---

[52] Конец этой фразы, по-видимому, искажен в единственной рукописи, какая есть у нас для этого места. Длинное описание, которое он завершает, — ответ на просьбу, высказанную Синухетом раньше (см. выше), позволить ему вернуться и упокоиться на родной земле; оно показывает, что его обращение к милосердию царя имело успех. У него будут все обряды, необходимые для продолжения жизни его двойника, и будущее его в гробнице обеспечено ему царской милостью.

Когда этот указ дошел до меня, я был среди своего племени. Как только я прочел его, я бросился на живот, я валялся в пыли, [53] я посыпал ею голову, я обошел свой *дуар* (стан), ликуя и говоря: «Как могло такое быть сделано для здесь присутствующего слуги, которого сердце завело в чужие варварские земли? И поистине, как прекрасно милосердие, что избавляет меня от смерти. Ибо твой двойник позволяет мне окончить жизнь при дворе».

---

[53] Египтяне называли этот обряд *san-tau*, обонять землю; он был обязательной принадлежностью всякого царского приема и всякого приношения богам; ср. ниже.

Список с ответа о получении этого указа

«Слуга Гарема Синухет говорит: В мире, превосходнейшем всего! То бегство, что совершил слуга в своем неведении, двойнику твоему оно ведомо, благой бог, владыка обоих Египтов, друг Ра, любимец Монту, владыки Фив. Пусть Амон, владыка Карнака, Себек, [54] Ра, Гор, Хатхор, Атум [55] и Девятка богов, Сопду,

бог прекрасных душ, Гор страны Востока, [56] царский урей, что обвивает твою голову, [57] вожди, что ведают разливом, Мин-Гор, обитающий в чужих странах, [58] Уарурит, владычица Пунта, [59] Нут, [60] Харуэрис-Ра, [61] боги, владыки Египта и островов Великой Зелени, [62] дадут жизнь и силу твоим ноздрям; пусть они наделят тебя своими дарами, пусть дадут тебе время без предела, вечность без меры, чтобы повторяли страх перед тобой по всем странам равнины и горы и чтобы ты покорил все, что солнечный диск обходит в своем течении. Вот молитва, которую здесь присутствующий слуга творит за своего господина, избавляющего его от гробницы.

---

[54] Себек — бог-крокодил, которого почитали в Омбосе, Эсне и в городах Файюма.

---

[55] Тум, Атум — бог Гелиополя, глава божественной Эннеады, которая сотворила мир и поддерживает его с первого дня. О Девятке богов и об Эннеаде вообще ср. выше, в «Истории двух братьев».

---

[56] Сопду, носящий эти разные эпитеты, был богом, которого почитали в Аравийском номе Египта. Порой его изображают человеком с солнечным диском на голове, и он носит титул *благороднейший из духов Гелиополя*. Его не следует смешивать с богиней Сопдет, греческой Сотис, которая олицетворяет самое знаменитое созвездие египетского неба, то, что соответствует нашему Сириусу.

---

[57] Царский урей — змей, которого царь носит прикрепленным к своему венцу и который, как считалось, охраняет его от врагов.

---

[58] Мин, Гор чужих стран, — бог Аравийской пустыни и вообще всех стран, непосредственно окружающих Египет, и на востоке, и на западе.

---

[59] Уарурит мне почти неизвестна, кроме этого места. Ее титул, *Владычица Пунта*, по-видимому, показывает, что это второстепенный облик Хатхор, которая, по нескольким весьма древним преданиям, пришла из этой страны. Не Алилат ли это классических писателей?

---

[60] Нут — богиня неба. Вместе с Себом-Гебом, богом земли, она составляет божественную чету, одну из древнейших божественных чет Египта, одну из тех, что богословы великой фиванской школы времен Рамсеса не смогли подвести

под солнечный образец. На изображениях Нут склоняется над своим супругом, и очертание ее фигуры представляет звездный небосвод.

[61] Гор Старший, Харуэр, из которого греки сделали Аруэриса, — солнечный бог того же звания, что и Ра; поэтому он и соединен с ним в этом месте. Его не следует смешивать с Гором Младшим, сыном Исиды и Осириса.

[62] Египтяне называли море *Великой Зеленью*, *Uaz-uêrit*. Порой это имя относится к Красному морю, но чаще к Средиземному; именно о нем здесь и речь.

Владыка мудрости, что знает людей, знал это в Его Величестве Государе, когда здесь присутствующий слуга боялся сказать это, столь важно было это вымолвить. [63] Но великий бог, подобие Ра, делает искусным того, кто трудится для себя, и здесь присутствующий слуга покорен Тому, кто держит совет о нем, и пребывает в Его повелении; ибо твое Величество — Гор, [64] и мощь рук твоих простирается на все страны.

[63] Делом, которое было важно вымолвить и которое государь знал по своей мудрости, была просьба Синухета дозволить ему вернуться в Египет.

[64] Цари первобытного Египта считали себя прямыми потомками Гора, божественного сокола, и потому называли себя *Гор*, *живой Гор*, *жизнь Гора*, как значится в официальных титулатурах.

Итак, пусть твое Величество велит привести Маки из Кадимы, Хентиауша из Хонти-Каушу, [65] Менуса из двух покоренных земель, [66] князей, чье имя безупречно и которые любят тебя, которых ни разу ни в чем не упрекали, ибо Тону твой, как твои псы. Ибо это бегство, что совершил твой здесь присутствующий слуга, он совершил не сознательно, у меня не было такого намерения; оно не было задумано заранее, и я не знаю, что оторвало меня от того места, где я был. Это было как сон, как когда человек из Атху видит себя в Иабу [67] или человек из болот — в пустыне Нубии. [68] Мне нечего было бояться, никто меня не преследовал. Я не слышал худого слова, и имени моего никогда не было в устах

глашатая, и все же плоть моя трепетала, ноги мои гнали меня, сердце мое вело меня, бог, предназначивший мне это бегство, влек меня, ибо я не из тех, кто ожесточает свою спину, и боится тот, кто хорошо знает свою страну. Ныне Ра даровал, чтобы страх перед тобой царил над землей Египта, чтобы ужас перед тобой был на всех чужих землях. Что до меня, во дворце ли я или здесь, это ты можешь покрыть мой небосклон; солнце восходит по твоему благоволению, воду реки пьют, когда тебе угодно, воздухом небес дышат, когда тебе угодно. Я, здесь присутствующий слуга, оставлю должности, которые я, здесь присутствующий слуга, имел в этом месте. Пусть твое Величество поступит, как ему угодно, ибо живут дыханием, которое ты даешь; любовь Ра, Гора и Хатхор освежает твои ноздри, и дар Монту, владыки Фив, — то, что они живут вечно».

---

[65] *Хонти-Каушу* означает *тот, кто заключен в Каушу*, и, следовательно, указывает, по-видимому, на какое-то лицо эфиопского происхождения. Однако соседство с Кадимой указывает скорее на сирийскую местность, и я не знаю, где ее точно поместить.

---

[66] Слова, которые я передаю как *покоренные земли*, Бругш и другие передавали как *Страна финикийцев*. Не входя в вопрос о том, допускает ли этническое имя *Фенху* отождествление с Финикией, достаточно сказать, что правописание этой рукописи не позволяет узнать его в этом месте. Я не знаю из других источников, какую область египтяне называли *покоренной землей*, или, точнее, *опустошенной землей*.

---

[67] Иабу — египетское имя Элефантины, Атху — имя одной области Дельты; эти две местности, лежащие одна на крайнем юге, другая на крайнем севере Египта, подобно Дану и Вирсавии у евреев, служили в поговорке для обозначения всего протяжения страны. *Человек из Иабу, который видит себя в Атху*, — это египтянин с севера, перенесенный на юг и очутившийся совсем на чужбине; разница не только в нравах и обычаях, но и в наречии так велика, что невнятный язык плохого писца можно было сравнить с речью человека из Иабу, очутившегося в Атху.

[68] Точный перевод был бы *земля Хонти*. Эта земля Хонти, в сравнении с возделанной равниной Египта, должна обозначать *Хато*, Нубию или сухие и бесплодные высоты, окаймляющие долину на востоке и на западе (ср. Brugsch, *Dictionnaire géographique*, с. 1281–1284).

Когда пришли за мной, здесь присутствующим слугой, [69] я справил в Аиа праздничный день, чтобы передать свое добро детям; старший сын мой стал вождем моего племени, так что мое племя и все мое имущество стали его — мои крепостные, весь мой скот, все мои насаждения, все мои финиковые пальмы. Потом я, здесь присутствующий слуга, отправился на юг, и, когда я остановился в Хариу-Хору, [70] военачальник, что стоит там с пограничной стражей, послал гонца во дворец известить их. Его Величество прислал превосходного надзирателя над земледельцами царского дома, а с ним грузовые суда, полные даров от царя для бедуинов, которые пришли со мной в Хариу-Хору. Я простился с каждым из них по имени; затем, так как там были слуги всякого рода, каждый при своем деле, я отвязал судно, поднял парус, и для меня месили хлеб и варили пиво, [71] пока я не прибыл в царский город Таиту-тауи. [72]

[69] Гардинер переносит сюда, и, по-моему, верно, ту часть фразы, которая в единственной имеющейся у нас рукописи стоит двумя строками выше (*Die Erzählung des Sinuhe*, с. 13). По-видимому, писец, дойдя до низа этой страницы, поставил все заключение своего документа после слов *я оставлю* и заметил ошибку, успев написать лишь эту не на месте стоящую фразу. Все недостающее он вписал после нее, не потрудившись перенести слова, вставленные здесь по ошибке, в верх следующей страницы, где им и было место.

[70] См. вводную заметку к этой сказке.

[71] Пиво делали каждый день вместе с хлебом, который служил закваской для брожения.

[72] Имя этой местности пишется *Tauty*, дословно *владычица*. Гриффит весьма остроумно узнал в нем равнозначное выражению *владычица обеих земель*,

которым обозначали царский город первых царей XII династии, близ пирамид Лишта.

Наутро, когда земля просветлела, за мной пришли: десять человек пришли и десять человек пошли, чтобы вести меня во дворец. Я коснулся земли лбом между сфинксами, [73] потом Царские Дети, стоявшие в караульне, вышли мне навстречу, Друзья, которым поручено вводить в гипостильный зал, провели меня в приемный покой царя. [74] Я нашел Его Величество на великом возвышенном помосте в Нише из Позолоченного Серебра. [75] Я бросился на живот и лишился чувств перед ним. Бог обратился ко мне с милостивыми словами, но я был как человек, застигнутый сумерками; душа моя изнемогла, члены мои ослабели, сердце мое было уже не в груди моей, так что я узнал, какова разница между жизнью и смертью. Его Величество сказал одному из Друзей: «Подними его, и пусть он говорит со мной». Его Величество сказал: «Итак, ты пришел, после того как побывал в чужих землях и бежал. Старость напала на тебя, ты достиг преклонных лет; немалое дело, что отныне тело твое может упокоиться, не будучи погребено варварами. Не провинись снова, не отвечая, когда тебя спрашивают». Я боялся наказания и ответил ответом испуганного человека: «Что сказал мне мой господин? Вот, я отвечаю так: „Это было не мое дело, это была рука Бога; страх, что ныне в груди моей, можно сказать, и вызвал роковое бегство. [76] Вот я перед тобою; ты — жизнь, пусть твое Величество поступит по своему благоволению“».

[73] Речь идет о колоссах или сфинксах, которые обычно ставили по обе стороны ворот храма или дворца.

[74] См. выше, в сказке «Царь Хуфуи и волшебники», описание царского приема, менее подробное, но сходное с этим в употребленных выражениях.

[75] Египтяне употребляли много золота и драгоценного металла в убранстве своих храмов и домов; часто упоминаются двери, колонны и обелиски, покрытые листовым золотом, серебром или электром — сплавом золота и серебра, содержащим не меньше двадцати процентов серебра. *Ниша из Позолоченного Серебра*, золотые ворота, где фараоны сидели во время приемов, получила свое имя от своего убранства. Большой зал фиванских царских гробниц, соответствовавший тронному залу дворцов, назывался *Золотым Залом*, хотя и не был позолочен. Без сомнения, когда-то его украшали листовым золотом, и он сохранил это имя.

[76] Синухет еще раз утверждает свою невиновность. Мы видели выше, при каких обстоятельствах он бежал, и это поспешное бегство вполне могло породить подозрение, что он был замешан в заговоре против Аменемхета или, особенно, против Сенусерта. Большинство статей договора между Рамсесом II и князем Хати о выдаче беглецов показывают, с каким старанием фараон пытался задерживать тех своих подданных, что бежали в чужие страны. Вот почему Синухет с такой настойчивостью возвращается к причине своего бегства и к року, жертвой которого он стал.

Царских Детей провели перед ним, и Его Величество сказал царице: «Вот Синухет, который пришел похожим на азиата, на бедуина, каким он стал». Она разразилась громким смехом, и Царские Дети закричали все разом. Они сказали перед Его Величеством: «Нет, поистине это не так, о государь, господин мой». Его Величество сказал: «Поистине это так». Тогда они взяли свои кастаньеты, [77] свои скипетры, [78] свои систры, и вот они сказали Его Величеству: «Возложи обе руки на добрые вещи, о долгоживущий царь, ибо они украшения Владычицы Неба; [79] Золотая богиня дает жизнь твоим ноздрям, Владычица Звезд соединяется с тобой, венец Юга плывет вниз, а венец Севера плывет вверх по реке, прочно соединенные устами твоего Величества, и урей на челе твоем. Ты отвратил зло от своих подданных, ибо Ра милостив к тебе, о владыка Обеих Земель. Тебя славят, как славят Владычицу Всего: [80] натяни свой лук, отпусти свою стрелу; дай вздохнуть угнетенному. Даруй нам эту особую

милость, о которой мы просим тебя для этого шейха Симихета, [81] бедуина, рожденного в Томури. Если он бежал и покинул эту землю, то из страха перед тобой; чье лицо не побелеет, увидев твое лицо, и чей глаз не устрашится, созерцая тебя?» Его Величество сказал: «Пусть он больше не боится и не кричит от ужаса. Он будет Другом среди тех, кто в числе судей, и будет поставлен среди людей царского круга. [82] Ступайте с ним в царский покой одеяний, чтобы дать ему то, что ему подобает».

[77] По Лоре (*Les Cymbales égyptiennes*, в *Sphinx*, т. V, с. 93–96), тот род ожерелья, который я называю кастаньетами, был кимвалом. Церемониал фараоновских приемов, как и византийских, допускал заранее приготовленные песнопения. Царские Дети, приветствовав царя, начинали эту часть церемонии; они снова брали свои знаки достоинства, которые сложили, прежде чем пройти перед царем и поклониться ему, а также систр, который задавал ритм их песнопению.

[78] Слово *скипетр* не вполне соответствует употребленному здесь термину, который читается *sakhmu*. *Сахму* первоначально было боевым и охотничьим оружием: нечто вроде плоского клинка из твердого дерева, заточенного с обеих сторон, срезанного прямо на верхнем конце и вставленного в круглую рукоять. Оно служило и саблей, и булавой, скорее оглушая, чем рассекая. В первобытные времена оно так связывалось с понятием о сильном человеке, что служило его символом и его клали в гробницу как опору или знак продолжения жизни; *сахму*, деревянный меч, одушевленный духом его былого земного владельца, — один из обликов души, как двойник и светящийся. Как у нас шпага при дворе стала простым знаком звания, так и *сахму* у египтян исторической эпохи был не более чем почетным знаком. Люди хорошего рода и чиновники носили его на торжествах. Одна его разновидность, *уарпу*, а иногда и сам *сахму*, играли роль в жертвоприношениях: если некогда им действительно убивали животное, то теперь совершавший обряд поднимал его над головой жертвы как знак мяснику перерезать ей горло.

[79] Выражение *касаться украшений Владычицы Неба*, то есть кастаньет, по-видимому, выражает мысль о милосердии. Титул *Владычица Неба* носят несколько божеств; упоминание Нубит, владычицы золота, в следующей строке показывает, что здесь имеется в виду Хатхор.

[80] Здесь, как и выше (ср. прим. 34), это выражение обозначает либо богиню, Хатхор в ее погребальном облике, либо, как полагает Гардинер (*Notes on the Story*

of Sinuhe, в *Recueil*, т. XXXIII, с. 85, 86), царицу Нофрет.

[81] Этот вариант имени Синухета означает дословно *сын севера*; Гардинер (*Die Erzählung des Sinuhe*, с. 14, прим. 5) переводит *сын северного ветра*. Синухета называют *cumu* из-за его долгого пребывания среди бедуинов, отчего он утратил изящную внешность придворного. Царь уже заметил выше, что он приходит словно сельский житель, с видом *cumu*. Томури, страна каналов, — имя Дельты, которое прилагалось и ко всему Египту.

[82] Лица, состоявшие при дворе фараона, носили два собирательных звания: *шаниттиу*, люди круга, те, кто в кругу вокруг государя, и *канбуатиу*, люди угла, — быть может, те, кто оставался по углам приемного зала.

Когда я вышел из царских покоев, Царские Дети подали мне руку, и мы тотчас пошли вместе к великим двойным вратам. [83] Мне отвели дом Царского Сына с его богатствами, с его купальней, с его небесными росписями и с утварью, принесенной из двойного белого дома, одежды из царской гардеробной и отборные благовония в каждом покое, тех сортов, что употребляют царь и вельможи, и слуг всякого рода, каждого при своем деле. [84] Сняв годы со своей плоти, я обрился. Я расчесал волосы, [85] я оставил грязь чужим землям и их одежды — номиу-шаиу; [86] потом я облекся в тонкое полотно, я надушился тонкими благовониями, я спал на постели, и я оставил песок тем, кто в нем живет, масло дерева — тем, кто им натирается. [87] Мне дали дом, подобающий землевладельцу, какой бывает у Друга. Множество кирпичников трудилось, чтобы построить его, все дерево в нем было сделано заново, и мне приносили яства из дворца три, четыре раза на дню, сверх того, что Царские Дети давали мне, не переставая ни на миг. Мне построили каменную пирамиду среди погребальных пирамид; [88] начальник каменщиков Его Величества разметил место, начальник рисовальщиков задумал роспись, начальник ваятелей изваял ее, начальники работ, что ведутся в некрополе, обошли ради этого землю Египта. [89] Всякую утварь поместили в

кладовые, и все, что было нужно, поместили туда. Я назначил жрецов двойника, [90] я разбил при ней гробничный сад перед ее городом. Я дал утварь, сделав нужные распоряжения в самой пирамиде. Потом я дал земли и учредил погребальное имение [91] с землями перед городом, [92] как делается для Друзей первого ранга; статую мою покрыли золотом, с передником из электра, и это Его Величество велел ее сделать. Не для простого человека сделано столько, но я был в милости у царя, пока не пришел для меня день смерти. — Окончено от начала до конца, как было найдено в книге.

---

[83] *Руити*, или с артиклем *Пируити*, — подобно *Пару-аа*, фараон, — топографический термин, сперва обозначавший дворец государя, а затем и самого государя. Во Введении мы видели, что из этого титула греческое предание вывело имя Протея, царя Египта, который принимал у себя при дворе Елену, Париса и Менелая (Геродот, II, CXII–CXVI). Здесь этот термин можно понимать в его исконном значении и узнать в нем двойные ворота, которые вели во дворец и под которыми фараоны давали приемы или вершили суд. Царские Дети ведут Синухета к великим двойным вратам, чтобы он по закону получил пожалование, дарованное ему государем (Spiegelberg, *Über zwei Stellen der Sinuhe-Novelle*, в *Sphinx*, т. IV, с. 140–141).

---

[84] При каждом царском дворце и при каждом жилище богатых и знатных были так называемые *дома*, или *покои*, *aît*, где изготовлялось все необходимое для жизни и где жили рабы или ремесленники, занятые этой работой. Так были дома хлеба, пива, мяса, тканей и прочего. Сценки, представленные маленькими деревянными моделями, которые находят в гробницах первой фиванской поры или конца мемфисской эпохи, показывают нам некоторые из этих домов в полном ходу (Maspero, *Guide to the Cairo Museum*, 1910, 5-е изд., с. 501–503).

---

[85] Это подтверждает свидетельство Диодора Сицилийского (I, 18), где сказано, что египтяне, живя на чужбине, отпускали волосы длинными и спутанными и стригли их лишь по возвращении (Spiegelberg, *op. cit.*, т. IV, с. 140–141).

---

[86] О географическом значении и смысле этого слова см. выше, прим. 22.

---

[87] *Масло дерева* — оливковое масло, которое производят в Азии, в отличие от масла *кики*, касторового, которое употребляют в Египте.

[88] Это обычные выражения погребальных надписей, поставленные в повествовании в привычном порядке. Синухет получает от Сенусерта высшую милость — гробницу, построенную и наделенную за счет фараона, *m hosu nti suton*, «по милости царя». Само место дается безвозмездно, затем, когда пирамида построена, учреждаются погребальные пиры, доходы и земельные владения, предназначенные для жертвоприношений, берутся из царских имений, и, наконец, сама статуя, которая должна служить опорой двойнику Синухета, сделана из драгоценного металла.

[89] См. в начале этой сказки редакцию этого места, которая читается на остраконе 5629 Британского музея. Эти лица разъезжали по Египту, чтобы добыть саркофаг, жертвенные столы, ларцы и каменные статуи, которые ставили в гробницы.

[90] Слуги, или жрецы, двойника были лица, обязанные содержать гробницу в порядке и совершать все действия и обряды, нужные для того, чтобы обеспечить бытие и довольство двойника.

[91] Строго говоря, это можно было бы перевести «озеро». Озеро, или, вернее, водоем в каменной облицовке, и в самом деле было непременным украшением всякого дома, сколько-нибудь притязавшего на удобство (ср. выше, в сказке «Царь Хуфуи и волшебники», озеро во дворце Снофру, а ниже — озеро во дворце Амасиса в рассказе о мореходе). Так как идеальная гробница была прежде всего подобием земного дома, в ней старались устроить озеро, подобное озерам в домах. Умерший приходил туда кататься в своей лодке, которую тянули рабы, или сидеть на берегу в тени сикомор. Беседка, как и озеро, была одним из непременных украшений сада. Фиванские рельефы показывают их среди деревьев, иногда рядом с положенным водоемом. Умерший, как и живые, приходил туда вздремнуть после полудня, побеседовать с женой, почитать сказки или позабавиться с женщинами.

[92] Поля погребального имения были собственностью умершего и доставляли ему все, в чем он нуждался. Каждое из них производило какой-нибудь особый предмет, или доход с него шел на то, чтобы снабжать умершего каким-нибудь особым видом пищи или одежды, и оно носило имя этого предмета. Например, поле, с которого Ти получал смоквы или финики, называлось *смоквы Ти*, *финики Ти*. Этим имуществом управляли жрецы двойника или погребальной статуи, которые нередко сами были жрецами главного храма той местности, где находилась гробница; семья заключала с ними договор, по которому они обязывались совершать жертвоприношения, нужные для благополучия умершего, в обмен на некоторые доходы с завещанных имений.

ПОТЕРПЕВШИЙ КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ

✦

(X I I д и н а с т и я)

Папирус, содержащий эту сказку, принадлежит Императорскому Египетскому музею Эрмитажа в Санкт-Петербурге. Его открыл в 1880 году В. Голенищев и сообщил о нем ученым, участвовавшим в пятом Международном конгрессе ориенталистов в Берлине в 1881 году. Тогда он не издал текста, но опубликовал французский перевод: *Sur un ancien conte égyptien. Notice lue au Congrès des Orientalistes à Berlin*, par W. Golénischeff, 1881, без имени издателя, большое in-8°, 21 с., Брейткопф и Гертель, Лейпциг. Он вошел в *Verhandlungen des 5ten Internationalen Orientalisten-Congresses*, Берлин, 1882, 2ter Theil, Erste Hälfte, *Africanische Section*, с. 100–122. Это та редакция, которую я воспроизвел в двух первых изданиях этой книги, слегка изменив ее в некоторых местах, и с нее был сделан русский перевод Владимира Стасова: «Египетская сказка, открытая в Петербургском Эрмитаже», в журнале «Вестник Европы», 1882, т. I, с. 580–602, а также два английских перевода, которые дал Гриффит, в W. Flinders Petrie, *Egyptian Tales*, 1895, Лондон, in-12, т. I, с. 81–96, и F. Ll. Griffith, *Egyptian Literature*, в *Specimen Pages of a Library of the World's Best Literature*, 1898, Нью-Йорк, in-4°, с. 5233–5236.

С тех пор Голенищев поместил перевод сказки в своем *Catalogue du Musée de l'Ermitage*, 1891, Санкт-Петербург, in-8°, с. 177–182.

Португальский перевод в общих чертах, с разбором текста, дал Франсишку Мария Эстевеш Перейра, *O Naufrago, Conto Egipcio*,

оттиск из журнала *O Instituto*, т. XLVIII, in-4°, Коимбра, Imprensa da Universidade, 23 с.

Наконец, сам Голенищев дал полную иероглифическую транскрипцию текста с французским переводом и комментарием: W. Golénischeff, *Le Papyrus hiératique de Saint-Pétersbourg*, в *Recueil de Travaux*, 1906, т. XXVIII, с. 73–112; отдельно — in-4° в 40 страниц, Champion, 1906; а также критическое издание иероглифами с введением и словарем в *Bibliothèque d'Étude* Французского института восточной археологии в Каире под заглавием *Le Conte du Naufragé*, in-4°, Каир, 1911.

По транскрипции Голенищева, сверенной с фотографиями подлинника, иероглифическую транскрипцию и немецкий перевод сделал Адольф Эрман, *Die Geschichte des Schiffbrüchigen*, в *Zeitschrift*, 1906, т. XLIII, с. 1–26, а один немецкий перевод — А. Видеман, *Altägyptische Sagen und Märchen*, 1906, Лейпциг, in-8°, с. 25–33.

Некоторые трудные места разобрали и выдвинули догадки о происхождении сказки Масперо, *Notes sur le Conte du Naufragé*, в *Recueil*, 1907, т. XXIX, с. 106–109; Курт Зете, *Bemerkungen zur Geschichte des Schiffbrüchigen*, в *Zeitschrift*, 1907, т. XLIV, с. 80–88; и Алан Х. Гардинер, *Notes on the Tale of the Shipwrecked Sailor*, 1908, т. XLV, с. 60–66.

Неизвестно, где была найдена рукопись, как она попала в Россию и когда стала собственностью музея Эрмитажа. Ее не разворачивали до 1880 года, и, если бы не участие, проявленное к ней г-ном Голенищевым, она бы до сих пор лежала в ящике, дожидаясь, чтобы кто-нибудь ее развернул. Почерк тот же, что в Берлинских папирусах 1–4, и, подобно им, она восходит к поре, предшествующей XVIII династии. Она содержит сто восемьдесят девять вертикальных столбцов и горизонтальных строк текста,

цела от начала до конца, и почти каждое слово в ней невредимо. Язык ясный и хорошо выраженный, почерк опрятный и четкий. Лишь изредка встречаются термины, которые трудно разобрать, или двусмысленные грамматические формы. Она вполне достойна считаться образцом классического египетского языка своей поры, так же как «История двух братьев» — языка XIX династии.

Автор построил свою повесть в виде донесения, какие египетские чиновники посылали своему господину; несколько таких донесений воспроизведено в гробницах князей Элефантины VI династии и в других местах. Один из подчиненных начальника похода, быть может, тот самый, кто будто бы и написал донесение, приходит объявить своему господину, что судно прибыло в Египет, близко к месту, где пребывает двор, и советует ему принять меры предосторожности, прежде чем предстать перед фараоном. Так как корабль, на котором отплыл поход, погиб в пути, господина, спасенного судном, доставившим его в Египет, несомненно, строго допросили бы и осудили бы, если бы оказалось, что беда случилась по какой-нибудь его тяжкой ошибке, — подобно тому как в подобном случае наших морских офицеров судит военный суд. Писец, чтобы успокоить его насчет исхода дознания, рассказывает ему, как сам он однажды сумел выйти из подобного положения, да еще и с выгодой для себя. Зете думает, что действие происходит в Элефантине и что, следовательно, двор пребывал там (*Bemerkungen*, в *Zeitschrift*, 1908, т. XLIV, с. 81, 82), и это навело Гардинера на вопрос, не дошел ли до нас в этом повествовании пережиток цикла элефантинских сказок (*Notes on the Tale of the Shipwrecked Sailor*, в *Zeitschrift*, 1908, т. XLIV, с. 60, 899).

Мудрый слуга сказал: «Да будет крепко сердце твое, господин мой, ибо вот мы прибыли в страну. Взяли колотушку и вбили кол, канат закрепили на берегу, клич прокричали, богу поклонились; [93] и каждый обнимает товарища, и все мы толпой кричим: „Доброго прибытия!“ Ни одного из наших воинов не недостает, хотя мы достигли самых дальних краев страны Ууат; мы миновали Сенмут, [94] и вот мы вернулись с миром и прибываем сюда, в нашу страну. Послушай, князь мой, ибо я ничего не преувеличиваю. Умойся, полей воды на пальцы, потом отвечай, когда тебя пригласят говорить. Говори с царем от всего сердца, отвечай, не смущаясь, ибо хоть уста человека спасают его, но речь его может и навлечь покрывало на лицо. [95] Поступай по движениям своего сердца, и пусть то, что ты скажешь, будет умиротворением. [96]

[93] Ср. Maspero, *Notes sur le Conte du Naufragé*, в *Recueil de Travaux*, т. XXIX, с. 106–108.

[94] Страна Ууат — часть Нубии за вторым порогом; Сенмут — имя, которое памятники дают острову Бигге против Филе, у входа в первый порог. Из этого места видно, что египетский мореход хвалился, будто достиг южной границы Египта, пройдя из Красного моря в Нил (ср. Введение).

[95] Здесь, я думаю, намек на обычай покрывать лицо преступникам, когда их вели на казнь. Приказ «пусть покроют ему лицо» был равнозначен осуждению.

[96] Иначе говоря, речь его должна быть построена так, чтобы унять гнев царя и привести к оправданию потерпевшего кораблекрушение.

Теперь я расскажу тебе о подобном же приключении, что случилось со мной самим, когда я отправился к рудникам Государя и спустился к морю на корабле длиной в сто пятьдесят локтей и шириной в сорок локтей. На нем было пятьсот моряков из лучших в земле Египетской, которые видели небо, которые видели землю и были отважнее сердцем, чем львы. [97] Они были уверены, что ветер не придет, что беды не случится, но ветер поднялся, когда мы были в открытом море, и, прежде чем мы достигли самой

земли, буря усилилась и подняла волну в восемь локтей. Я ухватился за доску; а корабль погиб, и из тех, кто был на нем, не осталось ни одного. Что до меня, я пристал к острову, и это благодаря морской волне. Я провел три дня один, без иного товарища, кроме своего сердца, и ночью лежал в дупле дерева и обнимал тень, потом [днем] я пошел, чтобы поискать, что положить в рот. Я нашел там смоквы и виноград, великолепный лук-порей, ягоды и зерна, дыни вволю, рыбу и птиц; нет ничего, чего бы там не было. Я утолил голод и оставил на земле лишнее из того, чем были полны мои руки; я сделал огниво, я зажег огонь [98] и принес богам всесожжение. [99]

[97] Если допустить, что здесь имеется в виду царский локоть в 52 сантиметра, судно должно было иметь около 78 метров в длину и 21 в ширину, а это, даже принимая во внимание, что египетские корабли были очень велики, все же дает нам весьма преувеличенные размеры. Корабли царицы Хатшепсут, построенные для похода, были не длиннее 22 метров и должны были нести экипаж около пятидесяти человек (Maspero, *De quelques navigations des Égyptiens*, с. 11, 16, 17). Таким образом, судно нашей сказки и по размерам, и по числу моряков принадлежит к разряду вымышленных кораблей, примеров которых много в народной словесности всех стран.

[98] Ср. Ungnad, *Der Feuerbohrer*, в *Zeitschrift*, 1906, т. XLIII, с. 161, 162.

[99] Владыка острова появляется после того, как зажжен огонь. Призывания оказывают действие, лишь если воскуряют благовоние или какое-нибудь вещество, приготовленное по правилам. Место, в котором Голенищев видит лишь упоминание о жертвоприношении, следует, быть может, понимать в этом смысле, а обряд, указанный в тексте, считать настоящим призыванием; или же можно ограничиться допущением, что среди множества растений, которыми потерпевший кораблекрушение разжег свой жертвенный огонь, могли оказаться и такие, что призвали духа острова, хотя сам он вовсе не намеревался совершать магический обряд.

И вот я услышал голос, подобный грому, и подумал: „Это морская волна“. Деревья трещали, земля дрожала. [100] Я открыл лицо и узнал, что это приближается змей длиной в тридцать локтей, с

большим хвостом в два локтя; тело его было выложено золотом, обе брови его были из настоящего лазурита, и он был еще совершеннее сбоку, чем спереди. Он раскрыл на меня пасть; пока я лежал перед ним на животе, он сказал мне: „Кто привел тебя, кто привел тебя, малый, кто привел тебя? Если ты замешкаешься сказать мне, кто привел тебя на этот остров, я дам тебе узнать, как, обратившись в пепел, можно стать невидимым“. — „Ты говоришь со мной, а я не слышу тебя; я перед тобою без памяти“. [101] Тогда он взял меня в пасть, отнес в свое логово и положил меня там, не причинив мне никакого вреда; я был цел и невредим, и ни одного [из моих членов] у меня не отняли.

[100] Ср. комментарий Голенищева к этому громовому появлению царя острова (*Le Papyrus No. 1115*, в *Recueil*, т. XXVIII, с. 93–95).

[101] Здесь потерпевший кораблекрушение вдруг начинает говорить, чтобы оправдаться в том, что не ответил на расспросы змея. Страх лишил его чувств, и он не мог слышать, что ему говорили. Ср. подобное место в «Записках Синухета» выше.

Потом, раскрыв пасть, пока я лежал перед ним на животе, вот он сказал мне: „Кто привел тебя, кто привел тебя, малый, на этот остров моря, оба берега которого омываются волнами?“ [102] Я ответил ему так, опустив перед ним руки, [103] и сказал ему: „Я тот, кто спускался к рудникам по поручению своего государя на корабле длиной в сто пятьдесят локтей и шириной в сорок; на нем было пятьсот моряков из лучших в земле Египетской, которые видели небо, которые видели землю и были отважнее сердцем, чем львы. Они были уверены, что ветер не придет, что беды не случится; каждый из них был отважнее сердцем и сильнее рукой, чем его товарищи, и не было среди них трусов. Но ветер поднялся, когда мы были в открытом море, и, прежде чем мы достигли земли, буря усилилась — она подняла волну в восемь

локтей. Я ухватился за доску; а корабль погиб, и из тех, кто был на нем, не осталось ни одного, кроме меня одного, и вот я здесь, возле тебя. Что до меня, я пристал к этому острову, и это благодаря морской волне“.

[102] Зете (*Bemerkungen zur Geschichte des Schiffbrüchigen*, в *Zeitschrift*, 1908, т. XLIV, с. 83–84) предлагает видеть здесь плавучий остров: «тот остров моря, половина которого обращается в прибой».

[103] В такой позе на памятниках изображены просители или низшие перед своими господами.

Он сказал мне: „Не бойся, не бойся, малый; не бойся и не печаль лица своего. Если ты пришел ко мне, то потому, что Бог дозволил тебе уцелеть, и он привел тебя на этот Остров Двойника, [104] где нет ничего, чего бы здесь не нашлось, и который полон всяких благ. Вот, ты проведешь месяц за месяцем, пока не пробудешь на этом острове четыре месяца, и тогда придет корабль из страны с моряками, которых ты знаешь; ты пойдешь с ними в страну и умрешь в своем городе. [105] Когда горести миновали, отрадно рассказывать о том, что довелось вкусить; я дам тебе точный отчет о том, что есть на этом острове. Я здесь со своими братьями и своими детьми, посреди них; нас семьдесят пять змеев, моих детей и моих братьев, и я еще не упоминаю девушку, которую принесло ко мне волшебное искусство. [106] Ибо, когда упала звезда, [107] те, что были в огне вместе с нею, вышли из него, и девушка явилась, а меня не было среди существ пламени, я не был посреди них; иначе я погиб бы от их дела; но я нашел ее потом, одну, среди трупов. [108] Если ты мужествен и сердце твое крепко, ты прижмешь своих детей к груди, ты обнимешь свою жену, [109] ты увидишь свой дом и, что дороже всего, достигнешь своей страны и будешь среди своих братьев“.

[104] Двойник — египетская душа. Остров Двойника — это, следовательно, остров, населенный блаженными душами, один из тех Счастливых островов, о которых говорилось во Введении. Голенищев не соглашается видеть в термине *ка* что-либо иное, кроме *духа*, *гения*, и переводит «этот волшебный остров, этот остров гения» (*Le Papyrus No. 1115*, в *Recueil*, т. XXVIII, с. 98), но *ка* не гений. Эрман предпочитает видеть в нем слово *kau*, яства, припасы, и переводит «этот остров припасов» (*Die Geschichte des Schiffbrüchigen*, в *Zeitschrift*, 1906, т. XLIII, с. 1).

[105] Голенищев полагает, что из этого места можно заключить, будто в то время, когда была написана эта сказка, между Египтом и землей Пунт существовало постоянное сообщение, «которое поддерживал египетский флот, трижды в год доставлявший в Пунт торговые экспедиции. На этот-то флот, без сомнения хорошо известный его согражданам, и намекает рассказчик, и весьма вероятно, что герою полагается ждать его очередного возвращения» (*Le Papyrus No. 1115*, в *Recueil*, т. XXVIII, с. 96). Это вполне возможно, но, принимая во внимание чудесный характер сказки, лучше видеть здесь еще один случай того предвидения, на которое я обращал внимание выше, в «Истории двух братьев».

[106] Голенищев весьма основательно предполагает, что эпизод с девушкой — сильно сокращенная и невразумительная переделка другой сказки, где она играла главную роль (*Le Papyrus No. 1115*, в *Recueil*, т. XXVIII, с. 100). Эту догадку принял Эрман (*Die Geschichte des Schiffbrüchigen*, в *Zeitschrift*, 1906, т. XLIII, с. 106, 107).

[107] Это единственное упоминание о падающей звезде, какое до сих пор найдено в текстах. Оно показывает, как египтяне представляли себе это явление. Они считали, что эта громада населена духами, которые выходили из нее, когда она падала на землю, и сгорали в собственном пламени. Случай с девушкой как будто показывает, что, по их вере, некоторые из этих духов могли уцелеть и прижиться на нашей земле. Голенищев сравнивает этот эпизод с арабским сказанием о Сожженном острове в море Зинджей (динка), который примерно каждые тридцать лет обращается в пепел от зловредной кометы (*Le Papyrus No. 1115*, в *Recueil*, т. XXVIII, с. 101, 102).

[108] Текст слишком сжат, чтобы быть ясным, и для него предлагали разные объяснения, особенно Зете (*Bemerkungen*, в *Zeitschrift*, т. XLIV, с. 84, 85) и Гардинер (*Notes*, в *Zeitschrift*, т. XLV, с. 65). Голенищев думает, что девушки уже не было в живых, когда змей описывал ее рождение, и что она обратилась в пепел в пламени упавшей звезды (*Le Papyrus No. 1115*, в *Recueil*, т. XXVIII, с. 101). Мне же, напротив, кажется, что она была еще жива, но змей извинялся, что не может описать, как она родилась. Он не мог приблизиться к месту, куда упала звезда,

пока не угас вызванный ею огонь, а тогда он нашел девушку одну среди трупов и сам не видел, как она вступила в мир.

[109] Текст говорит: «Ты обоняешь свою жену». Рельефы (*Guide to the Cairo Museum*, 5-е изд., 1910, с. 88) показывают нам действие, заменявшее у египтян поцелуй: царь и божество становятся нос к носу и вдыхают дыхание друг друга.

Тогда я распростерся на животе, коснулся земли перед ним и сказал ему: „Я опишу твои души [110] Государю, я дам ему узнать твое величие и доставлю тебе румяна, *благовоние славословия*, [111] притирание, кассию и ладан храмов, которым снискивают милость всякого бога. Я расскажу также, что со мной случилось и что я видел от твоих душ, и тебя прославят в твоем городе перед всеми судьями Всей Земли; я заколю для тебя быков, чтобы предать их огню, я сверну шею птицам для тебя, и велю привести к тебе корабли, груженные всеми богатствами Египта, как делается для бога, друга людей, в далекой земле, которой люди не знают“. Он посмеялся надо мной за то, что я сказал, и из-за того, что было у него на сердце, он сказал мне: „Разве нет у тебя [здесь, перед глазами] обилия мирры, и все здесь — ладан, ибо я царь земли Пунт, [112] и мирра у меня есть; то *благовоние славословия*, которое ты обещаешь мне прислать, его одного на этом острове немного. Но случится так, что, как только ты уйдешь с этого места, ты никогда больше не увидишь этого острова — он обратится в волны“. [113]

[110] У богов и царей Египта было несколько душ. У Ра, Солнца, их было, говорят, семь. Потерпевший кораблекрушение обращается со змеем как с египетским божеством и из учтивости говорит о его душах. Каждая душа соответствует какому-нибудь качеству или чувству, и описать души лица значило изобразить его телесно и нравственно.

[111] *Благовоние славословия*, *hakanu*, было одним из семи обрядовых масел, которые подносили богам и умершим при жертвоприношениях. Состав его неизвестен; имя, вероятно, происходит от славословий, сопровождавших его изготовление или поднесение.

[112] Пунт — имя областей, лежавших к юго-западу от Египта, сперва вплоть до Суакина и Массауа, а позднее по обоим берегам Баб-эль-Мандеба, в стране сомали и в Йемене. Оттуда египтяне издавна получали самые ценимые благовония, употреблявшиеся в их богослужении.

[113] Отказ змея от предложения потерпевшего кораблекрушение одарить его был вполне естествен. Даже если бы дары пришлись ему по вкусу, он не мог бы их принять, ибо остров должен был исчезнуть и гонцы, которых пошлют, не смогли бы его найти.

И вот корабль пришел, как он и предсказал заранее; я пошел, взобрался на высокое дерево и узнал тех, кто был на нем. [114] Я тотчас пошел сообщить ему эту весть, и он сказал мне: „Счастливо, счастливо, малый, домой, увидь своих детей, и пусть имя твое будет добрым в твоем городе; вот мои добрые пожелания тебе“. Тогда я лег на живот, опустив руки, перед ним, и он дал мне дары: мирру, *благовоние славословия*, притирание, кассию, перец, румяна, сурьмяной порошок, кипарис, много ладана, хвосты гиппопотамов, слоновьи бивни, борзых собак, павианов-кинокефалов, жирафов и всякие превосходные богатства. [115] Я погрузил все это на тот корабль; потом я распростерся на животе и поклонился змею. Он сказал мне: „Вот, ты прибудешь в страну через два месяца, ты прижмешь своих детей к груди и в свое время пойдешь обновить свою юность в своей гробнице“. И вот я спустился на берег, к месту, где был корабль, и позвал воинов, что были на этом корабле. Я вознес на берегу благодарение владыке того острова, и те, что были на корабле, сделали так же.

[114] Очевидно, рассказчик знал, что это те самые моряки, с которыми он отплыл из Египта и которые погибли при кораблекрушении (ср. выше). Это лишнее чудо, но оно не удивительно в сказке, столь полной чудес. Ниже, в первой истории о Сатни-Хамуасе, мы увидим, что дети героя, убитые и брошенные псам, снова появляются живыми в Мемфисе.

[115] В этом перечне, как ни странным он нам кажется, нет ничего недостоверного. Почти то же самое находим более чем через тысячу лет на памятнике, где царица

Хатшепсут из XVIII династии изображает путешествие, совершенное посланным ею походом в землю Пунт. К несчастью, большая часть этих веществ нам неизвестна, и мы можем лишь передать древние названия или дать предположительные значения, которые кажутся наиболее подходящими для каждого термина.

Мы вернулись на север, к столице Государя; мы прибыли во дворец на второй месяц, во всем так, как сказал змей. Я вошел к Государю и поднес ему дары, что привез с того острова, и он оказал мне почет перед знатью Всей Земли. И вот он сделал меня своим слугой, и мне дали в награду прекрасных рабов. Обрати на меня свой взор теперь, когда я вернулся в землю Египетскую, после того как видел и вкусил эти испытания. Послушай меня, ибо, вот, хорошо людям слушать». [116] Князь сказал мне: «Не лукавь, друг мой. Кто дает воду гусю утром того дня, когда его заколют?» — Окончено от начала до конца, как было найдено в письме. Написал это писец искусных пальцев Амени-Аменаа, ж. з. с.

[116] Здесь кончается рассказ, который писец поведал, чтобы ободрить своего героя; а слушатель его, по-видимому далеко не уверенный в участи, что его ждет, отвечает пословицей, подходящей к его положению.

ЦИКЛ САТНИ-ХАМУАСА

✦

Приключение Сатни-Хамуаса с мумиями

Последний лист этой повести помечен XV годом царя, имя которого так и не было вписано, но который, должно быть, был одним из Птолемеев. Существуют по меньшей мере две ее рукописи; обрывки обеих ныне хранятся в Каирском музее. Первую нашел и издал Мариетт: *Les Papyrus du Musée de Boulaq*, 1871, т. I, табл. 29–32, по факсимиле Эмиля Бругша, а затем Краль: *Demotische Lesestücke*, 1897, in-folio, табл. 29–32, по изданию Мариетта, сверенному с подлинником. Она состояла из шести страниц, пронумерованных от 1 до 6: первые две утрачены, а у третьей недостает начала всех строк. Вторую рукопись нашел Шпигельберг среди отдельных листов, привезенных из Файюма, и издал в Каталоге Каирского музея: *Demotische Denkmäler*, ч. 2, *die Demotischen Papyri*, in-4°, 1906, текст, с. 112–115. Она сильно повреждена, и лишь изредка в ней удается различить хотя бы одну связную фразу, относящуюся к тому, как Сатни спускался в гробницу Ненеферкаптаха. Текст первой рукописи перевели:

H. Brugsch, *Le Roman de Setnau contenu dans un papyrus démotique du Musée égyptien à Boulaq*, в *Revue archéologique*, 2-я серия, т. XVI (сентябрь 1867), с. 161–179.

Lepage-Renouf, *The Tale of Setnau* (по переводу д-ра Генриха Бругш-бея), в *Records of the Past*, 1875, 1-я серия, т. IV, с. 129–148.

E. Révillout, *Le Roman de Setna, Étude philologique et critique, avec traduction mot à mot du texte démotique, introduction historique et*

commentaire grammatical, Париж, Leroux, 1877–1880, 45, 48, 224 с., in-8°.

G. Maspero, *Une page du Roman de Satni, transcrite en hiéroglyphes*, в *Zeitschrift für Ægyptische Sprache und Alterthumskunde*, 1877, с. 132–146; 1878, с. 15–22.

G. Maspero, перевод всей повести, кроме первых восьми строк первого сохранившегося листа, в *Nouveau Fragment de commentaire sur le second livre d'Hérodote*, Париж, Chamerot, 1879, in-8°, с. 22–46. Прочитано в *Association pour l'encouragement des études grecques en France*, май — июнь 1878 года. Напечатано в *Annuaire* за 1878 год.

H. Brugsch, *Setna, ein Altägyptische Roman, von H. Brugsch Bey, Kairo Sendschreiben an D. Heinrichs Sachs-Bey zu Kairo*, в *Deutsche Revue*, III (1 ноября 1878), с. 1–21.

E. Révillout, *Le Roman de Setna*, в *Revue archéologique*, 1879. Отдельный оттиск — Didier, in-8°, 24 с. и 1 табл.

Jean-Jacques Hess, *Der demotische Roman von Stne Ha-m-us*, текст, перевод, комментарий и словарь, 1888, Лейпциг, J. C. Hinrichs, с. 18–205.

Flinders Petrie, *Egyptian Tales*, 1895, Лондон, in-12, т. II, с. 87–141.

F. Ll. Griffith, *The Story of Setna*, в *Specimen Pages of the World's Best Literature*, 1898, Нью-Йорк, in-4°, с. 5262–5274.

F. Ll. Griffith, *Stories of the High Priests of Memphis, the Sethon of Herodotus, and the Demotic Tales of Khamuas*, 1900, Оксфорд, Clarendon Press, in-8°, X-208 с.

A. Wiedemann, *Altägyptische Sagen und Märchen*, малое in-8°, 1906, Лейпциг, с. 118–146.

Révillout, *Le Roman dit du Satme Khaemouas*, в *Revue égyptologique*, т. XII, с. 110–112; т. XIII, с. 38–43 и др.

Первый перевод Ревийю сделал общедоступным Рони: *Tabouhou*, 1892, Париж, in-32, в малой серии Гийома. Одну из

главных черт повести — возвращение на землю египетской царевны, чтобы отомстить врагу, — использовала Мария Корелли в одной из самых странных своих книг, *Ziska Charmezel*.

Имя писца, переписавшего эту рукопись, разбирал Й. Краль (*Der Name des Schreibers der Chamois-Sage*, в сборнике *Études dédiées à M. le professeur Leemans*, Лейден, Brill, 1886, in-folio) и прочел его как Зихарпто, но это чтение все еще сомнительно; имя это известно нам по птолемеевским памятникам.

Начало, вплоть до места, где начинается сохранившийся текст первой рукописи, я восстановил, насколько было возможно, по формулам, употребленным в остальной части повествования. Я воспользовался также разбором подробностей, которые Шпигельбергу удалось извлечь из второй рукописи. Примечание указывает, где кончается восстановление и начинается все, что осталось от подлинной повести.

Был некогда царь по имени Усимарес, ж. з. с., [1] и был у этого царя сын по имени Сатни-Хамуас, а молочного брата [2] Сатни-Хамуаса звали Инарос. И Сатни-Хамуас был весьма сведущ во всем. Он проводил время, бродя по мемфисскому некрополю, чтобы читать там книги священных писаний и книги *Двойного Дома Жизни*, [3] и писания, что вырезаны на стелах и на стенах храмов; он знал силу амулетов и талисманов, умел составлять их и писать могучие письмена, ибо он был маг, которому не было равного в земле Египетской. [4]

---

[1] Напоминаю еще раз читателю, что это восстановление и что подлинный текст первых двух страниц утрачен. Усермаатра — тронное имя Рамсеса II, которое греки передавали как Усимарес, по произношению, бытовавшему во времена Птолемеев.

---

[2] Бругш читал египетское имя *An-ha-hor-rau* (1867) или *An-ha-hor-ru* (1878), что есть лишь разница в транскрипции; Гриффит предложил *Anukh-harerôu* (*Stories of the High Priests of Memphis*, с. 31, 118). Шпигельберг показал (*Demotische Miscellen*, в

Recueil de Travaux, т. XXVIII, с. 198; ср. *die Demotischen Papyri*, текст, с. 114, прим. 6), что *Eiernharerôu*, или *Einharôu*, было прообразом имени, которое греки передавали как Инарос.

[3] То есть магические книги жреческой библиотеки. Прямое свидетельство деятельности египетских ученых и чародеев мы имеем в тексте, изданном Даресси: *Note sur une inscription hiératique d'un mastaba d'Abousir*, оттиск из *Bulletin de l'Institut Égyptien*, 1894.

[4] Сочинитель повести не выдумал характер своего героя Хамуасита, Хамуаса. Он нашел его готовым. В одном из луврских папирусов (№ 3248) есть ряд магических формул, изобретение которых приписывается этому царевичу. Приписка, сообщающая об этом, гласит, что он нашел подлинную рукопись под головой мумии в мемфисском некрополе, вероятно во время одного из тех походов за разбором надписей, о которых говорит наш текст.

И вот однажды, когда он прогуливался по открытому двору храма Птаха, читая надписи, вот! человек благородной осанки, бывший там, засмеялся. Сатни сказал ему: «Отчего ты смеешься надо мной?» Вельможа сказал: «Я не над тобой смеюсь, но как мне удержаться от смеха, когда ты разбираешь здешние письмена, в которых нет никакой силы? Если ты истинно желаешь прочесть действенное писание, пойдем со мной. Я поведу тебя туда, где лежит книга, которую Тот написал собственной рукой и которая поставит тебя сразу вслед за богами. Две формулы в ней написаны: если ты прочтешь первую из них, ты околдуешь небо, землю, мир ночи, горы, воды; ты поймешь, что говорят все птицы небесные и все гады, сколько их ни есть. Ты увидишь рыб, ибо божественная сила поднимет их на поверхность воды. Если прочтешь вторую формулу, то, даже когда будешь в гробнице, ты вновь примешь облик, какой имел на земле; ты увидишь также солнце, восходящее на небе, и его круг богов, и луну в том облике, какой у нее, когда она появляется». Сатни сказал: «Жизнью моей! Пусть мне скажут, чего ты желаешь, и я сделаю это для тебя; только отведи меня туда, где эта книга». Вельможа сказал Сатни:

«Книга, о которой идет речь, не моя; она посреди некрополя, в гробнице Ненеферкаптаха, сына царя Меренептиса, [5] ж. з. с. Берегись же отнять у него эту книгу, ибо он заставит тебя принести ее обратно с раздвоенной палкой и посохом в руке, с горящей жаровней на голове». С того часа, как вельможа заговорил с Сатни, тот не знал больше, в какой части света находится; он пошел к царю и пересказал перед царем все слова, что сказал ему вельможа. Царь сказал ему: «Чего ты желаешь?» Он сказал царю: «Позволь мне спуститься в гробницу Ненеферкаптаха, сына царя Меренептиса, ж. з. с.; я возьму с собой Инароса, моего молочного брата, и принесу ту книгу». Он пошел в мемфисский некрополь с Инаросом, своим молочным братом. Он провел три дня и три ночи, ища среди гробниц, что в мемфисском некрополе, читая стелы *Двойного Дома Жизни* и произнося надписи, что были на них. На третий день он узнал место, где покоился Ненеферкаптах. Когда они узнали место, где покоился Ненеферкаптах, Сатни прочел над ним писание; в земле открылась расселина, и Сатни спустился туда, где была книга. [6]

[5] Бругш в конце концов прочел имя царя как *Mer-kheper-ptah*. Его первое чтение, *Mer-neb-ptah*, или Мернептах, оказалось верным. Шпигельберг указал (*Demotische Papyrus aus der Insel Elephantine*, с. 9), что греческие передачи *Berenebthis*, *Berenebtis*, *Perenebthis*, *Pernebthis* согласуются с явлением, довольно частым в египетском: начальное М перешло в В-Р.

[6] Считалось, что некоторые герметические книги были взяты таким образом из гробницы мудреца, написавшего их, и уже в греко-римскую пору это представление дошло до Запада. Знаменитый роман Антония Диогена был составлен именно так. По свидетельству Плиния (XXX, 2), философ Демокрит Абдерский приобрел свои познания в магии от Аполлобеха Коптского и от Дардана Финикиянина, *voluminibus Dardani in sepulchrum ejus petitis*; химическими же знаниями он был обязан сочинениям Останеса, которые нашел в одной из колонн храма в Мемфисе.

[Что он увидел сначала, мы не знаем. Из отрывка, найденного Шпигельбергом, явствует, что человек, встреченный в преддверии храма Птаха, был сам Ненеферкаптах: жену и сына он держал при себе в гробнице лишь временно, а желал иметь их там навсегда и рассчитывал воспользоваться Сатни, чтобы перенести их мумии из Коптоса, где они были погребены, в мемфисский некрополь. Сатни, слишком торопясь спуститься в гробницу, не совершил всех нужных обрядов и не смог открыть дверь. Ненеферкаптах явился ему и указал ему искупительные жертвы, которых требовали маны. Вороны и коршуны благополучно привели его к назначенному месту, и там, где они сели, был камень; Сатни тотчас поднял его, и он скрывал вход в гробницу. [7]]

[7] Так толкую я обрывки, которые можно прочесть на листе папируса, найденном Шпигельбергом (ср. вводную заметку к этой повести, см. выше).

Когда он вошел, вот! там было светло, будто светило солнце, ибо свет исходил от книги и озарял все вокруг. [8] И Ненеферкаптах был в гробнице не один: с ним были жена его Ахури и Маихет, [9] его сын; ибо, хотя тела их покоились в Коптосе, их двойник [10] был с ним силою книги Тота. И когда Сатни вошел в гробницу, Ахури встала и сказала ему: «Ты, кто ты?» Он сказал: «Я Сатни-Хамуас, сын царя Усимареса, ж. з. с.; я пришел взять ту книгу Тота, что вижу между тобой и Ненеферкаптахом. Дай ее мне, а не то я возьму ее у тебя силой». Ахури сказала: «Прошу тебя, не спеши, а выслушай сперва все беды, что постигли меня из-за этой книги, о которой ты говоришь: „Пусть ее дадут мне“. Не говори так, ибо из-за нее у нас отняли время, что нам оставалось пробыть на земле.

[8] Ср. место (см. ниже), где Сатни уносит книгу и гробница погружается во тьму, и еще одно (см. ниже), где свет появляется снова, когда книгу приносят обратно.

[9] Бругш читал имя ребенка как *Merhu*, затем *Mer-ho-nefer*, Масперо — *Mikhonsu*, Гесс и Гриффит — *Mer-ab*. Разбор Гесса очень хорош, и его чтение было бы безупречно, если бы опиралось на текст ранней поры; для египтян птолемеевского времени читать следует *Mihêt*, *Maîhêt* или *Meihêt*.

[10] Ка, или двойник, рождался вместе с ребенком, рос вместе с человеком и, продолжая существовать после смерти, обитал в гробнице. Его нужно было кормить, одевать и развлекать; и именно ему подносили погребальные приношения. Как показывает эта повесть, он мог покидать место, где лежал его труп, и жить в гробнице кого-нибудь другого из членов семьи.

«Меня зовут Ахури, я дочь царя Меренептиса, ж. з. с., а тот, кого ты видишь здесь со мной, — мой брат Ненеферкаптах. Мы рождены от одного отца и одной матери, и у наших родителей не было других детей, кроме нас. Когда я вошла в возраст замужества, меня привели к царю в час увеселения с царем; [11] я была богато убрана, и меня находили красивой. Царь сказал: „Вот Ахури, наша дочь, уже выросла, и пришло время выдать ее замуж. За кого выдадим мы Ахури, нашу дочь?“ А я любила Ненеферкаптаха, моего брата, безмерно и не желала иного мужа, кроме него. [12] Я сказала это матери; она пошла к царю Меренептису и сказала ему: „Ахури, наша дочь, любит Ненеферкаптаха, своего старшего брата; поженим их друг с другом по обычаю“. Когда царь выслушал все слова, что сказала моя мать, он сказал: „У тебя только двое детей, и ты хочешь поженить их друг с другом? Не лучше ли выдать Ахури за сына какого-нибудь военачальника пехоты, а Ненеферкаптаха женить на дочери другого военачальника пехоты?“ Она сказала: „Ты споришь со мной? [13] Даже если у меня не будет детей после этих двоих, разве не закон — поженить их друг с другом? — Я женю Ненеферкаптаха на дочери какого-нибудь начальника войск, а Ахури выдам за сына другого начальника войск, и пусть это обернется добром для нашей семьи“. Так как настало время праздника перед фараоном, вот,

пришли за мной, повели меня на праздник; я была в большом смятении, и не было во мне уже вчерашнего вида. И фараон сказал мне: „Не ты ли прислала мне эти безрассудные слова: ‚Выдай меня за Ненеферкаптаха, моего старшего брата'?" Я сказала ему: „Что ж! Пусть меня выдадут за сына военачальника пехоты, а Ненеферкаптаха женят на дочери другого военачальника пехоты, и пусть это обернется добром для нашей семьи". — Я засмеялась, фараон засмеялся. Фараон сказал домоправителю царского дома: „Пусть Ахури отведут в дом Ненеферкаптаха этой же ночью; пусть отнесут с ней всякие прекрасные подарки". Меня отвели супругой в дом Ненеферкаптаха, и фараон повелел отнести мне большое приданое золотом и серебром, и все слуги царского дома поднесли его мне. Ненеферкаптах провел со мной счастливый день; он принял всех слуг царского дома, и он спал со мной в ту же ночь, и нашел меня девственной, и познавал меня снова и снова, ибо каждый из нас любил другого. И когда пришло время моих месячных очищений, вот, мне не пришлось очищаться. Пошли известить о том фараона, и сердце его весьма возрадовалось этому, и он велел взять всякие драгоценности из имущества царского дома и велел принести мне прекраснейшие дары из золота, серебра, тонкого полотна. И когда пришло время мне родить, я родила этого малыша, что перед тобой. Ему дали имя Маихет, и оно было вписано в список *Двойного Дома Жизни*. [14]

[11] По изображениям в Павильоне Мединет-Абу видно, что царь каждый день ходил в гарем развлечься там со своими женами; вероятно, эту часть дня повесть и называет ч*асом увеселения с царем*.

[12] Всеобщим обычаем в Египте было, чтобы брат женился на одной из своих сестер. Боги и сами цари подавали тому пример, и обычай этих браков, которые нам кажутся кровосмесительными, укоренился так прочно, что в конце концов ему подчинились и Птолемеи. Знаменитая Клеопатра имела мужьями одного за другим двух своих братьев.

[13] Здесь начинается сохранившаяся часть текста. В предшествующем ей восстановлении я старался, насколько возможно, пользоваться выражениями и мыслями, взятыми из уцелевших страниц. Поэтому следует понимать, что предыдущие страницы отнюдь не передают содержания двух утраченных демотических листов. Не развертывая событий в подробностях, я ограничился тем, что восстановил общее начало, которое позволит читателям понять повесть.

[14] *Двойной Дом Жизни*, как показал Э. де Руже (*Stèle de la Bibliothèque impériale*, с. 71–99), был коллегией иерограмматов, сведущих в священных книгах; у каждого из больших египетских храмов был свой двойной дом жизни. Это место повести могло бы навести на мысль, что принадлежавшие к нему писцы занимали какую-то гражданскую должность, но это не так. Писцы двойного дома жизни, как и все ученые люди Египта, были астрологами, гадателями и магами. К ним приносили детей царей, князей и вельмож; они составляли гороскоп, предсказывали будущее новорожденного, указывали лучшие имена, особые амулеты, меры предосторожности, какие следовало принимать смотря по обстоятельствам, чтобы по возможности обойти знаки злой судьбы. Все сведения, которые они давали, заносились в списки, которые, вероятно, служили для составления календарей счастливых и несчастливых дней, подобных отрывку, сохранившемуся в папирусе Салье (Chabas, *Le Calendrier des jours fastes et néfastes de l'année égyptienne*, 1868), о котором я говорил во Введении.

«И много дней спустя Ненеферкаптах, мой брат, казалось, жил на земле лишь затем, чтобы бродить по мемфисскому некрополю, читая писания, что в гробницах фараонов, и стелы писцов *Двойного Дома Жизни*, [15] а также писания, что начертаны на них, ибо он очень любил писания. После того было шествие в честь бога Птаха, и Ненеферкаптах вошел в храм помолиться. И вот, когда он шел за шествием, разбирая писания, что на часовнях богов, один старик увидел его и засмеялся. Ненеферкаптах сказал ему: „Отчего ты смеешься надо мной?“ Жрец сказал: „Я не над тобой смеюсь; но как мне удержаться от смеха, когда ты читаешь здесь писания, в которых нет никакой силы? Если ты истинно желаешь прочесть писание, приди ко мне. Я поведу тебя туда, где лежит книга, которую Тот написал своей собственной рукой, [16] когда сошел сюда, вниз, вместе с богами. Две формулы в ней

написаны: если прочтешь первую, ты околдуешь небеса, землю, мир ночи, горы, воды; ты поймешь то, что говорят птицы небесные и гады, сколько их ни есть; ты увидишь рыб глубины, ибо божественная сила будет покоиться на воде над ними. Если прочтешь вторую формулу, то, даже когда будешь в гробнице, ты вновь примешь облик, какой имел на земле; ты увидишь также солнце, восходящее на небесах, с его кругом богов, и луну в том облике, какой у нее, когда она появляется“. [17] Ненеферкаптах сказал жрецу: „Жизнью царя! Пусть мне скажут, какого блага ты желаешь, и я велю дать его тебе, если ты отведешь меня туда, где эта книга“. Жрец сказал Ненеферкаптаху: „Если хочешь, чтобы я послал тебя туда, где книга, ты дашь мне сто сребреников [18] на мое погребение и велишь сделать мне два гроба [19] богатого жреца“. Ненеферкаптах позвал пажа и велел ему дать жрецу сто сребреников, а также велел сделать два гроба, каких тот желал; словом, он сделал все, что сказал жрец. Жрец сказал Ненеферкаптаху: „Книга, о которой идет речь, лежит посреди моря Коптоса [20] в железном ларце. Железный ларец — в бронзовом ларце; бронзовый ларец — в ларце из коричного дерева; [21] ларец из коричного дерева — в ларце из слоновой кости и черного дерева; ларец из слоновой кости и черного дерева — в серебряном ларце; серебряный ларец — в золотом ларце, и книга в нем. [22] И вокруг ларца, в котором книга, — гады на целый схен, [23] и бессмертный змей [24] обвился вокруг самого этого ларца“.

[15] Нелегко сразу понять, чем могли быть *стелы писцов двойного дома жизни*, которым Сатни и Ненеферкаптах придавали такое значение. Думаю, их следует считать теми стелами-талисманами, о которых Псевдо-Каллисфен, герметические писатели, а за ними арабские авторы Египта рассказывали столько чудес. Единственные дошедшие до нас, как стела Меттерниха, содержат заговоры от укусов ядовитых тварей — змей, скорпионов, пауков, сороконожек — и от диких зверей. Можно предположить, что такой ревностный исследователь магии, как Ненеферкаптах, корпел над памятниками этого рода в надежде

открыть какую-нибудь древнюю могучую формулу, забытую его современниками.

---

[16] Ср. сказанное о книгах Тота выше, в сказке «Царь Хуфуи и волшебники». Герметические книги, дошедшие до нас в греческой обработке, — остатки этой священной библиотеки, которую считали творением бога.

---

[17] Власть, которую вторая часть книги Тота давала ее обладателю, — та же, что обеспечивало знание молитв Погребального ритуала: глава XVIII дает власть невредимо проходить сквозь огонь; глава XXIII содержит заговоры, нужные для личной безопасности того, кто знает их наизусть; и так далее. Книга Тота давала умершему власть оживлять свое мумифицированное тело и пользоваться им по своему желанию, а живому — лицезрение не солнечного диска, а самого бога, сокрытого в диске, и богов, что его сопровождали.

---

[18] В тексте — сто *табону*. Табону весил в среднем от 89 до 91 грамма. Сто табону составляли бы, следовательно, от 8 кг 900 г до 9 кг 100 г серебра, что *по весу* превысило бы 1800 франков.

---

[19] Египетское слово неразборчиво. Для того, кто хоть немного знает обычаи страны, в просьбе жреца нет ничего удивительного. Это лишь выражение пожелания доброго погребения — *qaîse nofre*, — которое встречается на погребальных стелах всех эпох; во времена, когда писалась эта повесть, хорошей мумификации и хорошей гробнице (ταφὴ ἀγαθή) придавали такое значение, что их не раз упоминают в папирусах среди даров, которые выпадали людям от благотворного влияния звезд, наряду с богатством, прекрасным потомством, удачей. Цари и знатные вельможи обычно начинали высекать свои гробницы, едва вступив во владение наследством. Уни получил от фараона Пиопи I, а врач Сехетнианх — от Усеркафа главную утварь для своих погребальных покоев. Как и в Китае, вполне возможно, что дар гроба весьма ценился. Два гроба жреца были нужны для богатого погребения. Помимо картонажа, у всякой знатной мумии было два деревянных гроба, один в другом, как можно видеть в наших музеях.

---

[20] Употребленное здесь слово — *iaûmâ*, море. Рейценштейн (*Hellenistische Wundererzählungen*, с. 114–115) толкует его как *море близ Коптоса*, то есть Красное море, к которому идут из Коптоса. Здесь, как и в «Истории двух братьев» (см. выше), это значит Нил. Там, где Нил пересекал ном, он носил особое имя. *Река Коптоса* — та часть Нила, что проходит через Коптосский ном.

---

[21] Лоре привел веские доводы, чтобы узнать в этом слове, *qaîd*, *qod*, наше коричное дерево (*Recueil de Travaux*, т. IV, с. 21; т. VII, с. 112).

[22] Сравнив это место с тем, где Ненеферкаптах находит книгу, увидим, что порядок ларцов разный. Писец ошибся здесь в способе перечисления. Ему следовало сказать: «железный ларец *содержит* бронзовый ларец, бронзовый ларец *содержит* ларец из коричного дерева» и т. д., вместо «железный ларец — в бронзовом ларце, бронзовый ларец — в ларце из коричного дерева» и т. д.

[23] Схен в птолемеевскую пору составлял около 12 000 царских локтей по 52 сантиметра каждый.

[24] Бессмертный змей — быть может, тот великий змей, который, по поверью, и поныне живет в Ниле и о котором феллахи рассказывают странные истории (Maspero, *Mélanges de Mythologie*, т. II, с. 411–414).

«С того часа, как жрец заговорил с Ненеферкаптахом, тот не знал больше, в какой части света находится. Он вышел из храма; он рассказал мне все, что с ним случилось; он сказал мне: „Я еду в Коптос, я привезу ту книгу и после того больше не покину северной страны“. Но я восстала против жреца, говоря: „Берегись Амона за себя, за то, что ты сказал Ненеферкаптаху; ибо ты принес мне раздор, ты принес мне войну, а страну Фиваиды я нахожу враждебной моему счастью“. [25] Я простерла руку к Ненеферкаптаху, чтобы он не ездил в Коптос, но он не послушал меня; он пошел к фараону и пересказал перед фараоном все слова, что сказал ему жрец. Фараон сказал ему: „Чего желает твое сердце?“ Он сказал ему: „Пусть мне дадут царскую ладью в полном снаряжении. Я возьму с собой на юг Ахури, мою сестру, и Маихета, ее малыша; я привезу книгу и больше не покину этого места“. Ему дали ладью в полном снаряжении; мы сели в нее, совершили плавание, прибыли в Коптос. Когда о том сказали жрецам Исиды Коптосской и настоятелю жрецов Исиды, вот, они сошли к нам; они без промедления пришли к Ненеферкаптаху, а их жены сошли ко мне. [26] Мы сошли на берег и пошли в храм Исиды и Гарпократа. Ненеферкаптах велел привести быка, гуся и принести вина; он совершил приношение и возлияние перед Исидой Коптосской и

Гарпократом. Затем нас отвели в дом, очень красивый и полный всякого добра. Ненеферкаптах провел пять дней, веселясь со жрецами Исиды Коптосской, а жены жрецов Исиды Коптосской веселились со мной. [27] Когда настало утро следующего дня, Ненеферкаптах велел принести к себе много чистого воска; он сделал из него челн [28] с его гребцами и корабельщиками, прочел над ними заклинание, оживил их, дал им дыхание, бросил их в воду, [29] наполнил царскую ладью песком, простился со мной, [30] сел в челн, а я расположилась у моря Коптоса, говоря: „Я знаю, что с ним случится“.

[25] Область Фиваиды и город Фивы изображались в виде богини. Поэтому возможно, что *враждебность страны Фиваиды* была враждебностью не жителей, которые радушно принимали гостей, когда те высаживались в Коптосе, а богини, в которой воплощалась страна Фиваиды и которой не хотелось видеть, как уносят книгу, отданную ей Тотом под охрану.

[26] Канал, проходящий к западу от развалин Коптоса, судоходен не во всякое время, а Нил находится примерно в получасе пути от города. Этим и объясняются замечания текста. Ненеферкаптах, вероятно, причалил в том же месте, которое и поныне служит пристанью для тех, кто хочет попасть в Куфт или в деревушку Баруд. Жрецы и жрицы Исиды, извещенные о его прибытии, вышли к нему по насыпи, что соединяет Куфт и Баруд и с глубокой древности ограничивает один из важнейших оросительных бассейнов Фиванской равнины.

[27] Собственно выражение для «веселиться» — *провести счастливый день*.

[28] *Rôms*, *Rômes* — плот из стеблей папируса, название которого передается как *Rhômpsis* и *Rhôps* в некоторых папирусах греко-римской поры (ср. ниже). В греческом романе об Александре описан волшебный корабль, построенный царственным чародеем Нектанебом, а в романах об Александре, происходящих от греческого, упоминается стеклянный колокол, с помощью которого герой спускается на дно моря. Работники и их орудия — магические фигурки, которым формула, произнесенная Ненеферкаптахом, *дает жизнь и дыхание*, как это делала глава VI «Книги мертвых» для погребальных фигурок, столь многочисленных в наших музеях. Эти фигурки тоже были слугами, назначенными работать на умершего на полях того света: они мотыжили, пахали и жали для него, как волшебные работники гребли и ныряли для Ненеферкаптаха.

[29] Ср. выше, в том же круге представлений, воскового крокодила, сделанного Убаанером: брошенный в воду, он ожил и вырос настолько, что стал настоящим крокодилом.

[30] Эта фраза — вероятное, но не бесспорное восстановление.

«Он сказал: „Гребцы, гребите для меня туда, где книга“, и они гребли для него ночью, как и днем. Когда он прибыл туда за три дня, он бросил перед собой песок, и в реке разверзлась пропасть. Когда он нашел схен змей, скорпионов и всяких гадов вокруг ларца, где была книга, и когда увидел вечного змея вокруг самого ларца, он прочел заклинание над схеном змей, скорпионов и гадов, что были вокруг ларца, и оно сделало их неподвижными. [31] Он пришел туда, где был вечный змей; он напал на него, он убил его. Змей ожил и вновь принял свой облик. Он напал на змея во второй раз; он убил его. Змей ожил снова. Он напал на змея в третий раз; он разрубил его на две части, он насыпал песку между частью и частью; змей умер и больше не принял прежнего облика. [32] Ненеферкаптах пошел туда, где был ларец, и узнал, что это железный ларец. Он открыл его и нашел бронзовый ларец. Он открыл его и нашел ларец из коричного дерева. Он открыл его и нашел ларец из слоновой кости и черного дерева. Он открыл его и нашел серебряный ларец. Он открыл его и нашел золотой ларец. Он открыл его и нашел, что книга внутри. Он вынул эту книгу из золотого ларца и прочел формулу из того, что было в ней написано; он околдовал небо, землю, мир ночи, горы, воды; он понял все, что говорили птицы небесные, рыбы вод, звери гор. Он прочел другую формулу писания и увидел солнце, как оно восходит на небо со своим кругом богов, луну восходящую, звезды в их облике; он увидел рыб глубины, ибо божественная сила покоилась на воде над ними. Он прочел заклинание над водой, и оно вернуло ей прежний вид; он снова сел в челн; он сказал

гребцам: „Гребите для меня туда, где Ахури“. Они гребли для него ночью, как и днем. Когда он прибыл туда, где была я, за три дня, он нашел меня сидящей у моря Коптоса. Я не пила и не ела; я ничего на свете не делала; я была как человек, прибывший в *Добрую обитель*. [33] Я сказала Ненеферкаптаху: „Жизнью царя! Дай мне увидеть эту книгу, ради которой ты принял все эти труды“. Он вложил книгу мне в руку, я прочла одну формулу писания, что было там; я околдовала небо, землю, мир ночи, горы, воды; я поняла все, что говорили птицы небесные, рыбы глубины и четвероногие. Я прочла другую формулу писания. Я увидела солнце, что появилось на небе со своим кругом богов, я увидела луну восходящую и все звезды небесные в их облике; я увидела рыб воды, ибо была божественная сила, что покоилась на воде над ними. Так как я не умела писать, я сказала о том Ненеферкаптаху, моему старшему брату, который был искусным писцом и весьма ученым человеком; он велел принести кусок чистого папируса, записал на нем все слова, что были в книге, намочил его в пиве, растворил все в воде. Когда он увидел, что все растворилось, он выпил и узнал все, что было в писании. [34]

[31] Дословно: «Они не уносили себя». Это то же выражение, что в сказке «Обреченный царевич» (см. выше) обозначает магический прием, которым царевичи пользовались, чтобы достать до окна дочери князя Нахарины. Один из лейденских папирусов и папирус в Лувре — магический папирус Харриса — содержат заклинания против скорпионов и гадов того рода, какие сочинитель вкладывает в уста Ненеферкаптаха.

[32] Эта борьба со змеями, стражами книги или места, основана на религиозном представлении. В Дендере, например (Mariette, *Dendérah*, т. III, табл. 14 a, b), стражи дверей и крипт всегда изображены в виде гадюк, так же как и стражи двенадцати областей преисподней. Богиня-змея Маруитсакро была стражем части погребальной горы Фив между Асасифом и Курной, и особенно пирамидальной вершины, что господствует над всей цепью и называется Татехнит, «Лоб». В романе об Александре, по поводу основания Александрии, есть рассказ о битве, сходной с битвой Ненеферкаптаха (*Pseudo-Callisthenes*, с. 34, 35),

но порядок там обратный: змеиная мелочь появляется лишь после смерти вечного змея. О живучести этого поверья о змее-хранителе см. Lane, *Modern Egyptians*, Лондон, 1871, т. I, с. 286, 287, где сказано, что у каждого квартала Каира «есть свой особый гений-хранитель… имеющий вид змеи».

[33] Это одно из иносказаний, которыми в Египте обозначали мастерскую бальзамировщиков, а также гробницу.

[34] К этому приему Ненеферкаптаха прибегали на Востоке во все времена. В древнем Вавилоне, как ныне в Багдаде и Каире, делали чаши из неглазурованной глины, на которых чернилами писали магические формулы от разных болезней. В них наливали воду, которая отчасти смывала чернила, и больной ее выпивал. Сколько бы чернил ни оставалось на дне чаши, исцеление было верным (Lane, *Modern Egyptians*, 1871, т. I, с. 320–321). Не желала ли госпожа де Севинье сварить бульон из сочинений господина Николь и так усвоить их достоинства?

«Мы вернулись в Коптос в тот же день и справили праздник перед Исидой Коптосской и Гарпократом. Мы сели в ладью, мы отплыли. Мы достигли места к северу от Коптоса на расстоянии схена. И вот Тот узнал все, что случилось у Ненеферкаптаха с этой книгой, и Тот не замедлил принести жалобу перед Ра, говоря: „Знай: право мое и закон мой — в деле с Ненеферкаптахом, сыном царя Меренептиса, ж. з. с. Он проник в мою обитель, он разграбил ее, он взял мой ларец с моей книгой заклинаний, он убил моего стража, что охранял ларец“. Сам [35] сказал ему: „Он твой, он и все его, все до одного“. Сам послал с неба божественную силу, сказав: „Ненеферкаптах не прибудет цел и невредим в Мемфис, ни он, ни кто бы то ни было с ним“. В тот же час Маихет, малое дитя, вышел из-под навеса ладьи фараона. [36] Он упал в реку и, пока он славил Ра, [37] все, кто был на борту, подняли крик. Ненеферкаптах вышел из каюты; он прочел заклинание над ребенком и поднял его наверх, ибо была божественная сила, что покоилась на воде над ним. Он прочел над ним заклинание, он заставил его рассказать все, что с ним случилось, и обвинение, которое Тот принес перед Ра. Мы вернулись с ним в Коптос, мы велели отнести его в *Добрую*

обитель, мы проследили, чтобы о нем позаботились, мы велели набальзамировать его, как подобает великому, мы положили его в его гроб на кладбище Коптоса. Ненеферкаптах, мой брат, сказал: „Поедем; не будем медлить с возвращением, пока царь не услышал, что с нами случилось, и сердце его не смутилось из-за этого“. Мы сели в ладью, мы отплыли, мы вскоре достигли места к северу от Коптоса на расстоянии схена. В том месте, где малое дитя Маихет упал в реку, я вышла из-под навеса ладьи фараона, я упала в реку, и, пока я славила Ра, все, кто был на борту, подняли крик. Сказали Ненеферкаптаху, и он вышел из-под навеса ладьи фараона. Он прочел надо мной заклинание и поднял меня наверх, ибо была божественная сила, что покоилась на воде надо мной. Он вынул меня из реки, он прочел надо мной заклинание, он заставил меня рассказать все, что со мной случилось, и обвинение, которое Тот принес перед Ра. Он вернулся со мной в Коптос, он велел отнести меня в *Добрую обитель*, он проследил, чтобы обо мне позаботились, он велел набальзамировать меня, как подобает очень великой особе, он велел положить меня в гробницу, где уже лежал Маихет, малое дитя. Он сел в ладью, он отплыл, он вскоре достиг места к северу от Коптоса на расстоянии схена, где мы упали в реку. Он держал совет со своим сердцем, говоря: „Не лучше ли поехать в Коптос и поселиться с ними? Если же, напротив, я сейчас вернусь в Мемфис и фараон спросит меня о своих детях, что я смогу сказать ему? Смогу ли я сказать ему так: ‚Я взял твоих детей с собой в Фиванский ном; я убил их, а сам живу. Я вернулся в Мемфис живым‘?“ Он велел принести кусок царского тонкого полотна, что принадлежал ему, сделал из него магическую повязку, обвязал ею книгу, положил ее себе на грудь и крепко закрепил ее там. [38] Ненеферкаптах вышел из-под навеса ладьи фараона, он упал в воду, и, пока он славил Ра, все, кто был на борту,

подняли крик, говоря: „О, какая великая скорбь, какая горестная скорбь! Не ушел ли он, превосходный писец, ученый муж, которому не было равного!“

[35] В «Истории двух братьев» (см. выше) Сам был фараоном. Здесь это Ра, царь богов и в начале времен фараон Египта.

[36] О значении этого выражения ср. E. Lefébure, *Rites égyptiens*, с. 87.

[37] Слово *hasi*, «хвалящий, поющий бога», почти постоянно прилагается к умершим начиная со второго Фиванского царства: *славить Ра* — иносказание для смерти, особенно смерти в воде. В птолемеевскую пору *hasi* значит «утонувший», и это слово много употребляется об Осирисе, тело которого Тифон бросил в Нил (Griffith-Thompson, *The Demotic Magical Papyrus*, с. 38; и *Apotheosis by drowning*, в *Zeitschrift*, 1910, т. XLVI, с. 132–134). Таким образом, *он славил Ра* равнозначно здесь *он тонул*.

[38] Одна из магических книг Лейденского музея выдает себя за список с подлинника, «найденного на шее царя Усимареса, в гробнице» (Pleyte, *Chapitres supplémentaires du Livre des Morts*, с. 60 и след.). Другой список того же сочинения, принадлежащий Каирскому музею, был найден в гробу Татумут, жрицы Амона, у основания шеи (Daressy, *Inscriptions sur les objets accompagnant la momie de Tadumaut*, в *Annales du Service des Antiquités*, т. III, с. 156–157).

«Ладья фараона продолжала свой путь, и никто на свете не знал, в каком месте Ненеферкаптах. Когда она прибыла в Мемфис, известили фараона, и фараон сошел навстречу ладье. Он был в траурном плаще, и весь гарнизон Мемфиса был в траурных плащах, а также жрецы Птаха, верховный жрец Птаха и все люди, что окружают фараона. [39] И вот! они увидели Ненеферкаптаха, который был прикреплен к рулевым веслам ладьи фараона силою своего знания превосходного писца. [40] Его подняли, увидели книгу у него на груди, и фараон сказал: „Пусть снимут книгу, что у него на груди“. Придворные фараона, а также жрецы Птаха и верховный жрец Птаха сказали перед царем: „О великий наш владыка — да будет у него долгота дней Ра! — превосходный писец и весьма ученый муж он, этот Ненеферкаптах!“ [41] Фараон

велел поместить его в *Добрую обитель* [42] на шестнадцать дней, облачать тканями тридцать пять дней, держать на погребальном ложе семьдесят дней, и затем его положили в его гробницу среди *Обителей покоя*.

---

[39] *Qanbûatiu*, *люди угла*, — те, что стоят с четырех сторон царя и зала, в котором он давал приемы (см. выше).

---

[40] Так как Ненеферкаптах исчез в реке, *никто не знал, где он*; в Мемфисе его находят прикрепленным к рулевым веслам царской ладьи, и текст заботливо добавляет, что это было *в силу его звания превосходного писца*. Это чудо произошло благодаря предосторожности, которую он принял, прикрепив книгу Тота к груди: ее магическая сила подняла труп и прикрепила его к веслам без человеческого вмешательства.

---

[41] Восклицание жрецов Птаха, которое на первый взгляд ничем не оправдано, — косвенный ответ на приказ царя. Царь велит им взять книгу Тота, которая уже стала причиной смерти трех человек. Жрецы не смели ослушаться его открыто, но, заметив, что Ненеферкаптах был великим магом, дали ему понять, что вся наука на свете не может защитить людей от мести бога. Каким же бедам подвергся бы помощник, который взял бы книгу, не владея знанием чародейства, каким владел Ненеферкаптах! Ход событий доказывает, что это несколько тонкое толкование текста верно. Царь понял опасения своих придворных и отменил данный им неосторожный приказ; ибо книга Тота все еще была на мумии Ненеферкаптаха, когда Сатни пришел взять ее.

---

[42] О *Доброй обители* см. выше, прим. 33.

«Я поведала тебе все горести, что постигли нас из-за этой книги, о которой ты говоришь: „Пусть ее дадут мне“. У тебя нет на нее права; ибо из-за нее у нас отняли время, что нам оставалось пробыть на земле».

Сатни сказал: «Ахури, дай мне ту книгу, что я вижу между тобой и Ненеферкаптахом; а не то я возьму ее у тебя силой». Ненеферкаптах приподнялся на ложе и сказал: «Не ты ли Сатни, которому эта женщина рассказала обо всех тех бедах, каких ты еще не испытал? Способен ли ты добыть эту книгу силой

превосходного писца [43] или искусством игры против меня? Сыграем же мы с тобой на нее». [44] Сатни сказал: «Согласен». Тогда принесли и поставили перед ними *доску* [45] с ее *псами*, и они вдвоем стали играть. Ненеферкаптах выиграл у Сатни партию; [46] он прочел над ним свое волшебство, он положил на него игральную доску, что была перед ним, и заставил его уйти в землю по самые ноги. Так же он сделал со второй партией: выиграл у Сатни и заставил его уйти в землю по пояс. Так же он сделал с третьей партией и заставил Сатни уйти в землю по уши. После того Сатни напал на Ненеферкаптаха рукой; Сатни позвал Инароса, своего молочного брата, говоря: «Не медли подняться на землю; расскажи перед фараоном все, что со мной случилось; принеси мне талисманы отца моего Птаха [47] и мои книги магии». Тот без промедления поднялся на землю; он рассказал перед фараоном все, что случилось с Сатни, и фараон сказал: «Отнеси ему талисманы его отца, а также его книги заклинаний». Инарос без промедления спустился в гробницу; он положил талисманы на тело Сатни, и тот тотчас поднялся на землю. Сатни протянул руку к книге и схватил ее; и когда Сатни выходил из гробницы, свет шел перед ним, а тьма шла за ним. [48] Ахури плакала ему вслед, говоря: «Слава тебе, о тьма! Слава тебе, о свет! Все ушло, все, что было в нашей гробнице». [49] Ненеферкаптах сказал Ахури: «Не печалься. Я заставлю его принести эту книгу обратно в свое время, с раздвоенной палкой в руке, с горящей жаровней на голове». [50] Сатни вышел из гробницы и закрыл ее за собой, как было прежде. Сатни пошел к фараону и рассказал фараону все, что с ним случилось из-за книги. Фараон сказал Сатни: «Положи эту книгу обратно в гробницу Ненеферкаптаха, как разумный человек; а не то он заставит тебя отнести ее назад с раздвоенной палкой в руке, с горящей жаровней на голове». Но Сатни не

послушал его; не было у него на свете иного занятия, как развертывать свиток и читать его, все равно кому. [51]

[43] Иными словами, состязанием в магическом искусстве между магами равной силы (ср. выше, прим. 40).

[44] О смысле этого места ср. Spiegelberg, *Der Sagenkreis des Königs Petubastis*, с. 56, прим. 9. Игра в шашки была любимым развлечением умерших; часто им клали в гробницу доску для шашек, шашки и несколько маленьких бабок, чтобы определять ходы фигур. Одна виньетка Погребального ритуала изображает владельца, играющего так на том свете в маленькой беседке или под сводом подземной гробницы (Naville, *Todtenbuch*, т. I, табл. XXVII). У нынешних египтян есть по меньшей мере две игры, *munkalah* и *tab*, которые должны иметь сходство с играми Сатни против Ненеферкаптаха. Их подробно объясняет Лейн: *An Account of the Manners and Customs of the Modern Egyptians*, 5-е изд., Лондон, 1871, т. II, с. 46 и след. В *munkalah* играют на шестнадцати полях. Добавим, что в Туринском музее есть обрывки папируса, к сожалению поврежденного, где даны правила нескольких игр в шашки; их изучали Девериа, затем Видеман. Я тщетно искал объяснения игры, которую ведут два героя повести; при нынешнем состоянии наших знаний связь проследить невозможно, и перевод этого места остается предположительным.

[45] Игральные фигуры называли *псами*; в музеях есть образцы с головой пса или шакала (Birch, *Rhampsinitus and the Game of Draughts*, с. 4, 14). То же имя давали им греки, и то же самое имя (*kelb*, мн. ч. *kilâb*) носят ныне в Египте фигуры игры *tab*. Словом *доска* я передаю египетский термин за неимением более подходящего выражения; это маленькая доска, разделенная на клетки, по которой передвигают псов. В Лувре их две, на одной из них картуш царицы Хатшепсут, XVIII династия.

[46] Ненеферкаптах выиграл партию; это преимущество позволяет ему прочесть свою книгу магии, отчего Сатни лишается части своей магической силы. Ненеферкаптах кладет доску, что перед ним, на противника, и это действие имеет ту же силу, что удар магического молота: ноги того уходят в землю. Апокрифические Деяния святого Филиппа рассказывают о подобном случае, что произошел со святым: за каждое проигранное им очко его противник, языческий жрец, загонял его в землю сперва по колени, потом по пояс и наконец по шею (Reitzenstein, *Hellenistische Wundererzählungen*, с. 132–133).

[47] Звание *отца* царь, потомок и истинный сын Солнца, дает всем богам; здесь особой причиной было то, что Хамуас был верховным жрецом мемфисского

Птаха. Талисманы Птаха нам иначе не известны; любопытно узнать из этого места, что их сила считалась выше силы талисманов Тота, которыми владел Ненеферкаптах.

[48] Книга Тота (ср. выше, прим. 8); Сатни, унося ее, уносит свет и оставляет тьму.

[49] Так, в Книге преисподней всякий раз, когда солнце, пройдя один из часов ночи, уходит, чтобы вступить в следующий час, маны и боги, которых оно оставляет погруженными во тьму на двадцать три часа, до своего возвращения, испускают восклицания в его честь и оплакивают свое возвращение во тьму.

[50] Во всех магических обрядах для призывания и изгнания духов необходим огонь или меч, а за неимением меча — металлическое оружие, острое или раздвоенное. На свинцовых свитках, найденных на африканских кладбищах, Тифон и злые египетские гении, вызываемые чародеем, порой изображены с копьем в руке и с пламенем на голове. Краль полагал, что в этой повести речь идет о гонце (*Papyrus Erzherzog Rainer, Führer durch die Ausstellung*, с. 53, № 166).

[51] Такого рода неодолимая одержимость, вызванная магическим писанием, сильно описана и в других текстах. Так царевич Джедефхор, сын Менкауры, один из героев сказки «Царь Хуфуи и волшебники» (см. выше), найдя главу XLIV «Книги мертвых», «больше не видел, больше не слышал, так он читал эту чистую и святую главу; он не приближался к женщинам, не ел ни мяса, ни рыбы». Воздержание и целомудрие были и в самом деле непременными условиями применения тех сверхчеловеческих сил, которые магические книги давали своим владельцам, как будет видно по ходу этой повести (ср. ниже, прим. 67). Именно на невоздержанность Сатни рассчитывает Ненеферкаптах, чтобы вернуть свой талисман.

После того случилось однажды, что Сатни прогуливался по преддверию храма Птаха и увидел женщину, весьма прекрасную, ибо не было женщины, что сравнилась бы с ней красотой; [52] на ней было много золота, за ней шли юные девушки, и с ней были слуги числом пятьдесят два. [53] С того часа, как Сатни увидел ее, он не знал больше, в какой части света находится. Сатни позвал своего пажа, [54] говоря: «Не медли, пойди туда, где эта женщина, и узнай, кто она». Юный паж не замедлил пойти туда, где была женщина. Он обратился к служанке, что шла за ней, и спросил ее, говоря: «Кто это такая?» Она сказала ему: «Это Табубу, дочь

пророка Бастет, владычицы Анх-тауи, [55] которая идет теперь помолиться перед Птахом, великим богом». Когда юноша вернулся к Сатни, он пересказал все слова, что она ему сказала, без изъятия. Сатни сказал юноше: «Пойди и скажи так служанке: „Сатни-Хамуас, сын фараона Усимареса, — вот кто посылает меня, говоря: ‚Я дам тебе десять золотых, чтобы ты провела час со мной. [56] Если будет нужно прибегнуть к насилию, он сделает это и увезет тебя в потаенное место, где никто на свете тебя не найдет‘“». Когда юноша вернулся туда, где была Табубу, он обратился к служанке и заговорил с ней, но она вскричала на его слова, будто сказать их было оскорблением. Табубу сказала юноше: «Перестань говорить с этой глупой девчонкой; подойди и поговори со мной». Юноша подошел к тому месту, где была Табубу; он сказал ей: «Я дам тебе десять золотых, если ты проведешь час с Сатни-Хамуасом, сыном фараона Усимареса. Если будет нужно прибегнуть к насилию, он сделает это и увезет тебя в потаенное место, где никто на свете тебя не найдет». Табубу сказала: «Пойди, скажи Сатни: „Я иеродула, я не простая особа; если ты желаешь насладиться мной, ты придешь в Бубастис, [57] в мой дом. Там все будет готово, и ты насладишься мной, и никто на свете не узнает этого, и я не поступлю как уличная женщина“». Когда паж вернулся к Сатни, он повторил ему все слова, что она сказала, без изъятия, и тот сказал: «Вот, я доволен». Но все, кто был с Сатни, стали сыпать проклятиями.

---

[52] Роль Табубу в этом эпизоде согласна со всеобщими представлениями демонологии и показывает нам природу этого лица. Она — не кто иная, как Ахури, вернувшаяся на землю, чтобы соблазнить Сатни и лишить его способности пользоваться своими магическими силами; когда она этого добьется, Ненеферкаптах придет в свою очередь и заставит его вернуть книгу Тота. Об этом представлении ср. Введение.

[53] Так, как весьма остроумно заметил Видеман (*Altägyptische Sagen und Märchen*, с. 136, прим. 1), пятьдесят два пажа, сопровождающие Табубу, — это пятьдесят две фигуры волшебной шашечной доски, оживленные и воплощенные, чтобы служить свитой царевне Ахури в ее вылазке в мир живых; ср. Введение.

[54] Слово *паж* — более или менее точное соответствие, которым я пользуюсь за неимением лучшего. Египетский термин *sôtm âshu* значит дословно *тот, кто слышит зов*; в сокращенном виде *sôtmu* он встречается в «Обреченном царевиче». На памятниках есть многочисленный ряд *sôtmu âshu m isit mâit*, или *пажей в истинном месте*, то есть служителей, приписанных к тем частям Фиванского некрополя, что примыкают к Дра-Абу-эль-Негге, Дейр-эль-Бахри, Асасифу, Шейх-Абд-эль-Курне, Дейр-эль-Медине, особенно к этому последнему месту.

[55] О квартале Анх-тауи см. выше, в сказке «Царь Хуфуи и волшебники».

[56] Десять *табону* золотом (ср. выше, прим. 18) составляли от 890 до 910 граммов золота, или около 3000 франков *по весу*, но гораздо больше по действительной стоимости.

[57] Ныне Телль-Баста, близ Загазига. Бругш разделил две части слова и перевел его *в храм Бастет*. Написание египетского текста не допускает такого толкования. Речь идет не о храме Бастет, стоявшем в одном из кварталов Мемфиса, и не о части Мемфиса, называвшейся Пубастит, а о *доме Бастет*, Бубастисе. Путешествие не требовало долгих сборов; оно заняло бы лишь несколько часов — в противоположность путешествию в Коптос, которое предпринимали один за другим Ненеферкаптах и сам Сатни.

Сатни велел привести лодку, сел в нее и не замедлил прибыть в Бубастис. Он пошел на запад города и дошел до дома, очень высокого; вокруг него была стена, на северной стороне у него был сад, перед ним было крыльцо. Сатни спросил, говоря: «Чей это дом?» Ему сказали: «Это дом Табубу». Сатни вошел в ограду и дивился беседке, что стояла в саду, [58] пока сообщали Табубу; она сошла вниз, взяла Сатни за руку и сказала ему: «Жизнью моей! Путь к дому жреца Бастет, владычицы Анх-тауи, куда ты прибыл, очень мне приятен. Поднимись со мной». Сатни поднялся по лестнице дома с Табубу. Он нашел, что верхний покой дома усыпан и посыпан песком и порошком настоящего лазурита и настоящей

бирюзы. [59] Там было несколько лож, застланных тканями из царского полотна, и много золотых чаш на поставце. Наполнили золотую чашу вином и вложили ее в руку Сатни, и Табубу сказала ему: «Не угодно ли тебе отдохнуть?» Он сказал ей: «Не этого я хочу». Положили в огонь душистого дерева, принесли благовоний того рода, что подают фараону, и Сатни провел счастливый день с Табубу, ибо никогда прежде не видел равной ей. Тогда Сатни сказал Табубу: «Совершим то, ради чего мы пришли сюда». Она сказала ему: «Ты придешь в свой дом, тот, где ты есть. Но я — я иеродула, [60] я не простая особа. Если ты желаешь насладиться мной, ты составишь мне договор о содержании и денежный договор на все вещи и на все имущество, что твое». [61] Он сказал ей: «Пусть приведут писца из школы». Его тотчас привели, и Сатни велел составить в пользу Табубу договор о содержании и отписал ей письменно в приданое все свои вещи, все имущество, что было его. Прошел час; пришли сказать Сатни так: «Твои дети внизу». Он сказал: «Пусть их приведут наверх». Табубу встала, надела одеяние из тонкого полотна, [62] и Сатни видел сквозь него все ее члены, и желание его возросло еще больше прежнего. Сатни сказал Табубу: «Совершим же теперь то, ради чего я пришел». Она сказала ему: «Ты придешь в свой дом, тот, где ты есть. Но я — я иеродула, я не простая особа. Если ты желаешь насладиться мной, ты заставишь своих детей подписаться под моим писанием, чтобы они не искали ссоры с моими детьми из-за твоего имущества». Сатни велел привести своих детей и заставил их подписаться под писанием. Сатни сказал Табубу: «Дай же мне теперь совершить то, ради чего я пришел». Она сказала ему: «Ты придешь в свой дом, тот, где ты есть. Но я — я иеродула, я не простая особа. Если ты желаешь насладиться мной, ты велишь убить своих детей, чтобы они не искали ссоры с моими детьми из-за твоего имущества».

Сатни сказал: «Пусть совершат над ними злодеяние, желание которого вошло в твое сердце». Она велела убить детей Сатни у него на глазах, велела выбросить их вниз, под окно, псам и кошкам, [63] и те ели их мясо, и он слышал их, пока пил с Табубу. Сатни сказал Табубу: «Совершим то, ради чего мы пришли сюда, ибо все, что ты сказала передо мной, исполнено для тебя». Она сказала ему: «Войди в этот покой». Сатни вошел в покой, он лег на ложе из слоновой кости и черного дерева, чтобы любовь его была вознаграждена, и Табубу легла рядом с Сатни. Он протянул руку, чтобы коснуться ее; она широко раскрыла рот и издала громкий крик. [64]

---

[58] Это описание весьма точно соответствует разным планам египетских домов, изображенным на росписях фиванских гробниц. Если взять один из них, который я привел в *Egyptian Archaeology* (6-е англ. изд., 1914, Grevel, Лондон, рис. 14, с. 15), видны высокая стена, вход, крыльцо, большой сад и двухэтажный дом в саду.

[59] *Mafkaît* — имя, общее для всех зеленых или зеленоватых минералов, известных египтянам: медного купороса, изумруда, бирюзы и т. д.

[60] О значении этого слова ср. Maspero, *Mélanges de Mythologie et d'Archéologie égyptiennes*, т. IV, с. 431–432.

[61] Табубу следует здесь праву птолемеевской поры, по которому для того, чтобы дать законное основание союзу мужчины и женщины и возвысить его до подобия сожительства, необходимы две сделки — одна о «содержании», другая о «деньгах»; ср. Spiegelberg, *Demotische Miscellen*, § 32, в *Recueil de Travaux*, т. XXVIII, с. 190–195.

[62] Это большое одеяние из прозрачного полотна, то мягкое и ниспадающее нежными складками, то жесткое и накрахмаленное, которое носят женщины на изображениях домашней жизни второй Фиванской поры. Сквозь эту прозрачную ткань было видно все тело, и египетские художники не преминули показать подробности, свидетельствующие, насколько одежда открывала тело. У нескольких мумий, найденных в Дейр-эль-Бахри, в том числе у мумий Тутмоса III и Рамсеса II, прямо на коже были пелены из этого полотна, образцы которых можно видеть в Каирском музее; оно пожелтело от времени и от благовоний, которыми его пропитали при бальзамировании, но древние росписи не

преувеличивали, когда изображали одетых в него дам почти нагими. Рассматривая их, понимаешь, чем должны были быть косские ткани, которые классические писатели называли тканым воздухом.

[63] Так же, по египетскому преданию, евнух Багой, убив персидского царя Оха, бросил его тело кошкам (Диодор Сицилийский, XVII, V, § 3, и Элиан, «Пестрые рассказы», VI, 8). В «Истории двух братьев» (см. выше) Анупу убивает свою жену и бросает ее псам в наказание за то, что она соблазняла и оклеветала Бату.

[64] Примеры таких превращений в минуту любовных утех нередки в народной словесности. Обычно они происходят при вмешательстве доброго гения, чудотворца или святого, который приходит вырвать героя из уз суккуба. В других случаях сам суккуб доставляет себе лукавое удовольствие напугать любовника внезапным превращением. Этим последним замыслом часто пользовались европейские писатели, особенно Казот в своем «Влюбленном дьяволе». Одна непристойная подробность, встречающаяся несколькими строками ниже и не переведенная мною, доказывает, что здесь, как и во всех повестях этого рода, Табубу пришлось отдаться целиком, чтобы получить власть над своим врагом. Едва она это сделала, она раскрыла огромный рот и испустила порыв ветра: Сатни лишился чувств, и, пока он был в обмороке, его унесли далеко от дома.

Когда Сатни пришел в себя, он был в месте печи, без всякой одежды на спине. [65] Через час Сатни заметил очень большого человека, [66] стоявшего на помосте, и множество слуг у его ног, ибо он имел вид фараона. Сатни хотел было подняться, но не мог встать от стыда, ибо на спине у него не было одежды. Этот фараон сказал: «Сатни, в каком ты виде?» Он сказал: «Это Ненеферкаптах сделал со мной все это». Этот фараон сказал: «Ступай в Мемфис; твои дети, вот, они желают тебя. Вот, они стоят перед фараоном». Сатни сказал перед этим фараоном: «Великий мой владыка царь — да будет у тебя долгота дней Ра! — как мне добраться до Мемфиса, если на спине у меня нет никакой одежды на свете?» Этот фараон позвал пажа, стоявшего возле него, и велел ему дать Сатни одежду. Этот фараон сказал: «Сатни, ступай в Мемфис. Твои дети, вот, они живы, вот, они стоят перед царем». [67] Сатни пошел в Мемфис; он с радостью обнял своих детей, потому что они были

живы. [68] Фараон сказал: «Не опьянение ли заставило тебя сделать все это?» Сатни рассказал все, что случилось у него с Табубу и Ненеферкаптахом. Фараон сказал: «Сатни, я уже прежде приходил тебе на помощь, говоря: „Тебя убьют, если ты не вернешь ту книгу на место, откуда ты взял ее себе“, но ты не слушал меня до сего часа. Теперь отнеси книгу назад Ненеферкаптаху, с раздвоенной палкой в руке и горящей жаровней на голове». Сатни вышел от фараона, с раздвоенной палкой и посохом в руке и горящей жаровней на голове, и спустился в гробницу, где был Ненеферкаптах. Ахури сказала ему: «Сатни, это Птах, великий бог, привел тебя сюда целым и невредимым». [69] Ненеферкаптах засмеялся, говоря: «Вот то, что я сказал тебе прежде». Сатни стал беседовать с Ненеферкаптахом и заметил, что, пока они беседовали, солнце было целиком в гробнице. [70] Ахури и Ненеферкаптах много беседовали с Сатни. Сатни сказал: «Ненеферкаптах, не унизительно ли то, о чем ты просишь?» Ненеферкаптах сказал: «Ты знаешь это доподлинно: Ахури и Маихет, ее дитя, — в Коптосе, а также и в этой гробнице, искусством умелого писца. Пусть тебе повелят потрудиться съездить в Коптос и привезти их сюда». [71]

---

[65] Текст содержит здесь фразу *aû qunef hi-khen n uât shakki*, которую я опускаю и смысл которой будет ясен всякому, кто пожелает заглянуть в подлинник.

---

[66] Фигура выше человеческого роста была в ту пору признаком, по которому узнавали богов или гениев, когда те являлись людям; так Гермес-Тот в «Поймандре», § 1.

---

[67] Из речей царя видно, что это Ненеферкаптах и что вся предыдущая сцена кокетства и убийства была лишь магическим действом; Сатни, сделавшись нечистым и преступным, теряет свою сверхъестественную силу. Как я уже заметил (см. выше, прим. 51), связь с женщинами всегда приостанавливала силу чародея, пока ему не удавалось совершить предписанные омовения и вновь стать чистым. Поэтому любовное обольщение — средство, к которому всегда охотно

прибегают, когда речь идет о сверхъестественном. Приведу лишь один пример из сотни: в «Тысяче и одной ночи» (ночь четырнадцатая) волшебник Шахабеддин, имев связь с женщиной, не мог с успехом пользоваться своей формулой, пока не совершил очищений, предписанных Кораном в таких обстоятельствах, и не очистился от своей нечистоты.

---

[68] Ср. выше подобный случай воскресения спутников потерпевшего кораблекрушение.

---

[69] Сатни был верховным жрецом Птаха; покровительство бога спасло его от магов, и это-то Ахури и признает, вероятно, не без некоторой досады.

---

[70] Вернув магическую книгу, Сатни вернул в гробницу свет, которого лишил ее, когда унес талисман (см. выше, прим. 48).

---

[71] Двойнику полагалось жить там, где похоронено тело. Ненеферкаптах *искусством умелого писца*, то есть магией, избавил двойников Ахури и Маихета от этого закона и дал им приют в своей гробнице; но это было непрочное положение, которое могло измениться в любой миг. Сатни, побежденный в борьбе за обладание книгой Тота, был должен победителю некоторое возмещение, и тот возложил на него обязанность съездить в Коптос, найти Ахури и Маихета и привезти их в Мемфис. Соединение трех мумий обеспечило бы соединение трех двойников на все времена.

Сатни вышел из гробницы; он пошел к фараону, он рассказал перед фараоном все, что сказал ему Ненеферкаптах. Фараон сказал: «Сатни, ступай в Коптос и привези Ахури и Маихета, ее дитя». Он сказал перед фараоном: «Пусть мне дадут ладью фараона и ее команду». Ему дали ладью фараона и ее команду; он сел в нее, он отплыл, он не замедлил прибыть в Коптос. Сказали жрецам Исиды Коптосской и верховному жрецу Исиды; вот, они сошли к нему, сошли на берег. Он сошел на берег, он пошел в храм Исиды Коптосской и Гарпократа. Он велел привести быка, гуся и принести вина; он совершил всесожжение и возлияние перед Исидой Коптосской и Гарпократом. Он пошел на кладбище Коптоса со жрецами Исиды и верховным жрецом Исиды. Они провели три дня и три ночи, ища среди гробниц, что в некрополе

Коптоса, сдвигая стелы писцов *Двойного Дома Жизни*, разбирая надписи на них; они не нашли покоев, где покоились Ахури и Маихет, ее дитя. Ненеферкаптах узнал, что они не нашли покоев, где покоились Ахури и Маихет, ее дитя. Он явился в образе старика, жреца весьма преклонных лет, он предстал перед Сатни. [72]

[72] Это по меньшей мере второе превращение, совершенное Ненеферкаптахом в той части повести, что сохранилась. Обыкновенные маны имели право принимать любые облики, какие пожелают, но делаться видимыми могли лишь в очень редких случаях. Ненеферкаптах обязан своему званию мага властью легко делать то, что было им запрещено, и являться то царем, то стариком (ср. Введение).

Сатни увидел его; Сатни сказал: «Ты, видно, человек преклонных лет; не знаешь ли ты дома, где покоятся Ахури и Маихет, ее дитя?» Старик сказал Сатни: «Отец отца моего отца сказал отцу моего отца: „Покои, где покоятся Ахури и Маихет, ее дитя, — под южным углом дома жреца…“». [73] Сатни сказал старику: «Быть может, жрец… обидел тебя, и потому ты хочешь разрушить его дом». [74] Старик сказал Сатни: «Пусть меня хорошенько стерегут, пока будут разрушать дом жреца…, и если случится, что Ахури и Маихета, ее дитя, не найдут под южным углом дома жреца…, пусть со мной поступят как с преступником». Старика хорошенько стерегли; покой, где покоились Ахури и Маихет, ее дитя, нашли под южным углом дома жреца… Сатни велел отнести этих великих особ на ладью фараона, а затем велел отстроить дом жреца… таким, каким он был прежде. [75] Ненеферкаптах дал знать Сатни, что это он приходил в Коптос, чтобы открыть ему покой, где покоились Ахури и Маихет, ее дитя.

[73] Текст в этом месте слишком поврежден, чтобы восстановление можно было считать верным.

[74] Разрушая *дом*, то есть гробницу человека, делали невозможным его погребальный культ; двойник голодал и рисковал погибнуть, а это вызывало гнев двойника, который проявлялся в видениях, нападениях, одержимости духами и болезнях, от которых страдали живые. Закон был очень суров к тем, кто, разрушая гробницу, рисковал выпустить на волю разные беды. Тем не менее порой случалось, что люди, питавшие ненависть к каким-нибудь умершим, шли на этот риск. Сатни опасался, как бы его осведомитель не воспользовался его поисками, чтобы утолить свою ненависть, и не сделал бы его невольным соучастником своего преступления.

[75] Восстановление гробниц, а следовательно, и перенос мумий были в Древнем Египте делом нередким. Самый поразительный пример дала находка в Дейр-эль-Бахри, в Фивах. В 1881 году там нашли около сорока царских тел, в том числе тела самых знаменитых фараонов XVIII, XIX и XX династий — Яхмоса I, Аменхотепа I, Тутмоса II и Тутмоса III, Сети I, Рамсеса II и Рамсеса III. Их мумии, осмотренные и починенные в разное время, были наконец сложены при Шешонке I в одну шахту, где их было легко уберечь от покушений. Герой нашей повести поступает так же, как Шешонк, но с иной целью: он повинуется приказу самих умерших и старается скорее угодить им, чем дать им защиту, без которой их магическая сила позволяет им обойтись.

Сатни сел на ладью фараона. Он совершил плавание, он не замедлил прибыть в Мемфис со всей свитой, что была с ним. Сказали фараону, и фараон сошел навстречу ладье фараона. Он велел отнести великих особ в гробницу, где был Ненеферкаптах, и велел запечатать верхний покой целиком, как прежде. — Это полное писание, в котором рассказана история Сатни-Хамуаса и Ненеферкаптаха, а также Ахури, его жены, и Маихета, его сына, написано писцом Зихарпто в год 35-й, в месяц тиби.

Подлинная история Сатни-Хамуаса и его сына Си-Осири

«Подлинная история Сатни-Хамуаса и его сына Си-Осири» найдена на папирусе DCIV Британского музея. Ее издал, переписал и перевел на английский Ф. Ллевеллин Гриффит: *Stories of the High Priests of Memphis, the Sethon of Herodotus, and the Demotic Tales of*

Khamuas, Оксфорд, Clarendon Press, 1900, 8°, с. 41–66, 142–207, и атлас из XIV таблиц, in-folio. Затем ее разобрал, прокомментировал и частично перевел на французский Г. Масперо: *Contes relatifs aux grands-prêtres de Memphis*, в *Journal des Savants*, 1901, с. 473–504; наконец, ее переписал иероглифами и перевел Ревийю: *Le Roman de Setme, Second Roman de Setme Khaemouas*, в *Revue Égyptologique*, т. XII, с. 107–109, т. XIII, с. 29–38.

Повесть записана на обороте двух собраний официальных бумаг, составленных по-гречески и датированных VII годом Клавдия Цезаря, 46–47 годом н. э. Два свитка папируса, с которыми обошлись как со старой бумагой, склеили концом к концу, и эта повесть была переписана на тех частях оборота, что оставались свободными; в нынешнем своем виде она неполна справа на протяжении, которого мы не можем определить, и начало повествования пропало. Почерк, по-видимому, указывает, что список сделан во второй половине II века н. э. Он крупный и вялый, старательный и вместе с тем неловкий; но, несмотря на свои особенности, читается он легко. Язык простой, ясный и беднее, чем в предыдущем повествовании. Вся первая страница утрачена, как и длинный кусок второй, но изложение сюжета можно восстановить с достаточной уверенностью. Остальная часть текста прерывается значительными пробелами, из-за которых за рассказом трудно следить. Подробное и терпеливое изучение, которому г-н Гриффит подверг все сочинение, позволяет нам уловить общий смысл, а во многих местах и точно восстановить подробности. По своему обыкновению, я вкратце восполнил недостающие части, позаботившись указать то место, где начинается подлинный текст.

Жил некогда царь по имени Усимарес, ж. з. с., и среди детей его был один по имени Сатми, [1] писец, искусный пальцами и весьма

сведущий во всяком деле. В тех искусствах, которыми славятся писцы Египта, он был опытнее всех людей на свете, и не было мудреца, равного ему, во Всей Земле. И после того случилось, что вожди чужих земель прислали к фараону гонца сказать ему: «Вот что говорит мой господин: „Кто здесь сумеет сделать такое-то и такое-то дело, которое задумал мой господин, при таких-то и таких-то условиях? Если он сделает это как подобает, я провозглашу, что моя страна ниже Египта. Если же случится, что нет в Египте ни доброго писца, ни ученого человека, который сумел бы это сделать, я провозглашу, что Египет ниже моей страны“». И когда тот сказал это, царь Усимарес, ж. з. с., призвал своего сына Сатми и пересказал ему все, что говорил ему гонец, и сын его Сатми тотчас дал ему верный ответ на то, что задумал вождь чужой страны, и гонцу пришлось провозгласить, что его страна ниже земли Египетской. И никто из вождей, посылавших гонцов, не мог одолеть его, ибо мудрость Сатми была велика, так что не осталось на свете правителя, который осмелился бы посылать гонцов к фараону. [2]

[1] Текст этой повести дает вариант *Сатми* вместо имени *Сатни*, что могло бы вызвать сомнение, одно ли и то же лицо здесь подразумевается. Прибавление прозвища *Хамуас* в нескольких местах доказывает, что Сатми в самом деле тождествен Сатни. *Сатми* в других местах — титул жреца Птаха, что прекрасно подходит к нашему герою, который был верховным жрецом Птаха в Мемфисе (ср. выше).

[2] Тему этого начала подсказало мне место, которое читатель найдет ниже. Во Введении я говорил о мысли о состязании между царями как о ходячем мотиве в Египте.

И после того случилось, что у Сатми не было от жены его Мехитуасхет младенца мужского пола, и это весьма огорчало его сердце, и жена его Мехитуасхет весьма огорчалась вместе с ним. И вот однажды, когда он был печальнее обычного, жена его

Мехитуасхет пошла в храм Имхотепа, сына Птаха, и молилась перед ним, говоря: «Обрати ко мне лицо свое, господин мой Имхотеп, сын Птаха; это ты творишь чудеса и благодетелен во всех делах твоих; это ты даешь сына той, у которой его нет. Услышь мой плач и дай мне зачать младенца мужского пола». [3] Мехитуасхет, жена Сатми, уснула в храме, и в ту же ночь [4] ей приснился сон. Кто-то заговорил с ней, говоря: «Не ты ли Мехитуасхет, жена Сатми, что спит в храме, дабы получить из рук бога исцеление от своего бесплодия? Когда наступит завтрашнее утро, пойди в купальню Сатми, [5] твоего мужа, и найдешь там корень колоказии, что растет там. Колоказию, которую найдешь, сорви вместе с листьями, сделай из нее снадобье и дай его своему мужу, потом ляг рядом с ним, и в ту же ночь зачнешь от него». Когда Мехитуасхет пробудилась от сна, увидев все это, она сделала все так, как ей было сказано во сне; потом легла рядом с Сатми, своим мужем, и зачала от него. Когда пришло время, у нее появились признаки, какие бывают у беременных женщин, и Сатми возвестил об этом фараону, ибо сердце его весьма радовалось этому; он повязал на нее амулет и прочел над ней заклинание. И вот однажды ночью Сатми спал, и приснился ему сон. Кто-то заговорил с ним, говоря: «Мехитуасхет, жена твоя, что зачала от тебя, — младенца, которого она родит, назовут Си-Осири, и много будет чудес, которые он сотворит в земле Египетской». Когда Сатми пробудился от сна, увидев все это, сердце его весьма возрадовалось. Когда исполнились месяцы беременности, когда пришло время родов, Мехитуасхет произвела на свет младенца мужского пола. Об этом сказали Сатми, и он назвал младенца Си-Осири, согласно тому, что было сказано ему во сне. Его приложили к груди Мехитуасхет, его матери, как только она освободилась от последа, и она кормила его. И было

так: когда маленькому Си-Осири был год, сказали бы: «Ему два года»; когда ему было два, сказали бы: «Ему три года», — так крепок он был во всех своих членах. И случилось, что Сатми не мог прожить и часа, не видя маленького Си-Осири, так велика была любовь, которую он к нему питал. Когда мальчик стал большим и сильным, его отдали в школу; в короткое время он узнал больше, чем писец, которого дали ему в учители. Маленький Си-Осири начал читать магические книги вместе с писцами Двойного Дома Жизни храма Птаха, [6] и все, кто его слышал, приходили в изумление. Сатми любил водить его на праздник пред лицо фараона, чтобы все маги фараона состязались с ним, и он оставался первым среди них всех.

[3] Это место я восстановил по сцене, которая встречается позднее (см. ниже), где маг Гор-египтянин проводит ночь в храме Тота, чтобы получить вещий сон (ср. Maspero, *Le début du second Conte de Satni-Khâmoîs*, в *Mélanges Nicole*, с. 349–355). Стела времен Августа, несколько более ранняя, чем редакция нашего папируса, дает нам хороший пример сна, за которым следует рождение ребенка (Prisse d'Avennes, *Monuments*, табл. XXVI bis).

[4] Именно здесь начинается сохранившаяся часть текста.

[5] Гриффит полагает, хотя и не без некоторого сомнения, что речь идет об отхожем месте в доме Сатми. Я думаю скорее, что речь идет о водоеме, купальне или своего рода искусственном бассейне, вроде того, какой мы нашли перед храмом в Дендере зимой 1904–1905 года.

[6] О Двойном Доме Жизни см. сказанное выше.

И после того случилось однажды, когда Сатми омывался к празднику на крыше своих покоев, а маленький Си-Осири омывался вместе с ним, чтобы тоже идти на праздник, — в тот час вот Сатми услышал голос плача, очень громкий. Он выглянул с крыши своего жилища, и вот он увидел, как богатого человека несут к погребению в гору с великим плачем и с обилием почестей. Он взглянул вниз второй раз, себе под ноги, и вот из

Мемфиса выносили бедняка, завернутого в циновку, одного, и ни один человек на свете не шел за ним следом. Сатми сказал: «Жизнью Осириса, владыки Аменти, пусть будет сделано для меня в Аменти, как для этих богатых, над которыми великий плач, а не как для этих бедных, которых несут в гору без пышности и почестей». Си-Осири, его маленькое дитя, сказал ему: «Пусть будет сделано тебе в Аменти то, что делается в Аменти для этого бедняка, и да не будет сделано тебе в Аменти то, что делается в Аменти для этого богача». Когда Сатми услышал эти слова, которые сказал ему Си-Осири, его маленькое дитя, сердце его весьма опечалилось, и он сказал: «То, что я слышу, — голос ли это сына, любящего своего отца?» Си-Осири, его маленькое дитя, сказал ему: «Если тебе угодно, я покажу тебе, каждого на своем месте, бедняка, которого не оплакивали, и богача, над которым был плач». Сатми спросил: «И как же ты сделаешь это, сын мой Си-Осири?» И после того Си-Осири, маленькое дитя, прочел свои магические книги. Он взял своего отца Сатми за руку и повел его в место, которого тот не знал, в мемфисской горе. В нем было семь больших залов, [7] и в них были люди всякого звания. Они прошли три из залов, первые три, и никто их не остановил. [8] Войдя в четвертый, Сатми увидел людей, которые бегали и суетились, а ослы ели у них за спиной; [9] у других пища их, вода и хлеб, была подвешена над ними, и они подпрыгивали, чтобы ее достать, а иные рыли ямы у них под ногами, чтобы помешать им до нее дотянуться. Когда они пришли в пятый зал, Сатми увидел досточтимых усопших, каждого на своем месте, а повинные в преступлениях стояли у двери как просители; и пята двери пятого зала была укреплена на единственном правом глазу человека, который молился и испускал громкие крики. [10] Когда они пришли в шестой зал, Сатми увидел богов совета людей народа Аменти,

каждого на своем месте, а привратники Аменти выкликали дела. Когда они пришли в седьмой зал, Сатми увидел образ Осириса, великого бога, сидящего на своем троне из чистого золота и увенчанного венцом с двумя перьями, [11] Анубиса, великого бога, по левую руку от него, великого бога Тота по правую руку, богов совета народа Аменти слева и справа от него, весы, поставленные посредине перед ними, на которых взвешивали злые дела против добрых, — а Тот, великий бог, исполнял должность писца, и Анубис обращался к ним с речью. [12] Того, чьи злые дела они находили многочисленнее добрых, они отдавали Амаит, собаке владыки Аменти; [13] они уничтожали его душу и его тело и не давали ему больше дышать. Того, чьи добрые дела они находили многочисленнее злых, ведут к богам совета владыки Аменти, и душа его идет на небо к досточтимым усопшим. Того, чьи заслуги они находят равными его проступкам, помещают среди усопших, снабженных амулетами, что служат Сокар-Осирису.

---

[7] Семь великих залов преисподней, описанные здесь, — это те, о которых говорится в главах CXLIV и CXLVII «Книги мертвых». То же число перешло (из какого-то утраченного ныне рассказа о нисхождении в преисподнюю) в герметические книги (Зосим, § V, у Бертло, *Les Alchimistes Grecs*, т. I, с. 115–118, и т. II, с. 125–127; ср. Reitzenstein, *Poimandres*, с. 8–11).

---

[8] От того места, где говорится, что Сатми опечалился от слов сына, до того, где мы видим, как он входит в четвертый зал, от каждой строки осталось лишь несколько слов, и даже их место не определено. Вероятно, описание первых трех залов не содержало ничего примечательного. Во всяком случае оно было очень коротким и занимало самое большее четыре или пять строк.

---

[9] Как будет видно ниже, ослы, что едят за спиной, — это женщины, которые при жизни поедали достояние людей. Ср. греческое предание об Окносе и осле, который съедал позади него весь его труд (Павсаний, *Hellenica*, X, 24).

---

[10] Мысль о такой каре в Египте была очень древней. Уже в тинисскую эпоху в Иераконполе, на пороге одних из ворот храма, есть изображения людей, лежащих ничком, над которыми проходила створка двери, когда ее открывали и

закрывали (Quibell, *Hierakonpolis*, т. I, табл. 1). Это были враги бога, которых верующие попирали ногами всякий раз, как приходили поклониться ему.

[11] Этот венец, который египтяне называли *iatef*, *iôtef*, состоял из белой короны Верхнего Египта и двух страусовых перьев, поставленных справа и слева.

[12] Это точное описание сцены *суда над душой*, как ее изображают в некоторых случаях на деревянных гробах и каменных саркофагах птолемеевской эпохи и как она представлена в начале главы CXXV «Книги мертвых».

[13] Амаит обычно изображают в виде самки гиппопотама, сидящей перед Осирисом возле весов с открытой пастью в ожидании тех умерших, которых признают виновными.

Тогда Сатми увидел знатное лицо, облаченное в одежды из тонкого полотна, которое находилось близ места, где был Осирис, в весьма высоком чине. Пока Сатми дивился всему, что видел в Аменти, Си-Осири встал перед ним, говоря: «Отец мой Сатми, видишь ли ты то высокое лицо, облаченное в одежды из тонкого полотна, что находится близ места, где Осирис? Это тот бедняк, которого ты видел, когда его выносили из Мемфиса, без провожатых, завернутого в циновку. Его привели в преисподнюю, его злые дела взвесили против заслуг, какие были у него на земле; заслуги оказались многочисленнее злых дел. И так как за его жизнь на земле ему не досталось столько счастья, сколько отвечало бы сроку жизни, записанному за ним Тотом, от Осириса вышел приказ передать погребальное убранство того богача, которого ты видел, когда его выносили из Мемфиса с великими почестями, этому бедняку, а сверх того поместить его среди досточтимых усопших, в уделе Сокар-Осириса, близ места, где Осирис. А тот богач, которого ты видел, — его привели в преисподнюю, его злые дела взвесили против заслуг, злые дела оказались многочисленнее заслуг, какие были у него на земле, и было велено, чтобы он был наказан в Аменти, и это его ты видел: пята двери Аменти укреплена на его правом глазу и вращается на

этом глазу, закрывается ли дверь или открывается, а уста его испускают громкие крики. Жизнью Осириса, великого бога, владыки Аменти: если я сказал тебе на земле: „Пусть будет сделано тебе, как этому бедняку, но да не будет сделано тебе, как этому богачу“, — то потому, что знал, что с ним будет». Сатми сказал: «Сын мой Си-Осири, много чудес я видел в Аменти! Теперь же дай мне знать, кто те люди, что бегают и суетятся, а ослы едят у них за спиной; и о тех других, у которых пища их, хлеб и вода, подвешена над ними и которые подпрыгивают, чтобы ее достать, а иные роют ямы у их ног, чтобы помешать им до нее дотянуться». Си-Осири ответил: «Истинно говорю тебе, отец мой Сатми: те люди, которых ты видел, что бегают и суетятся, а ослы едят у них за спиной, — это образ людей этого мира, что лежат под проклятием бога, что трудятся ночью и днем ради своего пропитания, но, так как жены крадут у них за спиной то, что им принадлежит, у них нет хлеба, чтобы поесть. Когда они предстают в Аменти, оказывается, что их злые дела многочисленнее заслуг, и они находят, что случившееся с ними на земле случается с ними снова в Аменти. С ними так же, как с теми, кого ты видел, у кого пища их, вода и хлеб, подвешена над ними и кто подпрыгивал, чтобы ее достать, а иные рыли ямы у их ног, чтобы помешать им до нее дотянуться: это образ людей этого мира, у которых пища перед ними, но бог роет перед ними ямы, чтобы помешать им ее найти. Когда они предстают в Аменти, вот, случившееся с ними на земле случается с ними снова в Аменти. Ибо, получив свою душу в Аменти, они узнают — да будет тебе ведомо, отец мой Сатми, — что тому, кто делает добро на земле, делают добро в Аменти, а тому, кто делает зло, делают зло. Так установлено навеки, и то, что ты видишь в мемфисской преисподней, никогда не изменится, и

совершается оно в сорока двух номах, где пребывают боги совета Осириса». [14]

[14] Судилище преисподней, перед которым судят умерших, состояло из стольких членов, сколько было номов в Верхнем и Нижнем Египте. Каждый из них ведал особым грехом и судил умершего за этот грех.

Когда Си-Осири окончил эти речи, которые произнес перед Сатми, своим отцом, он поднялся на мемфисскую гору, обнимая отца и держа его руку в своей руке. Сатми спросил его, говоря: «Сын мой Си-Осири, место, где спускаются, иное ли, чем то, по которому мы поднялись?» Си-Осири не ответил Сатми ни единого слова на свете, и Сатми дивился речам, которые тот произнес, говоря: «Он сможет стать одним из истинных усопших и служителем бога, и я пойду в преисподнюю с ним, говоря: „Это мой сын“». [15] Сатми прочел формулу из книги, изгоняющую духов умерших, и пребывал в величайшем изумлении на свете из-за того, что видел в Аменти, но это тяжко лежало у него на сердце, ибо он не мог открыть этого ни одному человеку на свете. Когда маленькому Си-Осири исполнилось двенадцать лет, не было в Мемфисе ни писца, ни мага, который сравнялся бы с ним в чтении магических книг.

[15] Иначе говоря, Си-Осири, когда умрет, будет записан среди избранных, а отец его будет допущен в рай заслугами сына.

После того случилось однажды, что фараон Усимарес сидел во дворе для приемов дворца фараона в Мемфисе, а собрание князей, военачальников, знатнейших людей Египта, стояло перед ним, каждый по своему чину при дворе, и пришли сказать Его Величеству: «Вот речь, которую держит некий бич Эфиопии: [16] он-де принес на себе запечатанное письмо». Как только об этом сказали фараону, того человека привели во двор. Он поклонился, говоря: «Кто здесь сумеет прочесть письмо, которое я принес в

Египет фараону, не сломав печати, прочитав написанное в нем, не раскрывая его? Если случится, что нет в Египте ни доброго писца, ни ученого человека, который сумел бы прочесть его, не раскрывая, я возвещу моей стране, земле нубийцев, что Египет ниже ее». Когда фараон и его князья услышали эти слова, они уже не знали, в какой части мира находятся, и сказали: «Жизнью Птаха, великого бога, во власти ли доброго писца или мага, искусного в чтении писаний, содержание которых он видит, прочесть письмо, не раскрывая его?» Фараон сказал: «Пусть позовут Сатми-Хамуаса, моего сына». Поспешили, его привели тотчас же; он простерся до земли, поклонился фараону, потом поднялся и встал, благословляя фараона и славя его. Фараон сказал ему: «Сын мой Сатми, слышал ли ты слова, которые этот бич, эфиоп, сказал предо мною, говоря: „Есть ли в Египте добрый писец или ученый человек, который сумеет прочесть письмо, что у меня в руке, не сломав печати, и узнает, что в нем написано, не раскрывая его?“» В тот же миг, как Сатми услышал эти слова, он уже не знал, в какой части мира находится, и сказал: «Великий мой господин, кто бы сумел прочесть письмо, не раскрывая его? Но теперь пусть мне дадут десять дней отсрочки, чтобы я посмотрел, что могу сделать, дабы не возвестили в стране нубийцев, этих едоков камеди, [17] что Египет ниже их». Фараон сказал: «Они даны моему сыну Сатми». Эфиопу отвели жилище, куда он мог удалиться; ему приготовили всякую „скверну“ на эфиопский лад, [18] потом фараон поднялся во дворе, с сердцем крайне печальным, и лег, не евши и не пивши.

[16] Слово, которым автор называет эфиопов, и особенно мага Гора, сына Тнахсит, — *atu*, *iatu*, дословно *бич*, *мор*, — то же, каким папирус Салье I называет гиксосов азиатского происхождения (ср. ниже) и какое Манефон и его современники передавали по-гречески эпитетом, который мы переводим как *нечистые*.

[17] Это насмешка над эфиопами: будто бы бедность их страны заставляла их добывать пропитание, собирая камедь разных лесных деревьев. Другие примеры того же можно найти в другом сочинении той же поры, «Подвиге ради престола Амона».

[18] „Скверна“ на эфиопский лад означает здесь всего лишь пищу, приготовленную так, как ее обычно готовили эфиопы. Неприязнь, которую египтяне Нижнего Египта питали к жителям Напатского царства, распространялась не только на самих людей, но и на все, чем они пользовались, даже на их пищу.

Сатми вернулся в свои покои, все еще не зная, в какой части мира находится. Он закутался в свои одежды с головы до ног и лег, все еще не зная, в какой части мира находится. Сказали об этом Мехитуасхет, его жене; она пришла туда, где был Сатми, просунула руку под его одежды. Она сказала ему: «Брат мой Сатми, жара в теле нет, члены гибки: недуг — печаль сердца». [19] Он сказал ей: «Оставь меня, сестра моя Мехитуасхет! То, отчего смущено мое сердце, не такое дело, которое хорошо открывать женщине». Тогда вошел маленький Си-Осири, склонился над Сатми, своим отцом, и сказал ему: «Отец мой Сатми, отчего ты лежишь со смущенным сердцем? То, что у тебя на сердце, скажи мне, чтобы я прогнал это от тебя». Тот ответил: «Оставь меня, дитя мое Си-Осири! То, что у меня на сердце, — ты еще не в тех летах, чтобы этим заниматься». Си-Осири сказал: «Скажи мне это, чтобы я успокоил твое сердце». Сатми сказал ему: «Сын мой Си-Осири, это бич Эфиопии, что пришел в Египет, неся на себе запечатанное письмо, и говорит: „Есть ли здесь кто-нибудь, кто прочтет его, не раскрывая? Если случится, что нет в Египте ни доброго писца, ни мудреца, способного прочесть его, я возвещу земле нубийцев, моей стране, что Египет ниже ее“. Я и лег со смущенным из-за этого сердцем, сын мой Си-Осири». Когда Си-Осири услышал эти слова, он долго смеялся. Сатми сказал ему: «Отчего ты смеешься?» Он сказал: «Смеюсь, видя, что ты лежишь вот так, со смущенным сердцем, из-

за такого пустяка. Встань, отец мой Сатми, ибо я прочту письмо, которое принесли в Египет, не раскрывая его, и узнаю, что в нем написано, не сломав печати». Когда Сатми услышал эти слова, он вскочил и сказал: «Какое ручательство за слова, которые ты сказал, дитя мое Си-Осири?» Тот сказал ему: «Отец мой Сатми, пойди в покои нижнего этажа твоего жилища, и всякую книгу, какую ты вынешь из ее сосуда, [20] я скажу тебе, что это за книга, я прочту ее, не видя, стоя перед тобой в покоях нижнего этажа». Сатми встал, выпрямился, и все, что сказал Си-Осири, Си-Осири исполнил сполна; Си-Осири прочел все книги, которые Сатми, его отец, брал перед ним, не раскрывая их. Сатми поднялся из покоев нижнего этажа радостнее всех на свете; он не замедлил пойти туда, где был фараон, и пересказал перед ним все, что сказало ему дитя Си-Осири, от слова до слова, и сердце фараона чрезвычайно этому возрадовалось. Фараон поднялся, чтобы праздновать в свое время с Сатми, и велел привести Си-Осири на пир пред свое лицо; они пили, они провели счастливый день. Когда наступило следующее утро, фараон вышел во двор для приемов посреди своих вельмож; фараон послал за бичом Эфиопии, и его привели во двор с запечатанным письмом на себе; он встал посреди двора. Дитя Си-Осири тоже вышло на середину; оно встало рядом с бичом, эфиопом, и заговорило против него, говоря: «Проклятие тебе, эфиоп, враг, на которого гневается Амон, твой бог! Это ты поднялся в Египет, прекрасный плодовый сад Осириса, престол Ра-Хармахиса, прекрасный небосклон Агатодемона, [21] говоря: „Я возвещу земле нубийцев, что Египет ниже ее“; вражда Амона, твоего бога, да падет на тебя! Слова, которые я проведу перед тобой и которые написаны в этом письме, — не скажи о них ничего ложного пред фараоном, твоим государем!» Как только бич Эфиопии увидел маленького Си-Осири, стоящего во дворе, он

коснулся земли головой и заговорил, говоря: «Обо всех словах, которые ты скажешь, я не скажу ничего ложного».

[19] Жена Сатми, испытав и осмотрев его по обычаю врачей, подводит итог своим наблюдениям в форме краткого диагноза, также списанного с врачебных диагнозов. Больно не тело его, а дух; печаль — вот недуг, от которого он страдает.

[20] Книги хранили в глиняных или каменных сосудах; упоминание свитков, укрытых таким образом, есть в одном перечне судебных бумаг (Brugsch, *Hieratischer Papyrus zu Wien*, в *Zeitschrift*, 1876, с. 2, 3).

[21] Автор повести не ошибается, считая Амона богом-покровителем бича Эфиопии. Царство Напаты, которому наследовало царство Мероэ, — то, что здесь названо страной нубийцев, — основал член рода верховного жреца фиванского Амона, и главным его богом был Амон. По-видимому, жители Дельты и Среднего Египта не простили эфиопам раздела древней Фиванской державы на два независимых государства. То немногое, что известно из их сочинений, обнаруживает настоящую неприязнь к эфиопам и к их богу Амону.

Начало рассказов, поведанных Си-Осири, которые он говорил посреди двора перед фараоном и перед его вельможами, а народ Египта слушал его голос, пока он читал написанное в письме бича Эфиопии, стоявшего посреди двора, а именно:

«Случилось однажды во времена фараона Менхеперра Сиамуна, [22] — он был благодетельным царем Всей Земли, Египет изобиловал всяким добром в его время, и дары его и труды его были многочисленны в великих храмах Египта, — случилось однажды, что царь земли нубийцев, отдыхая в полдень в беседке Амона, услышал голос трех бичей Эфиопии, которые разговаривали в доме позади него. Один из них сказал громко, говоря среди прочего: „Если бы угодно было Амону охранить меня от беды, чтобы царь Египта не мог мне повредить, я навел бы свои чары на Египет так, что заставил бы народ Египта провести три дня и три ночи, не видя света после тьмы“. Второй сказал среди прочего: „Если бы угодно было Амону охранить меня от беды,

чтобы царь Египта не мог мне повредить, я навел бы свои чары на Египет так, что перенес бы фараона Египта в землю нубийцев, потом задал бы ему порку курбачом, пятьсот ударов, всенародно перед царем, и, наконец, вернул бы его в Египет за шесть часов времени, не больше“. Третий сказал среди прочего: [23] „Если бы угодно было Амону охранить меня от беды, чтобы царь Египта не мог мне повредить, я навел бы свои чары на Египет так, что помешал бы полям родить три года“. Когда царь Эфиопии услышал слова и голос трех бичей Эфиопии, он велел привести их к себе и сказал им: „Кто из вас сказал: «Я наведу свои чары на Египет и не дам египтянам видеть свет три дня и три ночи»?“ Они сказали: „Это Гор, сын Тририт“. [24] Он сказал: „Кто из вас сказал: «Я наведу свои чары на Египет, я перенесу фараона в землю нубийцев и велю задать ему порку курбачом, пятьсот ударов, всенародно перед царем, потом велю отнести его обратно в Египет за шесть часов времени, не больше»?“ Они сказали: „Это Гор, сын Тнахсит“. [25] Он сказал: „Кто из вас сказал: «Я наведу свои чары на Египет и помешаю полям родить три года»?“ Они сказали: „Это Гор, сын Трифит“. [26] Царь сказал Гору, сыну Тнахсит: „Соверши свое магическое дело по своей книге магии, и, как жив Амон, бык Мероэ, мой бог, если рука твоя исполнит угодное, я сделаю тебе добро в изобилии“.

[22] Об этом фараоне, тронное имя которого напоминает имя Тутмоса III и почти тождественно имени вымышленных Тутмоса и Псамметиха, памятник которых найден в Карнаке и Асфуне в 1905 году, см. Maspero, *Ruines et Paysages d'Égypte*, с. 225–233. Ср. Введение.

[23] Речь третьего колдуна писец пропустил, но она встречается ниже, и по тому месту мне удалось ее восстановить.

[24] *Тририт*, *Тререт* означает *свинья* или *самка гиппопотама*.

[25] *Тнахсит*, *Тнехсет* означает *нубийка*.

[26] *Трифит* означает *девушка*, *молодая женщина*; это одно из прозваний Исиды, по-гречески передаваемое как *Трифис*.

Гор, сын Тнахсит, сделал из воска носилки с четырьмя носильщиками, прочел над ними магическое писание, сильно дунул на них, дал им жизнь, приказал им, говоря: „Вы подниметесь в Египет, вы принесете фараона Египта туда, где царь; ему зададут порку курбачом, пятьсот ударов, всенародно перед царем, потом вы отнесете его обратно в Египет, все за шесть часов времени, не больше“. Они сказали: „Истинно, мы ничего не упустим“. И вот чары эфиопа отправились в Египет, они овладели ночью, [27] они овладели фараоном Менхеперра Сиамуном, они унесли его в землю нубийцев, туда, где был царь, задали ему порку курбачом, пятьсот ударов, всенародно перед царем, потом отнесли его обратно в Египет, все за шесть часов времени, не больше».

[27] Ночь населена существами, одни из них злые, другие добрые, и эти последние охраняют спящих мужчин и женщин. Волшебные существа, посланные Гором-эфиопом, *овладевая ночью*, не дают добрым духам помешать исполнению их злых замыслов.

Так Си-Осири рассказывал эти рассказы, повествуя их посреди двора перед фараоном и перед его вельможами, и народ Египта слушал его голос, пока он говорил: «Вражда Амона, твоего бога, да падет на тебя! Слова, которые я провел перед тобой, те ли это, что написаны в письме, которое у тебя в руке?» Бич эфиопов сказал: «Продолжай читать, ибо все слова — истинные слова, сколько их ни есть».

Си-Осири сказал перед фараоном: «И вот, после того как это случилось, фараона Сиамуна вернули в Египет, с поясницей, сильно избитой ударами, и он лег в часовне Города Гора, [28] с поясницей, сильно избитой ударами. Когда наступило следующее утро, фараон сказал своим придворным: „Что случилось в Египте,

что меня заставили его покинуть?“ Стыдясь своих мыслей, придворные сказали себе: „Быть может, разум фараона помрачился“. [29] Потом они сказали: „Ты невредим, ты невредим, фараон, великий наш господин, и Исида, великая богиня, утишит твои скорби; но что значат слова, которые ты сказал нам, фараон, великий наш господин? Ведь ты спишь в часовне Города Гора, и боги охраняют тебя“. Фараон поднялся, он показал придворным свою спину, сильно избитую ударами, говоря: „Жизнью Птаха, великого бога, меня унесли ночью в страну нубийцев; мне задали порку курбачом, пятьсот ударов, всенародно перед царем, потом меня вернули в Египет, все за шесть часов времени, не больше“. Когда они увидели поясницу фараона, сильно избитую ударами, они открыли рты для громких криков. Был же у Менхеперра Сиамуна хранитель тайны книг, по имени Гор, сын Панеши, весьма ученый. Когда он пришел туда, где был царь, он громко вскрикнул, говоря: „Господин мой, это чары эфиопов. Жизнью твоего дома, я заставлю их прийти в твой дом пыток и казни“. Фараон сказал ему: „Сделай это поскорее, чтобы меня не унесли в страну нубийцев еще одну ночь“.

[28] Город, или замок, Гора — на официальном языке Египта царский дворец, а часовня этого города — опочивальня Гора, то есть фараона.

[29] Придворные, еще ничего не знающие о событиях ночи, смущены вопросом царя и воображают, что он пьян до потери рассудка или что его поразило внезапное безумие. Во всяком случае им стыдно своей мысли, и, прежде чем высказать ее вслух, они просят государя объяснить слова, которые он только что произнес.

Хранитель тайны Гор, сын Панеши, тотчас пошел; он взял свои книги и свои амулеты туда, где был фараон, прочел над ним формулу, повязал на него амулет, чтобы помешать чарам эфиопов им овладеть; потом он вышел от фараона, взял свои курильницы

и сосуды для возлияний, сел в лодку и без промедления отправился в Хмуну. [30] Он вошел в храм Хмуну, воскурил ладан и совершил возлияние воды перед Тотом, девять раз великим, [31] владыкой Гермополя, великим богом, и молился перед ним, говоря: „Обрати ко мне лицо твое, господин мой Тот, чтобы эфиопы не возвестили земле нубийцев, что Египет ниже ее. Это ты создал магию заклинаниями, ты подвесил небеса, утвердил землю и преисподнюю и поместил богов среди звезд; дай мне узнать путь, как спасти фараона от чар эфиопов“. Гор, сын Панеши, уснул в храме, и в ту же ночь ему приснился сон. Образ великого бога Тота заговорил с ним, говоря: „Не ты ли Гор, сын Панеши, хранитель тайны фараона Менхеперра Сиамуна? Так вот, завтра утром пойди в книжный зал храма Хмуну; ты найдешь там наос, закрытый и запечатанный, открой его и найдешь там ларец, а в нем книгу, которую я написал собственной рукой. Вынь ее, сними с нее список, потом положи ее обратно на место, ибо это та самая магическая книга, что охраняет меня от злых, и она-то охранит фараона, она-то спасет его от чар эфиопов“.

[30] Хмуну — это Ашмунейн арабов, Гермополь греков, город Тота, Гермеса Трисмегиста, бога, который владычествует над магией и заклинаниями. Естественно, что маг Гор отправляется туда посоветоваться со своим богом-покровителем.

[31] Тота называют *дважды великим*, что подобно сравнительной степени, и *трижды великим*, что есть превосходная степень, *megistos*; поэтому эпитет Трисмегист, который ему дают особенно в греко-римскую эпоху, — это превосходная степень от превосходной и, собственно говоря, означает *трижды трижды величайший*, что равнозначно *девять раз великому* нашего текста.

И вот, когда Гор, сын Панеши, пробудился от сна, увидев все это, он понял, что случившееся с ним случилось по воле бога, и во всем поступил так, как было сказано ему во сне. [32] Он не замедлил пойти туда, где был фараон, и сделал ему письменный оберег

против чар. Когда настал второй день, чары Гора, сына Тнахсит, вернулись ночью в Египет, туда, где был фараон, потом в тот же час вернулись туда, где был царь, ибо не смогли одолеть фараона из-за оберегов и чар, которые повязал на него хранитель тайны Гор, сын Панеши. На следующее утро фараон рассказал хранителю тайны Гору, сыну Панеши, все, что видел ночью, и как чары эфиопов ушли, не сумев им овладеть. Гор, сын Панеши, велел принести много чистого воска, сделал из него носилки с четырьмя носильщиками, прочел над ними письменную формулу, сильно дунул на них, оживил их, приказал им, говоря: „Вы пойдете этой ночью в страну нубийцев, вы принесете царя в Египет, туда, где фараон: ему зададут порку курбачом, пятьсот ударов, всенародно перед фараоном, потом вы отнесете его обратно в землю нубийцев, все за шесть часов времени, не больше“. Они сказали: „Истинно, мы ничего не упустим“. Чары Гора, сына Панеши, умчались на облаках небесных, они не замедлили ночью явиться в землю нубийцев. Они схватили царя, принесли его в Египет; ему задали порку курбачом, пятьсот ударов, всенародно перед царем, потом отнесли его обратно в землю нубийцев, все за шесть часов времени, не больше».

[32] Другой пример храмового сна и вещего сновидения см. в начале этой сказки.

Так рассказывал эти рассказы Си-Осири, повествуя их посреди двора перед фараоном и перед его вельможами, а народ Египта слушал его голос, пока он говорил: «Вражда Амона, твоего бога, да падет на тебя, злой эфиоп! Слова, что я говорю, те ли это, что написаны в твоем письме?» Эфиоп сказал, склонив голову к земле: «Продолжай читать, ибо все слова, что ты говоришь, — те, что написаны в этом письме».

Си-Осири сказал: «И вот, после того как это случилось, после того как царя земли нубийцев отнесли обратно за шесть часов, не больше, и положили на его место, он лег, а на следующее утро встал, сильно избитый ударами, которые нанесли ему в Египте. Он сказал своим придворным: „То, что мои чары сделали фараону, чары фараона сделали в свой черед мне. Они унесли меня ночью в Египет: [33] мне задали порку курбачом, пятьсот ударов, перед фараоном Египта, а потом принесли меня обратно в страну нубийцев“. Он повернулся спиной к придворным, и они открыли рты для громких криков. Царь велел привести Гора, сына Тнахсит, и сказал: „Берегись Амона, быка Мероэ, моего бога! Раз это ты ходил к народу Египта, посмотрим, как ты сумеешь спасти меня от чар Гора, сына Панеши“. Тот сотворил некие чары, повязал их на царя, чтобы спасти его от чар Гора, сына Панеши. Когда настала ночь второго дня, чары Гора, сына Панеши, перенеслись в страну нубийцев и унесли царя в Египет. Ему задали порку курбачом, пятьсот ударов, всенародно перед фараоном, потом отнесли его обратно в страну нубийцев, все за шесть часов времени, не больше. Так обходились с царем три дня, и чары эфиопов не могли спасти царя от руки Гора, сына Панеши, и царь был крайне огорчен, и он велел привести Гора, сына Тнахсит, и сказал ему: „Горе тебе, враг Эфиопии: унизив меня рукой египтян, ты не сумел спасти меня от их рук! Жизнью Амона, быка Мероэ, моего бога, если случится, что ты не сумеешь спасти меня от волшебных ладей египтян, я предам тебя злой смерти, и будет она для тебя медленной“. Тот сказал: „Господин мой царь, пусть меня пошлют в Египет, чтобы я увидел того из египтян, кто творит чары, чтобы я сотворил магию против него и навел на его руки кару, что я замышляю“. И вот Гора, сына Тнахсит, послали от имени царя, и он пошел сперва туда, где была мать его Тнахсит. Она сказала ему:

„Что ты задумал, сын мой Гор?“ Он сказал ей: „Чары Гора, сына Панеши, одолели мои чары. Трижды они переносили царя в Египет, туда, где фараон, ему задавали порку курбачом, пятьсот ударов, всенародно перед фараоном, потом приносили его обратно в страну нубийцев, все за шесть часов времени, не больше, и мои чары не сумели спасти его от их рук. И теперь царь чрезвычайно гневается на меня, и, чтобы он не предал меня медленной и злой смерти, я хочу пойти в Египет, увидеть того, кто творит эти чары, и навести на его руки кару, что я замышляю“. Она сказала: „Будь благоразумен, о сын мой Гор, и не ходи туда, где Гор, сын Панеши. [34] Если пойдешь в Египет колдовать там, берегись людей Египта, ибо ты не можешь ни тягаться с ними, ни одолеть их, так что не вернешься ты в страну нубийцев никогда“. Он сказал ей: „Ничего не значит для меня то, что ты говоришь; я не могу не пойти в Египет, чтобы навести там свои чары“. Тнахсит, мать его, сказала ему: „Если уж тебе непременно идти в Египет, условься со мной о знаках; если случится, что ты будешь побежден, я приду к тебе посмотреть, не смогу ли тебя спасти“. Он сказал ей: „Если я буду побежден, когда ты станешь пить или есть, вода сделается перед тобой цвета крови, пища сделается перед тобой цвета крови, небо сделается перед тобой цвета крови“. [35]

[33] Все это место почти совершенно разрушено. Я восстановил его по сходному изложению, которое встречается выше.

[34] Писец пропустил речь колдуна и начало ответа матери из-за диттографии, как заметил Гриффит (*Stories of the High Priests of Memphis*, с. 193, прим.). Я восполнил этот пробел фразами, заимствованными из предыдущих мест.

[35] Ср. выше знаки, о которых условились Анупу и Бата.

Когда Гор, сын Тнахсит, условился об этих знаках со своей матерью, он направился в Египет; съев свои чары, [36] он прошел от

того, что сотворил Амон, [37] до Мемфиса и до того места, где был фараон, выслеживая, [38] кто творит в Египте магию письменных заклинаний. Когда он пришел во двор для приемов пред лицо фараона, он заговорил громким голосом, говоря: „Эй! кто тот, кто станет творить против меня чары во дворе для приемов, в месте, где пребывает фараон, на глазах у народа Египта? Два ли писца Дома Жизни или только писец Дома Жизни, который околдовал царя, принеся его в Египет наперекор мне?“ После того как он сказал так, Гор, сын Панеши, который стоял во дворе для приемов перед фараоном, сказал: „Эй! враг-эфиоп, не ты ли Гор, сын Тнахсит? Не ты ли тот, кто, чтобы околдовать меня в садах Ра, взяв с собой своего товарища-эфиопа, погрузился с ним в воду и дал себе плыть вместе с ним под горой, к востоку от Гелиополя? [39] Не ты ли тот, кому угодно было заставить фараона, твоего господина, путешествовать и кто избил его ударами там, где был царь Эфиопии, и кто ныне приходит в Египет, говоря: «Нет ли здесь кого-нибудь, кто сотворит чары против меня?» Жизнью Атума, владыки Гелиополя, боги Египта привели тебя сюда, чтобы воздать тебе в своей стране. Мужайся, ибо я иду на тебя!“ Когда Гор, сын Панеши, сказал эти слова, Гор, сын Тнахсит, ответил ему, говоря: „Не тот ли ты, кого я научил речению шакала, [40] тот, кто творит чары против меня?“ Бич-эфиоп совершил магическое дело по своей книге магии: он заставил пламя вырваться во дворе для приемов, и фараон, а с ним и великие Египта, громко вскричали, говоря: „Поспеши к нам, начальник писаний, Гор, сын Панеши!“ Гор, сын Панеши, сотворил магическую формулу: он низвел с неба южный дождь [41] на пламя, и оно угасло в один миг. Эфиоп совершил другое магическое дело по своей книге магии: он заставил появиться над двором для приемов огромное облако, так что никто уже не видел ни брата своего, ни товарища. Гор, сын

Панеши, прочел к небу писание, которое рассеяло облако, так что утих злой ветер, что дул в нем. Гор, сын Тнахсит, совершил другое магическое дело по своей книге магии: он заставил появиться над фараоном и его князьями огромный каменный свод длиной в двести локтей и шириной в пятьдесят, и это затем, чтобы отделить Египет от его царя, землю от ее государя. Фараон поднял глаза, увидел над собой каменный свод, открыл рот для громкого крика, он и люди, бывшие во дворе для приемов. Гор, сын Панеши, прочел письменную формулу, он заставил появиться ладью из папируса, велел поставить на нее каменный свод, и ладья ушла с ним к Необъятной Гавани, [42] великому озеру Египта.

---

[36] Гор, сын Тнахсит, съедает свою магию, подобно тому как в первой повести о Сатни-Хамуасе Сатни выпил книгу Тота (см. выше). Здесь это делается не затем, чтобы ее усвоить, а затем, чтобы скрыть ее от всех глаз и не дать украсть ее у себя в пути.

---

[37] Эфиопия, которая, как мы видели (см. выше), считается в повести творением и владением Амона в противоположность Мемфису и Северному Египту, принадлежащим Птаху.

---

[38] Дословно — *вынюхивая*. По запаху, по особому запаху, присущему колдунам, он распознавал всех таких среди встречных, кто мог бы либо задержать его, либо раньше времени известить о его появлении.

---

[39] Здесь намек на другую повесть, героями которой были оба Гора и которая в то время, видимо, была достаточно известна, чтобы читатели этой повести знали, о чем идет речь. Вода — это, очевидно, *Северный Нил*, поток, который берет начало близ Гебель-Ахмара, у Айн-Мусы, и который считали истоком тех рукавов Нила, что орошают области к востоку от Дельты.

---

[40] Не намек ли это на речения шакала, упомянутые в одном из лейденских демотических папирусов?

---

[41] Именно с юга, точнее с юго-запада, приходят обычно ливни, которые порой заливают Каир; выражение *южный дождь* здесь, таким образом, равнозначно буре или смерчу. С другой стороны, слово *южный* часто употребляется с

усиливающим оттенком, как в выражении *южный гепард*, которое мы уже встречали несколько раз (см. выше).

[42] Необъятная Гавань, *Sh-oeri*, — одно из имен Меридова озера; ладья, увозящая каменный свод, — вероятно, та же, которую мы видим на Файюмском папирусе несущей солнечного бога по водам Меридова озера.

Бич-эфиоп понял, что не в силах бороться с египетским магом; он совершил магическое дело письменными заклинаниями, чтобы никто больше не видел его во дворе для приемов, и это с намерением уйти в землю нубийцев, свою страну. Но Гор, сын Панеши, прочел над ним писание, раскрыл чары эфиопа, сделал его видимым фараону и народу Египта, бывшему во дворе для приемов, так что он предстал жалким гусенком, готовым взлететь. Гор, сын Панеши, прочел над ним писание, опрокинул его на спину, и над ним встал птицелов с острым ножом в руке, готовый сделать ему худое. Пока все это совершалось, знаки, о которых Гор, сын Тнахсит, условился со своей матерью, [43] явились перед ней все до одного; она не замедлила подняться в Египет в образе гусыни и остановилась над дворцом фараона; она звала во весь голос своего сына, который был в образе жалкой птицы, которой грозил птицелов. Гор, сын Панеши, взглянул на небо; он увидел Тнахсит в том образе, в каком она была, и узнал, что это Тнахсит, эфиопка; он прочел против нее писание, опрокинул ее на спину, и над ней встал птицелов с ножом, готовым нанести смерть. Она сбросила тот образ, в каком была, приняла образ эфиопки и взмолилась к нему, говоря: „Не иди на нас, Гор, сын Панеши, но прости нам это преступное дело! Если только ты дашь нам лодку, мы никогда больше не вернемся в Египет“. Гор, сын Панеши, поклялся фараоном, а также богами Египта, а именно: „Я не остановлю своего магического дела письменными заклинаниями, если вы не поклянетесь мне никогда не возвращаться в Египет ни под каким

предлогом“. Тнахсит подняла руку в свидетельство, что не придет в Египет во веки веков. Гор, сын Тнахсит, поклялся, говоря: „Я не вернусь в Египет полторы тысячи лет“. Гор, сын Панеши, обратил вспять свое магическое дело, он дал лодку Гору, сыну Тнахсит, и Тнахсит, его матери, и они ушли в землю нубийцев, свою страну».

[43] Перечень этих знаков см. выше.

Эту речь Си-Осири произнес перед фараоном, а народ слушал его голос, и Сатми, его отец, видел все, а бич-эфиоп был простерт, касаясь лбом земли; потом он сказал: «Жизнью лица твоего, великий мой господин, человек, что здесь перед тобой, — это Гор, сын Тнахсит, тот самый, чьи дела я рассказываю, который не раскаялся в том, что сделал прежде, но вернулся в Египет через полторы тысячи лет, чтобы навести на него свои чары. Жизнью Осириса, великого бога, владыки Аменти, у которого я иду упокоиться, я — Гор, сын Панеши, я, что стою здесь перед фараоном. Когда я узнал в Аменти, что этот враг-эфиоп собирается метнуть святотатство против Египта, а в Египте не осталось больше ни доброго писца, ни мудреца, который мог бы с ним тягаться, я умолил Осириса в Аменти позволить мне снова явиться на земле, чтобы помешать ему возвестить земле нубийцев, что Египет ниже ее. От Осириса вышел приказ вернуть меня на землю, и я вернулся семенем, пока не встретил Сатми, сына фараона, на горе Гелиополя или Мемфиса. Я вырос в том растении колоказии, чтобы войти в тело и снова родиться на земле и творить чары против этого врага-эфиопа, что стоит там во дворе для приемов». Гор, сын Панеши, в образе Си-Осири совершил магическое дело письменными заклинаниями против бича Эфиопии: он окружил его огнем, который поглотил его посреди двора на глазах у фараона, а также его вельмож и народа

Египта, потом Си-Осири исчез, как тень, от лица фараона и отца своего Сатми, так что они больше его не видели.

Фараон и его вельможи дивились больше всего на свете тому, что видели во дворе для приемов, говоря: «Никогда не было доброго писца или мудреца, равного Гору, сыну Панеши, и никогда больше не будет после него другого, подобного ему». Сатми открыл рот для громкого крика, оттого что Си-Осири исчез, как тень, и он больше его не видел. Фараон поднялся со двора для приемов, с сердцем, весьма опечаленным тем, что он видел; фараон велел устроить приготовления в присутствии Сатми, чтобы хорошо принять его ради его сына Си-Осири и утешить его сердце. Когда настал вечер, Сатми пошел в свое жилище, с сердцем, весьма смущенным, и жена его Мехитуасхет легла рядом с ним; в ту же ночь она зачала от него и не замедлила произвести на свет младенца мужского пола, которого назвали Усимантхор. Однако случилось так, что Сатми никогда не забывал совершать приношения и возлияния пред духом Гора, сына Панеши, во все времена. Здесь конец этой книги, написанной…

ЦИКЛ РАМСЕСА II

✦

Царевна и дух, вселившийся в нее

Памятник, на котором сохранилось это необычное повествование, — стела, найденная Шампольоном в храме Хонсу в Фивах, вывезенная в 1846 году Присс д'Авенном и подаренная им Национальной библиотеке в Париже. Ее издали:

Присс д'Авенн, *Choix de monuments égyptiens*, in-folio, Париж, 1847, табл. XXIV и с. 5.

Шампольон, *Monuments de l'Égypte et de la Nubie*, in-4°, Париж, 1846–1874. Текст, т. II, с. 280–290.

Шампольон изучал эту надпись, и несколько фраз из нее приводятся в его трудах. Ее перевели и тщательно воспроизвели на особом листе, набранном в Императорской типографии для Всемирной выставки 1855 года под наблюдением Эмманюэля де Руже. Почти одновременно вышли два перевода:

Бирч, *Notes upon an Egyptian Inscription in the Bibliothèque Impériale of Paris* (из *The Transactions of the Royal Society of Literature*, новая серия, т. IV), Лондон, in-8°, 46 с.

Э. де Руже, *Étude sur une stèle égyptienne appartenant à la Bibliothèque Impériale* (оттиск из *Journal Asiatique*, тетради за август 1856, август 1857, июнь и август — сентябрь 1858), Париж, in-8°, 222 с., и таблица, набранная для выставки 1855 года.

Позднейшие работы поначалу мало что прибавили к выводам Э. де Руже. Их целиком приняли:

Г. Бругш, *Histoire d'Égypte*, in-4°, Лейпциг, 1859, с. 206–210.

Г. Бругш, *Geschichte Aegyptens*, in-8°, Лейпциг, Хинрихс, 1877, с. 627–641.

Повествование от начала до конца имеет вид официального документа. Оно открывается царским протоколом государя, который носит то же имя и то же тронное имя, что и Рамсес II — Сесострис. Затем по всему тексту через промежутки расставлены даты; подробности фараоновского культа и церемониала изложены с величайшей тщательностью, и все вместе так похоже на действительность, что долгое время надпись считали историческим документом. Названного в ней Рамсеса помещали в XX династию, двенадцатым по счету, и прилежно искали на карте страну Бахтан, давшую Египту царицу. Эрман весьма проницательно распознал, что перед нами настоящая подделка, составленная жрецами Хонсу, чтобы умножить славу бога и обеспечить храму некоторые материальные выгоды (A. Erman, *Die Bentreschstele*, в *Zeitschrift für Ägyptische Sprache*, 1883, с. 54–60).

Он показал, что составители хотели связать эту историю об одержимости духом с Рамсесом II, и оказал нам услугу, избавив нас от вымышленного фараона. Время составления он отнес примерно к птолемеевской поре; я думаю, ее можно отнести к середине эпохи эфиопских нашествий. Она была сочинена тогда, когда должность верховного жреца Амона только что пресеклась и когда уцелевшие жреческие сословия, должно быть, всеми доступными средствами старались прибрать к рукам то огромное влияние, каким пользовалась исчезнувшая жреческая власть.

С тех пор текст перевели на английский — Брестед, *Ancient Records of Egypt*, т. III, с. 429–447, и на немецкий — А. Видеман, *Altägyptische Sagen und Märchen*, in-8°, Лейпциг, 1906, с. 86–93.

В повествовании есть тема, часто встречающаяся в народной словесности: дух, поселившийся в теле царевны, успешно

противится заклинателям, которым поручено его изгнать, и соглашается уйти лишь на известных условиях. Египетская редакция дает нам самую простую и самую древнюю форму этой истории. На другую редакцию, приспособленную к христианским верованиям, указал О. де Лемм: *Die Geschichte von der Prinzessin Bentresch und die Geschichte von Kaiser Zeno und seinen zwei Töchtern*, в *Mélanges Asiatiques tirés du Bulletin de l'Académie des Sciences de Saint-Pétersbourg*, т. II, с. 599–603, и в *Bulletin*, т. XXXII, с. 473–476.

Один современный египтолог заимствовал замысел нашего текста и сделал его предметом повести: H. Brugsch-Bey, *Des Priesters Rache, eine historisch beglaubigte Erzählung aus der ägyptischen Geschichte des zwölften Jahrhunderts vor Chr.*, в *Deutsche Revue*, т. V, с. 15–41.

Эрман отметил в этом документе попытку подражать старине и довольно серьезные грамматические ошибки. Понятно, что жрецы Хонсу старались подражать языку той эпохи, к которой относили стелу, и понятно также, что им не удавалось везде одинаково выдержать древний слог и что порой они принимали неправильное за старинное. Предложения у них построены неловко, мысль выражена с запинкой, обороты кратки и однообразны. Кроме того, они приписали царю XIX династии приемы правления, свойственные главным образом государям XX. Рамсес II, при всем своем благочестии, не считал себя обязанным отдавать все государственные дела на одобрение богов. Обычай вопрошать статую Амона по всякому поводу ввели последние преемники Рамсеса III. За этими исключениями можно сказать, что толкование этого текста не представляет других трудностей и что при небольшом старании его можно перевести довольно легко; как и «Историю двух братьев», его с пользой можно дать в руки начинающим египтологам.

Стелу венчает изображение, которое ставит перед нашими глазами одну из сцен повествования. Слева прибывает ладья Хонсу, доброго советника, несомая на плечах восемью людьми, а за ней идут два жреца, читающие молитвы; царь, стоящий перед ней, воскуряет фимиам. Справа изображена ладья Хонсу, вершащего судьбы в Фивах; ее держат лишь четверо, потому что она меньше первой; жрец, воскуряющий ей фимиам, — Хонсуханутирнабит, пророк Хонсу, вершащего судьбы в Фивах. Так изображено, вероятно, возвращение второго бога в Фивы: Хонсу первый выходит встретить Хонсу второго, и жрец и царь воздают одинаковые почести каждый своему божеству.

Гор, могучий бык, увенчанный диадемами, утвердившийся в своих царствах так же прочно, как бог Атум; Гор, торжествующий над Нубти, могучий мечом, губитель варваров, царь обоих Египтов Усермаатра-Сетепенра, сын Солнца Рамсес Мериамон, возлюбленный Амоном-Ра, владыкой Карнака, и кругом богов, владык Фив; благой бог, сын Амона, рожденный Мут, зачатый Хармахисом, славное дитя Владыки Вселенной, зачатый богом — супругом собственной матери, царь Египта, князь пустынных племен, государь, правящий варварами; едва выйдя из чрева матери, он направлял войны, и он повелевал доблестью, еще будучи в яйце, как бык, что бодает вперед, — ибо этот царь бык, бог, что выходит в день битвы, подобно Монту, и весьма доблестен, как сын Нут. [1]

[1] Сын Нут — бог Сет-Тифон.

И вот, когда Его Величество был в Нахараине, [2] по своему ежегодному обычаю, пришли князья всех стран, сгибаясь под тяжестью приношений, которые они несли душам Его Величества, [3] и крепости доставили свою дань — золото, серебро, лазурит,

малахит [4] и всякие благовонные деревья Аравии — на своих спинах, идя гуськом один за другим. И вот князь Бахтана велел принести свою дань и поставил свою старшую дочь во главе шествия, чтобы приветствовать Его Величество и просить у него жизни. Так как она была женщиной очень красивой и понравилась Его Величеству больше всего на свете, он дал ей титул Великой Царской Супруги, Нефрура, и, когда он вернулся в Египет, она исполнила все обряды царской супруги. [5]

[2] Это другое написание имени, которое в сказке «Обреченный царевич» пишется Нахарина (см. ниже). Нахарина — страна, раскинувшаяся по обе стороны Евфрата, между Оронтом и Балихом.

[3] Как уже было замечено выше, фараон, сын Солнца, и само Солнце имели по нескольку душ, *бау*. Покоренные народы надеялись снискать их благосклонность своими дарами.

[4] О камне, который египтяне называли *мафкаит*, см. выше.

[5] Дочь Хаттусили II, князя Хати, по прибытии в Египет тоже получила титул *Великой Царской Супруги* и египетское имя Маатхорнефрура, а имя нашей царевны — вероятно, лишь его домашнее сокращение.

И случилось в год XV, в 22-й день месяца пайни, что Его Величество был в Фивах могучих, царице городов, и был занят тем, чем он воздавал хвалу отцу своему Амону-Ра, владыке Карнака, на прекрасном его празднестве Южных Фив, [6] любимого его жилища, где бог пребывает от сотворения мира; и вот пришли сказать Его Величеству: «Тут гонец от князя Бахтана, он пришел со многими дарами для Царской Супруги». Приведенный пред Его Величество со своими дарами, он сказал, приветствуя Его Величество: «Слава тебе, Солнце чужих народов, ты, которым мы живем», — и, вознеся свое поклонение пред Его Величеством, он снова заговорил с Его Величеством: «Я пришел к тебе, государь мой владыка, ради Бентреш, [7] младшей сестры царской супруги

Нефрура, ибо недуг проник в ее члены. Пусть Твое Величество пошлет мудреца посмотреть ее». Тогда царь сказал: «Приведите ко мне писцов Двойного Дома Жизни, что состоят при дворце». [8] Как только они пришли, Его Величество сказал: «Вот, я призвал вас, чтобы вы услышали такое слово: пошлите мне одного из вас, искусного сердцем, писца, ученого перстами своими». Когда царский писец Джехутиемхеб предстал пред Его Величеством, Его Величество повелел ему отправиться в Бахтан вместе с гонцом. Как только мудрец прибыл в Бахтан, он нашел Бентреш в состоянии одержимой и нашел, что призрак, владевший ею, — враг, с которым трудно бороться. [9] Тогда князь Бахтана снова послал к Его Величеству, говоря: «Государь мой владыка, пусть Твое Величество повелит послать бога, чтобы сразиться с духом».

---

[6] Южные Фивы — нынешний Луксор; значит, царь справлял престольный праздник Луксорского храма, когда ему возвестили о прибытии сирийского гонца, — праздник, во время которого статую Амона и его ладью переносили из Луксора в Карнак, а через три недели — обратно в Луксор.

---

[7] Имя этой царевны, по-видимому, сложено из семитского слова *бинт* — девушка, дочь — и египетского слова *рашит* — радость. Оно означает *дочь радости*.

---

[8] О *Писцах Двойного Дома Жизни* см. сказанное выше.

---

[9] Э. де Руже и большинство ученых, изучавших эту стелу, полагали, что речь идет о демоне. Кралль показал, что вселившийся дух был призраком умершего (*Tacitus und der Orient*, т. I, с. 41–42).

Когда гонец предстал пред Его Величеством, в год XXIII, в 1-й день пахонса, в день праздника Амона, когда Его Величество был в Фивах, вот Его Величество снова заговорил пред лицом Хонсу в Фивах, бога доброго совета, [10] и сказал: «Превосходный владыка, я снова пред тобою ради дочери князя Бахтана». Тогда Хонсу в Фивах, бога доброго совета, перенесли к Хонсу, вершащему судьбы, великому богу, что прогоняет чужеземцев, и Его

Величество сказал, обратившись к Хонсу в Фивах, богу доброго совета: «Превосходный владыка, благоволи обратить лицо твое к Хонсу, вершащему судьбы, великому богу, что прогоняет чужеземцев; его отвезут в Бахтан». И бог сильно кивнул головой два раза. [11] Тогда Его Величество сказал: «Дай ему свою силу, чтобы я мог отправить величество этого бога в Бахтан избавить дочь князя Бахтана». И Хонсу в Фивах, бог доброго совета, сильно кивнул головой два раза, и он передал магическую силу Хонсу, вершащему судьбы в Фивах, четыре раза. [12] Его Величество повелел, чтобы Хонсу, вершащего судьбы в Фивах, отправили на большой ладье в сопровождении пяти малых судов, колесниц и множества коней, шедших справа и слева. Когда этот бог прибыл в Бахтан, по прошествии года и пяти месяцев, вот князь Бахтана вышел со своими воинами и военачальниками навстречу Хонсу, вершащему судьбы, и простерся на животе своем, говоря: «Ты приходишь к нам, ты соединяешься с нами по повелению царя обоих Египтов Усермаатра-Сетепенра». И вот, как только бог прошел туда, где была Бентреш, и совершил магические пассы над дочерью князя Бахтана, она тотчас стала здорова, и дух, что был с нею, сказал пред лицом Хонсу, вершащего судьбы в Фивах: «Приди с миром, великий бог, что прогоняет чужеземцев! Бахтан — твой город, люди его — твои рабы, и я сам — твой раб. Итак, я уйду туда, откуда пришел, чтобы удовлетворить твое сердце в деле, которое привело тебя сюда, но пусть Твое Величество повелит справить праздничный день для меня и для князя Бахтана». Бог одобрительно кивнул головой своему пророку, словно говоря: «Пусть князь Бахтана принесет великую жертву пред этим призраком». И пока это происходило между Хонсу, вершащим судьбы в Фивах, и духом, князь Бахтана стоял тут же со своим войском, объятый ужасом. И когда от имени князя Бахтана

принесли великую жертву пред Хонсу, вершащим судьбы в Фивах, и пред призраком, справляя праздничный день в их честь, дух мирно удалился, куда ему было угодно, по повелению Хонсу, вершащего судьбы в Фивах.

---

[10] Чтобы понять это место, надо помнить, что, по египетским верованиям, всякая статуя бога заключала в себе двойника, отделенного от самой особы бога, которого она изображала, и что статуя была настоящим воплощением бога, отличным от других воплощений того же рода. Так вот, Хонсу имел в своем храме в Карнаке по меньшей мере две статуи, и каждую оживлял независимый *двойник*, которого обряды освящения сделали богом. Одна изображала Хонсу неизменного в своем совершенстве, спокойного в своем величии и не вмешивающегося прямо в дела людей; это был Хонсу Нефер-хотеп, имя которого я передал описательно — *бог доброго совета*. Другая статуя изображала Хонсу более деятельного, который правил делами людей и прогонял чужеземцев, то есть врагов, прочь от Египта: *Khonsu pa iri sokhru m uasît, nutir âu, saharu shemaû*. Первый Хонсу, почитавшийся могущественнейшим, — мы не знаем почему, — не снисходит до того, чтобы самому отправиться в Бахтан; он посылает второго Хонсу, передав ему свои силы (E. de Rougé, *Étude sur une Stèle*, с. 15–19). Ниже, в «Путешествии Ун-Амуна», мы встретим *Амона Дороги*, который исходит от Амона Карнакского так же, как здесь второй Хонсу происходит от первого, и сопровождает героя в его походе в Сирию.

---

[11] Статуи, оживленные *двойником*, выражали свою волю то голосом, то мерными движениями. Мы знаем, что царица Хатшепсут *слышала*, как бог Амон повелел ей послать флот в *Гавани благовоний*, чтобы привезти благовония, нужные для культа. Цари XX и XXI династий, менее счастливые, обычно добивались лишь движений, и всегда одного рода: когда они задавали богу вопрос, статуя оставалась неподвижной, если ответ был отрицательный, но дважды сильно кивала головой, если он был благоприятный, как в этом случае. Эти вопрошания совершались по строго установленному церемониалу, главные подробности которого сохранили современные им тексты (Maspero, *Notes sur différents points*, в *Recueil de Travaux*, т. I, с. 158–159).

---

[12] Врожденную силу, или мощь, богов, *са*, египтяне, по-видимому, представляли себе как род флюида, подобного тому, что мы называем разными именами — магнетическим флюидом, аурой и т. п. Ее передавали возложением рук и настоящими пассами, которые совершались над затылком или спиной принимающего. Это называлось *camany-са*, что можно более или менее близко перевести как *совершать пассы*. Обряд, которым первый Хонсу передал свою силу второму, довольно часто изображается на памятниках в сценах, где статуя

бога совершает пассы над царем. Статуя, обычно деревянная, имела подвижные члены; она обнимала царя и проводила рукой по его затылку, пока он стоял перед ней на коленях, повернувшись к ней спиной. Всякая статуя при освящении обретала не только двойника, но и некоторую долю магической силы изображаемого ею бога; *ca* его жизни стояло за ней, оживляя и пропитывая ее, по мере того как статуя расходовала часть того, чем владела, на передачу. Сам бог, которого этот непрерывный отток *ca* мог бы истощить, мог пополнять себя из таинственного хранилища *ca*, находившегося в ином мире; каким образом пополнялось само это озеро *ca*, не говорится (Maspero, *Mélanges de Mythologie et d'Archéologie Égyptiennes*, т. I, с. 308).

Князь Бахтана весьма возрадовался, и с ним весь народ Бахтана, и он сказал в сердце своем: «Раз этот бог дан Бахтану, я не отошлю его обратно в Египет». И вот, когда этот бог пробыл в Бахтане три года и девять месяцев, князь Бахтана, лежа на своем ложе, увидел во сне, как этот бог выходит из своего ковчега в образе золотого ястреба и летит к Египту; проснувшись, он сильно дрожал. Тогда он сказал пророку Хонсу, вершащего судьбы в Фивах: «Этот бог, что пребывал у нас, хочет вернуться в Египет; пусть его колесница идет в Египет». Князь Бахтана дозволил этому богу отбыть в Египет и дал ему многочисленные дары из всякого добра, а также сильную охрану из воинов и коней. Когда они прибыли в Фивы, Хонсу, вершащий судьбы в Фивах, направился в храм Хонсу в Фивах, доброго советника; он положил дары из всякого добра, которые дал ему князь Бахтана, пред лицом Хонсу в Фивах, доброго советника, и ничего не оставил себе. И вот Хонсу, добрый советник в Фивах, с миром вернулся в свой храм в год XXXIII, 19 мехира, царя Усермаатра-Сетепенра, живущего вечно, подобно Солнцу.

ОБРЕЧЕННЫЙ ЦАРЕВИЧ

✦

(X X д и н а с т и я)

Сказка «Обреченный царевич» — одно из сочинений, содержащихся в папирусе Гарриса № 500 в Британском музее. Ее открыл и перевел на английский Гудвин в *Transactions of the Society of Biblical Archaeology*, т. III, с. 349–356, и в *Records of the Past*, т. II, с. 153–160; затем Шаба кратко разобрал ее по переводу Гудвина: *Sur quelques Contes égyptiens*, в *Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-lettres*, 1875, с. 118–120. Египетский текст издал, транскрибировал и перевел на французский Масперо в *Journal Asiatique*, 1877–1878, и в *Études égyptiennes*, т. I, с. 1–47. Его сверил с подлинником Г. О. Ланге, *Notes sur le texte du Conte prédestiné*, в *Recueil de Travaux*, т. XXI, с. 23–24, а затем его воспроизвел, только иератическим письмом, Г. Меллер, *Hieratische Lesestücke*, малое in-folio, Лейпциг, 1910, с. 21–24. Эберс пересказал ее по-немецки и со свойственным ему мастерством довел до конца: *Das alte Ägyptische Märchen vom verwunschenen Prinzen, nacherzählt und zu Ende geführt*, в октябрьском номере *Westermanns Monatshefte* за 1881 год, с. 96–103. С тех пор ее передал по-английски У. М. Флиндерс Питри, *Egyptian Tales*, 1895, Лондон, in-12, т. II, с. 13–35, и перевел Ф. Л. Гриффит в *Specimen Pages of the World's Best Literature*, 1898, Нью-Йорк, in-4°, с. 5250–5253; на немецкий — А. Видеман, *Altägyptische Sagen und Märchen*, малое in-8°, Лейпциг, 1906, с. 78–85.

Говорят, что рукопись была цела, когда ее нашли, и что она пострадала в Египте несколько лет спустя от взрыва порохового

склада, который частью разрушил дом в Александрии, где она находилась. Полагают, что список, сделанный г-ном Гаррисом до этого несчастья, содержит утраченные части подлинника, но пока никто не знает, где этот список находится. В нынешнем своем виде «Обреченный царевич» занимает четыре с половиной страницы. Последняя строка первой, второй и третьей страниц и первая строка второй, третьей и четвертой страниц исчезли. Вся правая половина четвертой страницы, от строки 8 до строки 14, стерта или почти совсем уничтожена. Пятая страница, кроме нескольких незначительных разрывов, утратила с левой стороны около трети каждой строки. Тем не менее слог так прост и ход мыслей так легко проследить, что можно заполнить пробелы и восстановить почти дословно текст. О конце можно догадаться благодаря указаниям, которые дают сходные повести, найденные в других странах.

Трудно точно определить, к какой эпохе следует отнести это повествование. Действие происходит попеременно в Египте и в Северной Сирии, имя которой пишется Нахарина, как в папирусе Анастази № IV, табл. XV, стк. 4. Поэтому составление отрывка нельзя относить ко времени ранее XVIII династии, то есть ранее семнадцатого века до н. э., и Меллер (*Hieratische Lesestücke*, т. II, с. 21) думает, что наш список сделан в начале XIX династии. По моему мнению, однако, форма знаков, употребление некоторых лигатур, присутствие некоторых новых грамматических форм несомненно напоминают фиванские папирусы, современные поздним Рамессидам. Поэтому я склонен относить если не первую редакцию сказки, то по крайней мере ту редакцию, что у нас есть в папирусе Гарриса, и написание самой рукописи к концу или середине XX династии, никак не ранее.

Жил некогда царь, [13] у которого не рождалось сына. Сердце его очень печалилось об этом; он попросил мальчика у богов своего времени, и они решили, что сын у него родится. Он возлег со своей женой ночью, и она зачала; когда исполнились месяцы родов, вот родилось дитя мужского пола. Когда пришли Хатхоры [14] назначить ему судьбу, они сказали: «Он умрет от крокодила, или от змеи, или же от собаки». Когда люди, бывшие при ребенке, услышали это, они пошли сказать Его Величеству, ж. з. с., и Его Величество, ж. з. с., опечалился сердцем. Его Величество, ж. з. с., велел построить ему каменный дом в горах, снабженный людьми и всяким добром из жилища царя, ж. з. с., и ребенок не выходил оттуда. И когда ребенок подрос, он поднялся на террасу [15] своего дома и увидел борзую, которая бежала за человеком, шедшим по дороге. Он сказал своему слуге, бывшему с ним: «Что это бежит за человеком, что идет по дороге?» Слуга сказал ему: «Это борзая». Дитя сказало ему: «Пусть мне приведут такую же точно». Слуга пошел передать это Его Величеству, ж. з. с., и Его Величество, ж. з. с., сказал: «Пусть ему отведут молодую гончую собаку, чтобы сердце его не печалилось». И вот ему привели борзую.

[13] Автор не говорит прямо, о какой стране идет речь, но, обозначая отца нашего героя, употребляет слово *нсут*, официальный титул царей Египта. Значит, все события, о которых рассказывается в начале сказки, происходят в Египте.

[14] О Хатхорах см. выше и Введение.

[15] Крыша египетских домов плоская и, как у храмов, образует террасу, где можно наслаждаться свежим воздухом. На ней строили легкие беседки, а иногда, как в храме Дендеры, настоящие часовенки из тесаного камня, которые служили молельнями и обсерваториями.

И после того как дни прошли таким образом, когда дитя достигло зрелости во всех своих членах, оно послало сказать отцу: «Полно! Зачем быть как ленивцы? Хотя я обречен трем злым судьбам, все

же я буду поступать по своей воле. Бог не сделает меньше того, что у него на сердце». Послушали то, что он сказал, дали ему всякое оружие, а также его борзую, чтобы следовала за ним, и перевезли его на восточный берег. [16] Сказали ему: «Иди, куда пожелаешь». Борзая его была с ним; и вот он пошел, куда ему вздумалось, через страну, питаясь лучшей дичью всей той страны. Когда он пришел, чтобы полететь [17] к князю Нахарины, [18] вот у князя Нахарины не родилось сына, а только дочь. А он построил дом с семьюдесятью окнами, которые были на высоте семидесяти локтей над землей. Он велел привести всех сыновей князей страны Хару [19] и сказал им: «Тому, кто достигнет окна моей дочери, она будет дана в жены».

[16] Восточный берег Сирии по отношению к Египту. Мы и в самом деле видим, что царевич прибывает в страну Нахарину. Нахарина известна также как Нахараина (см. выше, примечание к «Царевне и духу»); браки египетских царевичей с сирийскими царевнами нередки в подлинной истории.

[17] Слово *пуи*, несколько раз употребленное в нашем тексте для обозначения того, что делали царевичи, означает собственно *летать*, *взлетать*, и лишь по ошибке его переводили как *взбираться*. Не наложил ли князь Нахарины на женихов магическое испытание? Я склонен этому верить, потому что дальше сын царя Египта заклинает свои члены, прежде чем вступить в состязание. В первой повести о Сатни-Хамуасе мы встречали лицо, которое вышло из-под земли, буквально — *взлетело вверх*, с помощью талисманов бога Птаха (см. выше).

[18] Может показаться странным, что этот царевич, ничего не зная об истории царевны Нахарины, приходит в ту страну, где она живет, словно затем, чтобы добыть ее. Но египетский автор просто хотел заранее известить читателя о том, что должно произойти. Так в «Истории двух братьев» маги фараона, не зная точно, где находится женщина, которую ищет фараон, послали гонцов во все страны и особо наказали дать охрану гонцу, шедшему в Долину Акации, будто уже знали, что дочь богов живет там (см. выше).

[19] Что египтяне разумели под именем *страны Хару*, см. выше.

И вот, много дней спустя после того, как это совершилось, когда царевичи Сирии были заняты своим каждодневным занятием, египетский царевич, проходя мимо того места, где они были, повстречался с ними; они повели царевича к себе в дом, повели его в баню, задали корму его коням, сделали для царевича всякое добро, умастили его благовониями, умыли ему ноги, дали ему своих хлебов, сказали ему, к слову: «Откуда ты, прекрасный юноша?» Он сказал им: «Я сын воина колесниц [20] из земли Египетской. Мать моя умерла, отец мой взял другую жену. Когда пошли у нее дети, она возненавидела меня, и я бежал от нее». Они обняли его, они осыпали его поцелуями. И вот, когда так прошло много дней, он сказал царевичам: «Что вы здесь делаете?» Они сказали ему: «Мы проводим время вот как: мы летаем, и тому, кто достигнет окна дочери князя Нахарины, она будет дана в жены». Он сказал им: «Если вам угодно, я заклну свои члены и пойду летать с вами». Они пошли летать, как было их каждодневным занятием, а царевич стоял поодаль и смотрел, и лицо дочери князя Нахарины было обращено к нему. И вот, после того как дни прошли так, царевич пошел летать с сыновьями правителей, и он взлетел, и он достиг окна дочери владыки Нахарины; она поцеловала его и обняла его во все его члены.

[20] Египетская боевая колесница несла двух человек: возничего, *казана*, который правил, и другого, *синни*, который сражался; своим отцом царевич называет *синни*. Тексты показывают, что оба они были равны по значению и имели звание офицеров (Maspero, *Études égyptiennes*, т. II, с. 41).

Пошли порадовать сердце отца царевны и сказали ему: «Некий человек достиг окна твоей дочери». Князь спросил гонца: «Сын которого из князей?» Ему сказали: «Сын воина колесниц, который пришел беглецом из страны Египетской, спасаясь от мачехи, когда у нее пошли дети». Князь Нахарины очень разгневался; он сказал:

«Отдам ли я свою дочь беглецу из земли Египетской? Пусть возвращается туда!» Пошли сказать царевичу: «Возвращайся туда, откуда пришел». Но царевна удержала его и поклялась богом, говоря: «Клянусь жизнью Фра-Хармахиса, [21] если его отнимут у меня, я не буду есть, я не буду пить, я тотчас умру». Гонец пошел пересказать отцу все, что она сказала, и князь послал людей убить юношу, пока он был в ее доме. Царевна сказала им: «Клянусь жизнью Фра! Если его убьют, к закату солнца я буду мертва; я не проведу без него и часа жизни». Пошли сказать ее отцу. Князь велел привести юношу вместе с царевной. Юношу охватил ужас, когда он предстал пред князем, но князь обнял его, осыпал его поцелуями, сказал ему: «Скажи мне, кто ты, ибо вот, ты мне как сын». Юноша сказал: «Я сын воина колесниц из страны Египетской. Мать моя умерла, и отец мой взял другую жену. Она возненавидела меня, и я бежал от нее». Владыка отдал ему свою дочь в жены; он дал ему дом, подвластных людей, поля, а также скот и всякое добро. [22]

[21] Можно было бы ожидать, что сирийская царевна станет клясться Ваалом или Астартой; автор, не вникая в это, дважды вкладывает ей в уста египетскую клятву — Фра-Хармахисом и Фра.

[22] Ср. выше перечень владений, которые князь Тону пожаловал Синухету, когда отдал ему в жены свою дочь.

И вот, когда дни прошли так, юноша сказал своей жене: «Я обречен трем судьбам — крокодилу, змее, собаке». Она сказала ему: «Пусть убьют собаку, что бегает перед тобой». Он сказал ей: «Прошу тебя, я не убью мою собаку, которую я вырастил, когда она была маленькой». Она очень, очень боялась за своего мужа и не отпускала его одного. И вот случилось, что захотели путешествовать; царевича проводили в землю Египетскую, чтобы побродить по стране. [23] И вот крокодил реки вышел из реки [24] и

пришел в середину города, где был царевич; его заперли в жилище, где был великан. Великан не выпускал крокодила, но, когда крокодил спал, великан выходил прогуляться; потом, когда вставало солнце, великан возвращался — и так каждый день в продолжение двух месяцев дней. [25] И после того как дни прошли таким образом, царевич остался забавляться у себя в доме. Когда пришла ночь, царевич лег на свое ложе, и сон овладел его членами. Жена его наполнила сосуд молоком и поставила его возле себя. Когда змея вышла из своей норы, чтобы ужалить царевича, вот жена его зорко стерегла своего мужа. Тогда служанки дали змее молока; [26] она напилась, опьянела, легла на спину, и жена изрубила ее ударами своего топорика. Муж ее проснулся, пораженный изумлением, и она сказала ему: «Вот, твой бог предал одну из твоих судеб в руку твою; он предаст тебе и другие». Он принес жертвы богу, он поклонился ему и прославлял его могущество все дни своей жизни.

[23] Быть может, чтобы охотиться в той стране, как в начале этой сказки (см. выше).

[24] Как и в «Истории двух братьев» (см. выше), автор не называет реки, о которой говорит. Он употребляет слово *иаума*, *иом* — море, река, — и этого довольно. В Египте и в самом деле не было другой реки, кроме Нила. Читатель тотчас понимал, что под *иаума* разумеется Нил, как понимает нынешний феллах, когда слово *бахр* употреблено без прибавления *малих* — соленое; *бахр эль-малих* означает море.

[25] Великан и крокодил — два звездных персонажа, знаки двух важных созвездий, которые видны изображенными, среди прочих, на потолке Рамессеума. Похоже, что бог послал их на землю исполнить судьбу, предсказанную семью Хатхорами.

[26] О способе, которым египтяне приманивали змей, ср. отрывок Филарха, фрагмент 26, у Мюллера-Дидо, *Fragmenta Historicorum Graecorum*, т. I, с. 340.

И после того как дни прошли таким образом, царевич вышел прогуляться неподалеку от своего поместья, и, так как он никогда не выходил один, вот собака его была позади него. Собака его

пустилась за дичью, а он побежал за собакой. Когда он достиг реки, он спустился по берегу реки вслед за собакой, и крокодил вышел и потащил его туда, где был великан. Тот вышел и спас царевича; тогда крокодил сказал царевичу: «Вот, я твоя судьба, что преследует тебя; что бы ты ни делал, ты будешь приведен обратно на мою дорогу (?) ко мне, ты и великан. Ныне вот я отпущу тебя; если… ты узнаешь, что мои чары восторжествовали и что великан убит; а когда ты увидишь, что великан убит, ты увидишь свою смерть». [27] И когда земля осветилась и настал второй день, пришел…

[27] Здесь есть указание на знамение, подобное тем, которые я уже отмечал в «Истории двух братьев» и во второй повести о Сатни-Хамуасе (см. выше). К несчастью, пробел не дает нам узнать, каково оно.

[Пророчество крокодила так искажено, что я не могу ручаться за его точный смысл; можно лишь догадываться, что чудовище поставило перед своим противником какой-то роковой выбор, — или что царевич исполнил некое условие и сумел одолеть крокодила, или же что он его не исполнил и *увидел свою смерть*. Эберс восстановил этот эпизод иначе. [28] Он предположил, что великан не смог спасти царевича, но что крокодил предложил пощадить его на известных условиях.]

[28] Ebers, *Das alte Ägyptische Märchen vom verwunschenen Prinzen*, в октябрьском номере *Westermanns Monatshefte* за 1881 год, с. 99–102.

«Ты поклянешься мне убить великана; если ты откажешься, ты увидишь смерть». И когда земля осветилась и настал второй день, пришла собака и увидела, что ее хозяин во власти крокодила. Крокодил сказал снова: «Поклянешься ли ты убить великана?» Царевич ответил: «Зачем мне убивать того, кто меня стерег?» Крокодил сказал ему: «Тогда исполнится твоя судьба. Если к

закату солнца ты не дашь клятвы, которой я требую, ты увидишь свою смерть». Собака, услышав эти слова, побежала к дому и нашла дочь князя Нахарины в слезах, ибо муж ее не появлялся со вчерашнего дня. Когда она увидела собаку одну, без хозяина, она громко заплакала и стала рвать на себе одежду на груди; но собака схватила ее за платье и потянула к двери, словно прося ее выйти. Она встала, взяла топорик, которым убила змею, и пошла за собакой к тому месту берега, где был великан. Там она спряталась в тростниках и не пила, не ела; она только молила богов за своего мужа. Когда настал вечер, крокодил сказал снова: «Поклянешься ли ты убить великана? Если нет, я унесу тебя к берегу, и ты увидишь свою смерть». И тот ответил: «Зачем мне убивать того, кто меня стерег?» Тогда крокодил понес его туда, где была женщина, и она вышла из тростников, и вот, когда крокодил разинул пасть, она ударила его топориком, а великан бросился на него и убил его. Тогда она обняла царевича и сказала ему: «Вот, твой бог предал вторую из твоих судеб в руки твои; он предаст тебе и третью». Он принес жертвы богу, он поклонился ему и прославлял его могущество все дни своей жизни.

А после этого в страну вошли враги. Ибо сыновья князей страны Хару, в ярости оттого, что царевна досталась искателю приключений, собрали своих пеших воинов и свои колесницы, разбили войско владыки Нахарины и взяли его в плен. Не найдя царевны и ее мужа, они сказали старому владыке: «Где твоя дочь и тот сын воина колесниц из земли Египетской, которому ты отдал ее в жены?» Он ответил им: «Он ушел с нею охотиться на зверей этой страны — откуда мне знать, где они?» Тогда они стали совещаться и сказали друг другу: «Разделимся на малые отряды и пойдем туда и сюда по всему свету, и кто найдет их, пусть убьет юношу и поступит с женщиной, как ему угодно». И они разошлись

— одни на восток, другие на запад, на север, на юг; и те, что пошли на юг, достигли земли Египетской в то самое время, когда юноша был там с дочерью владыки Нахарины. Но великан увидел их; он поспешил к юноше и сказал ему: «Вот, семь сыновей князей страны Хару идут искать тебя. Если они найдут тебя, они убьют тебя и поступят с твоей женой, как им угодно. Их слишком много, чтобы ты мог устоять; беги от них, а я вернусь к своим братьям». Тогда царевич позвал жену, взял с собой собаку, и все они спрятались в пещере в горе. Они пробыли там два дня и две ночи, когда сыновья князей Хару пришли со множеством воинов и прошли мимо входа в пещеру, и ни один из них не заметил царевича; но, когда подошел последний из них, собака выбежала на него и принялась лаять. Сыновья князей Хару узнали ее, вернулись и вошли в пещеру. Жена бросилась перед мужем, чтобы защитить его, но вот копье поразило ее, и она упала мертвой перед ним. И юноша убил мечом одного из князей, а собака загрызла другого, но остальные поразили их копьями, и они упали на землю без чувств. Тогда князья выволокли тела из пещеры и оставили их лежать на земле, на съедение диким зверям и хищным птицам, а сами ушли, чтобы соединиться со своими товарищами и поделить с ними земли владыки Нахарины.

И вот, когда последний из князей ушел, юноша открыл глаза и увидел жену, распростертую на земле рядом с ним, как мертвую, и мертвое тело своей собаки. Тогда он затрепетал и сказал: «Поистине, боги неизменно исполняют то, что предрешили заранее. Хатхоры решили с моего младенчества, что я погибну от собаки, и вот приговор их исполнен, ибо это собака выдала меня моим врагам. Я готов умереть, потому что без этих двух существ, что лежат рядом со мной, жизнь мне невыносима». И он поднял руки к небу и воскликнул: «Я не согрешил против вас, о боги!

Поэтому даруйте мне доброе погребение в этом мире и быть правогласным пред судьями Аментит». Он упал как мертвый, но боги услышали его голос; Девятка богов пришла к нему, и Ра-Хармахис сказал своим спутникам: «Рок исполнен; теперь дадим новую жизнь этим двум супругам, ибо хорошо достойно вознаградить преданность, которую они явили друг другу». И мать богов кивком головы одобрила слова Ра-Хармахиса и сказала: «Такая преданность заслуживает очень большой награды». Остальные боги сказали то же; тогда выступили семь Хатхор и сказали: «Рок исполнен; теперь пусть они вернутся к жизни». И они тотчас вернулись к жизни.

В своем заключении Эберс рассказывает, что царевич открывает дочери владыки Нахарины свое настоящее происхождение и возвращается в Египет, где отец принимает его с радостью. Вскоре он возвращается в Нахарину, разбивает своих убийц и снова возводит старого владыку на престол. По возвращении он посвящает добычу Амону-Ра и проводит остаток своих дней в совершенном счастье.

Ничего лучше этого конца нельзя придумать; я, однако, не думаю, чтобы древний египетский писатель питал к своим героям то сострадание, какое так искусно выказывает современный автор. На древнем Востоке судьба не позволяет себя обойти и не допускает, чтобы ее приговоры не исполнились. Порой она отсрочивает их исполнение, но никогда их не отменяет. Если Камбизу суждено умереть близ Экбатан, напрасно он бежит из Экбатан мидийских в назначенный день — он находит в Сирии те Экбатаны, которыми грозили ему боги. Когда ребенку суждено погибнуть насильственной смертью на двадцатом году жизни, отец может запереть его в подземном жилище; судьба приводит туда Синдбада-морехода, и тот по несчастной случайности

убивает обреченного. Я не думаю, чтобы герой этой сказки избежал этого закона; он восторжествовал над крокодилом, но собака в пылу схватки смертельно ранила своего хозяина и, сама того не желая, исполнила предсказание Хатхор.

ИСТОРИЯ РАМПСИНИТА

✦

(С а и с с к а я э п о х а)

Самую раннюю известную форму этой истории передал нам Геродот (II, CXXI). Она встречается у большинства народов Востока и Запада, и вопрос о ее происхождении обсуждался не раз. Во Введении к этой книге я изложил причины, по которым думаю, что если она и не была придумана в Египте, то была усвоена Египтом задолго до того, как ее записал Геродот. Прибавлю здесь, что имя Рампсинита давали в Египте герою многих чудесных приключений. «Жрецы говорят, что этот царь сошел живым в ту область, которую эллины называют Аидом, что он играл там в кости с богиней Деметрой, то выигрывая у нее, то проигрывая ей, и что он вернулся, неся с собой в дар от богини золотое полотенце» (Геродот, II, CXXII). В этих строках заключен краткий пересказ египетской сказки, две главные сцены которой удивительно напоминают, во-первых, игру Сатни с Ненеферкаптахом, во-вторых, сошествие Сатни в Аменти с помощью Си-Осири (см. выше).

Принятый здесь французский перевод — перевод Пьера Сальята, слегка подправленный; по странному совпадению, он помог вновь ввести эту историю в народную словесность Верхнего Египта. В 1884 году я подарил экземпляр первого издания этой книги г-ну Николасу Одескальки, тогдашнему учителю школы в Фивах, умершему в 1892 году. Он пересказал главное нескольким своим ученикам, а те пересказали другим. С 1885 года я приобрел две записи этого нового варианта; одна из

них была напечатана в *Journal Asiatique*, 1885, т. VI, с. 149–159, — арабский текст с французским переводом, — и перепечатана в *Études égyptiennes*, т. I, с. 301–311. Повествование изменилось немного, хотя один эпизод исчез — тот, где Рампсинит отдает свою дочь всем желающим. Понятно, что школьный учитель, говоря с детьми, не стал рассказывать историю во всей ее первоначальной откровенности.

Царь Рампсинит [29] владел сокровищем столь великим, что его преемники не только не превзошли, но даже не смогли к нему приблизиться. Чтобы хранить его в безопасности, он велел построить небольшую комнату из тесаного камня и пожелал, чтобы одна из ее стен выступала за пределы постройки и за ограду его дворца; но каменщик так искусно вытесал и уложил один камень, что двое, и даже один человек, могли вынуть его и сдвинуть с места. [30] Когда комната была готова, царь сложил в нее все свои сокровища; некоторое время спустя каменщик-зодчий, почувствовав приближение конца своей жизни, призвал своих детей — а их было двое сыновей — и объявил им, как он позаботился о них и какую хитрость устроил в царской комнате, чтобы они могли жить в довольстве. И, хорошенько растолковав им, как вынимать камень, он дал им некоторые мерки, сказав, что если они будут их бережно хранить, то станут хранителями царской казны; и затем он перешел от жизни к смерти.

[29] Это имя — всего лишь Рамсес, удлиненный прибавкой слога *нит*, чтобы его отличить (см. Введение).

[30] См. во Введении толкование этого места. Возможно, в сказке о Хуфуи мы имеем другой пример подвижного камня (ср. выше).

После этого сыновья не долго медлили приняться за дело; они пришли ночью ко дворцу царя и, легко найдя камень, вынули его из гнезда и унесли большую сумму серебром. Но когда судьбе

было угодно, чтобы царь открыл свою комнату, он весьма изумился, увидев, что его сундуки сильно оскудели, и не зная, кого обвинить или заподозрить, хотя печати, которые он наложил, нашел целыми и невредимыми, а комнату — хорошо запертой и запечатанной. И после того как он раза два-три возвращался посмотреть, убывает ли еще в сундуках, он, чтобы воры не возвращались больше так свободно, велел сделать капканы и поставить их возле сундуков, в которых лежали сокровища. Воры вернулись, по своему обычаю, и один вошел в комнату; но, едва он подошел к сундуку, как попал в капкан. Поняв, какая опасность ему грозит, он поспешно позвал брата, показал ему, в каком он положении, и уговорил его войти к нему и отрезать ему голову, чтобы, если его опознают, не погибли оба. Брат рассудил, что он говорит разумно, и тут же сделал то, что тот ему посоветовал. Поставив камень на место, он вернулся домой с головой брата.

Когда настал день, царь вошел в свою комнату, но, увидев тело вора, попавшего в капкан, и без головы, сильно испугался, ибо не было видно ни входа, ни выхода; и, недоумевая, как ему поступить в таком случае, он прибегнул к такому средству: велел повесить тело мертвеца на городской стене [31] и поручил стражам хватать и приводить к нему всякого, кого увидят плачущим и сетующим над повешенным телом. Когда тело было тотчас повешено, мать, в великой своей скорби, заговорила с другим сыном и приказала ему, как бы то ни было, принести ей тело брата, грозя, если он откажется, пойти к царю и сказать ему, у кого его сокровище. Сын, видя, что мать так близко принимает это к сердцу и что увещания его ничего не помогают, придумал вот какую хитрость. Он навьючил нескольких ослов, нагрузил их мехами с вином [32] и погнал перед собой. Дойдя до того места, где были стражи, то есть до мертвого тела, он развязал два-три меха и, видя, как вытекает

вино, стал бить себя по голове и громко кричать, словно не зная, к которому из ослов броситься сперва. Стражи, видя, какое множество вина проливается, сбежались туда с сосудами, почитая для себя прибылью собрать пропадающее вино. Купец принялся их бранить и делал вид, что очень на них разгневан. Однако стражи были учтивы, и мало-помалу он успокоился и унял свой гнев. Наконец он свел ослов с дороги, чтобы снова их оседлать и навьючить, перебрасываясь между тем разными шутками, так что один из стражей пошутил над купцом, а тот только рассмеялся и дал им вдобавок еще мех вина. И когда им вздумалось сесть, как они были, и пить дальше, и они попросили купца остаться и составить им компанию за вином, он согласился и, видя, что они хорошо его угощают, отдал им остальные свои мехи. Когда они выпили столько, что были мертвецки пьяны, их одолел сон, и они заснули там же. Купец дождался глубокой ночи, потом пошел снять тело брата и, посмеявшись над стражами, обрил им всем бороды [33] с правой стороны. Он положил тело брата на ослов и пригнал их домой, исполнив приказание матери.

[31] Это выставление трупа на городской стене приводили в доказательство того, что история не египетского происхождения. Говорили, что у египтян были религиозные запреты, не позволявшие их гражданскому закону допускать подобное зрелище, и что после казни тело отдавали родным, чтобы те его набальзамировали. Против этого возражения я приведу лишь место из стелы Аменхотепа II, где царь говорит, что, захватив нескольких сирийских вождей, он выставил их тела на стенах Фив и Напаты, чтобы устрашить мятежников столь грозным примером. Что делал настоящий фараон, то вполне мог делать и фараон из романа, пусть даже это было исключением.

[32] Египтяне обычно не пользовались мехами для хранения вина, а почти всегда — небольшими остродонными кувшинами. Рабы носили их в мастерские или в поле, и на росписях, изображающих полевые работы, нередко видишь жнеца, который, зажав серп под мышкой, пьет из кувшина. Однако мехи были известны, и среди прочих примеров я могу привести изображение садовых работ, найденное в одной фиванской гробнице и воспроизведенное Уилкинсоном (*A*

Popular Account of the Ancient Egyptians, т. I, с. 35, рис. 29); там видно три меха с водой, поставленных на краю пруда для освежения. Значит, подробность, приведенная Геродотом, во всем согласна с обычаями древнего Египта.

[33] Чтобы оценить эту подробность, отсылаю читателей к сказанному во Введении о бородах египетских воинов.

На другой день, когда царю сказали, что тело вора хитростью унесено, он очень огорчился и, желая во что бы то ни стало узнать, кто проявил такую изобретательность, сделал вещь, которой я, со своей стороны, не могу поверить. Он открыл дом своей дочери и велел ей принимать без разбора всякого, кто придет к ней за удовольствием, но всякий раз, прежде чем позволить ему коснуться себя, заставлять каждого рассказать ей самое хитрое и самое дурное, что он сделал в жизни; а того, кто расскажет эту проделку вора, она должна схватить и не выпускать из своей комнаты. [34] Дочь повиновалась приказу отца, но вор, поняв, с какой целью это сделано, захотел перехитрить царя и расстроил его замысел вот каким образом. Он отрезал руку у недавно умершего и, спрятав ее под одеждой, отправился к девушке. Когда он вошел, она стала расспрашивать его о его делах, и он сказал ей, что самое тяжкое преступление, какое он совершил, — когда он отрезал голову своему брату, попавшему в капкан в царской сокровищнице. А самое хитрое, что он сделал, — когда он снял того же брата, напоив стражей. Услышав это, она не замедлила схватить его, но вор, пользуясь темнотой в ее комнате, протянул ей спрятанную мертвую руку, и она схватила ее, думая, что это рука того, кто с ней говорил; но она обманулась, ибо вор успел выйти и убежать.

[34] Как ни странен кажется нам такой образ действий, надо полагать, что египтянам он казался естественным, раз дочь Хеопса по приказу отца открыла свой дом всем приходящим ради денег (Геродот, II, CXXVI), а Табубу зазвала Сатни к себе в дом, чтобы заставить его отдать книгу Тота (см. выше).

Когда об этом доложили царю, он весьма изумился хитрости и смелости этого человека. Наконец он повелел объявить во всех городах своего царства, что прощает этого человека и что, если тот придет и явится к нему, он осыплет его великими милостями. Вор поверил этому объявлению царя и пришел к нему. Когда царь увидел его, он оказал ему большой почет; он отдал ему в жены свою дочь, как самому хитроумному из людей, ибо тот перехитрил египтян, которые сами перехитряют все народы.

ПУТЕШЕСТВИЕ УН-АМУНА К БЕРЕГАМ СИРИИ

✦

Рукопись, содержащая эту историю, была найдена осенью 1891 года близ селения Эль-Хибе, почти напротив Фешна, и главную часть обрывков, из которых она состоит, вскоре затем приобрел Голенищев. Они включают первую четверть и последнюю половину первой страницы, почти целую вторую страницу и несколько сильно изувеченных строк, которые Голенищев отнес к третьей странице. В 1892 году Генрих Бругш обнаружил в партии только что приобретенных им папирусов обрывок, дополнивший вторую страницу. С тех пор не нашлось ни одного другого обрывка, и надо опасаться, что рукопись так и останется неполной.

В 1898 году Голенищев поместил русский перевод, сопровожденный фототипией первых двадцати одной строки, в сборнике статей, поднесенном г-ну Розену учениками его по Петроградскому университету в день его юбилея. На следующий год он издал текст в иероглифической транскрипции и полный перевод, превосходный в целом: Golénischeff, *Papyrus hiératique de la collection W. Golénischeff, contenant la description du Voyage de l'Égyptien Ounou-Amon en Phénicie*, в *Recueil de Travaux*, 1899, т. XXI, с. 74–104 (отдельно — у Буйона, 1899, 24 с. in-4°).

Почти сразу текст разобрал и перевел на немецкий В. Макс Мюллер, *Studien zur vorderasiatischen Geschichte. Die Urheimat der Philister, Der Papyrus Golénischeff, Die Chronologie der Philistereinwanderung* (в *Mittheilungen der Vorderasiatischen*

Gesellschaft, 1900, I), Берлин, in-8°, с. 14–29; затем А. Эрман, *Eine Reise nach Phönizien im XI. Jahrhundert vor Christ*, в *Zeitschrift*, 1900, т. XXXVIII, с. 1–14.

Эрман распознал, что обрывок, отнесенный Голенищевым к странице III рукописи, на самом деле принадлежит первой странице, и восстановил последовательность событий точнее, чем это делалось прежде; с другой стороны, он признал документ историческим. Ланге тотчас дал датский перевод, в котором следовал порядку, принятому Эрманом: Г. О. Ланге, *Wen-Amons beretning om hans rejse til Phönizien*, в *Nordisk Tidskrift*, 1902, с. 515–526 (отдельный оттиск, 11 с. in-8°, без особой пагинации).

Наконец, есть новый немецкий перевод в прелестной книжке А. Видемана *Altägyptische Sagen und Märchen*, in-8°, Лейпциг, 1906, с. 94–113, а также краткий разбор с английским переводом у Брестеда, *Ancient Records of Egypt*, т. IV, с. 274–287, где по-прежнему отстаивается историческая природа отрывка.

Все ученые, работавшие над этим папирусом, более или менее открыто признавали, что содержащееся в нем сочинение — официальное донесение, обращенное Ун-Амуном к Херихору по возвращении из его посольства в Финикию. Общий вид отрывка, господствующий в нем выспренний тон, значение, которое в нем повсюду придается статуе Амона Дороги, заставляют меня думать, — и Видеман держится того же мнения, — что это документ того же рода, что и стела о Бахтане (см. выше). Несомненно, это попытка выдвинуть облик Амона, носивший этот титул и почитавшийся покровителем путешественников в чужих странах. Повествование Ун-Амуна рассказывает, как он спас египетского посланника в Библе и, вероятно, также в Аласии. Оно входило в официальную грамоту этого Амона, и составитель заимствовал исторические приемы, нужные для того, чтобы

придать правдоподобие документам такого рода. Быть может, в руках у составителей были подлинные акты, позволившие им точно датировать свою историю. Если бы на нее можно было вполне положиться, из нее можно было бы извлечь важные выводы для истории Рамессидов. В самом деле, можно было бы отметить, что после пятого года своего царствования последний из них сохранял лишь тень власти и что верховный жрец Херихор правил на юге, Смендес — на севере, а другие князья процветали в иных местах. У Смендеса была жена Тентамон, имя которой связывает ее с фиванским родом и права которой были равны его собственным, ибо он почти не упоминается без нее; быть может, именно ей он был обязан своим восшествием на престол.

Не менее ценны сведения, которые рукопись дает о положении дел на сирийском побережье. Через столетие после Рамсеса III чекеры, союзники филистимлян, обосновавшиеся между Кармилом и Египтом, все еще составляли особое население, сохранявшее свое древнее имя; один из их князей жил в Доре, их мореходы во множестве бороздили Сирийское море и угрожали таким городам, как Библ. Они еще были под влиянием Египта, но уже не зависели от него прямо, и князь Дора не стеснялся выставлять перед Ун-Амуном свою независимость. Финикийское побережье от Тира до Библа также оставалось в сношениях с Египтом; по-египетски там обычно понимали, по крайней мере люди высокого звания, и князья всех городов питали к фараону уважение, почти благоговейный страх. Это был пережиток долгого владычества, которое фиванские цари осуществляли в течение четырех или пяти веков, но его не всегда хватало, чтобы обеспечить египетским посланникам мирный прием. Эта история говорит о послах Хамуаса, которых Закар-Баал, князь Библа, держал в плену и которые, умерев после семнадцати лет неволи,

были погребены в окрестностях города. Два фараона XX династии носили тронное имя Хамуас, и мумия одного из них находится ныне в Каирском музее (№ 1196); так как поход Ун-Амуна относится к пятому году второго из них, Рамсеса XI, то Хамуас, пославший этих несчастных на гибель, должен быть первым — Рамсесом IX. Тем не менее имя Фив все еще имело удивительно большой вес у прежних вассалов Египта. Князь Библа утверждал, что он не слуга фараона, и отрицал, чтобы его предки когда-либо были ими. Он даже разыскал в своих архивах доказательства того, что они всегда меняли свой лес на дары равной цены и что его никогда не отдавали даром. Излив свое недовольство в резких речах, он велел рубить для Амона кедры Ливана и отпустил их, удовольствовавшись весьма скромными дарами. Всякий заметит сходство между этой историей и тем, что рассказывает Библия о переговорах Давида и Соломона с царем Тирским о лесе, нужном для дворца и храма в Иерусалиме. Как и наш Закар-Баал из Библа, Хирам Тирский не был доволен платой, которую получил за свои поставки. Он сетовал на бедность городов и земли, которыми Соломон обложил его как сюзерен, но принял плату и не стал рисковать, слишком настаивая на своих притязаниях.

Покинув Библ, Ун-Амун был выброшен ветрами на Аласию и там оказался вне влияния Египта. Была ли Аласия, как я думаю, горной страной в устье Оронта или, как считают другие, большим островом Кипр, — значения не имеет; она никогда надолго не покорялась Египту, и египетский язык не был там в ходу у народа, как в городах Финикии. Ун-Амун подвергся там многим опасностям, от которых его избавила священная сила Амона Дороги — каким образом, мы не знаем. История обрывается на самом решительном месте, и мало надежды, что мы когда-нибудь найдем листы, содержащие ее конец. Я не пытался угадать,

какими превратностями она кончалась, ни восстановить события, заполнявшие очень длинный пробел первой страницы. Я вставил несколько фраз между обрывками, которые отчасти их связывают. В своем переводе я старался передать запинающийся и многословный слог рассказчика, местами очень запутанный, и как можно яснее передать смысл высокопарных периодов, которые он вкладывает в уста своих лиц. Там и сям встречаются черты живописного описания и удачные образы. Автор, кто бы он ни был, был человек, как мы бы сказали, хорошо образованный, и он превосходно умел подать свой рассказ.

В год V, в 16-й день третьего месяца *Жатвы*, в тот день Ун-Амун, старейшина зала [35] храма Амона-Ра, царя богов, владыки Карнака, отправился добыть лес для весьма священной ладьи Амона-Ра, царя богов, что на Ниле, — Усерхат-Амон. [36]

---

[35] Титул *самсу хаи* лучше всего известен нам по изображениям в гробницах Мемфисского и первого Фиванского царства, но он сохранялся, по крайней мере в храмах, до самого конца языческой цивилизации Египта. Носящих его видно надзирающими за плотничьими работами, и, быть может, поэтому Ун-Амун и был избран послом бога в походе за лесом. Мой перевод передает египетский термин слово в слово, но не передает его смысла. Я, однако, сохраняю его за неимением лучшего.

---

[36] Это официальное имя большой ладьи Амона Карнакского (ср. Brugsch, *Dict. géographique*, с. 165).

В тот день, когда я прибыл в Танис, туда, где были Смендес и Тентамон, я вручил им грамоты Амона-Ра, царя богов. [37] Они велели прочесть их при себе и сказали: «Да будет сделано, да будет сделано согласно тому, что сказал Амон-Ра, царь богов, наш господин». Я оставался в Танисе до четвертого месяца *Жатвы*, потом Смендес и Тентамон отправили меня с корабельщиком Менгебетом, и я вышел на великое Сирийское море в первый день четвертого месяца *Жатвы*. Я прибыл в Дор, город чекеров, и

Бедер, его князь, велел принести мне десять тысяч хлебов, кувшин вина, бычий окорок. Один человек с моего корабля бежал, унеся золотой сосуд весом в пять *табону*, [38] пять серебряных сосудов по двадцать *табону* и мешочек серебра в одиннадцать *табону*, что составило в целом пять *табону* золота и тридцать один *табону* серебра. Я встал рано поутру, я пошел туда, где был царь, я сказал ему: «Меня ограбили в твоей гавани. Ведь это ты, князь этой страны, ее судья; ищи мое золото! Увы, это серебро — оно принадлежит Амону-Ра, царю богов, владыке стран, оно принадлежит Смендесу, оно принадлежит Херихору, моему господину, и другим вельможам Египта, оно твое, оно принадлежит Варету, оно принадлежит Мекмеру, оно принадлежит Закар-Баалу, князю Библа». [39] Он сказал мне: «На твой гнев и на твою милость! [40] Но вот, я ничего не знаю о деле, что ты мне рассказываешь. Если вор из моей страны и спустился на твой корабль и украл твое серебро, я возмещу тебе из своей казны, пока не найдется сам вор; но если вор, обокравший тебя, твой и принадлежит к твоему кораблю, побудь несколько дней возле меня, чтобы я мог поискать его».

---

[37] Считалось, что Амон-Ра царствует над Фивами, а верховный жрец был лишь должностным лицом, исполнявшим на земле его повеления. Поэтому официальные акты часто принимали вид указов, изданных богом, и так было в этом случае.

---

[38] О стоимости *табону* см. выше.

---

[39] Смысл этого длинного перечня, по-видимому, таков: украденные деньги были собственностью как тех, кто доверил их Ун-Амуну, — Херихора и Амона, верховным жрецом которого был Херихор, Смендеса, Тентамон и других египетских князей, — так и чужеземцев, которым они предназначались, будь то в дар или в уплату за нужный лес. Один из этих последних, Закар-Баал, — князь Библа, с которым мы встретимся дальше; о двух других, Варете и Мекмере, мы ничего не знаем. Закар-Баал — подлинная форма имени Ацербас, Сихас, Сихей, которое носил муж знаменитой Дидоны.

[40] Это учтивая форма обращения, и сирийская, и египетская: «Я заранее покоряюсь твоему гневу или твоей милости, смотря по тому, понравятся тебе мои объяснения или не понравятся».

Я провел на берегу в этой гавани девять дней, потом пошел к нему и сказал ему: «Так! Ты не находишь моего серебра. Я пойду вместе с корабельщиком с теми, кто идет *в гавань Тира. Если ты найдешь мои деньги, держи их у себя, а когда я буду возвращаться в Египет, я остановлюсь здесь и возьму их». Он согласился на это, и 20-го числа четвертого месяца Жатвы я снова вышел на великое Сирийское море. Я прибыл в гавань Тира, я рассказал свою историю князю Тира и пожаловался на князя Дора, который не нашел воров и не вернул мне моих денег, но князь Тира был другом князя Дора.* Он сказал мне: «Молчи, *не то с тобой случится беда*». Я отбыл из Тира поутру *и вышел на великое Сирийское море, чтобы идти туда, где был* Закар-Баал, князь Библа. *А на корабле были чекеры с сундуком; я открыл сундук,* я нашел в нем серебро, тридцать *табону*, и завладел им. *Я сказал им: «Вот, я беру* ваше серебро, и оно останется у меня, пока вы не найдете *моих собственных денег*. Если вы скажете: „*Мы не знаем того, кто* украл их, мы их не брали“, я все равно возьму его». *Когда они увидели, что я решился,* они ушли, а я прибыл в гавань Библа. *Я сошел на берег, я взял ковчег, в котором была статуя* Амона, бога Дороги, [41] я поместил в него снаряжение бога. Князь Библа велел сказать мне: «Уходи из моей гавани». Я послал к нему сказать: «*Зачем ты прогоняешь меня? Не сказали ли тебе чекеры, что я взял их деньги? Но вот, деньги, что были у них, — мои собственные деньги, которые у меня украли, когда я был в гавани Дора. И вот, я посланец Амона, которого Херихор, мой господин, послал к тебе добыть лес, нужный для ладьи Амона, а корабль, который дали мне Смендес и Тентамон, уже ушел обратно. Если ты желаешь, чтобы я ушел из*

твоей гавани, прикажи одному из начальников твоих кораблей, чтобы, когда кто-нибудь пойдет в море, меня отвезли в Египет». Я провел в его гавани девятнадцать дней, а он только и делал, что каждый день посылал сказать мне: «Уходи из моей гавани». [42]

[41] Это изображение, которое Херихор дал Ун-Амуну, чтобы оно охраняло его в походе. Голенищев с самого начала заметил (*Recueil de Travaux*, т. XXI, с. 94, прим. 1), что оно относилось к Амону Карнакскому так же, как на стеле о Бахтане (см. выше) Хонсу, посланный в Бахтан, относился к Хонсу, оставшемуся в Фивах, — настоящий посол Амона к чужеземным князьям и богам.

[42] Восстановления, которые я вставил в этот абзац, напечатаны курсивом; они дают лишь весьма краткий рассказ о событиях, случившихся между Дором и Библом. В подлинном тексте, должно быть, было два-три эпизода, которых я не упомянул, но на которые есть намеки дальше: отплытие корабля, доставившего Ун-Амуна из Египта, появление изображения *Амона Дороги* и причины, по которым князь Библа отказывался принять Ун-Амуна.

И вот, когда он приносил жертву своим богам, бог овладел одним из старших отроков среди отроков и поверг его в судороги. [43] Он сказал: «Вынесите бога на свет! Приведите посланца Амона, что при нем! Отпусти его, пусть он уйдет». Пока одержимый бился в судорогах, в ту ночь, я нашел корабль, шедший в Египет, погрузил на него все, что у меня было, и смотрел на тьму, говоря: «Пусть она спустится, чтобы я мог погрузить бога так, чтобы ничей глаз не видел его, кроме моего», — когда ко мне пришел начальник гавани. Он сказал мне: «Останься до завтра, по желанию князя». Я сказал ему: «Не ты ли каждый день приходил ко мне и говорил: „Уходи из моей гавани“? А теперь не говоришь ли ты мне: „Останься здесь“, — чтобы корабль, который я нашел, ушел, после чего ты придешь ко мне и снова скажешь: „Уходи скорее“?» Он повернулся спиной, ушел, рассказал это князю, и князь послал сказать корабельщику: «Останься до завтрашнего утра, по желанию князя». Когда настало утро, он послал за мной, чтобы

меня привели наверх, пока совершалось жертвоприношение, в замок, где он живет на берегу моря. Я нашел его сидящим в верхнем покое; он прислонился спиной к балкону, а позади него бились волны великого Сирийского моря. Я сказал ему: «Милостью Амона!» Он сказал мне: «Сколько времени прошло до сегодняшнего дня с тех пор, как ты покинул место, где пребывает Амон?» Я ответил: «Пять месяцев и один день до сегодняшнего дня». Он сказал мне: «Ну, говори правду. Где грамоты Амона, что должны быть в твоих руках? Где письмо того верховного жреца Амона, что должно быть в твоей руке?» Я сказал ему: «Я отдал их Смендесу и Тентамон». Он очень разгневался и сказал мне: «Так, значит, у тебя в руках больше нет ни грамот, ни писем? А где тот корабль из акации, что дал тебе Смендес? Где твои сирийские мореходы? Не передал ли он тебя этому корабельщику при отплытии, чтобы тот убил тебя и бросил в море? Если так, кто станет искать бога? И тебя самого — кто станет искать тебя?» [44] Так он говорил мне. Я сказал ему: «Разве это был не египетский корабль и не египетские мореходы плыли по приказу Смендеса? Ведь у него нет сирийских мореходов». Он сказал мне: «Разве не стоят в моей гавани двадцать кораблей, что ведут дела со Смендесом? А тот Сидон, другой город, куда ты хочешь попасть, — разве нет там десяти тысяч других кораблей, что ведут дела с Веркателем [45] и плавают к его дому?» [46]

---

[43] Это сцена пророческого исступления того рода, какое бывало у израильтян. Отрок, охваченный богом, впадает в некий падучий восторг, во время которого он ощущает присутствие изображения *Амона Дороги*; он передает князю веление свыше, обязывающее того принять Ун-Амуна и сделать то, о чем он просит. Фрэзер (*Adonis, Attis, Osiris*, с. 67) отказывается верить вместе с Видеманом (*Altägyptische Sagen und Märchen*, с. 99), что бог, овладевший отроком, — Амон; он думает скорее, что это Адонис, потому что Адонис — бог города и право овладевать одним из должностных лиц страны принадлежало скорее ему, чем

чужеземному богу. Пример Валаама показывает, что народный бог мог овладеть даже пророком чужого бога, и оправдывает наше толкование.

---

[44] Князь Библа, узнав, что у Ун-Амуна нет при себе верительных грамот, которые должны были у него быть, прямо говорит, что подозревает в нем искателя приключений. Херихор и Смендес могли послать его с приказом корабельщику бросить его за борт в море. В таком случае с ним можно было бы обойтись без жалости: ведь если бы с ним и с его статуей Амона Дороги случилась беда, кто стал бы беспокоиться о его судьбе? Дальше будет видно, что Ун-Амун настаивает на том, что, если он исчезнет, его будут искать до скончания времен, чтобы отомстить за его смерть. Здесь князь Библа отвечает на какую-то речь этого рода, утраченную вместе с недостающими частями текста.

---

[45] Веркатель — диалектная форма имени, которое по-еврейски звучало бы Беркатель или Берекэль.

---

[46] Ун-Амун в ответ на подозрения Закар-Баала напоминает ему, что прибыл, как положено, на египетском корабле с египетскими, а не сирийскими мореходами. Этим он хочет сказать, что египетские князья не стали бы поручать сирийцам расправиться с египтянином. Закар-Баал не колеблясь заставляет его замолчать и напоминает ему, что большая часть кораблей, занятых в египетском прибрежном плавании, — сирийские корабли и, следовательно, не постеснялись бы исполнить любой приказ насчет египтянина, какой дали бы им князья Египта.

Я молчал в эту трудную минуту. Он продолжал и сказал мне: «С каким поручением ты пришел сюда?» Я сказал ему: «Я пришел за лесом для весьма священной ладьи Амона-Ра, царя богов. Что делал твой отец, что делал отец твоего отца, то делай и ты». Так я сказал ему. Он сказал мне: «То, что они делали и что ты даешь мне делать, я сделаю. Прежде мои предки исполняли это поручение потому, что фараон, ж. з. с., присылал шесть кораблей, нагруженных египетскими товарами, которые выгружали в их склады. Вот и ты вели доставить их мне так же». Он велел принести записи своих отцов и прочесть их при мне, и он нашел, что всего в его книге записана тысяча *табону* серебра. [47] Он сказал мне: «Если бы государь Египта был моим господином, а я его слугой, ему не пришлось бы присылать серебро и золото,

говоря: „Исполни поручение Амона“. Не царский приказ приносили моему отцу. А я, поистине, я сам не слуга тебе; я сам не слуга тому, кто тебя послал. Я кличу громким голосом к деревьям Ливана, и небо разверзается, и лес лежит, простертый на земле, у берега моря; [48] но пусть мне покажут паруса, что ты привез, чтобы вести в Египет твои суда, нагруженные твоим лесом. Пусть мне покажут канаты, что ты привез, чтобы связать бревна, которые я нарублю тебе в дар. Если я не сделаю тебе канатов, если я не сделаю парусов для твоих судов, то нос и корма у них тяжелы, они сломаются, [49] и ты умрешь посреди моря; [50] ибо Амон гремит и спускает Сутеха в свое время. [51] Да, Амон печется обо всех странах. Прежде всего он правит землей Египетской, откуда ты пришел, и совершенство исходит оттуда, чтобы достигнуть страны, где я живу. Что же это за безумные путешествия, на которые тебя послали?» [52]

---

[47] В переводе на нынешние меры древняя сумма составляет 92 килограмма серебра (ср. выше).

---

[48] По-видимому, эту часть фразы надо понимать как выспреннее выражение уверенности князя Библа в собственных силах. Он не слуга Египта и, следовательно, не слуга Амона, и у Амона нет власти над землей, которой он владеет. Если он зовет кедры Ливана прийти к морю, небо разверзается, и деревья, вырванные с корнем богом страны, сами падают на морской берег.

---

[49] У египетских морских судов было два конца, загнутых внутрь, — один на носу, другой на корме. Они поднимались над водой и обычно украшались головами божеств, людей или животных. Эти два конца поддерживались канатами, которые, будучи привязаны к носу, проходили над распорками, укрепленными вдоль оси палубы, и крепились к корме на высоте руля. Сила ветра и волн сильно напрягала эти выступающие части и постоянно грозила их оторвать; если бы это случилось, судно неминуемо пошло бы ко дну.

---

[50] Пробелы в строках 16 и 17 текста делают смысл неясным; вот, однако, как я его понимаю. Сказав Ун-Амуну, что он не зависит ни от него, ни от Амона, Закар-Баал хотел показать, что может сделать для Ун-Амуна больше, чем Ун-Амун может

сделать для него. Он требует, чтобы Ун-Амун показал ему паруса и снасти судов, которые должны везти лес, и находит их недостаточными; если он, Закар-Баал, не даст ему более прочных, суда Ун-Амуна не выдержат бурь и пойдут ко дну в море.

[51] О Сутехе см. выше.

[52] Связь между концом этой речи и началом следующей с первого взгляда не видна. Переход совершается после того места, где Закар-Баал указывает на смертельную опасность, грозящую Ун-Амуну на обратном пути: «Твое судно, плохо оснащенное, пойдет ко дну, и ты погибнешь в море, ибо погода ведь не всегда бывает хорошей, но частенько Амон заставляет греметь гром и дает волю Сутеху, богу бурь. Ибо Амон, хотя и печется обо всех странах, печется прежде всего о Египте, и он дал ему больше мудрости, чем другим народам. Как же случилось, что государь столь мудрой страны повелел Ун-Амуну такое безумное путешествие, как то, что привело его в Библ?»

Я сказал ему: «Ложь! Нет безумных путешествий для тех, кому я принадлежу. Нет на Ниле судов, что не принадлежали бы Амону; море — его, и деревья Ливана — его, те, о которых ты говоришь: „Они мои“, а они — собственность ладьи Усерхат-Амон, царицы ладей. Увы! Амон-Ра, царь богов, сказал Херихору, моему господину: „Пошли меня“. [53] И он послал меня с этим великим богом. И вот, ты заставил этого великого бога пробыть двадцать девять дней с тех пор, как он прибыл в твою гавань, не зная, там он или нет; и разве не он там, пока ты торгуешься о кедрах Ливана с Амоном, их владельцем? А когда ты говоришь: „Цари прежних времен присылали серебро и золото“, — поистине, если бы они присылали жизнь и здоровье, они не присылали бы вещественных даров; но они присылали твоим отцам вещественные дары вместо жизни и здоровья. А Амон-Ра, царь богов, — он владыка жизни и здоровья, он был владыкой твоих отцов, и они проводили свой век, принося жертвы Амону. И ты сам — ты добрый слуга Амона. Если ты скажешь Амону: „Я сделаю, я сделаю“, — и исполнишь его повеление, ты будешь жить, ты

будешь невредим, ты будешь здоров, ты будешь благословением для всей своей страны и для своего народа. Но не желай того, что принадлежит Амону-Ра, царю богов, ибо лев любит свое. [54] А теперь вели прийти ко мне моему писцу, чтобы я послал его к Смендесу и Тентамон, хранителям, которых Амон поставил на севере своей страны, чтобы они велели доставить все, о чем я скажу: „Пусть доставят“, — прежде чем я вернусь на юг и пришлю тебе твои жалкие остатки, все, все». Так я сказал ему. Я отдал свое письмо его гонцу; он погрузил на корабль киль, носовую голову, кормовую голову [55] и еще четыре бревна, обтесанных топором, — всего семь кусков, и отправил их в Египет.

[53] То есть: пошли со мной статую Амона вместе с Ун-Амуном, которая заключала бы в себе часть силы Амона и была бы божественным послом рядом с послом человеческим. Это статуя Амона Дороги, о которой говорится сразу затем, когда Ун-Амун говорит: «Херихор послал меня с этим великим богом» (ср. выше о двух Хонсу и о посланнике в Бахтан, которого один из них делает из одушевленной статуи другого).

[54] Иначе говоря: «Дай лес Амону даром и не проси его платить тебе; ибо Амон — лев, а лев не любит, когда у него отнимают добычу». Фраза, вероятно, — известная пословица.

[55] У ладьи Амона на носу и на корме были бараньи головы; Закар-Баал посылает бревна, предназначенные для этих двух голов, как предварительный дар, чтобы пробудить щедрость Херихора и Смендеса.

Его гонец отправился в Египет и вернулся ко мне в Сирию в первый месяц зимы. Смендес и Тентамон прислали четыре кувшина и таз из золота, пять кувшинов из серебра, десять кусков царского полотна на десять плащей, пятьсот свитков тонкого папируса, пятьсот бычьих шкур, пятьсот канатов, двадцать мешков чечевицы и тридцать тюков сушеной рыбы; а Тентамон прислала мне пять кусков царского полотна на пять плащей, мешок чечевицы, пять тюков сушеной рыбы. Князь возрадовался,

он набрал триста человек и триста быков, поставил над ними начальников рубить деревья; они срубили их, и деревья лежали на земле всю зиму; потом в третий месяц *Жатвы* их подтащили к берегу моря. Князь вышел, стал возле них и сказал мне: «Подойди». Когда я подошел к нему, на меня упала тень от его зонта, [56] и Пенамон, один из приближенных, что были с ним, стал между князем и мной, говоря: «Тень фараона, ж. з. с., твоего господина, падает на тебя». [57] Но князь рассердился на него и сказал ему: «Оставь!» Я подошел к нему, и он заговорил со мной, сказав: «Вот, поручение, которое мой отец исполнял встарь, я исполнил и сам, хотя ты не сделал для меня того, что делали твои отцы. Смотри же! Твой лес прибыл до последнего куска, и он здесь; делай теперь по своему сердцу и приходи грузить его, ибо разве не тебе он дан? Но не приходи созерцать ужасы моря, а если будешь созерцать ужасы моря, созерцай и мои. [58] Ведь я не сделал с тобой того, что сделали с послами Хамуаса, [59] которые прожили семнадцать лет в этой стране и умерли здесь». Он сказал своему приближенному: «Отведи его посмотреть их гробницу, где они лежат». Я сказал: «Не заставляй меня смотреть на нее. Хамуас — люди, которых он посылал послами, были лишь людьми из его дома; среди его послов не было *бога*. А ты говоришь мне: „Поспеши, посмотри на равных тебе“. [60] Отчего бы тебе лучше не порадоваться и не велеть воздвигнуть стелу, на которой ты скажешь: *„Амон-Ра, царь богов, послал ко мне Амона Дороги своим божественным послом, вместе с Ун-Амуном, своим человеческим послом, за лесом для весьма священной ладьи Амона-Ра, царя богов. Я срубил его, я погрузил его, я снабдил его моими кораблями и моими мореходами и отправил его в Египет, чтобы получить от Амона десять тысяч лет жизни сверх тех, что мне назначены. Да будет так!*“ Когда в иные времена придет из земли Египетской

гонец, знающий письмо, и прочтет на твоей стеле твое имя, ты получишь воду Аментит, как боги, что пребывают там». [61] Он сказал: «То, что ты сказал, — великий предмет для речей». Я сказал ему: «Много слов, что ты сказал мне, — когда я прибуду туда, где пребывает первый пророк Амона, и когда он увидит, как ты исполнил его поручение, он велит доставить тебе дары».

[56] Это зонт вроде того, какой виден на ассирийских рельефах: его держит над головой царя евнух или сановник, стоящий позади него.

[57] Смысл этого замечания, ясный для египтянина, нам не ясен. Я думаю, что он основан на распространенном на Востоке представлении, будто всякий, на кого падает тень могущественного существа — бога, духа или царя, — находится под покровительством, а также под властью этого существа. Пенамон, видя, что тень от зонта князя Библа падает на Ун-Амуна, насмешливо говорит ему, что на него падает тень его фараона, — иначе говоря, что отныне его фараоном и господином будет не кто иной, как князь Библа, чья тень на него падает.

[58] Думаю, это место надо понимать так. Передав лес Ун-Амуну, князь Библа, еще не простивший скудости полученных даров, прибавляет: «А теперь уходи поскорее, даже если погода плоха; и если ты позволишь себе, отправляясь, смотреть на ярость моря, подумай, что мой гнев может быть еще хуже гнева моря и что ты рискуешь разделить участь послов Хамуаса, которых я держал здесь пленниками до самой их смерти».

[59] Этот Хамуас — фараон Рамсес IX, как я уже сказал выше.

[60] Ун-Амун развивает здесь мысль, уже намеченную выше: его посольство не обычное, ибо в него входит бог, *Амон Дороги*. Поэтому он сетует, что князь вздумал сравнивать его с простыми человеческими послами Хамуаса и ставить их с ним на одну доску.

[61] В награду за услугу, оказанную князем, его двойник получит возлияния свежей воды, которыми наслаждаются блаженные в загробном мире. Ср. выше.

Я пошел на берег моря, где лежал лес, и увидел одиннадцать кораблей, пришедших с моря и принадлежавших чекерам, с таким поручением: «Пусть его схватят, и пусть ни одно его судно не уйдет в землю Египетскую». Я сел, я заплакал. Пришел писец

князя; он сказал мне: «Что с тобой?» Я сказал ему: «Разве ты не видишь цапель, что летят вниз, в Египет? Вот, они возвращаются к свежим водам; а я — увы! — доколе мне оставаться покинутым? Ибо разве не видишь ты вон тех, что идут снова схватить меня?» Он пошел и сказал князю; князь заплакал от горестных слов, что были ему сказаны. Он послал своего писца, и тот принес мне два кувшина вина и барана, и он велел привести ко мне Тентнут, египетскую певицу, что была при нем, говоря: «Пой ему, чтобы сердце его предалось приятным мыслям». И он послал сказать мне: «Ешь, пей, чтобы сердце твое не тревожилось. Ты услышишь все, что я имею сказать, завтра утром». Когда настало утро, он велел созвать своих людей к пристани; он стал посреди них и сказал чекерам: «Зачем вы пришли?» Они сказали ему: «Мы пришли в погоню за этими разбитыми судами, что ты посылаешь в Египет с твоими проклятыми товарищами». Он сказал им: «Я не могу держать в плену посланца Амона в моей стране. Дайте мне отпустить его, а потом спешите за ним, чтобы взять его в плен».

Он позволил мне сесть на корабль, он отпустил меня; я вышел из гавани, и ветер пригнал меня к Аласии. [62] Люди города вышли против меня, чтобы убить меня, и меня потащили среди них туда, где была Хатиба, княгиня города. Я нашел ее, когда она выходила из одного своего дома и входила в другой. Я взмолился к ней, сказав людям, стоявшим возле нее: «Нет ли среди вас хоть одного, кто понимает язык Египта?» Один из них сказал: «Я понимаю». Я сказал ему: «Скажи госпоже: „Я слышал, как говорили даже в городе Фивах, в том месте, где пребывает Амон: «Если в каждом городе творится неправда, то в стране Аласии творится правда», — а вот здесь каждый день творится неправда“». Она сказала: «Увы! Что это ты говоришь?» Я сказал ей: «Теперь, когда море разъярилось и ветер выбросил меня на землю, где ты живешь,

неужели ты позволишь привести меня к тебе, чтобы меня убили? Ведь я посланец Амона. Поистине, вот, меня будут искать до скончания времен. [63] А что до этих мореходов князя Библа, которых хотят убить, — если их господин найдет потом десять твоих мореходов, разве он не убьет их в отместку?» Она велела созвать своих людей; их задержали, и она сказала мне: «Иди отдохни…»

[62] О местоположении страны Аласии см. выше.

[63] Это тот же довод, которым Ун-Амун уже пользовался перед князем Библа. Ср. выше.

ОТРЫВКИ

✦

Приведенных выше сказок довольно, чтобы дать широкому читателю понятие о повествовательной словесности египтян. Я мог бы без всякого ущерба на них и остановиться: никто из моих читателей не потребовал бы издания следующих ниже отрывков. Я подумал, однако, что в этих скудных остатках есть свой интерес, которым не следует пренебрегать; если любители словесности не увидят в них ничего значительного, то ученые, быть может, сочтут, что не стоит совсем обходить их вниманием.

Прежде всего, само их число ясно доказывает, сколько сочинений того рода, к которому они принадлежат, было в ходу в долине Нила; это еще один довод в пользу догадки, которая ищет в Египте начало некоторых наших народных сказок. Кроме того, иные из них изувечены не настолько, чтобы в них нельзя было найти ничего любопытного. Конечно, двенадцать или пятнадцать строк текста никогда не будут занимательным чтением ради одного любопытства; но знаток, быть может, извлечет из них какую-нибудь подробность, в которой узнает случай, известный ему по другим источникам, или иероглифический извод повествования, которое и поныне живет у разных народов. Польза была бы двойная: египтологи получили бы материал, позволяющий им восстановить, хотя бы приблизительно, некоторые сочинения, которые без него остались бы им непонятны, а другие ученые имели бы удовольствие доказать, что в отдаленную пору, к которой относится рукопись, уже

существовал рассказ, известный им лишь по гораздо более поздним редакциям.

Поэтому я собрал на следующих страницах остатки шести повестей разных эпох:

1. Фантастическую сказку, сочиненную до XVIII династии;
2. Ссору Апопи и Секененры;
3. Несколько обрывков сказки о призраке;
4. Рассказ о моряке;
5. Небольшой греческий отрывок о царе Нектанебе II;
6. Несколько разрозненных страниц коптской версии романа об Александре.

Сожалею, что не смог прибавить ни роман из Каирского музея, ни первую петербургскую повесть: каирская рукопись так изувечена, что в ней ничего нельзя разобрать связно, а петербургский текст еще не издан. Быть может, мне удастся восполнить этот пробел, если когда-нибудь мне будет дано выпустить пятое издание этой книги.

Отрывок волшебной сказки, написанной до XVIII династии

Берлинский папирус № 3 содержит отрывки двух сочинений: философской беседы египтянина со своей душой [1] и фантастической сказки. По-видимому, сказка начиналась со строки 156 и занимала последние тридцать шесть строк рукописи в ее нынешнем виде (стк. 156–191); сколько недостает в конце, точно определить невозможно; можно лишь сказать, что строки, которыми открывается повествование, были стерты еще в древности. Второе издание текста дал фототипией Алан Х. Гардинер, *Die Erzählung des Sinuhe und die Hirtengeschichte*, в т. IV *Hieratische Texte des Mittleren Reiches* Эрмана, in-folio, Лейпциг, 1909,

табл. XVI, XVII. Впервые его перевел на французский Масперо, *Études égyptiennes*, т. I, с. 73 и след., затем на немецкий — Эрман, *Aus den Papyrus der Königlichen Museen*, 1899, с. 20–30, и Алан Х. Гардинер, *Die Erzählung des Sinuhe und die Hirtengeschichte*, с. 14, 15.

[1] Эрман, дав краткий ее разбор в своей книге *Aegypten*, с. 393–394, издал, переписал и перевел ее в особой записке под заглавием *Gespräch eines Lebensmüden mit seiner Seele*, помещенной в *Abhandlungen der Berliner Akademie*, 1896; новый разбор и большие ее отрывки он дал в книге *Aus den Papyrus der Königlichen Museen*, 1889, с. 54–59, и в своей *Aegyptische Chrestomathie*, 1904, с. 33–55 и 16*–17*.

И вот, когда я спустился к болоту, что примыкает к тому вади, я увидел там женщину, облик которой был не как у смертных; волосы мои встали дыбом, когда я разглядел ее косы, так переливались они цветами. Я ничего не мог понять из того, что она говорила мне, так глубоко ужас перед ней проник в мои члены.

Говорю вам: «О быки, переправимся через брод! О, если бы телята уже перешли, а мелкий скот отдыхал у входа в болото, и пастухи позади него, а наш челнок, в котором мы перевозим быков и коров, оставался позади, и те из пастухов, что искусны в делах магии, прочли бы над водой заклинание такими словами: „Двойник мой ликует, о пастухи, о люди, не обхожу я этого болота в этот год великого Нила, когда бог изрекает свои решения о земле и когда нельзя отличить пруд от реки. Возвращайся в дом свой, а коровы пусть остаются на своем месте! Приди, ибо страх перед тобой гибнет и ужас перед тобой вот-вот погибнет, — ярость богини Уасрит и страх перед Владычицей Обеих Земель“».

На другой день, на рассвете, когда делалось так, как он сказал, эта богиня встретила его, когда он шел к пруду; она подошла к нему, сбросив свои одежды, с распущенными волосами…

Повесть, существование которой доказывает этот отрывок, была написана до XVIII династии, быть может при XII, если, как и в случае с беседой, занимающей первые строки рукописи, дошедший до нас текст — список, снятый с более древней рукописи. Местность и описанные сцены взяты из природы и из египетских обычаев. Мы на краю одного из тех водоемов, полуболот-полупрудов, на которых вельможи Древнего царства любили охотиться на птиц, на крокодила и на гиппопотама. Пастухи беседуют, и один из них рассказывает другому, что повстречал таинственное существо, обитающее в недоступном убежище посреди вод. В гробнице Ти видно, как пастухи гонят быков и телок через канал. Люди и животные стоят в воде до половины ног, и один из гуртовщиков несет на спине бедного теленка, чтобы его не унесло течением. Дальше другие пастухи в легких тростниковых лодках переправляют второе стадо быков через другой канал, поглубже. Два крокодила, помещенные по обе стороны картины, присутствуют при этом шествии, но не могут воспользоваться случаем: заклинания сделали их неподвижными. Как поясняет сопровождающая надпись, лицо пастуха всесильно над каналами, «и те, что в воде, поражены слепотой». [2] Наша сказка показывает нам гуртовщиков, знающих свое дело, которые идут за стадами и читают формулы, призванные отвести опасности реки. Магический папирус Харриса содержит несколько заклинаний против крокодила и вообще против всех опасных животных, живущих в воде. [3] Они слишком длинны и слишком сложны, чтобы служить в повседневном быту; обычные заклинания были коротки и легко запоминались.

[2] Maspero, *Études égyptiennes*, т. II, с. 106–110.

[3] Chabas, *Le Papyrus magique Harris*, Шалон-сюр-Сон, 1860, с. 20 и след., 92 и след.

Нелегко с какой-либо уверенностью угадать, какая тема здесь развивалась. Арабские авторы, писавшие о Египте, полны чудесных историй, в которых главную роль играет женщина, отвечающая описанию нашей сказки. «Говорят, что дух Южной пирамиды показывается снаружи не иначе как в образе нагой женщины, прекрасной, и повадки ее таковы, что, когда она хочет внушить кому-нибудь любовь и лишить его рассудка, она ему улыбается, и он тотчас приближается к ней, а она привлекает его к себе и сводит с ума любовью, так что он немедля теряет рассудок и бродит по стране как безумный. Многие видели, как она кружит вокруг пирамиды в полдень и на закате». [4] Автор этого отрывка, правда, утверждает, что существо, с которым он сводит своего героя, — богиня, *нутрит*, но это утверждение не нужно понимать буквально: она богиня, если угодно, такая же, как ее родственницы, нимфы греческой и римской веры, но притязать на государственный культ, какой совершается в храмах, она не может. [5] Скажем же, что это нимфа, нагая, с волосами переменчивого цвета: не были ли они розовыми, как у Нитокрис, которую предание греческой поры поселило в пирамиде Микерина? Другое предание, которое я нахожу у арабских историков Египта, тоже имеет некоторое сходство с событием, записанным в этом отрывке. [6] Арабы нередко приписывают основание Александрии царю Гебиру и царице Харобе, о которых западные историки никогда не слыхали. Пока Гебир старался построить город, его пастух гонял на пастбище у морского берега стада, дававшие молоко для царской кухни. «Однажды вечером, когда он передавал своих животных под надзор подчиненных ему пастухов, он, будучи красив, статен и хорошо сложен, увидел, как из моря вышла прекрасная молодая женщина, подошла к нему и, приблизившись вплотную, приветствовала его. Он ответил на ее

приветствие, и она стала говорить с ним со всей возможной учтивостью и вежливостью и сказала ему: „О юноша, не поборешься ли ты со мной на некий заклад, который я поставлю?“ — „Что же ты хочешь поставить?“ — ответил пастух. „Если ты меня поборешь, — сказала молодая особа, — я буду твоей, и ты сделаешь со мной что захочешь; а если я тебя поборю, я возьму животное из твоего стада“». Борьба окончилась поражением пастуха. Молодая особа вернулась на другой день и в следующие дни. Как она снова одолевала пастуха, как царь Гебир, видя, что его овцы пропадают, сам взялся бороться с нею и, в свою очередь, ее одолел, — разве не написано все это в «Египте» Муртади, сына Гафифа, в переводе г-на Пьера Ваттье, доктора медицины, чтеца и королевского профессора арабского языка? Я думаю, что эта прекрасная женщина египетского автора сделала нашему пастуху предложение того же рода, какое молодая особа арабского автора сделала своему. Сказка о потерпевшем кораблекрушение уже познакомила нас со змеем, одаренным речью и владеющим заколдованным островом; [7] берлинский отрывок являет нам нимфу, Владычицу пруда. Если случай поможет нашим поискам, мы можем надеяться найти в египетской словесности все чудесные существа арабской словесности средних веков.

---

[4] *L'Égypte de Murtadi fils du Gaphiphe, où il est traité des Pyramides, du débordement du Nil, et des autres merveilles de cette Province, selon les opinions et traditions des Arabes. De la traduction de M. Pierre Vattier, Docteur en Médecine, Lecteur et professeur du Roy en Langue Arabique. Sur un manuscrit Arabe tiré de la Bibliothèque de feu Monseigneur le Cardinal Mazarin.* A Paris, chez Louys Billaine, au second pillier de la grande Salle du Palais, à la Palme et au grand Cesar, M.DC.LXVI. Avec Privilège du Roy, in-12, с. 65 и след.

---

[5] Ср. Virey, *La Religion de l'Ancienne Égypte*, 1910, с. 60.

---

[6] *L'Égypte de Murtadi, fils du Gaphiphe*, с. 143 и след.

[7] Ср. выше, «Потерпевший кораблекрушение».

Ссора Апопи и Секененры

(XIX династия)

Это повествование занимает все, что осталось от первых страниц Папируса Салье № 1. Долгое время его считали историческим документом; но слог, употребленные выражения и самая основа сюжета — все указывает на роман, где главные роли играют лица, взятые из истории, а мысли почти целиком принадлежат народному воображению.

Шампольон дважды видел папирус у его первого владельца, г-на Салье из Экса в Провансе, — за несколько дней до своего отъезда в Египет в 1828 году и еще раз по возвращении, в 1830 году. Заметки, изданные Сальволини, показывают, что он распознал если не подлинный характер повествования, то во всяком случае историческое значение встречающихся в нем царских имен. Рукопись, купленная в 1839 году Британским музеем, была издана в факсимиле уже в 1841 году в *Select Papyri*. [8] Пояснение Хокинса, составленное, очевидно, по указаниям, полученным от Бирча, прочло имя противника Апофиса, которое Шампольон не прочел, но относит картуш Апофиса к царю Фиопсу V династии. Э. де Руже первым по-настоящему разглядел, что содержится на этих страницах папируса. В 1847 году он отвел Секененре подобающее место в списке фараонов; в 1854 году он указал в отрывке имя Хауару и поместил в *Athénæum Français* [9] довольно подробный разбор документа. Открытие сделал известным в Германии Бругш, попытавшийся дать дословный перевод первых строк, [10] а затем в Англии — Гудвин, решившийся рискнуть полным переводом. [11] С тех пор текст изучали много раз:

Шаба, [12] Лашингтон, [13] Бругш [14] и Эберс. [15] Гудвин, по зрелом размышлении, осторожно высказал мнение, что перед нами, пожалуй, не точный рассказ, а романическое переложение исторических фактов. [16] С этим мнением я согласен, и, по-видимому, оно преобладает среди ученых. Транскрипция, перевод и комментарий к тексту даны полностью в моих *Études égyptiennes*. [17]

---

[8] *Select Papyri*, т. I, табл. I и след.

---

[9] *Athénæum Français*, 1854, с. 532; ср. *Œuvres diverses*, т. II, с. 412–413.

---

[10] Brugsch, *Aegyptische Studien*, II, *Ein Aegyptisches Datum über die Hyksoszeit*, с. 8–21, in-8°, Лейпциг, 1864, оттиск из *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*, т. IX.

---

[11] Goodwin, *Hieratic Papyri*, в *Cambridge Essays*, 1858, с. 243–245.

---

[12] Chabas, *Les Pasteurs en Égypte*, Амстердам, 1868, in-4°, с. 16–18.

---

[13] Lushington, *Fragment of the first Sallier Papyrus*, в *Transactions of the Society of Biblical Archaeology*, т. IV, с. 263–266, перепечатано в *Records of the Past*, 1-я серия, т. VIII, с. 1–4.

---

[14] Brugsch, *Histoire d'Égypte*, in-4°, 1859, с. 78 и след.; и *Geschichte Aegyptens*, in-8°, 1878, с. 222–226; ср. *Tanis und Avaris* в *Zeitschrift für allgemeine Erdkunde*, новая серия, т. XIV, с. 81 и след.

---

[15] Ebers, *Aegypten und die Bücher Moses*, 1868, с. 204 и след.

---

[16] Bunsen, *Egypt's Place*, т. IV, с. 671.

---

[17] Maspero, *Études égyptiennes*, т. I, с. 195–216.

Мне кажется, что уцелевшие остатки позволяют восстановить первые две страницы почти полностью. Быть может, предлагаемая мной попытка восстановления покажется смелой даже египтологам. По крайней мере будет видно, что я взялся за

нее не легкомысленно. К тем выводам, которые я представляю на суд критики, меня привел тщательный разбор текста.

Случилось так, что земля Египетская принадлежала Нечистым, [18] и, так как не было у них владыки, ж. з. с., царя в то время, случилось, что царь Секененра, [19] ж. з. с., был государем, ж. з. с., земли Юга, а бич городов, Ра-Апопи, ж. з. с., был вождем Севера в Хауару; [20] Вся Земля платила ему дань изделиями своих рук и доставляла ему также все добрые вещи Томури. [21] И вот царь Ра-Апопи, ж. з. с., взял себе в господа Сутеха и не служил во Всей Земле никакому иному богу, кроме Сутеха, и построил храм превосходной и вечной работы у ворот царя Ра-Апопи, ж. з. с., и вставал каждый день, чтобы приносить Сутеху ежедневные жертвы, и вожди, подвластные государю, ж. з. с., были там с венками из цветов, точно так, как делалось для храма Пра-Хармахиса. И царь Ра-Апопи, ж. з. с., задумал послать весть царю, чтобы объявить ее царю Секененре, ж. з. с., князю Южного города. [22] И много дней спустя после того царь Ра-Апопи, ж. з. с., велел созвать своих великих вождей…

---

[18] Это одно из обидных прозвищ, которыми писцы, не простившие былого владычества, наделяли пастухов и другие чужеземные народы, занимавшие Египет; см. примечание к «Подлинной истории Сатни-Хамуаса и его сына Си-Осири».

---

[19] Это самое вероятное произношение тронного имени, которое обычно передают как *Раскенен*. Это тронное имя носили три царя Египта: двое по имени Тиуау и один по имени Тиуакен, царствовавший за несколько лет до Яхмоса.

---

[20] Хауару, Аварис Манефона, был крепостью царей-пастухов в Египте. Э. де Руже доказал, что Хауару было одним из имен Таниса, тем, которое чаще всего употреблялось в древности.

---

[21] Нижний Египет, Земля каналов, страна Севера; ср. примечание к «Истории двух братьев».

---

[22] Южный город — это Фивы.

Здесь текст обрывается и начинается снова лишь в начале второй страницы; там, где он возобновляется, после почти сплошного пробела в пять с половиной строк, мы находим фразы, которые явно принадлежат посланию царя Апопи. Между тем многие примеры, взятые как из романических, так и из исторических текстов, показывают нам, что послание, доверенное какому-нибудь лицу, неизменно повторяется им почти слово в слово; поэтому мы можем быть уверены, что две строки на второй странице, вложенные в уста посланца, должны были встречаться в недостающих строках первой страницы; и в самом деле, маленький отдельный обрывок, помещенный внизу факсимиле, показывает остатки знаков, которые в точности соответствуют одному из мест послания. Значит, эту первую редакцию произнесли советники царя; но кто были эти советники? Великие ли князья, которых он велел созвать там, где текст обрывается? Нет, ибо в уцелевших обрывках строки 7 встречается выражение *ученые писцы*, а в строке 2 второй страницы прямо сказано, что Апопи послал Секененре весть, которую сказали ему его ученые писцы. Итак, мы должны допустить, что Апопи совещался со своими гражданскими и военными начальниками, а те посоветовали ему обратиться к писцам; их речь начинается в конце строки 7 обязательным обращением: *О государь, господин наш*. И в самом деле, на всем протяжении первой части этого пробела мы имеем совещание, весьма сходное с тем, какое встретим дальше при дворе Секененры, и с тем, что в «Истории двух братьев», когда фараон пожелал узнать, кому принадлежит прядь волос, надушившая его белье. [23] Поэтому восстановим так:

[23] См. выше, «История двух братьев».

И много дней спустя после того царь Ра-Апопи, ж. з. с., велел созвать своих великих вождей, а также своих военачальников и всех своих советников, но они не сумели дать ему доброй речи, чтобы послать ее царю Секененре, ж. з. с., вождю страны Юга. Тогда царь Апопи, ж. з. с., велел позвать своих писцов-магов. Они сказали ему: «Государь, ж. з. с., господин наш…» [24] — и дали царю Ра-Апопи, ж. з. с., речь, какую он желал. «Пусть гонец пойдет в Южный город, чтобы сказать ему: царь Ра-Апопи, ж. з. с., посылает к тебе, говоря: „Пусть гиппопотамов, что в каналах страны, загонят на пруду, дабы они дали сну приходить ко мне ночью и днем…“»

[24] В этой строке, должно быть, заключалась похвала, обращенная к царю.

Вот часть пробела, восполненная с уверенностью, по крайней мере по смыслу; но внизу страницы остается заполнить добрых полторы строки, а может быть, даже две строки или больше. И здесь остальная часть повествования позволяет восстановить точный смысл, если не букву, того, чего недостает в тексте. В самом деле, видно, что, получив приведенное выше послание, царь Секененра собирает своих советников, которые приходят в замешательство и не находят ответа; после чего царь Апопи посылает второго посла. Очевидно, что смущение фиванцев и их молчание было предусмотрено писцами Апопи и что та часть их речи, которая сохранилась вверху второй страницы, содержала конец второго послания, которое Апопи намеревался отправить, если первое останется без ответа. В подобных повестях, построенных на каком-нибудь необычайном деле, которое должен совершить один из двух царей, всегда излагается кара, которой он подвергнется в случае неудачи. Так, без сомнения, было и в этой повести, и я предлагаю восстановить ее следующим образом:

Он не будет знать, что ответить, ни доброго, ни худого. Тогда ты пошлешь ему другое послание: «Царь Ра-Апопи, ж. з. с., посылает к тебе, говоря: „Если вождь Юга не сможет ответить на мое послание, пусть не служит он никакому иному богу, кроме Сутеха“. Если же он ответит и если сделает то, что я велю ему сделать, [25] тогда я ничего у него не возьму и также не стану кланяться никакому иному богу земли Египетской, кроме Амона-Ра, царя богов».

[25] Здесь начинается уцелевшая часть текста.

И много дней спустя после того царь Ра-Апопи, ж. з. с., послал к князю страны Юга весть, которую дали ему его писцы-маги; и гонец царя Ра-Апопи, ж. з. с., прибыл к князю страны Юга. Тот сказал гонцу царя Ра-Апопи, ж. з. с.: «С какой вестью пришел ты в страну Юга? Зачем предпринял ты это путешествие?» Гонец сказал ему: «Царь Ра-Апопи, ж. з. с., посылает к тебе, говоря: „Пусть загонят на пруду гиппопотамов, что в каналах страны, дабы сон приходил ко мне днем, как и ночью…“» Вождь страны Юга оцепенел и не знал, что ответить гонцу царя Ра-Апопи, ж. з. с. И сказал вождь страны Юга гонцу: «Вот то, за чем господин твой, ж. з. с., посылает… вождь страны Юга… слова, которые он мне послал… его владения…» Вождь страны Юга велел дать гонцу всяких добрых вещей — мяса, лепешек, …, вина, — потом сказал ему: «Возвращайся и скажи своему господину: … „Все, что ты сказал, я одобряю…“» Гонец царя Ра-Апопи, ж. з. с., отправился туда, где был его господин, ж. з. с. И вот вождь страны Юга велел созвать своих великих вождей, а также своих мудрых военачальников и полководцев, и пересказал им все послание, которое прислал ему царь Ра-Апопи, ж. з. с. И вот они молчали все

в один голос долгое время и не знали, что ответить, ни доброго, ни худого.

Царь Ра-Апопи, ж. з. с., послал вождю страны Юга другое послание, которое дали ему писцы-маги…

Досадно, что текст обрывается как раз на этом месте. Три фараона, носившие имя Секененра, царствовали в смутное время и, должно быть, оставили живую память среди фиванского народа. Это были беспокойные и воинственные государи, последний из которых погиб насильственной смертью — быть может, сражаясь с гиксосами, быть может, от руки убийцы. Бороду ему побрили в то же утро, «украшая его для боя, как бога Монту», как говорят египетские писцы. Удар топора снес часть его левой щеки, обнажив зубы, расколол челюсть и поверг его без чувств на землю; второй удар глубоко проник в череп; кинжал или короткое копье рассекли лоб справа, немного выше глаза. Тело набальзамировали наспех, в том положении, в каком оно окоченело в миг смерти. Черты еще хранят ярость и неистовство схватки; большое беловатое пятно вытекшего мозга покрывает лоб, губы оттянуты, обнажая челюсть, а язык прикушен зубами. [26] Довел ли автор нашей повести рассказ до трагической смерти своего героя? Писец, которому мы обязаны Папирусом Салье № 1, несомненно, намеревался закончить повесть: он переписал последние строки на обороте одной из страниц и собирался продолжать, когда его прервал какой-то неизвестный нам случай. Быть может, учитель, под диктовку которого он, по-видимому, писал, не знал последних событий. Во Введении я уже указал вероятную развязку: царь Секененра после долгих колебаний сумел выйти из затруднительного положения, в которое пытался поставить его могущественный соперник. Можно предположить,

что его ответ был не менее странен, чем послание Апопи, но у нас нет никаких средств угадать, каков он был.

[26] Maspero, *Les Momies royales d'Égypte récemment mises au jour*, с. 14, 15.

Отрывки сказки о призраке

(X X д и н а с т и я)

Эти отрывки дошли до нас на четырех черепках, один из которых ныне находится в Лувре, другой — в Венском музее, а два остальных — в Египетском музее во Флоренции.

Парижский остракон состоит из двух склеенных кусков, на которых сохранились остатки одиннадцати строк. Его перевел, но не издал Девериа, *Catalogue des manuscrits égyptiens du Musée du Louvre*, Париж, 1872, с. 208, а содержащийся в нем картуш изучил Линке, *Über einen noch nicht erklärten Königsnamen auf einem Ostracon des Louvre*, в *Recueil de Travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes*, 1880, т. II, с. 85–89. Пять строк текста издал в скорописном факсимиле Лаут, который прочел царское имя как Ра-Хап-Амх и отнес его к IV династии (*Manetho und der Turiner Königspapyrus*, с. 187). Наконец, весь текст дал Шпигельберг, *Varia*, в *Recueil de Travaux*, т. XVI, с. 31, 32. Два флорентийских обрывка в каталоге Мильярини значатся под номерами 2616 и 2617. Их сфотографировал в 1876 году Голенищев, затем не полностью переписал Эрман в *Zeitschrift* (1880, 3-й вып.), и наконец издал в факсимиле, переписал и перевел Голенищев, *Notice sur un Ostracon hiératique du Musée de Florence (avec deux planches)*, в *Recueil*, 1881, т. III, с. 3–7. Я прибавил к записке Голенищева примечание (*Recueil*, т. III, с. 7) с несколькими поправками небольшой важности. Два

флорентийских обрывка на деле дают лишь один текст, ибо остракон 2617, по-видимому, лишь список с остракона 2616. Венский остракон открыл, издал и перевел Э. фон Бергман в своих *Hieratische und Hieratisch-Demotische Texte der Sammlung Aegyptischer Alterthümer des Allerhöchsten Kaiserhauses*, Вена, 1886, табл. IV, с. VI. Он расколот поперек посередине, и половина каждой строки пропала.

Угадать, какова была главная мысль повести, невозможно. В ней появляется несколько лиц: фиванский верховный жрец Амона Хонсуемхеб, трое безымянных людей и призрак, который весьма хорошим слогом рассказывает историю своей прежней жизни. Парижский остракон, по-видимому, сохранил отрывок начала. Верховный жрец Хонсуемхеб, кажется, всецело занят поисками подходящего места для своей гробницы.

Он послал одного из своих подчиненных к месту гробницы царя Верхнего и Нижнего Египта Рахотепа, ж. з. с., [27] а с ним людей, подчиненных верховному жрецу Амона-Ра, царя богов, — троих людей, всего четверых; он сел с ними в лодку, он правил, он привел их к указанному месту, близ гробницы царя Рахотепа, ж. з. с. Они пошли туда с нею и вошли внутрь; она поклонилась двадцати пяти … в царской … стране, потом они пришли на берег реки и поплыли к Хонсуемхебу, верховному жрецу Амона-Ра, царя богов, и нашли его, когда он пел хвалы богу в храме города Амона. Он сказал им: «Возрадуемся, ибо я пришел и нашел место, благоприятное для того, чтобы устроить мое жилище навеки». Трое людей сказали ему в один голос: «Найдено оно, место, благоприятное для того, чтобы устроить твое жилище навеки», — и сели перед нею, и она провела счастливый день, и сердце ее предалось радости. Потом он сказал им: «Будьте готовы завтра утром, когда солнечный диск выйдет из двух небосклонов». Он

приказал помощнику начальника храма Амона найти жилье для этих людей, он сказал каждому из них, что ему делать, и велел им вечером вернуться ночевать в город. Он установил…

[27] Имя Рахотепа носил малоизвестный царь XVI или XVII династии, гробница которого, по-видимому, находилась в Фивах, в той же части некрополя, что и пирамиды государей XI, XIII, XIV и последующих династий, близ Дра-Абу-эль-Неггы. Вероятно, это и есть Рахотеп нашего текста (ср. H. Gauthier, *Le Livre des Rois d'Égypte*, т. II, с. 88, 89).

Во флорентийских отрывках верховный жрец оказался лицом к лицу с призраком и беседует с ним; быть может, это было при расчистке более древней гробницы, хозяева которой вступили с ним в разговор, как мумии Ненеферкаптаха беседовали с царевичем Сатни-Хамуасом. [28] Там, где мы снова подхватываем текст, одна из мумий, по-видимому, рассказывает первому пророку Амона историю своей земной жизни.

[28] См. выше, «Приключение Сатни-Хамуаса с мумиями».

…Я вырос, и я не видел лучей солнца, я не вдыхал воздуха, но тьма была передо мной каждый день, и никто не приходил отыскать меня». Дух сказал ему: «Что до меня, когда я еще жил на земле, я был казначеем царя Рахотепа, ж. з. с., и был также помощником начальника его пехоты. Потом я прошел перед людьми и позади богов [29] и умер в год XIV, в месяцы шому, [30] царя Манхапурийи, [31] ж. з. с. Он дал мне мои четыре гроба-оболочки и мой саркофаг из алебастра; он велел сделать для меня все, что делается для знатного человека, он дал мне приношения…»

[29] Пройти перед людьми и позади богов — значит умереть. Умерший опережал на пути в иной мир тех, кто оставался на земле, и шел присоединиться к тем, кто следовал за Ра, Осирисом, Сокаром или каким-нибудь другим заупокойным богом.

[30] Египетский год делился на три времени года по четыре месяца в каждом; шому было временем жатвы.

[31] Об этом царе, еще менее известном, чем Рахотеп, см. H. Gauthier, *Le Livre des Rois d'Égypte*, т. II, с. 95.

Все, что следует дальше, очень темно. Призрак, по-видимому, жалуется на какую-то беду, случившуюся с ним самим или с его гробницей, но я не могу ясно разобрать, чем он недоволен. Быть может, как Ненеферкаптах в повести о Сатни-Хамуасе, он просто желал, чтобы с ним жили его жена, его дети или кто-нибудь, кого он любил. Когда он заканчивает свою речь, в свой черед говорит его гость.

Первый пророк Амона-Ра, царя богов, Хонсуемхеб сказал ему: «О, дай мне превосходный совет о том, что мне сделать, и я велю это сделать для тебя, или по крайней мере сделай так, чтобы мне дали пять человек и пять рабов, всего десять душ, носить мне воду, и тогда я буду давать зерно каждый день, и это обогатит меня, и каждый день мне будут приносить возлияние воды». Дух, Нуитбусохну, [32] сказал ему: «Что ты сделал? Если дерево не оставить на солнце, оно не останется сухим; не камень, изношенный временем, приносят…»

[32] Это имя означает *жилище не вмещает его*. Быть может, это не имя умершего, а общее имя, которым обозначали призраков.

Пророк Амона, по-видимому, просит у призрака какой-то милости, а призрак со своей стороны, кажется, не расположен ее оказать, несмотря на обещания гостя. Беседа на эту тему длилась довольно долго, и, думаю, ее продолжение мы находим на венском остраконе. Хонсуемхеб спрашивает, к какому роду принадлежал один из его собеседников, и его вполне естественное любопытство щедро удовлетворено.

Дух сказал ему: «Х… — имя моего отца, Х… — имя отца моего отца, и Х… — имя моей матери». Верховный жрец Хонсуемхеб сказал ему: «Но тогда я хорошо тебя знаю. Этот вечный дом, в котором ты находишься, — это я велел сделать его для тебя; это я велел похоронить тебя в день, когда ты вернулся в землю; это я сделал для тебя то, что подобает делать для того, кто высокого звания. Но вот, я в бедности, злой ветер зимы навеял голод на страну, и я больше не счастлив. Сердце мое не касается (радости), потому что Нил…» Так сказал Хонсуемхеб, и после того Хонсуемхеб остался там, плача, долгое время, не евши, не пивши, не…

Текст так изрезан пробелами, что я не могу надеяться, будто везде истолковал его верно. Даже будь он полным, трудность едва ли была бы меньше. Не знаю, было ли в обычае у египетских призраков нарочно затемнять свою речь; этот, по-видимому, и не пытался выражаться ясно. Его речи резко обрываются на середине фразы, и, если Голенищев не откроет на каком-нибудь черепке в каком-нибудь музее других обрывков, я почти не вижу надежды, что мы когда-нибудь узнаем продолжение повести.

Рассказ о моряке

(Птолемеевская эпоха)

Этот отрывок взят из большого демотического папируса Национальной библиотеки в Париже. Документ, привезенный во Францию в начале XIX века одним из участников Египетской экспедиции, до 1873 года лежал забытым среди груды семейных бумаг. Книжная лавка Мезоннева предложила его Национальной библиотеке, и та по моему представлению купила его за умеренную сумму в тысячу франков.

Он исписан с обеих сторон и содержит несколько сочинений особого рода — мессианские пророчества, полурелигиозные беседы и притчи. Единственный отрывок, явно подходящий для этого сборника, — тот, перевод которого я даю на следующих страницах. Честь открытия и издания текста принадлежит Эжену Ревийю, бывшему тогда помощником хранителя Египетского музея в Лувре: *Premier Extrait de la Chronique Démotique de Paris: le roi Amasis et les Mercenaires, selon les données d'Hérodote et les renseignements de la Chronique*, в *Revue Égyptologique*, т. I, с. 49–82, и табл. II, in-4°, Париж, 1880, E. Leroux.

С тех пор Ревийю дал более полный его перевод на французский: E. Révillout, *Hérodote et les oracles égyptiens*, в *Revue Égyptologique*, т. IX, 1900, с. 2, 3; затем иероглифическую транскрипцию с новым французским переводом: E. Révillout, *Amasis sur le lac et le Conte du Nautonnier*, в *Revue Égyptologique*, 1908, т. XII, с. 113–116.

Похоже, что царю Амасису выпало счастье вдохновлять египетских сказочников. Его низкое происхождение, едкость его остроумия и смелость его политики по отношению к грекам одним внушали к нему стойкую неприязнь, а у других вызывали пылкое восхищение. Геродот собрал о нем весьма противоречивые известия, а «Рассказ о моряке» дает нам в подлинном виде один из анекдотов, ходивших о нем. Автор предполагает, что царь Амасис, напившись однажды вечером, проснулся на другое утро с тяжелой головой и, не чувствуя охоты заниматься серьезными делами, спросил своих придворных, не знает ли кто-нибудь из них забавной истории. Один из присутствующих воспользовался случаем и рассказал ему историю моряка. Повествование обрывается слишком рано, чтобы можно было судить о том, какую форму оно приняло. Ничто не

мешает нам предположить, что рассказчик вывел из него поучение, приложимое к царю. Во всяком случае, мне кажется весьма вероятным, что эпизод в начале — лишь мнимый кусок истории. Не говоря уже о месте из Книги Есфири, где Артаксеркс, страдая бессонницей, велел читать себе летописи своего царствования, первый египетский роман из Петербурга начинается совершенно так же: царь Снофру собирает своих советников и требует от них рассказа. [33] Поэтому мне простят, если я придам этой повести не больше исторического значения, чем придавал повестям о Синухете или о Джехути.

---

[33] См. об этом вводную заметку к сказке «Царь Хуфуи и волшебники».

Случилось однажды, во времена царя Яхмоса, что царь сказал своим вельможам: «Мне угодно выпить египетской водки». Они сказали: «Великий господин наш, тяжело пить египетскую водку». Он сказал им: «Вы что же, намерены перечить тому, что я сказал?» [34] Они сказали: «Великий господин наш, что угодно царю, пусть то и делает». Царь сказал: «Пусть принесут египетской водки на озеро». Сделали по приказу царя. Царь омылся со своими сыновьями, и не было у него с ними никакого вина на свете, кроме египетской водки; и царь веселился со своими сыновьями, он пил вина в весьма великом количестве, по причине жадности, какую царь выказывал к египетской водке; потом царь уснул на озере вечером того дня, ибо велел морякам принести ложе под беседку на берегу озера. Когда настало утро, царь не мог подняться из-за великого хмеля, в котором был погружен. Когда прошел час, а он все еще не мог подняться, придворные стали жаловаться, говоря: «Мыслимо ли, чтобы, если случится царю быть пьяным больше всякого человека на свете, ни один человек на свете не мог подойти к царю по делу?» [35] Тогда придворные вошли туда, где

был царь, и сказали ему: «Великий господин наш, какое желание владеет царем?» Царь сказал: «Мне угодно быть очень пьяным… Нет ли среди вас кого-нибудь, кто расскажет мне историю, чтобы я с нею не уснул?» А был среди придворных Царский Брат [36] по имени Пеун, [37] и он знал много историй; он подошел к царю и сказал: «Великий господин наш, не знает ли царь приключения, что случилось с молодым кормчим, которому дали имя…»

[34] Дословно: «Дурно ли пахнет то, что я тебе говорю?»

[35] Дословно: «Бывает ли так, что если царь творит хмель человека всего света, то человек всего света не творит входа по делу к царю?»

[36] Чтение сомнительно. Титул Царского Брата, несколько необычный в Египте, означает высокую ступень знатности в иерархии.

[37] Чтение имени недостоверно. Ревийю прочел его Пентсате, Петесатис. Я взял из известных знаков тот, что больше всего похож с виду на начертание, приведенное в его факсимиле.

Случилось во времена царя Псамметиха, [38] что жил один женатый кормчий; другой кормчий, которому дали имя…, полюбил жену первого, которой дали имя Таонх. [39] Она любила его, и он любил ее. Случилось однажды, что царь велел ему прийти в ладью, называемую…, в тот день. После пира великое желание охватило его… которое дал ему царь; он сказал: «…», и его ввели пред лицо царя. Он пришел в свой дом, он омылся со своей женой, он не мог пить, как обычно. Когда настало время обоим идти на ложе, он не мог познать ее из-за великого страдания, в котором был. Она сказала ему: «Что случилось с тобой на реке?»

[38] Имя заполняет конец строки и сильно повреждено. Мне кажется, я узнаю в первом знаке П, как он выглядит в факсимиле, и это чтение подсказало мне имя Псамметих. Ревийю передал его как Уджа-Хор.

[39] Дословно: «Взял любовь себе, называя ее Таонх (?) или Сонх, имя ее, другой кормчий был имени его…» Ревийю прочел имя жены просто как Анх.

Издание точного факсимиле, быть может, когда-нибудь позволит нам полностью перевести последние строки. Пока же я попытаюсь прокомментировать небольшой эпизод в начале, служивший рамой для истории моряка. Царь Яхмос, Амасис греков, пожелал выпить какого-то напитка, который в тексте всегда называется *kolobi* Египта, без сомнения в отличие от чужеземных напитков, ввозившихся в большом количестве. Ревийю предположил, что *kolobi* Египта могло быть тяжелым вином Файюма или Мареи. [40] Можно было бы вообразить, что *kolobi* делали не из винограда, и тогда его, пожалуй, можно было бы сравнить с тем родом пива, который греки называли *kumi*. [41] Я склонен думать, что это питье, столь тяжелое и делавшее царя после попойки неспособным к работе, не было натуральным вином. Быть может, в нем можно видеть то странное вино, о котором говорит Плиний, [42] с греческим названием *ekbolas*, которое, пожалуй, отдаленно созвучно египетскому слову *kolobi*. Или же это могло быть одно из тех вин, столь насыщенных хмелем, что они действовали на пьющего так же, как водка. Исходя из этого второго предположения, я и решил передать *kolobi* неточным словом «водка». [43]

[40] *Revue égyptologique*, т. I, с. 65, прим. 1; в своей статье в т. X, с. 2, он высказывается за вино Файюма.

[41] Диоскорид, *Materia Medica*, т. II, гл. 109 и 110.

[42] Плиний, *Historia Naturalis*, XIV, 18.

[43] Г-н Грофф высказал мнение, что *kolobi* было вареным вином высшего качества (*Note sur le mot Kaloui du Papyrus Égypto-Araméen du Louvre*, в *Journal Asiatique*, 8-я серия, т. XI, с. 305, 306).

Действие происходит на озере, но не на Мареотийском, думаю я, [44] и не на каком-либо из естественных озер Дельты. Слово *shi*, озеро,

постоянно прилагается в египетских писаниях к искусственным водоемам, украшавшим сады знатных и богатых. [45] Благочестивое пожелание, часто высказываемое умершим, состояло в том, чтобы им, как высшая милость, было дано гулять в мире по берегам пруда, вырытого в их саду, и не нужно долго прожить в Египте, чтобы понять такое желание. Росписи фиванских гробниц показывают умершего сидящим на краю своего пруда, и многие росписи доказывают также, что пруды часто устраивали близ виноградников и плодовых деревьев. Одна из волшебных историй в сказке о Хеопсе показывает нам, что в царском дворце был свой *shi*, как и в домах частных лиц. Обычно они были весьма умеренных размеров, хотя пруд Снофру был окружен цветущей местностью и был достаточно велик, чтобы по нему могла плавать ладья с двадцатью женщинами и кормчим. [46] Поэтому автор демотического повествования лишь упоминает мелкую черту повседневной жизни, когда описывает, как Яхмос пьет вино на озере своего загородного дворца и проводит ночь в беседке у воды. [47] Одно место у Плутарха, где говорится, что Псамметих первым стал пить вино, [48] по-видимому, показывает, что Яхмос был не единственным, кто предавался подобным привычкам. Быть может, о Псамметихе рассказывали те же истории о пьянстве, какие здесь приписаны одному из его преемников; автор, у которого Плутарх заимствовал свои сведения, должно быть, знал «Рассказ о моряке» или повесть того же рода, где Псамметих играл роль хмельного фараона. Рассказы Геродота по крайней мере показывают, что в персидскую эпоху Амасис был тем саисским царем, которому приписывали самые недостойные поступки. Я считаю эти истории естественным следствием неприязни, которую питали к нему жреческое сословие и сторонники древнего саисского рода. Были ли у этих слухов

какие-нибудь основания или же истории, рассказанные Геродотом, были лишь недоброжелательным преувеличением царских слабостей? Египетские писцы бывали красноречивы, когда рассуждали о пьянстве, и охотно предостерегали своих учеников и подчиненных от домов альме и мест, где пили пиво. [49] Пьянство не было редким пороком среди людей знатных и даже среди женщин; живописцы, расписывавшие гробницы Верхнего Египта, не колеблясь изображали его последствия с величайшей точностью. Итак, хотя ничто не мешает нам допустить, что фараон вроде Яхмоса имел вкус к вину, нет и ничего известного по памятникам, что показывало бы, будто он был повинен в пьянстве. За отсутствием других сведений я удовольствуюсь тем, что буду считать черты его нрава, данные в демотической повести и в рассказах, собранных Геродотом, не более достоверными, чем черты нрава Хуфуи или Рамсеса II в повестях о Сесострисе или Хеопсе.

[44] Révillout, *Premier extrait de la Chronique*, в *Revue égyptologique*, т. I, с. 65, прим. 2.

[45] Ср. выше, «Царь Хуфуи и волшебники», и примечание к «Запискам Синухета».

[46] См. выше, «Царь Хуфуи и волшебники».

[47] Wilkinson, *A Popular Account of the Ancient Egyptians*, т. I, с. 25, 38, 42.

[48] Плутарх, *De Iside et Osiride*, § 6.

[49] Папирус Анастази № IV, табл. XI, стк. 8 и след.; и *Papyrus de Boulaq*, т. I, табл. XVII, стк. 6–11; ср. Chabas, *L'Égyptologie*, т. I, с. 101 и след.

Приключение ваятеля Петесиса и царя Нектанеба

(Птолемеевская эпоха)

Греческий папирус, содержащий эту повесть, некогда входил в собрание Анастази. Приобретенный Лейденским музеем в 1829 году, он был развернут и разобран Рейвенсом, *Lettres à M. Letronne sur les Papyrus bilingues et grecs et sur quelques autres monuments gréco-égyptiens du Musée d'Antiquités de Leyde*, Лейден, 1830, in-4°, с. 76–79.

Впоследствии его полностью издал, перевел и прокомментировал Леманс, *Papyri Graeci Musei antiquarii publici Lugduni Batavi*, Lugduni Batavorum MDCCCXXXVIII, с. 122–129. С тех пор его изучали У. Вилькен, *Der Traum des Königs Nektonabos* (оттиск из *Mélanges Nicole*, с. 579–596, in-8°), Женева, 1906, 18 с., и Ст. Витковский, *In Somnium Nectanebi (Pap. Leid. U.), observationes aliquot scripsit* (оттиск из *Eos*, т. XIV, с. 11–18), in-8°, Львов, 1908, 8 с.

Форма букв и выделка папируса побудили Леманса отнести запись отрывка ко второй половине II века до н. э.; Вилькен поместил ее в первую половину того же века и приписал ее лицу, входившему в общину затворников Серапеума. Уцелевшая часть состоит из пяти столбцов неравной длины. Первый, очень узкий, содержит двенадцать строк, из которых разборчивы лишь немногие слова; но они позволяют предположительно восстановить заглавие повести: «Ваятель Петесис и царь Нектонаб». Во втором и четвертом столбцах по двадцать одной строке, в третьем — двадцать четыре. Пятый состоит всего из четырех строк, после чего повесть внезапно обрывается на середине фразы, как «Ссора Апопи и Секененры» в Папирусе Салье № 1. Писец позабавился, нарисовав под письмом смешную фигурку человека, и оставил свою повесть неоконченной.

Писавший этот отрывок не сам составил его по какой-нибудь сказке, рассказанной ему сказителем по ремеслу: ошибки, которыми полон текст, показывают, что он был списан, и притом с

плохой рукописи. Египетские слова, встречающиеся в дошедшей до нас редакции, указывают, что прообраз был написан по-египетски. Ваятель Петесис нам неизвестен. Царь Нектанеб, имя которого здесь огласовано как Нектонаб, славился у греков александрийской эпохи как маг и астролог; поэтому он, как никто, подходил для такого сна, какой дан ему в повести. Демотический папирус, из которого я взял «Рассказ о моряке», содержит длинные проклятия против него. Роман об Александре, написанный гораздо позднее Псевдо-Каллисфеном, представляет его отцом Александра Великого вместо Филиппа Македонского. Лейденская повесть, записанная, быть может, через двести лет после его смерти, — пока самая ранняя из известных нам более или менее вымышленных историй о нем, ходивших в древности и в средние века.

В XVI год, в 21-й день месяца фармути, в ночь полнолуния, приходящегося на 22-е, царь Нектанеб, правивший в Мемфисе, принес жертву и помолился богам, чтобы они показали ему будущее; [50] и ему привиделось во сне, будто папирусная ладья, называемая по-египетски Рхопс, [51] прибыла в Мемфис; на ладье был великий престол, а на престоле восседала преславная, благая подательница плодов земли, царица богов Исида, и все боги Египта стояли вокруг нее, справа и слева. [52] Один из них, рост которого царь определил в двадцать локтей, выступил на середину собрания — тот, кого по-египетски зовут Онурис, [53] а по-гречески Арес, — и, простершись ниц, сказал так: «Приди ко мне, богиня богов, ты, у которой величайшая власть на земле, которая повелеваешь всем, что есть во вселенной, и хранишь всех богов; о Исида, будь милостива и выслушай меня. Как ты повелела, я неусыпно стерег страну, и, хотя до сих пор я много заботился о царе Нектанебе, Самаус, [54] в чьи руки ты отдала власть, пренебрег

моим храмом и показал себя противником моих законов. Я вне собственного храма, и работы в святилище, что зовется Ферсо, [55] оставлены наполовину недоделанными по злонравию царя». Царица богов, выслушав сказанное ей, ничего не ответила.

---

[50] Начало то же, что и в повести, которой египтяне объясняли исход евреев и которую Манефон излагает в своем сочинении. Аменофис пожелал увидеть богов, как до него Гор (Иосиф Флавий, *Contra Apionem*, I, 26), и боги, оскорбленные его желанием, предсказали ему гибель.

---

[51] В предыдущем издании этой книги (с. 255, прим. 2) я предположил, что египетским подлинником этого слова было *romes*, *rames* — название особого рода лодки (ср. примечание к «Приключению Сатни-Хамуаса с мумиями»); с тех пор Вилькен нашел в одном парижском папирусе форму Рхомпсис, более близкую к египетскому слову, чем Рхопс (*Der Traum des Königs Nectonabos*, с. 587), и то, что было лишь догадкой, оказалось действительностью. Египетское слово сохранилось в слове *ramûs*, которым в Нубии и Верхнем Египте (Burckhardt, *Travels in Nubia*, с. 247) называют челнок из тростника (ср. Maspero, *Notes d'inspection*, § 11, в *Annales du Service des Antiquités*, т. X, с. 138–141).

---

[52] Это точное описание некоторых сцен, нередко встречающихся в храмах птолемеевской и римской эпох.

---

[53] Ныне это имя принято передавать как Анхур, Анхури, Онхури. Анхури — один из многочисленных обликов бога-солнца; он был одним из богов, которых почитали в Тинисском номе и в Себенните. Его изображают в человеческом облике, с венцом из высоких перьев на голове, пронзающим копьем поверженного врага. XXX династия была себеннитского происхождения, и Анхури был ее покровителем; Нектанеб I в своем картуше называл себя Меионхури, *возлюбленный Онуриса*.

---

[54] Иероглифическое соответствие этого имени в текстах еще не найдено. Вилькен (*Der Traum des Königs Nectonabos*, с. 586–589) думает, что в нем можно узнать передачу знаменного имени Нектанеба *Тамау*, а значит, и самого государя. Но знаменное имя — не просто *Тамау*, а *Хор-тамау*, и мне кажется маловероятным, чтобы писатель пропустил столь важную часть, как имя Гора. Витковский, напротив (*In Somnium Nectanebi*, с. 14–15), как прежде него Леманс, считает Самауса именем правителя города.

---

[55] Вилькен (*Der Traum des Königs Nectonabos*, с. 589, 590) восстановил здесь часть фразы, недостающую в подлиннике. По надписям, найденным в развалинах

Себеннита, одно из главных святилищ этого города называлось Пер-Шу, «дом бога Шу» (Ahmed bey Kemal, *Sébennytos et son temple*, в *Annales du Service des Antiquités*, 1906, т. VII, с. 90); быть может, ему соответствует Ферсо.

Увидев это во сне, царь проснулся и поспешно приказал послать в Себеннит внутренний, [56] чтобы призвать верховного жреца и пророка Онуриса. Когда они прибыли в зал приемов, царь спросил их: «Какие работы приостановлены в святилище, что зовется Ферсо?» Когда они сказали: «Все окончено, кроме резьбы иероглифических надписей на каменных стенах», — он поспешно приказал разослать письма в главные храмы Египта, чтобы призвать священных ваятелей. Когда они прибыли по этому приказу, царь спросил, кто из них самый искусный и кто скорее всех сможет окончить работы, приостановленные в святилище, что зовется Ферсо. Когда он сказал это, поднялся уроженец города Афродиты, в Афродитопольском номе, тот, кого зовут Петесис, сын Эргея, и сказал, что может окончить работу в несколько дней. [57] Царь расспросил тем же образом всех остальных, и они подтвердили, что Петесис говорит правду и что во всей стране нет человека, который приблизился бы к нему в искусстве. Поэтому царь поручил ему эту работу, а также вверил ему большие суммы денег и наказал устроить так, чтобы окончить работу в несколько дней, согласно тому, что он сказал ему о воле бога. Петесис, получив много денег, отправился в Себеннит и, так как был от природы известным любителем выпить, решил повеселиться, прежде чем приниматься за работу.

[56] Себеннит назван здесь *внутренним*, чтобы отличить его от другого города с тем же именем, лежавшего близ *моря* (Wilcken, *Der Traum des Königs Nectonabos*, с. 590).

[57] Царица Хатшепсут хвалится тем, что два больших обелиска из розового гранита у входа в святилище храма в Карнаке, из которых один стоит и поныне, были добыты в каменоломнях близ Асуана, доставлены в Фивы, обтесаны,

отполированы и поставлены — все за семь месяцев. Быстрота, с какой исполнялись такие работы, была признаком мастерства, которым весьма похвалялись те, кто им обладал. Поэтому автор нашей повести вполне следует египетскому обычаю, изображая своего зодчего, который берется окончить свою работу в очень короткий срок.

И вот случилось, что, прогуливаясь в южной части храма, он встретил дочь одного изготовителя благовоний, [58] самую красивую из тех, кто славился красотой в том месте…

[58] Здесь я последовал чтению и поправке Вилькена; Витковский (*In Somnium Nectanebi*, с. 17) счел греческое слово именем девушки.

Повествование кончается как раз там, где начинается действие. Встреча Петесиса в южной части храма напоминает нам приключение Сатни на переднем дворе храма Птаха. [59] Можно, если угодно, заключить, что автор выводит здесь героиню того же склада, что и Табубу. Быть может, вся завязка строилась на несколько хвастливом обещании зодчего окончить работу в Ферсо за несколько дней. Бог Онурис, недовольный тем, что Петесис начинает священную работу с гульбы, или просто желая преподать ему урок, послал искусительницу, чтобы заставить его потерять время и деньги. Здесь открывается простор для множества догадок. Вернее всего не останавливаться ни на одной из них, а признать, что в отрывке нет ничего, что направило бы нас к событиям или к развязке драмы.

[59] См. выше, «Приключение Сатни-Хамуаса с мумиями».

Отрывки фиванской коптской версии романа об Александре

(А р а б с к а я э п о х а)

Остатки романа об Александре были найдены среди рукописей Дейр-Амба-Шенуды, приобретенных при моем посредстве в 1885–

1888 годах для Национальной библиотеки в Париже. Три листа его впервые издал У. Бурьян, *Fragments d'un roman d'Alexandre en dialecte thébain*, в *Journal asiatique*, 1887, 8-я серия, т. IX, с. 1–38, с одной таблицей; отдельно — in-8°, 36 с.

Затем, несколько месяцев спустя, еще три листа издал У. Бурьян, *Fragments d'un roman d'Alexandre en dialecte thébain (Nouveau Mémoire)*, в *Journal asiatique*, 8-я серия, т. X, с. 340–349; отдельно — in-8°, 12 с.

Вскоре после того несколько листов той же рукописи нашлись в разных европейских библиотеках. В 1891 году один лист был найден в Британском музее и издан У. Е. Крамом, *Another fragment of the Story of Alexander*, в *Proceedings of the Society of Biblical Archaeology*, 1892, т. XIX, с. 473–482; отдельно — in-8°, 10 с. Два — в Берлине; их отметил еще в 1888 году Л. Штерн (*Zeitschrift*, т. XXVI, с. 56), но издал лишь пятнадцать лет спустя О. де Лемм, *Der Alexanderroman bei den Kopten, ein Beitrag zur Geschichte der Alexandersage im Orient*, большое in-8°, Санкт-Петербург, 1903, т. XIX, 161 с. и две таблицы.

Все отрывки и их порядок, характер эпизодов и состав текста почти одновременно изучили О. де Лемм в только что названном сочинении и Р. Пичман, *Zu den Ueberbleibseln des Koptischen Alexanderbuches*, в *Beiträge zur Bücherkunde und Philologie, August Wilmanns zum 25. März 1903 gewidmet*, in-8°, Лейпциг, 1903, с. 304–312; отдельно — 12 с.

Рукопись была написана на тонкой гибкой хлопковой бумаге и имела около 18 сантиметров в высоту и 125 миллиметров в ширину. Почерк угловатый, мелкий и беглый, буквы плохо выведены, правописание неисправно, а грамматика местами погрешна. Мне кажется маловероятным, чтобы рукопись была

старше XIII века, но редакция сочинения может восходить к X или XI веку н. э.

Насколько можно судить по малому числу сохранившихся отрывков, повесть есть просто-напросто воспроизведение жизни Александра по Псевдо-Каллисфену. То, что осталось от глав об отравлении Александра, так близко к греческому тексту, что его склонны считать переводом. С другой стороны, отрывки, относящиеся к старцу Елеазару и его сношениям с Александром, ко сну Менандра и к неожиданному возвращению македонского героя в свой стан, не соответствуют тем версиям Псевдо-Каллисфена, которые изданы до сих пор. Я пришел к заключению, что между временем, когда были составлены имеющиеся у нас редакции Псевдо-Каллисфена, и временем, когда была сделана наша фиванская редакция, к роману были прибавлены разные новые эпизоды, без сомнения египетского или сирийского происхождения, и что именно эту неизвестную нам доныне редакцию отчасти и передали наши отрывки. Была ли она на коптском, на греческом или на арабском? Думаю, разбор текста позволяет легко ответить на этот вопрос. Коптские остатки имеют все признаки перевода; так, в рассказе о заговоре против Александра коптская фраза так точно следует греческому строю, что ее невозможно считать ничем иным, как переводом. До получения новых сведений я буду поэтому считать, что наш фиванско-коптский текст — прямой перевод с греческого и что мы можем надеяться когда-нибудь найти одну или несколько греческих версий, более полных, чем те, которыми мы располагаем ныне. Они, без сомнения, не выходили за пределы Египта, и потому в западных редакциях не находится и следа нескольких случаев, отчасти записанных в этих разрозненных коптских отрывках.

Порядок отрывков, приводимых на следующих страницах, тот, какой дал им О. де Лемм, и мой перевод основан на установленном им тексте.

Первые отрывки относятся к приключению, о котором не рассказывает ни одна из известных мне версий, ни восточных, ни западных. Александр переодевается гонцом, как в тот день, когда он ходил навестить царицу Эфиопии, [60] и отправляется в город, подвластный одному из ее врагов, вероятно царю ламитов. [61] Там, изложив ему свое дело, он встречает престарелого перса [62] по имени Елеазар, который уводит его к себе и рассказывает ему, что царь никогда не отпускает гонцов чужих стран, а держит их пленниками до самой смерти. Гонцы здесь же, им не терпится увидеть новоприбывшего. Там, где начинается рассказ, Александра только что представили им, и Елеазар рассказал ему об участи, которая его ждет.

[60] У Псевдо-Каллисфена (II, 14) он переодевается Гермесом, чтобы пойти ко двору Дария.

[61] Это по крайней мере весьма вероятная догадка, которую подсказал Лемму остальной текст (*Der Alexanderroman*, с. 20).

[62] Согласно весьма остроумной догадке Лемма (*Der Alexanderroman*, с. 22, 23), слово *старец* в коптском — буквальный перевод греческого подлинника πρέσβυς; Елеазар на деле был персидским послом при царе ламитов.

Он сказал Александру: «Спроси каждого из них: Сколько времени ты в этих краях?» Первый из них сказал: «Послушай меня, брат мой. Я из страны Фракийской, и вот, сорок лет назад я пришел сюда; ибо я был послан с письмами в эту страну». Второй сказал: «Что до меня, брат мой, вот, я провел двадцать два года с тех пор, как пришел в землю Лектуменоса». [63] Третий сказал ему: «Вот, шестьдесят шесть лет назад я пришел в это место, ибо я был послан с письмами от моего господина, царя …ес. Итак, утешься».

Елеазар сказал Александру: «…Я слышал, что сын царя ныне царь. А ты, брат мой, никогда больше не увидишь своего господина, своего царя, вовеки». Александр горько заплакал. Все, кто видел его, дивились на него, и некоторые из них говорили: «Он только что прибыл, и сердце его еще горячо в нем». Елеазар, старый перс, взял Александра; он повел его в свой дом. Гонцы пошли за ними и сели; каждый из них говорил о своей стране и плакал о своей семье, и они плакали над Александром. Когда он плакал… господин мой… Елеазар сказал…

---

[63] Если это не выдуманное слово, составленное из обрывков, то во всяком случае надо признать, что коптский переписчик странно исказил имя жителей той области по сравнению с греческим подлинником. *Lektumenos*, произносимое *Lekdumenos*, содержит почти все элементы греческого *Lake-dæmonios*. Думаю, речь идет о посланце из Лакедемона.

Я не знаю в точности, что случилось после этого. Можно сказать, что Александру удалось взять город ламитов и освободить пленников.

На обороте листа мы уже в гуще нового приключения, героем которого выступает некий Антипатр. Этот Антипатр, по-видимому, сын одного из гонцов, бывших у ламитов, а сам гонец был царем города, в котором теперь царствовал Антипатр. Отец, освобожденный Александром, подозревая, что за долгий плен его забыли, не хотел открыто возвращаться в свои владения.

Он надел одежду нищего и сказал: «Я испытаю всех почтенных людей, [64] что в городе, и узнаю, что они делают». И вот он вошел в город и сел перед домом царя. Царь никогда его не видел, он знал лишь, что семьдесят семь лет его отец был у ламитов. Поэтому он не заговорил со стариком, ибо не знал, что тот его отец, а старик со своей стороны не знал, что это его сын, — человек, что сидел там, закутанный в плащ. Но вот к нему обратилась женщина и

сказала ему: «Антипатр, отчего ты не пойдешь искать своего отца? Ведь я слышала, будто о ламитах говорят, что Александр стал их господином и что он отпустил всех гонцов». Юноша сказал: «Отец мой умер, и наверняка больше сорока лет назад… Так как отец мой ушел до того, как я появился на свет, и мать моя рассказала мне историю моего отца…»

[64] Здесь в тексте стоит слово *apa*, произносимое *amba*, которое в коптском прилагается к монашествующим. Это еще одно доказательство, вдобавок к тем, что у нас уже есть, египетского и христианского происхождения этого эпизода.

Три следующих листа переносят нас в Гедросию. Александр попал, неизвестно по какой беде, в руки царя этой страны, и тот приговорил его к сбрасыванию в Хаос, [65] пропасть, куда бросали преступников. Один из гедросийских советников, Антилох, тщетно пытался смягчить приговор; получив поручение его исполнить, он ведет переговоры с Александром и старается найти какое-нибудь средство его спасти. Из первых строк отрывка видно, что это случилось оттого, что Александр оплакивал свою участь, восклицая: «Чего бы я не сделал для того, кто бы меня спас!» — и Антилох услышал это, войдя в темницу.

[65] Текст дает то *Chaos*, то *Chaosm*. Это ошибочное чтение коптского переводчика. В греческом подлиннике, очевидно, было *khasma*, «пропасть», которое под пером малосведущего писца стало именем собственным.

Когда Антилох услышал его, он тотчас пошел к Александру и сказал ему: «Если я поговорю с царем, чтобы он тебя отпустил, что ты сделаешь для меня?» Александр сказал ему: «Увижу ли я тебя когда-нибудь, когда выйду на свободу в моем городе? Если так, половину моего царства возьми у меня с сего дня». Антилох дал ему чернил и бумаги, и он написал так: «Престолом моего царства и моей жизнью клянусь: если ты спасешь меня, все, что ты у меня попросишь, я тебе дам». Тогда Антилох поспешно послал к стражу

Хаоса и сказал ему: «Возьми у меня три таланта золота на условии, которое я сейчас тебе скажу. Царь велел бросить Александра в Хаос, но, когда его приведут к тебе, спрячь его в своем тайнике, а в Хаос брось камень величиной с него, чтобы мы услышали это, мы и те, кто с нами. Если ты так поступишь, ты будешь жить и найдешь милость у меня, а когда тот человек придет к тебе, ты найдешь корзин вдоволь, и он даст тебе многочисленные подарки». Они дали друг другу обещание, и Антилох вернулся домой. Когда рассвело, Антилох связал Александра. Александр следовал за Антилохом, пока они не пришли к краю Хаоса, и он увидел его своими глазами. Александр, у которого иссякла мощь и изменила сила, поднял глаза к небу и сказал тем, кто держал его: «Позвольте мне, братья мои, взглянуть на солнце». Александр плакал, говоря: «О солнце, дающее свет, увижу ли я тебя снова завтра утром?» Его ввели внутрь, и Антилох сказал ему: «Возьми вина и хлеба и поешь, прежде чем увидишь Хаос». Александр сказал: «Если это последний хлеб, который я съем, я не стану его есть». Но Антилох сказал ему тихим голосом: «Ешь и пей. Душу твою я спасу. Ибо мы уже условились об этом способе: когда схватят камень и бросят его вниз, крикни громким голосом, чтобы мы слышали, будто это ты». Антилох вышел с десятью воинами; Антилох сказал: «Выйдем, чтобы глаза наши не видели его беды!» Они схватили камень, Александр закричал громким голосом. Антилох сказал, плача, тем, кто был с ним: «О беда царя Александра и нищета славы этого мира!» Тогда Александра страж Хаоса отвел обратно в город.

Пробел, отделяющий этот отрывок от следующего, не может быть велик. Страж Хаоса, отведя Александра обратно в город, запирает его в тайнике, как было условлено; со своей стороны Антилох спешит к царю, чтобы дать отчет о своем поручении, и

весть о том, что Александр умер, разносится повсюду. Впечатление, произведенное этой вестью, таково, что сам царь встревожен и жалеет, что погубил героя.

«…Александр умер в Хаосе», — восклицали все, кто слышал это; услышав их, царь весьма опечалился и сокрушался вместе с царицей и с Антилохом и сказал: «Я раскаиваюсь, что бросил того великого царя в Хаос, и боюсь, как бы его войско не пошло на нас». Антилох сказал ему: «Я устал молить тебя: „Отпусти его“. А ты не дал себя убедить, чтобы послушать меня, и не склонил ко мне лица своего». Царь сказал: «Отчего ты не нашел какого-нибудь способа отослать его прочь?» А ночью Александра отвели в дом Антилоха, его приняли, спустили в яму и дали ему все необходимое. По всей стране разнеслась весть: «Александр умер», — и все, кто слышал это, оцепенели, словно камень, из-за того, что случилось.

После того Менандр увидел сон такого рода, и было ему видение вот какое: он увидел льва, закованного в железо, которого бросали в ров. И вот некий человек сказал ему: «Менандр, отчего ты не спускаешься вместе с этим львом, раз пурпур его пал? Встань же и возьми его за ворот его пурпура». Он поспешно встал и обратился к Селфарию, а также к Диатрофе, говоря: «Вы спите?» Они сказали: «Что случилось, о первый из философов, [66] Менандр?» Он сказал, плача: «Сон, который я видел, обратится против врагов Александра, ибо видение тех, кто ненавидит его, прошло передо мной во сне, и я окаменел от горя». Менандр сказал им: «Лев, которого я видел, — это царь». Пока они обменивались этими словами до утра, вот пришел гонец к Селфарию, Менандру и Диатрофе, крича и плача, и сказал им: «Кто услышит те слова, что слышал я, и промолчит? Страшно их сказать, позорно их вымолвить». Менандр сказал: «Что это за

речь, сын мой? Я уже знаю, что случилось с царем Александром». Гонец сказал им: «Люди, достойные смерти, подняли руку на нашего господина царя в Гедросии и убили его». Менандр взял свое пурпурное одеяние и разорвал его; Селфарий и Диатрофа разорвали свои хламиды, они сокрушались, и все они вели себя так, словно случилось землетрясение. Диатрофа сказал: «Я пойду и принесу вести о моем господине». Он взял с собой хилиарха [67] и трех воинов, и они пошли в Гедросию, услышали вести, узнали все, что случилось, и вернулись в стан, и рассказали Менандру, повторили ему это со стонами и слезами, говоря: «…

[66] Я восстановил текст так по образцу византийских титулов — протоспафарий, протостратор, протовестиарх, протоносокомос и протонотарий. Г-н де Лемм предпочитает восстановить титул *протофилос*, первый друг (*Der Alexanderroman*, с. 68–69, 132–133), что не менее вероятно.

[67] Поврежденное слово, в котором я, кажется, могу узнать *хилиарх* — название начальника тысячи человек.

Три лица, выведенные здесь, обычно не числятся среди спутников Александра. Двое из них, Селфарий и Диатрофа — мужчина, несмотря на женскую форму имени, — совершенно неизвестны. Мне кажется, что Менандр — это комический поэт того же имени, чьи нравоучительные изречения, взятые из его комедий, приобрели столь великую славу в христианском мире; титул, который он носит, — Первый из философов или Первый из друзей, — показывает нам, что предание отводило ему высокое место среди множества ученых мужей и писцов, сопровождавших Александра на Восток. И в самом деле, он, по-видимому, пользуется немалой властью над окружающими, ибо это он вместе с Селфарием принимает меры, необходимые в этих обстоятельствах; на двух или трех страницах, ныне утраченных, он объявляет войску весть о смерти Александра, приказывает

носить траур и идет осаждать город, где совершено преступление, чтобы добиться отмщения. Тем временем Антилох, пользуясь раскаянием царя, сказал ему, что Александр еще жив, и приключение кончается соглашением, по которому македонянин получает свободу при условии, что забудет нанесенную ему обиду. Зная, что его войско считает его мертвым, он пожелал испытать верность своих подчиненных и переоделся, чтобы свободно смешаться с ними.

Когда настал вечер, Александр взял снаряжение простого воина и вышел, чтобы идти в стан. А Селфарий запретил в своем воззвании, чтобы кто-либо пил вино или одевался в красивые одежды в течение сорока дней траура в честь царя Александра. И вот Александр пришел и увидел Агриколая, царя персов, растянувшегося на своем ложе, который говорил своим людям: «Вставайте же, люди отважные, ешьте и пейте, ибо спало с вас ярмо, этот Александр, которого убили. Что же у вас на сердце? Я не позволю вам оставаться так, рабами Македонии и Египта». [68] Александр сказал про себя: «Нет, право, не сегодня ты будешь есть и пить, превосходный человек, столь довольный собой». И вот он встал и сказал им: «Отчего ты не ешь и не пьешь? Ибо умер тот, кто заставлял вас умирать в этих войнах; теперь, когда его самого заставили умереть, радуйтесь, будьте полны счастья». Они сказали ему: «Ты безумен». И, сказав это, принялись бросать в него камни. Александр прятался до середины ночи; потом он пошел в дом Антилоха, сел на Хирона [69] и отправился туда, где был Менандр, ибо глаза того отяжелели от сна. Он сказал Менандру, Селфарию и Диатрофе: «Вы — моя сила». Менандр сказал: «Отец мой, что это? Неужто ложь то, что я слышал о тебе?» Когда они замолчали, он начал говорить: «Я и вправду Александр, которого убили люди Гедросии, но Антилох вернул мне жизнь; Хирон,

расскажи им, что со мной случилось». Когда рассвело, он сел на престол своего царства. Тогда Александр велел глашатаю возвестить, говоря: «Царь Александр прибыл». И тотчас пришло множество народа. Пришел и сам Агриколай и сказал: «Мы увидели твое лицо, и мы живы». Царь Александр сказал ему: «Так ты, значит, проснулся от вчерашнего своего хмеля, когда говорил: „Ярмо Александра снято с нас; ешьте, пейте“». Тогда царь велел отрубить ему голову мечом; царь сказал: «Возьми же теперь уксуса вместо вина, которое ты пил, пока не опьянеешь от него». Потом царь Александр сказал: «Приведите ко мне илархов», [70] — и их привели к нему…

[68] Не надо забывать, что, по роману, Александр — сын Нектанеба, то есть египетского царя. Повиноваться ему — значит повиноваться Египту так же, как Македонии.

[69] Это, должно быть, кентавр Хирон, ибо позднее Александр говорит: «Хирон, расскажи им, что со мной случилось». Так можно сказать лишь существу, наделенному человеческим голосом, каким был кентавр. Сама замена Буцефала Хироном указывает на позднюю пору: такое смешение могло произойти лишь во время и в стране, где древнее предание было уже во многом забыто.

[70] Слово *Alarichos*, встречающееся в тексте, я считал именем человека. Лемм (*Der Alexanderroman*, с. 86) понял его как титул *иларх* — начальники македонской конницы.

Селфарий — герой следующего отрывка, но я не вижу у Псевдо-Каллисфена ничего похожего на то, что мы находим в коптском тексте. Разбитый в первом походе против персов и готовясь снова выступить на войну, он диктует свое завещание.

«Тогда они ушли. Они услышали имя… Иеремии… твое здоровье… царь, вот что ты сделаешь: тому, кто принесет тебе мое письмо, будь милостив к нему и отпусти его, чтобы он ушел со всем, что у него есть. Приветствую… военачальника; приветствую Иеремию и Драконтия, приветствую Сергия и Филею. Сын мой,

кто приложит уста твои к моим устам, глаза твои к моим глазам, мои руки к твоим волосам? Птицы небесные, что летают, наполняют клювы плодами полей и приносят их в клювах своим птенцам; а они, птенцы, радуются присутствию родителей из-за пищи, которую те им припасли, и бьют своими крылышками, и так малые птицы показывают свою нежность. Ты сам, Филея, мой родной сын, вспомни час, когда я ушел из… Во сне он увидел гибель нашего великого господина Александра… Да отдохнет Александр, наш царь, хоть мгновение; подумай… о моей силе ради тебя. Я сражался… с Окианом и одолел его, но не смог одолеть доблести персов; они оказались сильнее и победили меня. Я, Селфарий, написал это своей рукой; когда ты вырастешь, посмотри на это, и обрати на это внимание, прочти это и повтори со слезами и стенаниями. Я написал строки моего завещания слезами моих глаз вместо чернил, ибо места, где я пил, стали пустынями, и места, где я отдыхал, стали безлюдны. Приветствую вас, одного за другим, братья мои; прощайте, возлюбленные мои, и помните меня».

Написав это, он отдал бумагу Александру, и Александр заплакал и отвел глаза, чтобы Селфарий не увидел его. Александр сказал…

Следующий эпизод напоминает одно из самых любопытных мест Псевдо-Каллисфена, где Александр, дойдя до пределов страны мертвых, хочет войти в нее и погрузиться во тьму, что отделяет ее от земли живых.

Он дивился красоте сада, из которого вытекали четыре реки — Фисон, Гихон, Тигр и Евфрат; они пили воды и радовались, ибо воды были сладки. Тогда они увидели густую тьму и сказали: «Мы не можем войти туда». Менандр сказал: «Возьмем кобылиц, что недавно ожеребились, сядем на них, а жеребят их оставим позади,

когда погрузимся во тьму». Они дивились, ибо было очень темно, так что они не могли видеть лиц своих товарищей. Александр сказал: «Пойдемте со мной ты, Менандр, а также Селфарий и Диатрофа». Они сели на четырех кобылиц, а жеребята их остались на свету, так что каждый слышал голос другого, и они погрузились во тьму. Но они услышали голос, который сказал: «Александр и Менандр, а также Селфарий и Диатрофа, почитайте себя счастливыми, что проникли так далеко». Александр сказал: «Я не почту себя счастливым, пока не найду того, что ищу». Он продвинулся немного вперед и остановился со своей кобылицей. Голос сказал ему во второй раз: «Почитай себя счастливым, о Александр». Но Александр не хотел останавливаться; он посмотрел под ноги своим коням и увидел какие-то огоньки. Александр сказал: «Возьмем эти огоньки, ибо это драгоценные камни». Селфарий протянул руку и взял четыре, Менандр три, Диатрофа два; а Александр протянул левую руку и наполнил ее и взял три камня правой рукой, и тотчас левая рука его стала как правая, и, когда он шел на войну, с того часа он сражался обеими руками. Александр почуял сильное благоухание, но голос в третий раз достиг ушей Александра: «Почитай себя довольным, о Александр. Когда конь слишком спешит в беге, он спотыкается и падает». И голос заговорил снова: «Спрашиваю тебя: чего ты желаешь?» Александр сказал: «Дай мне власть над всей землей, и пусть враги мои покорятся мне». Голос сказал ему: «Так как ты не попросил долгой жизни, а лишь власти над всем миром, вот весь мир, ты увидишь его своими глазами и будешь его господином; но, когда утро прольет свой свет, тогда…»

Голос, вероятно, возвещал скорую смерть, но хитростью или мольбой Александру удалось добиться продления жизни, которым он воспользовался, чтобы посетить брахманов в их

стране. В одном из имеющихся у нас листов есть описание их одежды, нравов и обычаев; но строки так повреждены, что связного текста из них составить нельзя. Все, что удается разобрать, показывает, что речь идет о стране гомеритов, о Калане, имя которого изменено в Калинас, об Индии, о ложах из листьев, которыми пользовались гимнософисты, и об их наготе; но связь между этими скудными крохами проследить нельзя.

Последний из найденных нами отрывков принадлежит к концу сочинения. Он рассказывает в выражениях, сильно напоминающих выражения Псевдо-Каллисфена, о кознях, предшествовавших смерти Александра, и о том, как Антипатр приготовил и поднес яд, от которого умер герой.

Он унял ярость Олимпиады и ее гнев на Антипатра, послав Кратера в Македонию и Фессалию. Когда Антипатр узнал о гневе Александра — ибо он узнал о нем от людей, уволенных с военной службы, — Антипатр замыслил убить Александра, чтобы избежать великих мук; ибо он слышал и знал, что Александр замышлял против него за его надменность и его козни. А Александр послал за отрядом лучников, весьма многочисленным, чтобы тот пришел в Вавилон. Среди них был сын Антипатра по имени Иулий, который прислуживал Александру. Антипатр приготовил смертоносное питье, силы которого не мог выдержать ни один сосуд, ни медный, ни глиняный, но все разлетались на куски, едва оно их касалось. Приготовив его, он поместил его в железный сосуд и отдал Кассандру, своему сыну, которого послал пажом к Александру. Когда Кассандр пришел в Вавилон, он застал Александра за принесением жертвы и приемом тех, кто приходил к нему. Он поговорил с Иулием, своим братом, ибо тот был первым виночерпием Александра. А случилось за несколько дней перед тем, что Александр ударил прислужника Иулия посохом по голове,

когда тот сидел, по причине, происшедшей от нерадения; за это юноша был в ярости и охотно объявил себя готовым совершить злодеяние. Он взял с собой Месия Фессалийца, друга Александра и одного из его судей, которого тот наказал за злоупотребления в должности, и они уговорились между собой дать Александру выпить яд.